

Джонатан
Филипс

■ Джонатан Филипс ■

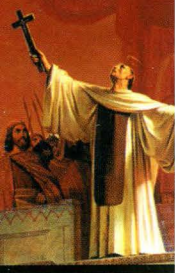
ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Что заставило европейских рыцарей
разграбить Константинополь?

ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

*Событие, окрашенное жестокостью
и решительностью,
разворотом и алчностью...*

Джонатан
Филипс

■ Джонатан Филипс ■

ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
МОСКВА

УДК 94(4)“04/14”
ББК 63.3(4)4
Ф53

Jonatan Phillips
THE FOURTH CRUSADE

Перевод с английского А. Воскресенской

Компьютерный дизайн Е.А. Коляда

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Felicity Bryan Ltd и Andrew Nurnberg.

Подписано в печать 19.10.10. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 26,88. Тираж 3000 экз. Заказ № 2506

Филиппс, Д.

Ф53 Четвертый крестовый поход / Джонатан Филиппс; пер. с англ.
А. Воскресенской. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 509, [3] с.

ISBN 978-5-17-057043-0 (ООО «Изд-во АСТ»)

ISBN 978-5-271-32054-5 (ООО «Изд-во Астрель»)

Четвертый крестовый поход, снискавший печальную славу...

Крестоносцы захватили и разграбили Константинополь — и это стало началом конца Византийской империи.

Но что заставило «воинов Христовых» пойти на такое? Неприятие восточного православного христианства, которое они считали ересью?

Банальная жажда наживы?

А может, европейские рыцари оказались обычными жертвами шантажа давнего врага Византии — Венецианской республики?

Джонатан Филиппс, опираясь в своей работе на множество документов, позволивших исследовать не только историю, но и предысторию Четвертого крестового похода, дает в своей книге весьма неожиданный ответ на эти вопросы.

УДК 94(4)“04/14”
ББК 63.3(4)4

© Jonatan Phillips, 2004

© Издание на русском языке AST Publishers, 2010

От редакции

Четвертый крестовый поход относится к событиям, перевернувшим историю не только Европы, но и всего мира. Падение Константинополя не уничтожило Византийской империи, возродившейся в виде империи Никейской, но серьезно нарушило баланс сил на Ближнем Востоке. С этого момента между католиками и православными в Азии окончательно пробежала черная кошка, и о каком-то союзе для борьбы за Палестину не могло быть уже и речи. Этот поход завершил героическую эру борьбы за Святую Землю, оставив вместо нее лишь голую прагматическую политику, изредка приправленную религиозным фанатизмом, подобно злобастым предприятиям Людовика Святого.

Джонатан Филипс — старший преподаватель истории Средних веков в Ройал Холлоуэй (одна из основных структур Лондонского университета), автор книг «Защитники Святой земли: взаимоотношения между латинским востоком и западом, 1119–1187» (1996) и «Крестоносцы, 1095–1197» (2002), а также популярных статей и текстов радио- и телепередач, в том числе для газеты «Индипендент», Би-Би-Си и Исторического телеканала канала США. Подробно, опираясь в первую очередь на источники (как европейские, так и византийские), автор книги исследует не только историю, но и предысторию Четвертого крестового похода, показывает, какое влияние традиции крестовых походов оказывали на средневековое общество, как они отражались в психологии европейцев того времени. К сожалению, в отличие от Европы, он практически не уделяет внимания описанию предшествующих событий в Византии, что очень мешает понять, почему же империя оказалась столь бессильна перед нападением крестоносцев. Между тем сам факт, что латиняне, захватив европейскую часть Византийской империи, оказались полностью беспомощны перед проблемами, с которыми византийцы худо-бедно справлялись, говорит о том, что дело здесь не в низких боевых качествах греков — или, по крайней мере, не только в них.

Джонатан Филипс не отрицает разбойничьего поведения крестоносцев и преступлений, совершенных ими при разграблении Константинополя — причем являвшихся таковыми даже с точки зрения не слишком щепетильной средневековой морали. Однако нельзя не заметить, что он постоянно старается если не оправдать действия своих персонажей, то хотя бы найти им более или менее уважительное объяснение.

Действительно, захватнические походы были в традиции средневековья, и вряд ли стоит судить людей той эпохи по меркам наших дней. Однако для XIII века существовали другие законы, которые, по идее, должны были соблюдаться неукоснительно. Мерилом вещей являлась вера — а ведь крестоносцы взяли на себя обет отправиться в Палестину ради священной войны.

По сути, единственным оправданием отклонения маршрута в сторону Константинополя была нехватка средств для организации крестового похода, а оправданием самой осады — необходимость восстановить справедливость и вернуть престол царевичу Алексею, сыну свергнутого императора Исаака Ангела. Однако ни то, ни другое исполнено не было. Ограбив Константинополь, крестоносцы оставили его (и европейскую часть империи) себе — а необходимость удерживать новые земли привела к отказу от похода в Палестину. Обет остался невыполненным — то есть все оправдания совершенных преступлений стремлением к его выполнению разом теряют свою силу. Тем более что и поход, и нападение на Царь-город совершились без разрешения римского папы и даже вопреки его прямому запрету. Таким образом, оправдать деяния крестоносцев религиозными мотивами нельзя.

А какими можно? Автор подробно разъясняет нам, что крестоносцы просто оказались в безвыходной ситуации: они заключили с Венецией договор на перевозку войск в Палестину — а средств, чтобы оплатить контракт, собрано не было. Венецианцы

точно так же попали в ловушку: они бросили все силы и средства на перевозку войск и постройки дополнительного флота, в результате понесли убытки по другим направлениям, и эти убытки надо было как-то возмещать...

Но почему ответственность за коммерческие убытки должен нести кто-то, помимо самих организаторов предприятия? Из даваемых Филлипсом описаний очевидно, что Виллардуэн и его посольство проявили вопиющую безответственность, заявив совершенно нереальное число участников похода — 35 000. При этом у них не было никакой гарантии, что все участники похода смогут оплатить проезд. Судя по всему, они рассчитывали на «спонсорскую помощь» европейских монархов, которой в реальности не оказалось.

Венецианцы, заключая контракт, должны были как минимум задуматься — а не слишком ли большую цифру назвал им Виллардуэн? Но, охваченные жаждой наживы, она не только подписали сомнительный контракт, но и пошли на огромный риск, сразу же начав работы по его осуществлению.

Однако куда важнее оказалось то, что венецианцы (и лично дож Дандоло) элементарно пожадничали, заломив несусветную цену: расценки за перевоз в Палестину у них оказались *выше*, чем у всех возможных конкурентов. Логично, что многие направляющиеся в Палестину воины Креста решили не платить лишнего, а воспользоваться услугами тех же генуэзцев. В результате потенциальное число венецианских «клиентов» еще более уменьшилось — и стоимость проезда на одного паломника еще больше возросла. То есть главной причиной финансовых неурядиц похода стали жадность и нераспорядительность, вполне типичные и для нашего времени...

Наконец, нельзя забывать и религиозный аспект. Крестовый поход был организован во имя веры, его участники дали обет приложить все силы для освобождения Гроба Господня. Высшим авторитетом в этом деле для них являлся папа римский, наместник Господа на земле. А папа поход не одобрил. Об этом было хорошо известно, и часть крестоносцев отказалась от участия в несправедливом с христианской точки зрения деле уже на этапе экспедиции в Зару.

Да, у остальных было универсальное оправдание — они пытались любой ценой довести до конца начатое ими святое дело. Но любая попытка исправить последствия ошибочных и несправедливых действий еще более несправедливыми средствами и надежде, что результат покроет все моральные и материальные издержки, обычно лишь усугубляет беду. Так азартный игрок, отчаянно пытаясь отыграться, залезает в еще большие и большие долги.

В итоге назначенная задача крестоносцев так и не была выполнена. Крестовый поход не состоялся — ограбив Константинополь и расплатившись с венецианцами, его участники отказались отправиться в Палестину. Они предпочли остаться в Греции, чтобы охранять и защищать захваченное. А отсюда следует простой и однозначный вывод: стяжательство перевесило и духовные стимулы, и даже обет креста, принесенный своему Господу.

А ведь для средневековых стяжание материальных благ и обман Господа — нарушение данного ему обета — были куда большими преступлениями, нежели с точки зрения современной морали. Поэтому ссылка на средневековые нормы и обычаи никак не может служить оправданием действиям крестоносцев, а скорее является дополнительным обвинением в их адрес.

Другое дело, что лидеры Четвертого крестового похода продемонстрировали вполне современное умение работать в информационном поле, ловко жонглируя понятиями и выдавая алчность за рыцарскую добродетель. Фактически, Четвертый крестовый поход ознаменовал собой конец Высокого средневековья. На смену ему шла новая эра, в которой ценности высшего порядка окончательно превратились в выписку, лишь прикрывающую голый прагматизм.

ДЖОНАТАН ФИЛИПС

**ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ
ПОХОД И РАЗГРАБЛЕНИЕ
КОНСТАНТИНОПОЛЯ**

Тому и моим родителям

Благодарности

При написании этой книги мне помогали многие люди. Огромной поддержкой при исследованиях стало для меня гостеприимство, оказанное доктором Кристофером Мейером из Базеля, а также профессором Исином Демиркентом и доктором Эбру Алтаном из Стамбула — равно как и их готовность поделиться своими познаниями. Организационную помощь оказали Фусун Эрсак и Клар Лиллун-айт-Панч. Очень важными для окончательного оформления собственных представлений и расстановки некоторых акцентов стали дискуссии с Мэтью Беннеттом, доктором Линдой Росс, доктором Меравом Мэк, Паташей Хогстон, доктором Маркусом Буллом, Нейлом Блэкберном, доктором Пенни Коулом и профессором Джонатаном Рейли-Смит. Доктор Томас Эбонж с самого начала работы давал логичные и энергичные советы. Доктор Джонатан Харрис, Эдвин Фуллер и доктор Кристофер Майер прочитали всю рукопись или ее части, и их наблюдения и замечания были неоценными. Разумеется, все оставшиеся ошибки — моя личная вина. Я признателен доктору Эммету Салливану за великолепные фотографии, которые приведены здесь. Салли Торноу, Каролин Кэмпбелл, Сюзан Тарлин и Дэвид Ваткинсон, а также Остин и Джеппи Роуз, доктор Ян и Дана Дженкинс, Энди и Джеки Гриффитс, Лиза и Джон Барри выражали всяческое ободрение и создавали важный баланс между педагогической работой и всем остальным.

Я весьма рад возможности выразить признательность своему агенту Катарине Кларк за деликатное руководство и постоянную поддержку, а также ее американской коллеге Эмме Парри за ее старания и Венди Вольфу из «Viking Penguin» за добросовестность. Редактор «Jonathan Cape» Уилл Салкин оказал мне неоценимую помощь, проявив при работе над этой книгой терпение и конструктивность. Трудно переоценить и работу Йорга Хенсена, Хлоэ Джонсон-Хилл, Рос Портер, Хилари Редмон и Мэнди Гринфилд.

Я глубоко признателен Ники за искреннюю любовь и приверженность к нашей необычной совместной жизни. Я счастлив посвятить эту книгу дорогим родителям и чудесному сыну Тому.

Замечания по терминологии

Большая часть крестоносцев, отправившихся в октябре 1202 года из Венеции, была родом из различных районов Франции. Сюда входили жители Блуа, Шампани, Амьена, Сеп-По, Иль-де-Франс и Бургундии. Однако немалая часть ополчения происходила из других частей Европы. Так, к примеру, крупное войсковое соединение выставила Фландрия, находившаяся в вассальной зависимости от короля Франции. Подобным же образом вождь крестового похода Марк Бонифаций Монферратский возглавлял отряд своих земляков, выходцев из Северной Италии. Прочие заметные войсковые единицы, включая людей, возглавляемых епископом Мартином из Пейна и епископом Конрадом из Халберштадта, происходили из Германской империи.

Учитывая многонациональный состав крестоносной армии, мне кажется не вполне уместным приводить указание на конкретную нацию всякий раз, когда упоминаются крестоносцы. Поэтому из соображений краткости и стиля в качестве общего термина, включающего всех перечисленных крестоносцев, я использовал слово «французы» (*French*). Если же речь пойдет о некоем особом контингенте, это будет оговариваться специально.

В походе также приняло участие немалое количество венецианцев — но, образуя обособленную группу, они по мере возможности различаются мной от означенных «французов». Такие общие термины, как «крестоносцы» или «уроженцы Запада» будут применяться к армии в целом, включая как французские, так и венецианские силы. Термин «франки» (*Franks*) относится к тем, кто поселился на Святой Земле после Первого крестового похода (1095–1099), и к их потомкам.

ПРОЛОГ

Коронация императора Балдуина

16 мая 1204 года ознаменовало важный момент в средневековой истории и дало встряску привычному устройству мирового порядка. Более восьми веков следующие один за другим византийские императоры господствовали над огромной и сложно устроенной империей, но эта власть была уничтожена армиями Четвертого крестового похода — благочестивыми воинами католической церкви. Теперь на трон в огромном соборе Святой Софии воссел уроженец Северной Европы, которого провозгласила правителем небольшая конгрегация западных рыцарей и торговцев.

Греки были далеко от своей столицы, спасаясь бегством от ужасов, что учинили беспощадные воины, столь жестоко разграбившие их великую метрополию. Уроженцы же Запада были уверены, что господь одобрил их битву, и теперь они испрашивали его благословения. Под парящим куполом Святой Софии замерли последние слова католической мессы, завершая церемонию коронации Балдуина Фландрского, ставшего первым императором Константинополя из крестоносцев.

Сам Балдуин преобразился. Будучи могущественным дворянином, он привык обладать властью — но теперь он обретал высший, почти божественный статус. Чуть ранее днем предводители западной армии сопроводили графа из дворца Буколеон в боковую часовню собора. Там Балдуин сменил привычные шерстяные штаны на шоссы из алого оксамита и обулся в украшенные драгоценными камнями башмаки. Слой за слоем он надевал на себя самые великолепные одеяния. Вначале прекрасное облачение с золотыми пуговицами, идущими спереди и сзади; повех него — длинная мантия, усеянная алмазами; она облегала талию и спускалась до ног, а подол ее перебрасывался через левую руку.

Словно и этого было недостаточно — а если говорить только о весе, этот наряд уже можно было считать совершенно уникальным, — новоявленный император был облачен еще в одну мантию. Она также блистала драгоценными камнями, неся изображение имперского орла. Все одежды были украшены столь богато, что один из свидетелей сообщал, что облачения сияли, словно были охвачены огнем.

В сопровождении старейших соратников Балдуин прошествовал к алтарю Святой Софии. Он был несколько поврежден во время штурма города, а изначально представлял собой изысканное творение, достигавшее в длину 29 футов, усыпанное золотом и драгоценными камнями и увенчанное балдахинном из серебра. Дворяне несли меч, корону и императорский штандарт. За ними следовали епископы крестоносцев, на которых была возложена задача короновать нового императора.

В алтарной части Балдуин преклонил колена, чтобы вознести господу благодарность за победу крестоносцев, и тогда епископы раздели его по пояс, что должно было символизировать смирение монарха перед богом. Прелаты помазали его миром, облачили вновь и наконец окружили его. Каждый из них, одновременно держа одной рукой корону, благословил ее, осенил крестным знаменем, после чего корона была возложена на голову императора.

На мгновение группа священнослужителей, облаченных в лучшие ризы, скрыла фигуру с грозным имперским орлом на спине. Но вот они разомкнулись, чтобы явить нового императора Константинополя во всем его великолепии в качестве материального воплощения могущества и богатства, обретенного крестоносцами. В знак почтения епископы немедленно вручили императору в дар одно из многих сокровищ, похищенных в императорском дворце: необыкновенный рубин размером с яблоко, который мог бы послужить застежкой на его облачении.

Балдуин воссел на высокий трон, держа в одной руке скипетр, а в другой — золотую державу. Можно лишь попытаться представить себе его чувства и мысли, когда он смотрел на огромную толпу людей, наряженных в украшенные драгоценностями блистающие одеяния. Может статься, когда начали служить мессу, Балдуину вспоминалась Северная Европа — холодные, болотистые земли Фландрии; быть может, он подумал о жене, которая теперь станет императрицей; может, размышлял о прославленных предках-крестоносцах; мог вспомнить о страданиях и самопожертвовании своих соратников во время осады Константинополя. И наконец, среди роскоши и волнения при начале новой эры, он мог подумать и о том, что Четвертый крестовый поход начался ради завоевания святого города Иерусалима — а вовсе не для разрушения величайшей христианской цивилизации, как было сделано в итоге.

ВСТУПЛЕНИЕ

В апреле 1204 года армии Четвертого крестового похода завоевали и разграбили Константинополь. Свидетели этих событий называли действия крестоносцев «бесчеловечными», писали о завоевателях как о «безумцах, воспылавших против святости», убийцах, не дававших «пощады даже невинным девушкам», о «предтечах антихриста, творивших его предсказанные богоборческие дела», разрушавших алтари и грабивших драгоценную утварь.¹

Почти восемьсот лет спустя, летом 2001 года, Папа Римский Иоанн Павел II опубликовал беспрецедентное заявление — извинение перед Греко-православной церковью за ужасную бойню, учиненную войнами Четвертого крестового похода. В нем говорилось: *«Трагедия состояла в том, что воины, направившиеся для освобождения доступа христианам к Святой Земле, обернули оружие против своих братьев по вере. То, что они принадлежали к Римской церкви, наполняет католиков глубочайшим сожалением»*. Самое чувство, заставившее римского папу опубликовать подобный документ — редкостный по звучащему в нем чувству вины, — показывает, насколько глубоко оказалась рана, нанесенная той давней кампанией.

Цель этой книги — рассказ о Четвертом крестовом походе, событии, окрашенном жестокостью и решительностью, развратом и алчностью, политическими интригами и религиозным усердием.² Несколько ранних описаний Четвертого крестового похода были созданы византийскими учеными, в чьи задачи входило прежде всего исследование его влияния на греческое православие. Поэтому не удивительно, что в этих работах рассуждения о мотивах, двигавших французами и венецианцами, окрашены неприязнью, а возмущение придает подобным описаниям критические интонации.³ Данный же труд написан историком, занимавшимся крестовыми походами. Положение независимого исследователя позволило мне охарактеризовать историческую среду Западной Европы, присущую экспедиции, затрагивая также и описание положения в Византии. В работе также делается попытка объяснить, почему крестовый поход развивался именно таким образом, выделить некоторые из внутренних причин произошедших событий и рассмотреть, как уроженцам Запада удалось достичь победы.

Оправдывая жестокость именем Христа, крестоносцы заслужили множество отрицательных характеристик.⁴ Шотландский историк XVIII века Уильям Робертсон описывал Четвертый крестовый поход как «исключительный памятник человеческой глупости», а Эдуард Гиббон в «Закате и падении Римской империи» высказывал предположение, что он скорее задержал, нежели ускорил развитие Европы.⁵ Стивен Рансимэн в «Истории крестовых походов» приходит к заключению, что *«в исторической перспективе движение крестоносцев в целом можно считать потерпевшим фиаско»*. Он выражает огорчение тем, что *«сама Священная война была лишь длительным проявлением нетерпимости во имя Господа — что само по себе является грехом против Святого Духа»*.⁶

Историки и толкователи особенно выделяли Четвертый крестовый поход среди всех остальных крестовых походов — хотя еще в XVIII веке Вольтер писал, что *«единственным плодом варварских крестовых походов христиан стало*

*уничтожение других христиан».*⁷ Тот же Раисмэп пришел к выводу, что *«урон, нанесенный крестоносцами исламу, ничтожен по сравнению с тем, что был причинен восточному христианству».*⁸

И все же, сколь бы дурными ни казались представления и действия крестоносцев в наши дни, невозможно отрицать, что несколько столетий назад, согласно верованиям, ценностям и понятиям средних веков, они представляли предприятие огромной популярности и продолжительности. Почти сразу же после начала Первого крестового похода в 1095 году его воздействие проникло практически во все слои общества и усилило контакты — и конфликты — с народами и странами за пределами католического мира.

Согласно традиционному представлению, движение крестоносцев неразрывно связано с борьбой против ислама. Такое представление живо и по сей день — это было подчеркнуто Усамой бен Ладаном, который провел параллель между крестоносцами, сражающимися против ислама, и американскими действиями в Афганистане в 2001–2002 годах. Он заявил, что *«эта война похожа на предшествующие крестовые походы, возглавляемые Ричардом Львиное Сердце, [Фридрихом] Барбароссой [Германским] и [королем] Людовиком [IX] Французским. В нынешнем веке они остались далеко позади [Джорджа] Буша».* Более того, пропаганда Аль-Канды называет Израиль наследием государства крестоносцев XII и XIII веков.⁹

На Западе некоторые тоже оглядываются на средневековые. Сразу после нападения террористов в сентябре 2001 года президент Джордж Буш спонтанно вспомнил о Священной войне, призвав к крестовому походу против Аль-Канды. Пытаясь обеспечить поддержку со стороны Египта и Сирии, двух стран, на которые оказали непосредственное воздействие средневековые крестовые походы, он одновременно апеллировал к воззрениям, которые рассматриваются на Ближнем Востоке как символ западного империализма.¹⁰

Исход Четвертого крестового похода представляет драматическое искажение одной из основополагающих идей ка-

толицизма относительно борьбы с язычниками. И современники событий, и нынешние историки одинаково загипнотизированы произошедшим менее чем за век превращением движения, начавшегося с декларации о возвращении христианам Святой Земли, в орудие разрушения самого прекрасного города христианского мира.

Сами крестоносцы выражали удовлетворение собственными достижениями. Граф Балдуин Фландрский, один из руководителей кампании, писал: *«Мы можем с уверенностью сказать, что в истории никто не мог даже поведать о чудесах больших, чем те, что уже получены в этой войне»*. Он видел божественное одобрение действий крестоносцев: *«Это содеяно Господом, и в наших глазах является чудом из чудес»*.¹¹ Но когда известия о жестокости крестоносцев стали распространяться, даже на Западе отношение стало куда менее торжественным. Папа римский Иннокентий III (1198–1216), санкционировавший начало экспедиции, так изливал на крестоносцев свой гнев:

«Вы принесли обет освободить Святую Землю... [но] отрицали чистоту своих обетов, направив оружие не против сарацин, а против христиан... Греческая церковь, видевшая в католиках лишь образец искажения веры и бесовского действия, теперь по праву питает к ним отвращение большее, нежели к псам».¹²

Самый яркий способ исследовать события крестового похода основан на многочисленных свидетельствах современников. Этот материал передает удивительно широкий спектр эмоций: страх, гордость, самооправдание. Временами возникает завораживающее чувство благоговения перед целями экспедиции и удивления при виде новых народов и местностей, которые встречались участникам похода.

Действия средневековых военных руководителей мемуаристам, как правило, описываются весьма точно, и Четвертый крестовый поход не стал исключением. Мы также являемся счастливыми обладателями множества сохранившихся

свидетельств о 1204 году со стороны людей, занимавших в обществе сравнительно скромное положение. Чтобы дополнить эти повествования, в данной книге используется множество сходных текстов и изображений с целью дать некоторое представление о чаяниях и страхах рядовых крестоносцев (и их семейств), вступивших в столь необычное предприятие.

В случае Четвертого крестового похода, по сравнению с другими экспедициями, у нас есть богатая подборка материала, позволяющая делать выбор. Отчасти это свидетельства очевидцев (воинов и служителей церкви), отчасти — хроники, составленные в европейских монастырях и воспроизводящие повествования вернувшихся крестоносцев.

Вплоть до XII века грамотность была уделом почти исключительно служителей церкви, поэтому большая часть повествований о Первом крестовом походе (1095–1099) составлена церковниками, чьи тексты были насыщены теологией и отсылками к божественной воле. Однако в течение XII века развитие придворной культуры привело к покровительству трубадурам и созданию *«chansons de geste»* — эпических произведений, обычно основанных на устной традиции, которые иногда записывали миряне. В такой культурной среде сравнительно небольшой шаг отделял от того, чтобы образованный мирянин (чаще всего — представитель знати) начал сам записывать или же диктовать собственные героические воспоминания. Такая смесь свидетельств как церковных, так и светских авторов гораздо лучше представляет подлинный срез общества и даст читателю возможность проследить за крестовым походом глазами и сознанием рыцарей и знати, чьи побуждения и приоритеты зачастую отличались от мотивов, двигавших их церковными соратниками.

Среди самых обличительных документов — письма, написанные участниками и вождями крестового похода. Эти тексты показывают, как с течением событий изменялось отношение к походу и политическое настроение войска. Они не свободны от попыток оправдать те или иные действия

либо дать особый взгляд на них, но зато представляют богатство деталей и непосредственность описаний, которых зачастую недостает позднейшим повествованиям. Кроме того, наставления клириков, пытающихся сформировать идейную базу крестового похода, дают возможность оценить возможные побуждения, двигавшие людьми, которые влились в ряды крестоносцев.

Два других немаловажных источника информации — песни трубадуров и официальные документы. В песнях не всегда содержится реальная информация, но они дают эмоциональный взгляд на точку зрения рыцарей, занимавших в то время в среде крестоносцев господствующее положение. Имеющиеся документы представляют коммерческие соглашения, сохраненные итальянскими торговыми общинами; в многочисленных монастырских архивах представлены купчие и закладные на земли и имущество, которыми отправляющиеся в путь крестоносцы стремились добыть средства для кампаний.

Однако история Четвертого крестового похода представлена не только со стороны католического Запада. Несколько современных византийских писателей наблюдали за ходом сражений, и их свидетельства, изложенные в изысканном ученом стиле классических авторов, столь любимом при константинопольском дворе, уцелели и дошли до нашего времени.¹³ Еще одним важным источником являются путевые заметки. Как нынешние туристы обращаются к путеводителям, так же поступали и средневековые путешественники. Заметки этих людей — будь они мусульманами, иудеями, православными или католиками — зачастую весьма интересны и дополняют основное повествование.

Наконец, важный и любопытный вид информации дают визуальные образы. До нашего времени сохранились некоторые здания (полуразрушенные или перестроенные с течением лет), а также символические скульптуры, настенные росписи, монеты, которые не хуже рукописей дают представление о людях, событиях или предметах (например, о кораблях), связанных с крестовыми походами.

Несмотря на то, что всегда остаются дразнящие пробелы в описаниях — к примеру, не найдено сохранившихся венецианских бумаг, — в нашем распоряжении находится достаточно богатая палитра красок для описания Четвертого крестового похода. Для объяснения причин разграбления Константинополя прежде всего следует дать представление о политической обстановке, духовных воззрениях и эмоциональности людей начала XIII века.

Во многих отношениях мир крестоносцев фундаментально отличался от современного нам общества. Обучение, средства связи, централизованная власть, здравоохранение находились в лучшем случае в зачаточном состоянии. Продолжительность путешествий измерялась неделями, а не часами, а сведения о мире за пределами сферы влияния католицизма были скрыты страхом, предубеждением и недостатком информации.¹⁴

Двумя доминирующими факторами средневекового образа жизни были насилие и религия.¹⁵ Насилие принимало форму как межгосударственных конфликтов, так и местных стычек — последнее случалось более часто, поскольку слабость централизованной власти допускала междоусобицы соседствующих феодалов.

Возможно, основное различие между светским западным миром начала XXI века и средневековьем заключалось в роли христианства. Религия пронитывала средневековый мир в такой степени, какую нам теперь трудно даже представить. Проповеди и изображения в церквях непрестанно напоминали людям о греховности жизни и грозно расписывали вечные муки ада, ожидающие тех, кто не стремится к покаянию. Давление, заставляющее исправлять последствия грехов покаянными молитвами и богоугодными деяниями (например, паломничествами), составляло естественную часть взаимоотношений между Церковью и ее паствой. Люди обращались к богу и его святым в поисках защиты от врагов, для лечения заболеваний, в надежде на богатые урожаи, при тяжбах (посредством судебных ордалов — испытаний подсудимого физическими страданиями) и в сражениях. С современной точ-

ки зрения такие отношения кажутся не более чем предрассудками — но все же, чтобы понять историческую среду Четвертого крестового похода, необходимо учитывать веру жителя Средневековья в способность святых творить чудесные исцеления или решать ход сражений.

Выступая 27 ноября 1095 года в Клермоне (Центральная Франция) римский папа Урбан II объединил традиционные идеи о паломничестве, применении силы и неизбежности возмездия, создав новую долгосрочную концепцию — крестовый поход. Он заявил, что французские рыцари должны направиться в Святую Землю и освободить ее из рук язычников. При этом войны пройдут к покаянию столь нелегким путем, что их будет ждать небывалая божественная награда: отпущение всех грехов. Иначе говоря, все грехи, скопившиеся за долгую жизнь, насыщенную жестокостью, будут стерты, что даст возможность избежать адского пламени. Возможность для людей, настолько озабоченных своим духовным состоянием, предоставлялась поистине великолепная. Жильбер Ногенский, современник тех событий, красноречиво описывал их:

«В наши дни Господь начал священную войну, так что оруженосцы и странники... смогут пойти новым путем для достижения спасения. Им не придется полностью отрезать от мира, приняв монашеский образ жизни... но они смогут получить Божественную благодать, почти не отказываясь от привычных нарядов и свободы, продолжая вести жизнь согласно собственному выбору».¹⁶

Рыцарям было предложено делать то, в чем они наиболее преуспели — то есть сражаться и убивать. Но поскольку они будут биться за дело, которое папа счел правым, их ждет награда. Урбан закончил речь, и толпа взревела от восторга. Один из очевидцев писал, что люди выкрикивали *«Deus vult! Deus vult!»* — «Господь этого хочет! Господь этого хочет!», а затем ринулись вперед, чтобы их осенили крестом.

Реакция на папское воззвание была немыслимой. Призыв к оружию быстро разлетелся по всей Европе. В течение следующих четырех лет более 60 тысяч людей из разных мест и всех социальных слоев двинулись, чтобы пройти 2500 миль* от северной Франции до Святой Земли. После труднейшего перехода 15 июля 1099 года они взяли Иерусалим, открыв град Христов для католической веры.

Захват Иерусалима дал крестоносцам выход огромного напряжения, и они жестоко расправились с мусульманами и иудеями, зашицавшими город. Позднейший франкский автор описывает ужасающую сцену: *«Повсюду лежат куски человеческих тел, самая земля пропитана кровью жертв. Еще ужаснее смотреть на победителей, с ног до головы покрытых кровью»*. Но, несмотря на весь ужас, *«облачившись в чистые одежды, омыв руки, с босыми ногами они [крестоносцы] начали обходить священные места, которые Спаситель избрал для прославления своей земной жизнью»*.¹⁷ Христиане возрадовались от этой новости — воистину господь благословил крестоносцев, их победой Он подтвердил божественную волю.

Большинство крестоносцев вернулись по домам, исполнив свой обет, и лишь небольшая группа осталась для утверждения франкских** владений в Леванте***. Несколько следующих десятилетий тысячи европейцев — крестьян, торговцев, служителей церкви, дворян — селились в Восточном Средиземноморье. Еще большее количество людей посетило священные места в качестве паломников, пользуясь католическим владычеством. Нужды этих пилигримов привели к формированию военных орденов — организаций

* То есть порядка 4 тысячи километров. (Прим. ред.)

** Франки — общее название европейских поселенцев на Ближнем Востоке, независимо от их реального происхождения. Его в те времена использовали как европейцы, так и мусульмане. (Прим. авт.)

*** Здесь и далее автор использует название *Levant* (Северо-Восточное Средиземноморье) для обозначения земель Палестины. Это понятие не следует путать с Ливаном (*Lebanon*), который ныне является лишь частью Палестины. (Прим. ред.)

воинов-монахов, поклявшихся защищать родину Христа и содействовать паломникам в Святую Землю. Орден госпитальеров выполнял военные и медицинские функции (он дожил до наших дней под видом Госпитального братства святого Иоанна). Орден тамплиеров представлял только военную силу.

Первый крестовый поход перешел Рубикон силы, направляемой религией, и позволил создать объединения людей, присягнувших служить богу, сражаясь с его врагами в миру, а не в монастыре. Священная война и крестовые походы продемонстрировали заметную гибкость, позволившую этому движению развиваться, приспосабливаясь ко многим различным ситуациям.

Реакцией мусульманского мира на Первый крестовый поход стало непонимание. Они не могли понять, что свирепая банда воинов сплотилась ради войны с целью не политической, а религиозной колонизации. Вдобавок сирийские мусульмане были расколоты серьезными внутренними междоусобицами, из-за чего не смогли сплоченно выступить против завоевателей. Но с течением времени мусульмане начали принимать сражения, и их руководство начало против франков *джихад* — исламскую «священную войну».¹⁸

В 1144 году мусульмане Алеппо взяли город Эдесса, расположенный в северной Сирии, что привело к началу войны, получившей наименование Второго крестового похода (1145–1149 годы)*. Начало этого похода обернулось полной неудачей. Аббат Бернар Клервоский воодушевлял участников кампании обещанием, что они станут счастливым поколением, которое получит особую возможность обрести неземные награды. Но все его убеждения оказались пустым

* Система нумерации походов была создана французскими историками XVIII века и применялась только к крупным походам. Теперь стало возможно выделить несколько менее значительных кампаний — к примеру, между Вторым и Третьим походами, которые отвечают критерию одобренной Римом «священной войны». (Прим. авт.)

звуком, когда армии королей Франции и Германии начали нести громадные потери еще по пути через Малую Азию, а затем сняли осаду Дамаска всего лишь через четыре дня после ее начала — чудовищное унижение для воинов. Тем не менее Второй крестовый поход сыграл свою роль в расширении географии экспедиций крестоносцев.

Еще в VIII веке Пиренейский полуостров был завоеван маврами — арабами из Северной Африки. Постепенно христиане оттеснили захватчиков, и с началом крестовых походов на Восток в Испании возникла идея придать борьбе новый характер. С 1113–1114 годов войны против испанских мусульман получили тот же статус и обещание такого же божественного воздаяния, как и кампании в Святую Землю. В 1147–1148 годах папство провело параллель между экспедициями в Левант и войнами с мусульманами в Иберии. Папа римский также присвоил статус крестового похода войнам против языческих племен в Прибалтике, считая, что таким образом происходит расширение христианского мира, а также осуществляется мщение за убийства христианских миссионеров в прошлые времена.¹⁹ К 1150 году движение крестоносцев переросло изначальное понимание экспедиции как войны против язычников в Святой Земле, став многогранным орудием в деле католической обороны и экспансии.

В 1170-х годах лидером мусульманского мира стал Саладин, объединивший силы Египта, Сирии и Языры (Северный Ирак). Он стал самой значительной угрозой, с какой сталкивались франки на востоке. Поселенцы обратились за помощью и к греческой православной церкви Византийской империи, и к католикам Западной Европы.

Византия наследовала Римской империи, а Константинополь (нынешний Стамбул) стал резиденцией вселенского патриарха, главы греческой церкви. В 1054 году между Римским папой и константинопольским патриархом произошел конфликт, приведший к объявлению формального раскола между двумя церквями, который не преодолен и по сей день. Спор разгорелся из-за литургических и догматических раз-

погласий, осложняясь жизненно важным вопросом о том, кому должна принадлежать верховная власть: последнику святого Петра (то есть папе римскому) — или пентарху пяти патриархий христианской церкви (Римской, Антиохийской, Александрийской, Иерусалимской и Константинопольской). Формально с 1054 года католики рассматривали греков как раскольников, еретиков и противников истинной веры. Ко времени Четвертого крестового похода долговременный разлад в отношениях между Византией и Западной Европой во многом обусловил самооправдание крестоносцами нападения на Константинополь в 1204 году.

Взаимоотношения между Византией и Западом были достаточно сложными, а временами казались непримиримо противоречивыми. Но иногда попытки устранить раскол приводили к сближению сторон. В 1095 году именно просьба императора Алексея I (правил в 1081–1118 годах) помочь в борьбе против турок в Малой Азии послужила одной из причин призыва папы римского Урбана II к Первому крестовому походу. Намерение объединить две христианские силы против ислама было весьма привлекательным, но в ходе главных экспедиций крестоносцев XII века между западноевропейскими армиями и греками возник серьезный разлад. Греки смотрели на крестоносцев как на плохо дисциплинированных варваров, представлявших реальную угрозу для Константинополя. Действительно, часть участников Второго крестового похода настанвала на штурме города. В свою очередь, крестоносцы относились к хозяевам с подозрением. Они не доверяли обещаниям греков предоставить снабжение для армии и обвиняли их в нарушении соглашений — или же, как в случае Второго крестового похода, в содействии туркам в Малой Азии. Еще до Четвертого крестового похода эта история была еще одним поводом к напряженности в отношениях между Константинополем и Западом.

И все же временами православные и католики оказывались в хороших отношениях. Весьма позитивными были

контакты между императором Мануилом Комнином (1143–1180) и королями Иерусалима. Между представителями королевских домов заключались браки, а в 1171 году иерусалимский король Амальрик (1163–1174) подчинился византийскому правлению. При Мануиле в состав византийского правительства входили западные чиновники, он был в дружеских отношениях с Людовиком VII Французским (1137–1180). Но после смерти Мануила в отношении к уроженцам Западной Европы в Константинополе произошла драматическая перемена, во многом обусловленная приходом к власти Андроника Комнина (1183–1185).

В мае 1182 года группа его сторонников в сопровождении константинопольской толпы напала на общины торговцев, живших рядом с главной городской гаванью на берегах бухты Золотой Рог.²⁰ Некоторым из купцов, в основном выходцам из Генуи и Пизы, удалось бежать, но пожилые и слабые были пойманы и убиты. Собственность купцов была уничтожена, церкви сожжены, а церковнослужители были пленены и подвергнуты пыткам — одна из мрачных сторон взаимоотношений между католической и православной церквями. Известно также, что было совершено нападение на больницу ордена госпитальеров, и больные были перебиты в своих постелях. Был схвачен и убит папский легат. Его отрубленную голову привязали к хвосту собаки, подчеркнув оскорбление в адрес католической церкви. Многие другие уроженцы Запада были захвачены и проданы в рабство туркам.

Озлобленность произошедшего устроила толкователей с обеих сторон. Евстафий Солунский, византиец и очевидец событий, писал: *«Это было скотское действие, которое нельзя сравнить даже с безумием»*.²¹ Уильям (Гильом) Тирский, составлявший свою «Историю» событий до 1185 года, писал: *«Так действовали вероломные греки, выводок гадюк, словно змея, пригретая на груди... вознаградила злом своим гостям — не заслужившим такого обращения и не ожидавшим ничего подобного»*.²² Хотя торговля между Италией и Византией вскоре возобновилась, нет сомнений, что столь ужаса-

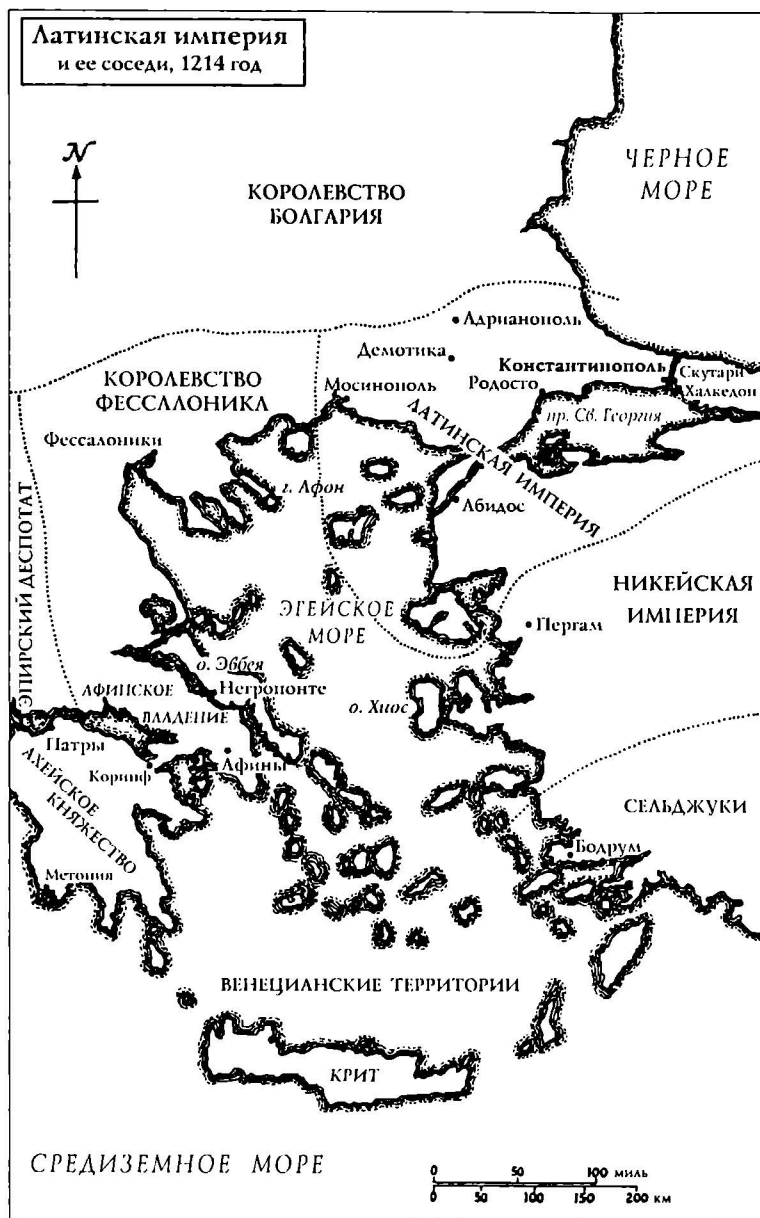
ющее событие добавило еще каплю яда в нарастающее внутреннее чувство раздора между греками и Западом.*

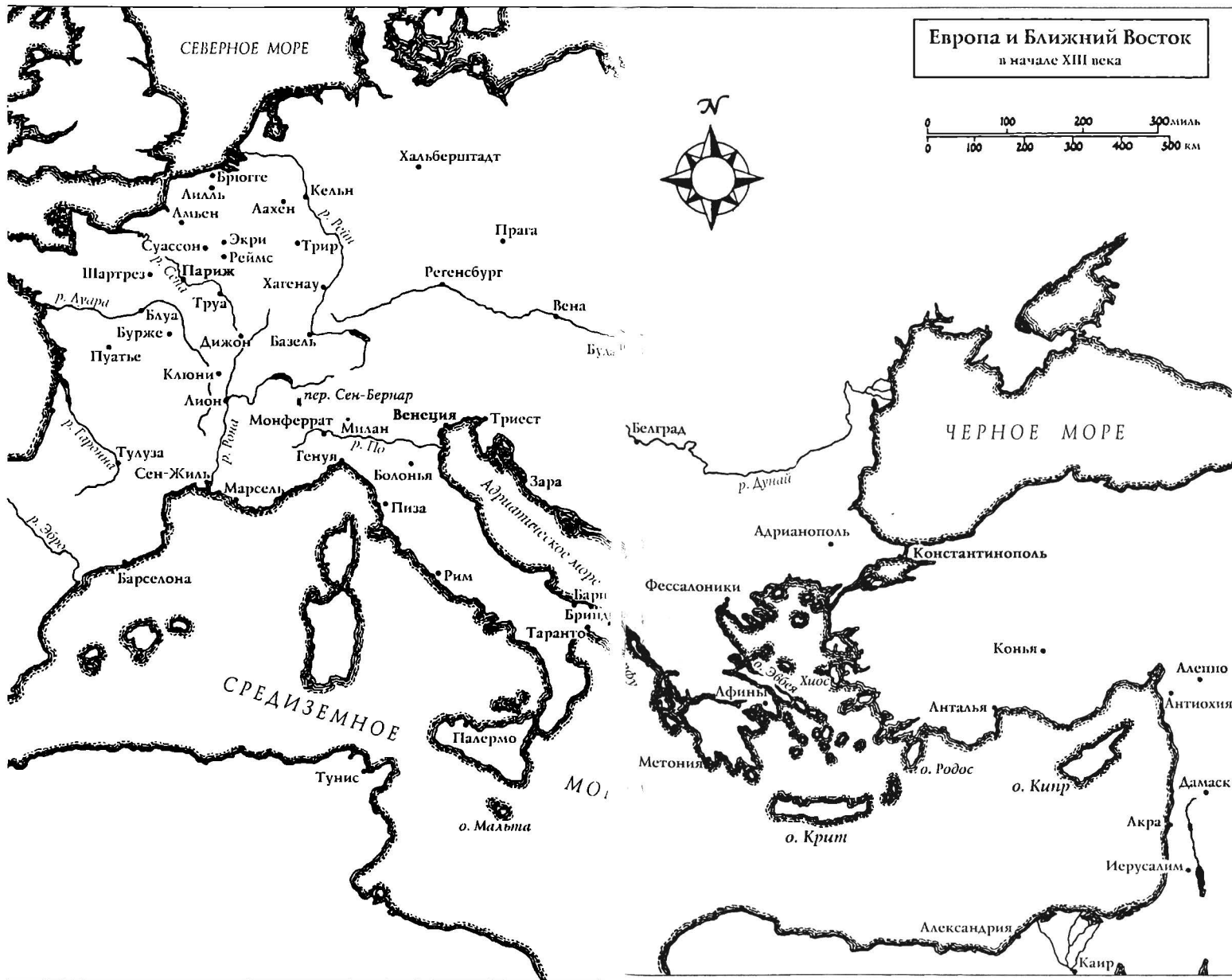
Смерть Мануила Комнина означала, что франки в Палестине не могут больше рассчитывать на помощь со стороны Византии, а старания обеспечить поддержку Европы едва ли были более успешны. Тем временем Англия и Франция на десятилетия оказались втянуты в пучину междоусобиц и стычек. Несмотря на страстные призывы франкских посланников, короли этих стран не хотели покончить с раздорами, чтобы помочь защищать Святую Землю, и предлагали лишь материальную помощь.

В Иерусалиме в правление страдавшего проказой короля Балдуна IV (1174–1185) положение франков постепенно ухудшалось, поскольку медленное мучительное угасание монарха разжигало распри и междоусобицы между теми, кто пытался занять престол после него.²³ Только военной доблестью поселенцев удавалось сдерживать Саладина вплоть до 1187 года, когда маятник решительно склонился в пользу султана. Он сокрушил христиан в бою при Хаттине и вскоре завоевал Иерусалим, оставив франкам крошечный участок побережья. Теперь Европа была вынуждена перейти к запоздалым действиям.

* Следует заметить, что именно в событиях 1182 года венецианцы практически не пострадали — погромы были направлены не против них. Поэтому, как пишет исследователь Н. П. Соколов в работе «Образование Венецианской колониальной империи (Саратов: Саратовский Гос. ун-т, 1963), «Утверждение... что константинопольское направление Четвертого крестового похода было в какой-то мере возмездием Византии со стороны Венеции за события 1182 года — басня, широко распространенная в исторической литературе, но не находящая себе ни малейшего подтверждения в источниках, и прежде всего в источниках венецианских». (Прим. ред.)

**Латинская империя
и ее соседи, 1214 год**

ГЛАВА I

«О Господи, язычники пришли во владение Твое»

Истоки и проповедь Четвертого крестового похода, 1187–1199 годы

«Узнав, сколь суровой и ужасной участи был подвергнут Иерусалим божественной дланью... мы не сразу смогли понять, что говорить и делать. Псалмопевец сокрушается: „О Господи, язычники пришли во владение Твое“. Армия Саладина нашла на эти земли... силы наши были сокрушены, Крест Господень взят, король пленен, почти все погибли от меча или попали во вражеский плен... Епископы, тамплиеры и госпитальеры были обезглавлены пред Саладином... эти свирепые варвары жаждали христианской крови и со всей силой стремились осквернить святыне места, уничтожив в этих землях поклонение Господу. Сколь велика причина скорби нашей и всех христиан!»¹

Этими яркими и трагическими фразами папа Григорий VIII оплакивал разгром армии хрис-

тиан в битве при Хаттине 4 июля 1187 года. За три месяца после победы вождь мусульман Саладин ураганом прошел по землям франков. Кульминацией джихада стало взятие Иерусалима.

Потеря града Христова вызвала в Европе волну горя и ярости. Правители западных стран, по крайней мере, на время отложили привычные распри. В октябре 1187 года папа объявил Третий крестовый поход, чтобы вернуть Святую Землю. Германский император Фридрих Барбаросса (1152–1190), наиболее могущественный вождь христиан, повел за собой огромную армию в сто тысяч человек. Однако на переправе через реку в Малой Азии с ним случился сердечный приступ, от которого он скончался. Немецкая армия распалась, и битву против исламских армий пришлось вести войскам короля Филиппа Августа II Французского (1180–1223) и Ричарда I Английского (1189–1199).

На Западе эти государи были яростными противниками, и во время крестового похода их отношения едва ли улучшились. Формально Филипп был сеньором Ричарда, но фактически энергичность и военное мастерство английского короля заставляли всех расценивать его как наиболее влиятельного. Современник событий, мусульманский автор Беха ад-Дин, отмечал:

«...известие о его [Ричарда] прибытии повергло сердца мусульман в страх и трепет. ... Его боевой опыт и бесстрашие в битве были несравненны, и все же в их [франков] глазах, невзирая на богатство и признание военного мастерства и отваги, его статус был ниже, чем у короля Франции».²

Оба короля прибыли в Левант в начале лета 1191 года. Филипп вскоре отбыл, чтобы заняться неотложными политическими проблемами в Северной Франции, а Ричард остался на Востоке на восемнадцать месяцев. Его победы при Арзуфе и Яффе весьма пошатнули репутацию Саладина,

но крестоносцы не смогли предпринять серьезной попытки штурма Иерусалима. Ричард приложил немало усилий к восстановлению государства крестоносцев вдоль побережья (оно простиралось от северной Сирии до Яффы в нынешнем Израиле) и для возрождения его в качестве жизнеспособной политической и экономической силы. Известия об интригах Филиппа и принца Джона вынудили его покинуть Западное Средиземноморье, но после его отъезда один из английских крестоносцев сказал, что слышал от него такие слова: *«О Святая Земля, я веряю тебя Господу. Да дарует Он мне божественной милостью столь долгую жизнь, чтобы я мог помочь тебе, как Он желает. Надеюсь, что скоро я помогу тебе, как намереваюсь!»*³

Ричард обрел репутацию героя, но на обратном пути был взят в плен политическими противниками и провел пятнадцать месяцев в заключении в руках герцога Австрийского, а затем императора Германии. Король Филипп использовал его отсутствие, чтобы занять значительную часть владений Ричарда в Северной Франции. В итоге после освобождения Ричард в первую очередь был вынужден заниматься восстановлением утраченного. В таких условиях он мало что мог предпринять, чтобы выполнить клятву помочь Святой Земле.⁴

Отъезд Ричарда мог стать для франков с Леванта катастрофой — но к их счастью, спустя всего шесть месяцев после его отплытия умер Саладин, истомленный десятилетиями сражений. Единство мусульман Ближнего Востока распалось, группировки в Алеппо, Дамаске и Каире в первую очередь были озабочены созданием коалиций для обеспечения превосходства над остальными, нежели борьбой с франками. Христиане смогли продолжить восстановление своих владений. Сын Фридриха Барбароссы, император Генрих VI (1190–1197), в надежде исполнить обеты своего отца объявил о начале нового крестового похода (у историков он носит наименование Германского крестового похода). Казалось, предоставляется прекрасная возможность использовать раз-

погласия среди мусульман, но надежды франков вновь не оправдались. В начале зимы 1197 года пришло известие о смерти императора от лихорадки в Мессине в Южной Италии. Немецкие войска возвратились по домам. Сыну Генриха Фридриху было всего два года, и империя была ввергнута в гражданскую войну между претендентами на титул императора. Папа римский Целестин III, которому к этому времени перевалило за девяносто, пытался служить посредником между ними, но без особого результата.

8 января 1198 года Целестин скончался. В тот же день кардиналы и епископы католической церкви выбрали ему прекрасную замену. Они избрали папой Лотарио де Сегни, ставшего Иннокентием III — самым влиятельным, энергичным и почитаемым понтификом средневековья. Иннокентий придал папской власти дальновидность и активность, которых ей недоставало многие поколения. В его правление были организованы крестовые походы в Испанию и Святую Землю, против еретиков, против отступников от католицизма, против православия и язычников Балтии. Он дал разрешение на основание францисканского и доминиканского орденов, он отлучал от церкви королей и принцев, оживил управление Папской курией, значительно расширив влияние Рима в католической Европе.⁵

Избранный римским папой в 37 лет, Иннокентий оказался одним из самых молодых заместителей святого Петра. Он родился в 1160 или 1161 году в семье землевладельцев в Сегни, примерно в 30 милях к юго-востоку от Рима. Свое образование начал получать в бенедиктинском монастыре Сан-Андреа ал Целио в Риме. В начале 1180-х Лотарио отправился на север, в Парижский университет — интеллектуальный центр средневековой Европы и самое почитаемое средоточие теологической науки. Здесь он получил лучшее доступное в ту пору образование, которое, в свою очередь, определило многие из духовных и философских представлений, легших в основу его концепции папской власти.

Лотарио де Сегни совмещал изучение теологии с юридической подготовкой и в течение трех лет (1186–1189) учился в юридической школе в Боломье, которая также слыла в своей области самой престижной на Западе. Примерно в это же время папство возвращалось к строгому соблюдению церковных законов, и интеллектуальные способности нового папы вкупе с его глубокой духовностью и личными чертами удачно соответствовали нуждам курии.⁶

Письменные источники сообщают, что Иннокентий III имел средний рост и приятную наружность. Мозаичный портрет, созданный около 1200 года, является самым близким по времени его изображением. Он представляет нам мужчину с большими глазами, длинным носом и усами. Фреска из церкви Сан-Спеко в Субьяко изображает его в полном папском облачении — с церемониальной митрой, паллиумом (ткань, надеваемая на шею в качестве символа высшей церковной должности) и в мантии. Иннокентий III был талантливым публицистом и убедительным оратором, обладавшим исключительной способностью составлять и произносить проповеди. Обладал он и чувством юмора. Посланец одного из самых ярких его политических противников, попросив об аудиенции, был встречен такими словами: «Стоило бы выслушать и самого дьявола — если бы он мог раскаться».⁷

Некоторое представление об Иннокентии дает огромное количество папских посланий. Сталкиваясь в нынешнее время с бесконечными потоками бумажной работы, можно было бы предположить, что именно папство стало колыбелью бюрократических сложностей — однако для периода до XIII века это представление не всегда справедливо. Прежде римские папы сохраняли копии лишь самых важных документов, и только во времена Иннокентия III стал вестись регулярный архив. Из тысяч писем, получаемых и отсылаемых папским секретариатом, самые значимые копировались в специально переплетенные тома (они получили наименование «ресестров»). Эти тома систематизировались по

годам правления папы, пачинавшимся с даты его коронации (а не выбора), которая у Иннокентия состоялась 22 февраля.

Достоверно известно, что некоторые из писем подвергались редакции перед внесением в реестр, многие из них были написаны скорее секретарями, чем самим папой, причем значительная часть писем за третий год правления Иннокентия III и вся информация за четвертый год (1201–1202) была утрачена. Тем не менее даже имеющиеся реестры сохраняют неоценимое богатство материала, позволяющего проследить планирование Иннокентием крестового похода и его реакцию на происходящее.⁸

Иннокентий III дал мощный заряд духовной энергии руководству римской церкви и весьма скоро представил свои цели и планы действий в качестве пастыря католической Европы. Он видел тесную связь между внутренним состоянием того, что расценивал как греховное общество, и успешностью похода на Святую Землю. Экспедиция освободит град Христов от неверных — что само уже будет признаком божественного одобрения духовного преображения Его народа. Проповедники Евангелия должны были побудить церковников и мирян исправиться и вновь заслужить милость Господа.

Страстное стремление Иннокентия освободить святой город стало доминирующим и всепоглощающим делом его правления. В современных сведениях о его жизни отмечалось, что *«среди всех трудов он пламенно стремился к освобождению Святой Земли и постоянно обдумывал, как можно достичь результата удачнее»*.⁹

В 1197 году наследники Саладина забыли свои разногласия, чтобы дать отпор Германскому крестовому походу. Следующей весной Германия эвакуировала войска из Палестины, оставив франков совершенно беззащитными. В ответ на сложившееся положение поселенцы отправили на Запад епископа Линдского, чтобы передать воззвание о помощи. В конце июня 1198 года Иннокентий высказался о необходимости

правоверным христианам помочь Святой Земле, а 15 августа издал первый призыв к новому крестовому походу.¹⁰ Звучавшие в нем интонации были куда резче, чем в документе папы Григория VIII 1187 года, и явственно отражали стремление Иннокентия разгромить язычников. Более восьмисот лет спустя мы все еще можем ощущать пыл его письма:

*«Вслед за достойной сожаления потерей земель Иерусалима, вслед за плачевной резней христиан, вслед за приговорным нашествием на землю, на которой стояли ноги Христа и куда Господь, наш царь, снизошел до начала времен, чтобы дать нам путь ко спасению на земле, вслед за позорным падением из наших рук животворящего Креста Господня... святейший престол скорбит, тревожась о столь многих бедах. Он рыдает и вопиет так, что от непрестанного крика охрипло горло его, и от непрерывного плача затуманились очи его... Святейший престол продолжает взывать, вздымая голос свой, подобный трубному гласу, желая поднять все христианские народы на Христову битву и отплатить за посрамление Распятия... Гроб Господень, которому пророк предсказывал славу, ныне осквернен нечестивыми и обесславлен».*¹¹

Столь драматично описав страдания Святой Земли и личную скорбь, Иннокентий обратил внимание на политические реалии 1198 года. Он указывал, что правители Западной Европы предались роскоши и неге, отказавшись от непрерывной борьбы. Тут Иннокентий вставил в воззвание обычную риторическую уловку, сделав вид, что цитирует мусульман, оскорбляющих христиан:

«Где бог ваш, который не может освободить ни себя, ни вас от рук наших? Смотрите! Мы осквернили ваши святыни. Смотрите! Мы взяли то, о чем вы так страстно мечтали, с первым штурмом мы овладели и ныне удерживаем против воли вашей те места, откуда пошло ваше

суеверие. Мы уже ослабили и разбили галльских копьеносцев, мы уничтожили труды англичан, мы во второй уже раз сдержали мощь германцев, мы укротили гордых испанцев. И хотя вы пытаетесь собрать против нас все силы, до сих пор вам ничего не удалось. Где же тогда бог ваш?»¹²

Конечно, едва ли такие слова были произнесены на самом деле — но они прекрасно отвечали целям Иннокентия. Описание недавних военных неудач было правдивым, а выпады в адрес каждой из наций, участвовавших в крестовых походах, как и оспаривание неприятелем божественной силы, были нацелены на то, чтобы, пристыдив слушателей, подтолкнуть их к действию, вдохновить на отстаивание поруганной чести и отплатить за оскорбление как личное, так и всего христианства. Папа требовал от аудитории определенной реакции: *«Воздымем же, о сыны, дух наш, примем щит веры и шлем спасения. Положимся не на число воинов, но на власть Божию... придем же в помощь к Нему, Кем мы рождены и живы»*.¹³

Иннокентий побуждал христианское войско выступить с правильным настроением, не омраченным такими грехами, как тщеславие, алчность и гордость. Он осудил самонадеянность некоторых предшествующих крестоносцев и нравственный упадок живущих в Леванте, якобы скатившихся к пьянству и чревоугодничеству.

Затем папа перешел к конкретным указаниям. Он предлагал назначить отправление экспедиции на март 1199 года. Дворяне и горожане должны были предоставить соответствующее количество людей, чтобы как минимум в течение двух лет «защищать землю, где родился Христос». Акцент, сделанный на городах, которые должны предоставить крестоносцев, отражает рост значения урбанистических центров в Западной Европе в конце XII столетия. Сельская жизнь по-прежнему преобладала — но развитие торговли, рост образованности и численности населения служили стимулом для

развития городов, каждый из которых гордился собственным гражданством и, по мере возможности, независимостью от центральной власти. С точки зрения Иннокентия благосостояние и статус городов могли внести существенный вклад в экспедицию.

Забота Иннокентия о крестовом походе проявилась также в назначении им двух высокопоставленных служителей церкви в качестве своих представителей (легатов) при сборе армии и руководстве ею. Во время Второго (1145–1149) и Третьего (1189–1192) походов армия ощущала папское воздействие весьма ограниченно. Иннокентий же предполагал в куда большей степени контролировать ход своей кампании. Один из легатов (Пьетро Капуано) должен был отправиться в Англию и Францию, чтобы примирить Ричарда и Филиппа, а другой (Соффредо) направлялся в Венецию, чтобы просить там помощи в предприятии.

Иннокентий также направил и других церковников проповедовать идею крестового похода, создавая ему поддержку. Многие жители Западной Европы упрекали Церковь в том, что при видимом благосостоянии она не оказывала достаточной помощи предыдущим походам. Иннокентий приказал всему духовенству участвовать в снаряжении и финансировании рыцарей для экспедиции под страхом запрещения в служении. Наконец, он дал указания местным священнослужителям вести набор новобранцев в своих областях.¹⁴

Страстное и непреклонное воззвание папы было направлено в королевства Францию, Англию, Венгрию и Сицилию. Но сам Иннокентий понимал, что время не слишком благоприятно. Ни Германия, ни Испания не могли быть задействованы в предприятии: первая была поглощена гражданской войной, а вторая полностью занята попытками освобождения Иберийского полуострова от мусульман. Кроме того, Англия с Францией по-прежнему враждовали. В конечном счете именно из-за того, что Четвертый крестовый поход был организован скорее дворянами, нежели ко-

ролями, могло показаться, что Иннокентий, обеспечивая поддержку для экспедиции, решил пренебречь монархами. Ведь разве в качестве папы ему не было легче обратиться к дворянам, нежели к королям? К тому же именно вражда между Ричардом и Филиппом не позволила возвратить Иерусалим в Третьем крестовом походе.

Иннокентий понимал, что объединенные силы, престиж и опыт двух королей будет незаменим для дела христианства. Ричард и Филипп обеспечили бы сбор сильной армии. Но папа также понимал и то, что ни один из этих двоих не отправится больше в крестовый поход, пока между ними не будет установлен прочный мир.

Учитывая славу Ричарда как героя-крестоносца, вероятно, стоило заручиться именно его поддержкой. После освобождения в 1194 году Ричард проводил все время в попытках вернуть Северную Францию, перешедшую к Филиппу во время его заточения. Недавние сражения дали англичанам весомую надежду. В битве при Гисоре в Северной Франции в конце сентября 1198 года король Филипп упал с лошади и свалился в реку. «Я слышал, что он был вынужден напиться речной воды», — гласил удовлетворенный рассказ Ричарда о схватке.¹⁵

Будучи прекрасным воином, Ричард являлся хорошо образованным человеком и проницательным политиком. В его личности смешались любовь к музыке, находчивость воина и жесткость прагматика. Когда папские легаты убеждали его принять участие в крестовом походе, именно обращение к этой последней стороне его подвижного, словно ртуть, характера сыграло основную роль.

В декабре 1198 года Пьетро Капуано добрался до Северной Европы. Источником сведений о его встрече с Ричардом служит «История Уильяма Маршала» (*History of William Marshal*) — устное предание, составленное в 1220-х годах и основанное на воспоминаниях одного из виднейших дворян Северной Европы.¹⁶ Несмотря на большой временной промежуток, Уильям выразительно описывает внешность

легата: цвет его лица более всего напоминал желтизною поганца, а попытки изобразить смирение показались северянам вульгарно наигранными. И у короля, и у придворного слащавость посланца вызвала тошноту. Едва ли и принесенное им известие было более приятным.

Капуано попытался напомнить Ричарду о том, что его враждебность по отношению к Филиппу нанесла ущерб христианам на Святой Земле. Известный своим дурным нравом (однажды, не сумев победить рыцаря в тренировочном бою, он полностью утратил хладнокровие и велел ему больше не показываться на глаза), Ричард на сей раз устроил грандиозное представление. И когда же, спросил он у Пьетро, занял Филипп земли, о которых идет речь? Да сразу же *после* крестового похода. Пока Ричард рисковал жизнью во славу христианства, Филипп (по версии Львиного Сердца) ускользнул в Европу, будучи не в силах вынести тяготы кампании, и коварно украл его владения: *«Если бы не его злой умысел, вынудивший меня вернуться, я смог бы очистить всю Святую Землю. А потом, когда я был в заточении, он сговорился, чтобы меня продержали там как можно дольше, чтобы успеть похитить мои земли!»* Ричард требовал возвращения всех земель — лишь после этого он готов заключить мир.

Ответ Пьетро был банален: *«Ах, сир, ведь действительно никто не может получить всего, чего желает»*. Потом он снова вернулся к разговору о пуждах Святой Земли, продолжая настаивать на необходимости мира между Англией и Францией. Ричард угрюмо предложил пятилетнее перемирие, по которому Филипп сможет вернуть лишь замки, оставив окружающие их земли. Это лучший вариант, который он может предложить.

Может, в этот момент Пьетро Капуано почувствовал, что королевская кровь скоро вскипит, и решил удалиться, пока существовала только напряженность. Но, к сожалению, он сделал еще шаг вперед и выступил с таким условием: освобождение *«человека, которого Ричард ненавидел больше всех*

на свете». Это был епископ Филипп Бове, недавно взятый в плен королем Англии. Этот кузен французского короля провоцировал тюремщиков Ричарда обращаться с ним грубо; он был воинственен и часто, облачившись в доспех, возглавлял вооруженные отряды. Пьетро заявил, что нельзя заточать человека, являвшегося помазанником и священником. Это требование оказалось уже перебором. Король взревел:

«Клянусь своей головой, он больше не священник, потому что он и не христианин! Он был взят в плен не как епископ, но как рыцарь, сражаясь в полном доспехе, с разукрашенным шлемом на голове. Сир лицемер! Да и ты дурак! Не будь ты посланником, я бы отослал тебя обратно кое с чем, что папа долго не смог бы забыть! Папа и пальцем не шевельнул, чтобы выволить меня из темницы, пока мне нужна была его помощь. А теперь он просит меня освободить вора и поджигателя, который не принес мне ничего, кроме зла. Убирайтесь, господин предатель! Лжец, обманщик, церковный делега! Избавь меня от своего общества навсегда!»

Легат попытался не отступить перед столь бурной яростью, и тогда Ричард пообещал кастрировать его. Петер бежал, предпочтя сохранить свою особу в целости. Сам Ричард, раздражение которого сравнивали с бешенством раненого кабана, удалился к себе, захлопнул двери и отказался говорить с кем бы то ни было.¹⁷

После крушения этой дипломатической миссии мир между Филиппом и Ричардом казался еще менее возможным, чем прежде, а крестовый поход — еще менее осуществимым. 26 марта 1199 года, когда Ричард осадил замок Шалю-Шаброль, расположенный к югу от Лиможа, он был ранен в плечо арбалетной стрелой. Один из источников сообщает, что король попытался сам вынуть ее, но она сломалась, оставив наконечник в теле. Спустилась ночь, и при

мерцании факелов хирург попытался достать железо, но лишь причинил Ричарду больше страданий. В течение нескольких дней плечо почернело, началась гангрена, и король ждал худшего исхода. Он призвал свою мать, неукротимую Элеонору Аквитанскую, которой уже исполнилось 77 лет, и она поспешила к нему. Ричард назвал также своего преемника. Собственных законных детей у него не было (возможно, был один незаконнорожденный сын), и он указал на своего брата Джона.

Некоторые источники указывают, что Ричард до последнего не отказывался от плотских радостей, особо предаваясь любовным утехам, пока силы окончательно не покинули его. На смертном одре он распорядился захоронить его сердце в кафедральном соборе Руана, в сердце его нормандских владений; мозг и внутренности должны были быть переданы аббатству Шарру в Пуату, на его духовной родине; тело же должно быть отвезено в аббатство Фонтевро, чтобы воссоединиться с телом отца. В Англию, страну, где он родился и где прожил едва ли шесть месяцев за все свое правление, не направлялось ничего.

Ричард помиловал арбалетчика, выпустившего роковую стрелу, покаялся в грехах и был соборован. Он скончался ранним вечером 6 апреля 1199 года. Несмотря на волю умирающего правителя, его соратники не проявили благородства по отношению к виновнику гибели короля. С несчастного арбалетчика живьем содрали кожу, а затем его повесили.¹⁸

Королю Джону требовалось некоторое время, чтобы утвердиться во власти, а Филиппу Французскому осталось лишь осмыслить, что самого сильного из его противников нет в живых, и ситуация позволяет ему и дальше внедряться в английские владения. С точки же зрения Иннокентия, несмотря на непростые отношения между Римом и Английским королевством, смерть Ричарда означала кончину величайшего крестоносца XII века, человека, вселявшего страх в сердца мусульман, монарха, способного возглавить

действия по возвращению Иерусалима. Таким образом, первая же надежда Иннокентия на Ричарда как лидера нового крестового похода потерпела крах.

Филипп Французский в корне отличался от Ричарда Львиное Сердце. Будучи на восемь лет младше, чем его скончавшийся соперник, он пришел к власти в 1180 году, когда ему было всего пятнадцать лет. После непростого десятилетия, когда ему пришлось доказывать Франции свое право на власть, Филипп принял участие в Третьем крестовом походе. Он не был особенно выдающимся полководцем и привел с собой в Левант меньшую армию, чем Ричард, однако все же сыграл некоторую роль в успешном штурме Акры в 1191 году.

Проведя на Востоке всего лишь три месяца, Филипп вернулся домой. Многие — в частности, сторонники Ричарда — увидели в этом признак трусости и упрекали Филиппа в бегстве. Однако со временем он превратился в умного и энергичного правителя, много сделавшего для умножения экономических и политических сил французской короны. Благодаря его заботам город Париж рос и развивался. В начале правления Филиппа был основан первый колледж Парижского университета — лучшего учебного заведения средневекового периода. Филипп также расширял границы города. Существовавшая до него система укреплений защищала всего 25 акров* земли, при нем защищенная площадь увеличилась до 675 акров**. По его распоряжению впервые были замощены улицы, а скотобойни перенесены вниз по течению от города. Процветала и коммерция, был расширен рынок Лез Алле. Видные французские дворяне начали ценить престиж Парижа, поняв, насколько важно присутствовать там, а не в своих сельских поместьях.

Что касается человеческих качеств, о Филиппе известно, что он был серьезным, нервным и набожным человеком,

* Около 10 гектаров. (Прим. перев.)

** Порядка 273 гектаров. (Прим. перев.)

любившим вино, хороший стол и женщин. В некотором отношении его двор был излишне строг. Например, существовали законы против богохульства (за это налагался штраф в 20 су в пользу бедных, а отказывавшегося платить окунали в Сену), не оказывалось особого покровительства музыке или литературе.

Короля описывали как высокого мужчину с цветущим лицом, красневшим после выпивки. Годам к 35 он начал лысеть. Филипп испытывал большие сложности в личной жизни, и одно из их следствий — плохие отношения с папой римским — несомненно, сыграло свою роль в том, что он не принял участие в Четвертом крестовом походе.

Первая женитьба Филиппа произошла, когда ему было пятнадцать лет, а его невесте, Изабелле Эйно — десять. Спустя семь лет, в 1187 году, у Филиппа родился сын Людовик, впоследствии ставший королем Людовиком VIII (1223–1226), а Изабелла умерла при родах в 1190-м. После Третьего крестового похода Филипп решил жениться снова и остановил свой выбор на принцессе Ингеборг Датской. За ней давали хорошее приданое, брак означал хороший стратегический союз против Германской империи. О восемнадцатилетней Ингеборг говорилось, что она была «дамой несравненной красоты» — однако во время венчания, состоявшегося 14 августа 1193 года, король покрылся смертельной болезнью и начал дрожать. Он отослал жену прочь, отказавшись с ней спать.

Четких объяснений по поводу такого поворота событий не существует — но, как бы то ни было, вскоре Филипп выбрал в качестве постоянной спутницы новую женщину, Агнессу Меранскую. Некоторые обвиняли Агнессу в том, что она приворожила Филиппа, настроив его против Ингеборг, а это предполагает уже существовавшую прежде связь с Агнессой.

Вскоре Филипп обратился к церкви с просьбой о разводе. Французские епископы не стали противиться и расторгли его брак, что позволило Филиппу в 1196 году жениться

на Агнессе. Однако Ингеборг воспротивилась, объявив новый брак изменой, двоеженством и инцестом (Агнесса и Филипп состояли в дальнем родстве). Папский престол согласился с ней и потребовал от короля расстаться с последней супругой. Филипп решительно отказался, и Ингеборга провела следующие двадцать лет как призрачная фигура, заключаемая то в тюрьму, то в монастырь, но почти постоянно находящаяся вне общества. В 1203 году она написала Иннокентию письмо, описывавшее ее страдания:

«Никто не осмеливается посещать меня, ни одному священнику не позволяют утешить мою душу. Нет у меня и врачебной помощи, нужной моему телу. У меня нет больше даже достаточного количества одежды, а то, что осталось, недостойно королевы... Я заперта в доме, и мне запрещено выходить».

Пятью годами раньше, в мае 1198 года, Иннокентий предлагал королю покаяться в своих действиях, угрожая церковными санкциями против Франции. Был даже провозглашен интердикт, но Филипп твердо стоял на своем. В ответ он изгнал церковнослужителей, принявших сторону папы, заявив, что они не обращают внимания на души бедняков, нуждавшихся в духовном утешении. Филипп несколько раз обещал отказаться от Агнессы, вернув на свое ложе Ингеборг, но каждый раз нарушал клятву. Осенью 1201 года Агнесса умерла, что пометило путь к решению конфликта. С Ингеборг стали обращаться несколько лучше, хотя до 1213 года она так и не смогла вернуться ко двору. Тем временем Филипп искал утешения в объятиях куртизанки из Арраса.

Словом, напряжение, возникшее из-за личной жизни короля, плюс длительный конфликт с Англией привели к тому, что второй из предполагавшихся папой Иннокентием претендентов на лидерство в новом крестовом походе не смог встать во главе крестоносцев, да и не стал бы этого делать.¹⁹

Если европейские правители не могли сражаться за Святую Землю, тяжесть его организации переходила на знать. Впрочем, значение этого обстоятельства не столь велико, как могло бы показаться. Первый крестовый поход окончился триумфально без участия королей, его организовывали графы и герцоги, а основной контингент составляли рыцари и простые пехотинцы.

Что требовалось от человека в эмоциональном, физическом и финансовом плане, когда он вступал в ряды крестоносцев, и на его одежде на плече появлялся знак Христа? Какие вопросы задавали крестоносцы сами себе, и какое влияние это решение оказывало на их семьи?

Накануне Четвертого крестового похода минуло ровно сто лет с момента взятия в июле 1099 Иерусалима армией Первого крестового похода. Таким образом, за время походов предыдущих поколений накопился достаточный объем сведений, который передавался в семьях из поколения в поколение, пересказывался при дворах, в тавернах, на площадях и постоянных дворах по всей Европе. Крестоносцам Иннокентия не приходилось делать шаг в неведомое, какой делали рыцари 1095 года. Но являлась ли информация о крестовых походах стимулом к участию в них, остается открытым вопросом. Даже в столь жестокое время, каким был XII век, участие в крестовом походе было исключительно суровым испытанием, требовавшим крайнего напряжения всех физических, умственных и духовных усилий.

Во-первых, огромную трудность представляло само путешествие. От Северной Франции до Святой Земли почти 2500 миль — и это расстояние приходилось покрывать отчасти по морю, отчасти верхом, а если лошадь падет от истощения, то и пешком. Если какая-то часть знати привыкла к перемещениям между европейскими дворами, то лишь немногие из крестьян, составлявших пехоту, когда-либо покидали окрестности своих деревень. И для знати, и для

простолюдинов крестовый поход становился величайшим испытанием всей жизни.

С конца XII века морские экспедиции крестоносцев стали обычным явлением, поскольку, учитывая плачевное состояние дорог в средневековье, такой способ передвижения был весьма эффективен. Но вот отношение к открытому морю оставалось сложным. Пятьдесят лет спустя после Четвертого крестового похода Жан де Жуанвиль, рыцарь первого крестового похода короля Людовика XI Святого, говоря о молитвах и песнопениях соратников, ярко описал страхи человека сухопутца, оказавшегося в открытом море:

«Мы не видели ничего, кроме моря и неба, и с каждым днем ветер уносил нас все дальше и дальше от земли, где мы родились. Я говорю об этих деталях, чтобы вы могли оценить решимость людей, которые, присвоив чужую собственность или же пребывая в состоянии смертного греха, отважились поставить себя в столь ненадежное положение. Ибо что может сказать путник, отправляясь вечером спать, если утром он может проснуться на дне моря?»²⁰

Продолжительность похода также могла служить камнем преткновения для тех, кто загорелся идеей священной войны. Папа Римский Иннокентий говорил лишь о двухлетнем обете — хотя предыдущие походы, например, Первый крестовый, продолжались куда дольше. Опытных военных можно было набрать только при королевских или некоторых знатных дворах. В случае острой военной опасности мог использоваться чрезвычайный призыв, но здесь был другой случай. Рыцари привыкли служить своему господину определенный фиксированный срок, который обычно составлял порядка сорока дней в году. Однако Господь Вседержитель требовал куда более продолжительной службы. Хотя формально участие в крестовом походе было делом исключительно добровольным, не приходится сомневаться, что если дворянин

решился принять крест, то его рыцари, невзирая на возраст и физическое состояние, вынуждены были разделить энтузиазм господина.²¹

Самым гнетущим чувством для крестоносца — которое испытывало и большинство других солдат на протяжении всей истории человечества — был страх гибели или пленения. Уровень смертности в первых крестовых экспедициях был воистину устрашающим. Потери от военных действий дополнялись смертностью от болезней и голода. Даже при всей ограниченности нашей информации мы знаем, что смертность в Первом крестовом походе составила примерно 35 %, а при пересечении германцами Малой Азии во время Второго крестового похода она достигала 50 %.²²

Имеющимся данным по средневековому периоду недостает точности современных отчетов, они сообщают в основном о знати, а не о простолюдинах. А ведь уровень потерь среди последних наверняка был выше из-за худшего оснащения и питания, а также из-за их меньшей значимости в качестве пленников. Примечательно, что участники крестовых походов были готовы нести столь тяжелые потери. Для крестоносца страх смерти смягчало обещание статуса мученика за веру и гарантированного места в раю. Средневековые войны были жестоки и в Европе, но такие специфические трудности крестового похода, как расстояние, климат, неизвестный враг и проблемы со снабжением, создавали дополнительный фон опасности.

Рассказы тех, кто выжил в предыдущих крестовых походах должны были поведать об этих трудностях тем, кто лишь собирался войти в ряды крестоносцев в 1199 и 1200 годах. Рассказ о Первом крестовом походе Фолькера Шартрского, написанный примерно в 1106 году, описывал смятение, охватившее христианский лагерь во время битвы при Дорилаиме в Малой Азии 1 июля 1097 года: *«Мы сбились вместе, словно овцы в стаде, дрожащие и напуганные, окруженные со всех сторон врагами, так что невозможно было никуда двинуться»*.²³ Другой очевидец вспоминает: *«турки*

*могучим потоком ворвались в лагерь, разя стрелами из своих луков, убивая пеших пилигримов... не щадя ни стариков, ни молодых».*²⁴

Раймонд Агуилерский во время Первого крестового похода состоял священником при Раймонде Сен-Жильском, графе Тулузском, и его отчет о битве при осаде Антиохии (1098) описывает нам смятение боя:

*«Дерзость врага нарастала... наши люди, рассчитывая на выгодное возвышенное положение, бились с неприятелем и отбросили его при первом натиске. Однако, забыв об угрожающем положении и стремясь к грабежу, они все же были обращены в бегство. Более ста человек погибло в воротах города, а еще больше полегло лошадей. Турки, достигшие основания крепости, хотели спуститься в город... Битва шла с утра до вечера с такой яростью, о которой прежде никогда и не слыхивали. Нас постигло ужасающее и небывалое бедствие, и среди потока стрел, камней и копий пали столь многие, что люди утратили чувствительность. И если вы спросите, как настал конец битвы, то я отвечу, что спустилась ночь».*²⁵

Спустя почти пятьдесят лет французское войско во время Второго крестового похода претерпело еще большие страдания. Оно было почти полностью уничтожено турками на юге Малой Азии. Одо Дейльский, участник этой экспедиции, описывал состояние выживших, медленно собиравшихся в лагере: *«Той ночью сна не было, и каждый, потеряв навсегда хоть одного товарища, с радостью приветствовал того, кто был лишь ограблен, забыв об ущерб».*²⁶

Кроме страха смерти, существовал еще и риск попасть в плен. Простых солдат скорее убили бы на поле битвы или продали на невольничьем рынке в Алеппо, Дамаске или Канре, обрекая на существование, исполненное тяжелого труда. Более высокопоставленных персон, если их опознавали, брали в плен, а затем со временем освобождали за

выкуп. Содержание пленников неизбежно было плохим. Ибн Василь, мусульманский писатель начала XIII века, описывал баальбекскую тюрьму как яму без окон: «там не было разницы между днем и ночью». (По иронии судьбы, именно в Баальбеке во время гражданской войны 1980-х годов в Ливане держали в качестве заложников Джона Маккарти, Брайана Киппана, Терри Уэйта и Фрэнка Рида). Существует описание еще одной тюрьмы в замке Бет Гуврин, где некий пленник содержался в течение года в одиночном заключении, после чего дверь растворилась — но только для того, чтобы в камере оказался еще один узник. Несмотря на столь суровые условия, некоторые узники проводили в заключении по много лет: так, в 1160-х годах правитель Алеппо освободил немецких пленников, захваченных во время Второго крестового похода еще в 1147–1148 годах.

Иногда выкупа так и не происходило — как было в случае со злосчастливым Жервасом де Базошем (Gervase of Bazoches), захваченным сарацинами в Ойе. Король Иерусалимский Балдуин I отказался платить за него, и тюремщики Жерваса поставили его перед выбором: смерть или принятие ислама. Современник описывает судьбу Жерваса:

*«Удивительно упорный, он отверг столь преступный поступок, не желая даже слышать о таком святотатстве. Достойный похвалы муж сей был немедленно схвачен, привязан к дереву посреди поля и разнесен в клочья летевшими со всех сторон стрелами. Из его черепа была сделана корона, а остальная часть пошла на чашу для правителя Дамаска, по приказанию которого все и было совершено, чтобы устроить христиан».*²⁷

Даже если крестоносцу удавалось избежать гибели или плена, для большинства участников экспедиция представляла собой чрезвычайно суровое испытание. Основным источником трудностей являлся недостаток пищи и воды. Армия могла везти с собой ограниченное количество запа-

сов и, покинув дружественные земли, начинала испытывать затруднения с добычей продовольствия у напуганного или враждебно настроенного местного населения. Получавший сведения из первых рук, автор *«Gesta Francorum»* писал, что воины Первого крестового похода были вынуждены идти на крайние меры, чтобы выжить.

*«Наши люди были столь измучены жаждой, что пускали кровь лошадям или ослам, чтобы напиться; другие опускали в сточные ямы пояса или другую одежду и выжимали в рот влагу; третьи раскапывали влажную землю и ложились на спину, укладывая землю себе на грудь».*²⁸

Про осаду Иерусалима в июле 1099 года тот же автор сообщал:

*«Мы страдали от жажды настолько, что зашивали шкуры быков или волов и использовали их, чтобы принести воду за шесть миль. Мы пили воду из этих бурдюков, хотя она воняла. И вот от дурной воды и ячменного хлеба мы каждый день терпели страдания, да еще и сарацины устраивали засады у каждого источника или пруда, где убивали наших и резали их тела на части».*²⁹

Еще раньше во время этого похода при восьмимесячной осаде Антиохии в северной Сирии людям приходилось испытывать себя на прочность. *«Столь ужасным был голод, что люди варили и ели листья смоковниц, винограда, чертополоха, других растений. Иные варили высушенные шкуры лошадей, верблюдов, ослов, быков или волов и ели их».*³⁰

Не удивительно, что столь тяжелые условия заставляли дезертировать тысячи людей. Впрочем, к Третьему крестовому походу лучшая организация и более строгая дисциплина уменьшила количество дезертиров, хотя снабжение водой и продовольствием во многом зависело от случая, как это было характерно для всех средневековых войн.

Разумеется, рука об руку с подобными лишениями шли болезни. Войско Первого крестового похода понесло огромный урон от эпидемии (вероятно, брюшного тифа), начавшейся в 1098 году, а количество участников Третьего крестового похода непрестанно уменьшалось из-за множества разнообразных заболеваний. Особенно страшный мор поразил лагерь осаждавших Акру в 1190–1191 годах, в результате погибли тысячи людей из всех слоев общества. Автор *«Itinermium Peregrinorum et Gesta Regis Ricardi»*, отчета о Третьем крестовом походе, отмечал, что

«Рассказ об огромном количестве погибших в армии за такой короткий промежуток времени покажется невероятным. Количество погибших знатных людей еще можно было определить, а вот потери среди простолюдинов были просто неисчислимы. Согласно его данным в армии погибло: 6 архиепископов, включая патриарха Иерусалимского, 12 епископов, 40 графов, 500 представителей высшей знати, а с ними огромное количество духовенства и людей, которых невозможно сосчитать».³¹

Само собой, экстренная медицинская помощь была минимальной. Орден госпитальеров устроил в ходе сражений в Святой Земле полевые госпитали, но вероятность смерти от раны или от ее воспаления оставалась весьма значительной.

В связи с жесткими физическими требованиями и условиями средневекового общества подавляющую часть крестоносцев составляли мужчины. Но были среди них и женщины, тоже пожелавшие получить свое от обещанных духовных дарований. Ордрик Виталис, творивший в Нормандии в начале XII века, писал: *«рыдающие жены страстно желали оставить детей и все свое достояние и последовать за мужьями»*.³² Известно, что несколько женщин вступили в ряды крестоносцев. Чаще всего это были дамы, занимавшие в обществе высокое положение, например, ко-

ролева Элеонора Французская — сейчас известная скорее как Элеонора (Алиенор) Аквитанская, ставшая впоследствии супругой Генриха II Английского. К сожалению, она оказалась втянутой в один из самых крупных скандалов средневекового периода. Известие о ее любовной связи с дядей, князем Раймоном Антиохийским, во многом подтвердило предубеждение большей части духовенства, что женщина может принести в армию крестоносцев только одни неприятности, поскольку природное ее естество будет вызывать такие пороки, как похоть и зависть.

Простые женщины могли сопровождать экспедицию в качестве пилигримов, либо занимать положение прислуги, например, прачек — а также, несмотря на духовный характер мероприятия, проституток. Большинство жен крестоносцев предпочитали оставаться дома, где их присутствие было куда более важным для охраны семейных владений и воспитания следующих поколений знати.³³

Некоторые женщины могли воодушевлять мужчин на участие в крестовом походе. Как писал летописец Третьего крестового похода, *«невесты побуждали женихов, а матери — сыновей, и огорчало их лишь то, что они не могли отправиться следом из-за свойственной их полу слабости»*.³⁴ С другой стороны, женщины могли и не позволить мужчинам отправиться в экспедицию. Так, в Уэльсе герольд завербовал для похода одного рыцаря, но его жена *«внезатно заставила отказаться от благородного намерения, играя на его слабостях и пустив в ход женские чары»*.³⁵

Учитывая большую вероятность гибели крестоносца, на решившихся войти в их число наверняка оказывалось немалое эмоциональное давление. Теоретически женатый человек, прежде чем стать крестоносцем, должен был заручиться согласием жены. Трудно сказать, имела ли эта мера какой-либо практический эффект. Воспылав энтузиазмом от проповеди, либо находясь под давлением окружающих или вследствие семейных традиций, скорее всего, человек не обращал особого внимания на мнение супруги. Препятствие к

вербовке могло возникнуть лишь в редких случаях. Однако для увеличения количества крестоносцев, вразрез с церковным правом, в послании папы римского Иннокентия указывалось, что согласие супруги не является обязательным.

Вне зависимости от воинского статуса многие крестоносцы охотно отказывались от комфорта и безопасности, окружавших их дома в кругу семьи. Участник Второго крестового похода выразительно говорит о принесенной им жертве:

*«Воистину они [крестоносцы] отказались от всех благ и титулов ради угодного Господу паломничества, чтобы достичь вечной награды. Очарование жен, нежные поцелуи младенцев, прильнувших к груди, еще более трогательные обещания старших детей, желанные утешения родственников и друзей — все оставлено, чтобы следовать за Христом, сохранив в памяти лишь сладкое, но мучительное воспоминание о родной земле».*³⁶

Мысль о том, что придется оставить жену, детей, родителей, семью и друзей, наверняка должна была оказывать серьезное влияние на тех, кто решился встать под знак креста. Учитывая зачаточное состояние средневековых средств связи, даже отправка домой письма была достаточно непростой задачей. Впрочем, у представителей элиты и лиц, имевших доступ к грамотному духовенству, такая возможность существовала. В начале 1098 года граф Стефан Блуа обратился к Адели, «нежнейшей и любезнейшей жене, дорогим детям и всем вассалам», чтобы рассказать об успехах Первого крестового похода. Впрочем, события развивались довольно быстро, и к тому времени, как пару месяцев спустя Адела получила письмо, оптимизм Стефана, равно как и его храбрость, несколько иссякли, и граф покинул экспедицию.³⁷

Учитывая невысокий уровень грамотности, зачастую основным источником информации о событиях в Святой зем-

ле для местного населения являлись сообщения, поступающие в церковные организации. Поэтому в Европе оставалось лишь молиться о судьбе ушедших в крестовый поход. Впрочем, папство призывало людей именно к этому. Достоверно известен, по крайней мере, один случай, когда некий Вальтер Трейонский ушел в монастырь святого Петра в Шартре, чтобы молиться о своем отце, когда тот стал участником Второго крестового похода.³⁸

Люди сражались в Святой Земле или двигались к ней, а все их помыслы обычно были прикованы к оставшейся вдалеке родине. Чувство тоски по дому возникает из неизвестных источников, особенно в тяжелые минуты. Когда первые франкские поселенцы пытались установить свою власть в Святой Земле, они столкнулись со значительно превосходящими силами противника. Временами положение представлялось в самом мрачном свете. Фолькер Шартрский писал:

*«Со всех сторон нас осаждали враги... В тот день все шло не так, не было нам покоя, и к тому же не удалось напоить измученных жаждой животных. Как бы мне хотелось оказаться сейчас в Шартре или Орлеане! И остальные мечтали о том же».*³⁹

Можно ощутить тоску по безопасности родины, по родным звукам и запахам Северной Франции — и понять усталость и страх войска, попавшего в трудное положение вдали от дома. Преимуществом последующих крестоносцев над первопроходцами 1095–1099 годов было присутствие в Леванте франков. Общая вера, язык и, зачастую, семейные узы смягчали культурный шок от путешествия на Восток.

Важной проблемой была и забота о безопасности оставшегося дома имущества и своих семей. На личном уровне многие могли опасаться возможной неверности жен. При осаде Лиссабона в 1147 году мусульмане, защищавшие город, с удовольствием дразнили этим атакующих.

«Они разжигали нас мыслью о многочисленных детях, появившихся в наших домах за время нашего отсутствия, говоря, что, раз у наших жен уже появилось немало потомство, то они не будут сильно убиваться из-за нашей гибели. А еще они обещали, что если кто-то из нас и уцелеет, то вернется домой нищим. Так они насмехались над нами и скалили зубы».⁴⁰

Один из способов гарантировать безопасность женщины и ее сексуальную неприкосновенность было помещение ее под присмотр религиозного сообщества. Крестоносец Первого крестового похода Жильбер из Аалста, готовясь отправиться в Левант, основал для своей сестры Лейтгард монастырь Мерхем.⁴¹

Защита, которую предоставляли крупнейшие религиозные организации того времени, была важна и для решения другой проблемы, встававшей перед отъезжающим крестоносцем и его семьей. В условиях типичной для того времени военной и политической нестабильности отсутствие землевладельца и солидной части его рыцарей давало ниспосланную (в буквальном смысле) небом возможность для его менее порядочного соседа. Папский престол старался предотвратить такие проблемы, объявив о принятии под церковную охрану земель крестоносцев и угрожая жестокими карами тому, кто решится нарушить их неприкосновенность. Но на практике возникавшая после Первого крестового похода масса судебных дел свидетельствовала, что многие рыцари утратили свои земли или какие-либо права за время отсутствия по месту жительства.⁴²

Чтобы предотвратить вероятность такого исхода, крестоносец обращался к какому-либо знатному человеку, зачастую к близкому родственнику, чтобы тот присматривал за его собственностью. В результате иногда удавалось отражать коварные поползновения. Сибилла Фландрская взяла на себя управление графством, когда ее супруг Тьерри

отправился сражаться в рядах воинства Второго крестового похода в 1146 году. Спустя два года, когда владелец соседнего графства Эйно попытался захватить ее земли, Сибилла сама возглавила сопротивление и вынудила противника обратиться в бегство. Разумеется, Сибилла была не единственной женщиной, на которую возложили ответственность за владения ушедшего в поход мужа, и такие моменты предоставляли женщинам средневековья редкую возможность реально осуществлять политическую власть.⁴³

Для тех, кто решался принять участие в крестовом походе, еще одной проблемой становилась стоимость кампании. Для экипировки рыцаря, его эскорта и слуг требовались значительные денежные вложения. Доспехи, оружие и в первую очередь лошади были чрезвычайно дороги. Приходилось также брать с собой значительные суммы, чтобы приобретать продукты — хотя зачастую знать предпочитала брать ценные предметы для обмена или, при необходимости, на подарки.

Необходимость найти средства для крестового похода вынуждала его участников закладывать или продавать свои земли или права собственности — чаще всего, той же церкви, поскольку она была единственной организацией, обладающей достаточными денежными суммами. От средних веков уцелели тысячи записей о сделках; эти документы именовались хартиями, и значительная часть них относится именно к финансированию крестовых походов. В некоторых случаях мы имеем по два или три документа, относящихся к одному человеку, который пытался раздобыть нужные ему деньги, продавая различные права на собственность.

Иногда сами церковные организации не справлялись с финансовыми потребностями, и тогда они вынуждены были переплавлять имеющиеся у них драгоценности. Они могли также преподносить отдельным крестоносцам дары в виде денег или полезных вещей — например, выючных животных. Видимо, семьи предоставляли все возможные гарантии уплаты по полученным ссудам, хотя передача земли и прав

зачастую приводила к бесконечным спорам относительно законности тех или иных обещаний и сделок.

Было подсчитано, что для оплаты участия в крестовом походе рыцарь должен был затратить сумму, равную его доходам за четыре года, и при этом его семья должна была на что-то жить дома — а также иметь некий запас на тот случай, если он не вернется. Для путешествия на Восток многие крестоносцы расходовали все свои деньги, что выпуждало их надеяться либо на покровительство высшей знати, либо на получение добычи от кампании. Если ни одна из этих надежд не оправдывалась, впереди маячила нищета — ведь за возвращение в Европу тоже нужно было чем-то расплачиваться.

Не удивительно, что крестоносцы выражали озабоченность материальной стороной дела. Гуго де Сен-Поль был одной из ключевых фигур Четвертого крестового похода. В июле 1203 года он писал друзьям в Северную Европу: *«Я беспокоюсь за свои земли и займы, поскольку, если я по Божией воле вернусь, то будуотягощенмножествомдолгов, и придется расплачиваться с ними за счет моих земель»*.⁴⁴

В ходе недавних кампаний, например, Вьетнамской войны и конфликта в Персидском заливе в 1991 году, было отмечено, что они порождают целый калейдоскоп эмоций, возникающих уже после боевых действий. То же происходило и после крестового похода. Некоторым семействам возвращение сулило славу и радость. Достижения воинов сохранялись в устных преданиях и литературе. Уильям из Малмсбери, писавший в 1120-х годах, воспевал достижения Годфрида Бульонского и Танкреда Антиохийского:

«...известные возжди, похвалы которым со стороны потомков, если они смогут рассудить правильно, будут беспредельны; герои, погрузившиеся из холода Европы в нестерпимый жар Востока, не заботившиеся о собственных жизнях... они сокрушили столько вражеских городов своими славой и героизмом... Ничто не сравнится с их славой, которая останется непоколебимой вовеки».⁴⁵

В дневнике англо-норманнского монаха Ордерика Виталиса описывается, почему он включил рассказ о Первом крестовом походе в свою «Церковную историю»: это была *«благородная и возвышенная тема, открытая для авторов... Мне кажется, что никогда не существовало более героического предмета... чем та, что Господь открыл в наши дни поэта́м и сказителям, когда посрамил язычников на Востоке усилиями кучки христиан, которых Он побудил покинуть свои дома»*.⁴⁶ Фламандский историк Ламберт из Ардра так описал подвиги своего господина Арнольда Старого: *«Следует, однако, знать, что в этой схватке за Антиохию [июнь 1098 года] Арнольд Старый был признан лучшим среди многочисленных воинов многих наций и народов, поскольку сила его духа была столь же велика, как и рыцарское мастерство его могучего тела»*.⁴⁷ Крестоносцы типа графа Робера II Фландрского в признание их подвигов на Востоке стали называться «иерусалимитянами» (*Jerosolimitanus*).

Мечты о славе и всеобщем восхищении уравнивали оборотной стороной крестовых походов. Большинство крестоносцев возвращались относительно бедными — хотя, к примеру, если верить данным современников, Гюи Рошфор вернулся домой после кампании 1101 года «прославленным и богатым».⁴⁸ Чаще всего путешествие в Святую Землю давало возможность принести с собой частицы мощей святых — бесценное сокровище, которое можно было принести в дар местной церкви. Часто таким образом приносились пожертвования за благополучное возвращение — в том числе и в ответ на финансовую поддержку со стороны церкви. Священнослужители привозили с собой мощи для собственных храмов. В 1148–1149 годах епископ Ортлейб Базельский подарил монастырю Шонталь частичку Креста Господня, а с ним камни из Гефсиманского сада, с Голгофы, от Гроба Господня, от могилы Лазаря и из Вифлеема. Все эти предметы были освящены пребыванием рядом со святынями. Кроме мощей, некоторые крестоносцы везли с Востока более причудливые сувениры — так, Гуфьер Ластурский

привез с собой ручного льва. Увы, дальнейшая судьба зверя нам неизвестна.⁴⁹

Кроме всего прочего, в случае неудачи кампании для крестоносцев существовала еще и такая проблема, как бремя поражения. При паличии церковного благословения крах экспедиции можно было объяснить как с практической, так и с религиозной точки зрения. В ходе Второго крестового похода, пересекая Малую Азию, французская армия несла потери из-за нападений турок. При описаниях кампании постоянно упоминается один человек, Жоффруа из Рансона, и из хроник вырисовывается, что именно он несет полную ответственность за огромные потери. Одо Дсильский, участвовавший в этом походе, вспоминал: *«Жоффруа Рансонский... заслужил нашу вечную ненависть... все считали, что его нужно повесить, поскольку он не подчинился указу короля о дневном переходе. Возможно, дядя короля, разделивший его вину, спас Жоффруа от наказания»*.⁵⁰ Однако Бернар Клервоский, священнослужитель, наставлявший Второй крестовый поход, предпочел указать в качестве причины поражения на чувства алчности и тщеславия участников.

Разумеется, многим семьям приходилось получать трагические известия о гибели родственников. Кроме последствий, которые такие потери оказывали на династические и политические события, мы мало знаем о человеческой и эмоциональной оценке трагедий, хотя некоторая информация чудом сохранилась. Известно, что Эброльда, вдова рыцаря Беренгариуса, погибшего в Первом крестовом походе, ушла от мира и стала монахиней в приоратстве Марсины. Сложнее было в тех случаях, когда никто не знал точно, погиб человек или попал в плен. В 1106 году Ида Лувенская предприняла решительный шаг. Она отправилась на Восток в надежде найти своего супруга Балдуина Монского, графа Эйно, пропавшего в Малой Азии в 1098 году. Местный очевидец писал, что *«из любви к Господу и своему супругу, с огромными усилиями и издержками она направились*

*в Левант, где, к сожалению, не смогла найти ни утешения, ни уверенности».*⁵¹ Другой современник отмечал: *«Был ли он убит или попал в плен, никто не знает и по сей день».*⁵²

Даже если крестоносец благополучно возвращался в Европу, ему приходилось сталкиваться с психологическими последствиями долгих лет войны и страданий, равно как и с воспоминаниями о потере друзей и родственников во время боев. Люди отвыкали от своей родины, сжившись с ежедневными тяготами крестового похода. Иногда за время отсутствия крестоносцев умирали их родственники, владения могли сокращаться или оказывались под угрозой враждебных действий соседей и соперников, что в свою очередь приводило к конфликтам, стычкам или юридическим тяжбам для возвращения утраченных земель или прав. Семья и домочадцы крестоносца вынуждены были заново привыкать к человеку, чье отсутствие как-то компенсировали во время крестового похода.

Средневековые источники не представляют богатой информации на сей счет, но в одном-двух случаях поведение известных нам людей дает представление о том, через какие — физические и моральные — испытания пришлось пройти вернувшимся крестоносцам. Король Конрад III Германский был ранен в голову в битве в Малой Азии в 1147 году. Хотя он поправился в Константинополе и вернулся в строй крестоносцев на следующий год, рана беспокоила его всю оставшуюся жизнь. Скорее всего, Конрад подхватил на Востоке и малярию, поскольку спустя несколько лет после похода его настигла изнуряющая немощь, не связанная с раной. Другой крестоносец, Гай Труссо де Монтлери, страдал от недуга, который сейчас можно определить как первый срыв. Он покинул Первый крестовый поход во время осады Антиохии и, судя по сведениям аббата Сугера, *«был сломен тяготами долгого пути и раздражением, возникшим от множества злоключений, а также виной за свое поведение в Антиохии... Утратив всю телесную силу, он опасался, что его единственная дочь может быть лишена наследства».*

Возможно, что в воинском обществе, где столь важную роль играл статус, Гай не мог вынести бесчестия и в буквальном смысле слова умирал со стыда.⁵³

Возможность сделать еще один беглый взгляд на цену человеческой жизни в крестовых походах дает современная им статуя, находящаяся в музее Изящных искусств в Нанси (см. вклейку). Считается, что представленная на ней пара — граф Гуго де Вадемон и его супруга Эгелина Бургундская. Изначально скульптура располагалась в аббатстве Бельва, которое финансировала семья Вадемон — возможно, упраздненное Эгелиной, когда ее супруг погиб в 1155 году. Гуго принимал участие во Втором крестовом походе, и статуя изображает супругу, которая приветствует его возвращение. Скульптура передает неподдельное волнение и душевную близость, служа ярким напоминанием о чувствах разлуки и горя, порожденных крестовым походом. Двое людей плотно прижались друг к другу, левая рука Эгелины обнимает талию мужа чуть ниже креста, а правая нежно покоится на его правом плече, касаясь шеи. Ее голова прижалась к его бородатому лицу, склонившись на левое плечо, чтобы ощутить его близость и тепло. Эгелина счастлива вновь увидеть Гуго, но радость смешана с печалью. По тому, как тесно женщина прильнула к мужу, создается впечатление, что она не хочет больше отпускать его никуда. Проведя годы в разлуке, она не может смириться с мыслью о новом расставании.

Что же касается Гуго, то по напряженному выражению его лица, явно читается переутомление от совершенного путешествия. Граф смотрит прямо вперед, он утомлен, но полон решимости в выполнении своего обета. Он крепко сжимает посох странника (представления о паломниках и крестоносцах в то время тесно переплетались, отсюда посох и сума). Обувь изодрана в клочья, что показывает сложность пути. Но и он выражает свое чувство к Эгелине, обняв защищающим жестом ее плечи левой рукой и чуть сжав пальцами для подстраховки. Гуго и Эгелина были счастливы вновь обрести друг друга, и в скульптуре читается их взаимная пре-

дапность. Но, разумеется, для многих исход крестовых походов был не столь благоприятен.⁵⁴

По существу, крестовый поход являлся весьма опасным и дорогостоящим предприятием. Он мог принести человеку и его семейству славу и почести — но мог означать смерть, неопределенность или даже финансовый крах. Причины, по которым несколько поколений уроженцев Запада решались присоединиться к столь рискованному предприятию, были сложны и примечательны.

ГЛАВА 2

«Итак, о братие, примем триумфальный знак креста!»

Проповедь аббата Мартина о крестовом походе, собор в Базеле, май 1200 года

В конце 1199 и начале 1200 годов папский престол активизировал усилия для поддержки идеи Четвертого крестового похода. Новости о предполагаемой экспедиции прошли по католическому миру, передаваясь из уст в уста среди торговцев, пилигримов, дипломатов и солдат. Проповедники без устали трудились при дворах, на рынках и в соборах Франции, Германии, Нидерландов, Англии и Италии. Независимо от языка, политики и социального статуса, призыв к крестовому походу проникал повсюду: постоянное, беспрестанное напоминание каждому о христианском долге возвращения Святой Земли.

Одним из самых видных проповедников похода был Фульк Нейский.¹ Он сделал карьеру от простого приходского священника, став известной фигурой, привычной для парижских школ и широкой публики. Современники опи-

сывали его как человека, сурового и неумолимого в осуждении грешников, особенно неверных женщин и ростовщиков. Кроме того, ему приписывали многие чудеса и исцеления. «Повсюду его принимали с величайшим почтением, как ангела Божия», — писал современный Фульку летописец-цистерцианец Ральф из Коггсхалла. При этом Фульк в некотором роде был типичным представителем своей эпохи. Жестокый аскетизм религиозных фанатиков был не для него. О нем было известно, что он любит хорошо поесть и никогда от этого не откажется — что вызывало удивление у тех, кто представлял святого человека лишь постящимся и страждущим.²

Папа Иннокентий слышал об ораторском мастерстве Фулька и просил его принять участие в проповеди нового крестового похода.³ В итоге священник направился на встречу в аббатство Сито, чтобы убедить монахов-цистерцианцев оказать поддержку идее похода. Увы, здесь он не нашел поддержки, хотя монахи Сито долгое время в проповедях сами агитировали новых крестоносцев. Фульк был возмущен и лично выступил у ворот аббатства, призывая собравшуюся по случаю толпу направиться в Иерусалим. И репутация его была столь блестяща, что люди стали стекаться, чтобы присоединиться к кампании. *«Они спешили отовсюду в огромном количестве: бедные и богатые, знатные и простолудины, старые и молодые, бесчисленное множество людей обоих полов. И радостно они принимали из его рук знак креста»*, — пишет Ральф Коггсхалл.⁴

Фульк собрал в Париже еще нескольких знакомых проповедников, но их действия были далеко не столь плодотворны. Вероятно, они были слишком привержены идеям внутренней чистоты и духовного самосовершенствования (которые были особенно важны для современного им церковного мировоззрения), чтобы удачно перевести все это в призыв к новому крестовому походу.⁵

Весной 1200 года проповеднику надлежало посетить город Базель и земли Верхнего Рейна, уже прославившиеся в

истории крестовых походов. Официальное уведомление гласило: третьего мая, в день празднования Обретения Честного Креста Господня, настоятель Мартин из Пайри, цистерцианского монастыря в Эльзасе, прочтет проповедь в соборе Святой Марии в Базеле.⁶ Наконец-то правоверным предоставлялась возможность принять знак креста и понести христианский символ на священную войну. Чтобы получить представление о мотивах крестоносцев, историки чаще всего полагаются на содержание летописей, папских булл, писем современников и официальных хартий. Однако в случае Четвертого крестового похода рассказ Гунтера, монаха из Пайри, содержит полный текст проповеди о крестоносцах, которая дает живое представление о том, как проходила агитация.⁷

Гунтер создал свою *«Historia Constantinopolitana»* не позднее конца 1205 года, основываясь по большей части на отчете об этой экспедиции, предоставленном ему самим настоятелем. Мартин являлся активным участником разграбления Константинополя и привез в монастырь немалое количество святынь. Гунтер создавал свой труд, чтобы оправдать такое «священное» воровство, рассматривая человечество как божье домостроение. В итоге он создал сложное творение, искусно построенное, чтобы лучшим образом раскрыть затронутые темы.⁸

Сам текст проповеди крестового похода предваряется следующим образом: *«Он [Мартин] говорил так или похожими словами»*. В сущности, Гунтер таким образом признает, что его текст не является дословным текстом проповеди, а лишь основывается на заготовленном варианте речи настоятеля, который (возможно) был немного изменен автором. Несмотря на такое предупреждение, перед нами одна из самых древних и самых полных современных записей проповеди о крестовом походе, чье общее содержание отражает папское воззвание к стремлениям, чаяниям и вере крестоносцев.

Возникновение города Базеля относится к римским временам, а название происходит от греческого слова *«basileus»*,

что означает «император», и было принято в честь императора Валентиниана I (364–375). Город стоит на Рейне, важной водной артерии, пересекающей Германию и Центральную Европу. Собор Святой Марии располагается на горе примерно в ста футах над рекой. Чтобы выслушать Мартина, в нем могла собраться достаточно большая аудитория, поскольку размеры собора составляют более 160 футов в длину, а неф имеет почти 45 футов в ширину.⁹ Однако в 1185 году храм был серьезно поврежден пожаром, восстановление шло медленно, а потому маловероятно, что к 1200 году неф был полностью перекрыт крышей заново. Следует предположить, что западная часть церкви являлась в какой-то мере строительной площадкой и отчасти могла оставаться открытой всем стихиям.

К моменту речи Мартина, вероятно, уже была установлена серия цельных величественных арок, перекрывавших пространство собора. Верхушка каждой арки была слегка заострена в том стиле, который являлся самым последним архитектурным достижением того времени и который мы сегодня называем ранней готикой. Сегодня мы не видим почти ничего, кроме светлого розоватого песчаника, из которого создана основная часть храма. Это придает зданию весьма аскетичный вид, но во времена Мартина детали церкви были покрыты яркими красками фресок и украшений, изображавших библейские сцены и события из жизни святых. Сложные и замысловатые скульптуры украшали колонны и надгробия собора, часть из них уцелела до наших дней. Те же падшие христиане, ветхозаветные герои и свирепые мифические чудовища взирают на сегодняшних туристов и верующих, как смотрели на Мартина и его слушателей восемьсот лет назад.

В крытой галерее крипты сохранилось изображение Лютольда Аабургского, епископа Базельского, принявшего участие в Четвертом крестовом походе. Голова и ноги Лютольда были расчищены из-под позднейших напластований, появившихся при модернизации здания, изображение остального

туловища утрачено. Интересно, что здесь мы имеем единственное современное (или почти современное событиям) изображение участника экспедиции. Впрочем, он был увековечен таким образом скорее как выдающийся епископ, чем как крестоносец.

На северном трансепте собора Святой Марии сохранилась серия изображений, призванных напомнить о страданиях святого Винсента, раннего христианского мученика. Здесь представлены его осуждение, избиение, пытка огнем и водой, заключение, а также его погребение — полная картина самопожертвования истинного христианина. Для потенциальных крестоносцев, слушающих Мартина, идеи страдания и смерти могли лишний раз живо напомнить о возможной судьбе, тогда как образы ангелов служили залогом вечной награды для верных.

Средневековая церковь часто была центром жизни города. Сегодня в них чаще всего тихо, все находится в строгом порядке — но чтобы увидеть церковь в Средние века, нужно вообразить нечто совершенно другое. В них царил шум, хаос и разноцветье. Торговцы съестным, менялы, другие продавцы кружили вокруг входа в здание, предлагая любопытствующим, нуждающимся и неосторожным свой товар или мастерство. Исполнители искали возможности привлечь слушателей к своим песням или рассказам о подвигах и чудесах. Звуки и запахи приготовления пищи, крики торговцев, восклицания людей, собравшихся вокруг игроков в кости, составляли неизменную часть окружения. Толпы снаружи собора гудели от новостей и ответных рассказов о последних сплетнях и интригах. Такие собрания были лучшим источником новостей и информации, а истории о скандалах или бедствиях распространялись со скоростью лесного пожара.

Надо также представить и смешение языков. В сердце Европы, в ключевой точке такого канала связности, как Рейн, чаще всего звучали французский, немецкий, окситанский (язык Южной Франции) и латинский; от более отваж-

ных странников можно было услышать датскую, испанскую, английскую или русскую речь. Суматоха вокруг собора просачивалась и внутрь, где пилигримы и гости смешивались с местными прихожанами и клириками. Больные, калеки и нищие собирались, выпрашивая подаяние и пытаясь ухватить долю милостыни, брошенной всем. В некоторых храмах пол делался наклонным, чтобы скопившаяся за день грязь и мусор от толпы людей вымывались в конце дня на улицу. В Базеле основным источником шума была, разумеется, проповедь нового крестового похода, которая привела в собор огромную толпу.

Возможно, для настоятеля Мартина это было выступление перед самой большой аудиторией за все время поездки. Мы мало знаем о его предшествующей деятельности — но вполне вероятно, что количество слушателей было самым значительным за всю его жизнь. На нем лежала ответственность за успех предприятия во славу господа, а потому было чрезвычайно важно достичь результата — и эту задачу поставил строгий повелитель, папа Иннокентий III.

Готовясь к проповеди, Мартин должен был учесть различные, иногда и противоречивые обстоятельства. Аббату надлежало представить воззвание так, чтобы оно было воспринято на нужном уровне. Его слушателями были простые люди, а не собрание образованного духовенства или группа местных феодалов, с которыми приходилось сталкиваться в повседневной жизни монастыря. Сквозь всю речь должна была четко прослеживаться единая мысль: требовалось особо подчеркнуть острую необходимость в крестовом походе и неоценимую награду для тех, кто к нему присоединится. Избыток теологических построений или чрезмерная сложность помешали бы воспринять самую суть речи.

Мартин обязан был вызвать у слушателей целую палитру эмоций: гнев, сожаление, желание отомстить — вот какие чувства должно было породить желание спасти Святую Землю от рук язычников. А кроме того, нужно было создать настроение личного интереса к воззванию, сыграв на желании

каждого искупить свои грехи, избежать адских мучений и спасти душу в покаянном паломничестве (иными словами — в крестовом походе). Можно было апеллировать и к мирским ценностям: чести семьи, традициям крестовых походов, стремлении получить богатую прибыль.

По существу, принявший знак креста соглашался окантоваться в чрезвычайных обязательствах, делая, вероятно, самый значительный выбор за всю свою жизнь. Странствие за 2200 миль от Базеля до Святой Земли, риск болезней и ранений, грядущая схватка с безжалостным и могучим врагом, не говоря уже об огромной стоимости экипировки, транспорта и пропитания — все это делало крестовый поход серьезнейшим предприятием. Мартину приходилось призывать людей оставить свои семьи, покинуть жен и детей, лишив их защитника, в надежде на то, что они благополучно дождутся его возвращения.

Этим отрицательным факторам Мартин должен был противопоставить ряд весьма привлекательных идей. Главным козырем была неотъемлемая религиозность того времени. Глубоко укоренившаяся набожность приписывала христианскую Европу того периода и служила основным мотивом для крестовых походов с самого возникновения этого движения в 1095 году. Более того, поскольку к 1200 году уже состоялось несколько экспедиций, традиция крестовых походов проникла в некоторые знатные роды и целые регионы, что также играло на руку аббату. Такие традиции обрачивались убежденностью, что каждое поколение в рыцарском роду должно сыграть свою роль в борьбе за Святую Землю.

Еще Мартин мог напомнить и о перспективе материального обогащения. Для некоторых духовных лиц мысль о получении выгоды от религиозных войн казалась неприемлемой, но папство хорошо осознавало положение вещей и примирилось со ставшей традиционной практикой крестовых походов. Кроме того, добыча была необходима для того, чтобы покрыть расходы на кампанию — ведь требовалось пла-

тить жалованье рыцарям, оруженосцам и остальным солдатам. Существовало каноническое право (смесь библейских прецедентов и решений предыдущих римских пап), по которому даже во время войн за веру солдатам выплачивалось некоторое жалованье. Но склонность к излишествам официально осуждалась, поскольку захват армией слишком богатой добычи мог привести к греху стяжательства, следствием которого стало бы лишение господнего благоволения, что, в свою очередь, грозило провалом всей экспедиции.¹⁰

Когда отец Мартин взвешивал свои слова, вполне возможно, что он, посоветовавшись с кем-то или вспомнив об этом сам, обращался к примеру предшествующих крестовых походов. В охватывавшей всю Европу иерархии цистерцианских монастырей Пайрн был связан с общиной Моримон, «интеллектуальным» центром ордена. Возможно, Мартин обращался за информацией туда. В тамошней библиотеке хранилась история Первого крестового похода наряду с письмами и трудами другого цистерцианца, Бернара Клервоского, умершего в 1153 году. Бернар, позднее канонизированный, был одним из самых ярких проповедников крестовых походов XII века и за свои красивые и убедительные речи получил прозвище «сладкозвучного доктора». вполне резонно предположить, что Мартин позаимствовал у него часть аргументов и оборотов. Сам Бернар 6 декабря 1146 года произнес проповедь в Базеле, призывая ко Второму крестовому походу.¹¹

Даже та незначительная информация о настоятеле Мартине, которой мы располагаем, указывает, что он был хорошо подготовлен к чтению проповеди. Правда, основным нашим источником является Гунтер, товарищ Мартина по монастырю, то есть его рассказ может быть пристрастным и содержать некоторые преувеличения. Тем не менее из него следует, что отец Мартин был приятным человеком. Его описывают жизнерадостным, смиренным (непременный атрибут описания достоинства духовного лица) и популярным. Его

цепили за мудрость, за мягкость в обращении с братией, хотя при этом он пользовался авторитетом у мирян всех кругов общества. Гунтер пишет, что «и клирики, и миряне считали его привлекательным и легким в общении». Когда настоятель начал путешествовать с проповедями, часть монахов переживала, что ему, возможно, ослабленному годами аскезы, поста и молитвы, будет сложно выдержать тяготы этого утомительного занятия. Несколькими десятилетиями ранее святой Бернар задал себе столь жесткий повседневный распорядок, что почти разрушил собственную пищеварительную систему. Он так часто чувствовал себя плохо, что рядом с его местом в церкви приходилось помещать специальный сосуд, куда он время от времени сблеывал. Но Мартин, следовавший этому же распорядку, оказался куда более крепким человеком; к тому же он был вдохновлен поставленной перед ним задачей, за решение которой взялся с «энергичной самоуверенностью».¹²

Объявление о проповеди было дано заранее, чтобы собрать максимальную аудиторию. Многие слушатели Мартина являлись местными жителями, но некоторые приехали специально, чтобы послушать его. В конце апреля — начале мая Базель словно начал притягивать к себе людей. Дороги стали заметно многолюднее, потенциальные крестоносцы, торговцы и просто любопытствующие стягивались к собору. Люди приезжали в повозках, обменивали, выпрашивали или покупали еду. Двигаясь к городу, они уже начинали испытывать меж собой некое чувство единства. Путешественникам было что обсудить. Они обменивались новостями о положении в Святой Земле и о ставшей легендой свирепости врагов-мусульман; спорили о лучшем пути на Восток; обсуждали, как лучше распорядиться землями, что пужно, чтобы оставить семью, и у кого занять денег. Некоторые уже совершали паломничество на Восток или участвовали в предыдущих крестовых походах. На их опыт полагались, а рассказам верили безусловно, щедро приукрашивая их при пересказе другим.

Много шло речей и о подвигах героев крестовых походов. Со времен Первого крестового похода события этой благословенной богом экспедиции пересказывались столь часто, что поступки и слава ее вождей стали эпосом. Песни трубадуров о рыцарских подвигах, эпические сказания (*chansons de geste*) и монастырские хроники не уставали напоминать людям о славе предшественников.

Наконец 3 мая настал великий день, о котором говорилось, что множество людей «жадно» ожидали начала проповеди. Алтарь собора в Базеле воздымается над криптой, так что Мартин стоял на несколько футов выше своей аудитории, что давало ему прекрасную возможность обращаться к ней. Когда аббат поднялся на возвышение, чтобы начать проповедь, возбужденная толпа стихла. Мартин был исполнен предвкушения, «все его существо горело небесным рвением», и перед началом речи он предложил каждому помолиться в своей душе. Объятый божественным вдохновением, аббат приготовился говорить. Нынешнему читателю многие из его слов и образов покажутся излишне напыщенными, а мощная реакция слушателей представится неестественной. Сегодня выражение общественным деятелем открытых эмоций вызывает лишь иронические комментарии. В средневековье же плач, тесный физический контакт, падение на землю расценивались как естественное проявление религиозных чувств и были вполне обычным делом. Летописцы их отмечали — но не в качестве чего-либо необычайного или предосудительного. Следует вспомнить и о масштабах цели, которую поставил перед собой аббат. Чтобы убедить людей принести такую огромную жертву, какой следует считать участие в крестовом походе, требовалось нечто исключительное.

В начале проповеди Мартин применил поразительный для слушателей прием. Он внушил им, что слова, которые они слышат, принадлежат самому Христу:

«Внемлите словам моим, господа мои и братие, внемлите словам моим! Воистину не моим словам, но Христовым!»

Сам Иисус Христос сотворил эту проповедь, а я лишь ничтожное Его орудие. Христос сегодня обращается к вам, говоря моими устами. Это Он, скорбящий сегодня перед вами о своих ранах».

Таким образом проповедь сразу же была проникнута присутствием самого Господа и его божественным установлением. Аудитория с самого начала была вынуждена соответствовать тому, что угодно ее богу.

Аббат быстро перешел к самой сути. *«Христос изгнан из Его священного обиталища, места его могущества. Его вышвырнули из того города, где Он принес в жертву за нас свою кровь. О, какое это мучение!»* Образы потери Иерусалима и пролития крови (крови Христовой, пролитой ради всего человечества) были удачно усилены восклицанием Мартина о страданиях. Заявив, что через него к собранию обращается Христос, аббат создал впечатление, что в этот момент в соборе Базеля сам господь стонает от боли. Другими словами, Мартин донес страдания Христовы и его потерю прямо до слушателей.¹³

Далее аббат развил мысль о мучениях, причиненных Христу изгнанием христиан из Иерусалима. Он напомнил слушателям о его жизни, воскресении и о его учении апостолам. Он подчеркнул, что сам Христос учредил таинство причащения его тела и крови (евхаристию), близкое каждому из его слушателей, которые, конечно же, ведут регулярную церковную жизнь. После короткого отступления, напомнившего о неразрывной связи присутствия Христа на земле и его даре человечеству с потерей материального Иерусалима, Мартин вернул аудиторию к основной теме: *«И эта земля сейчас попирается варварскими обычаями языческих племен! О, несчастье, горе, беда несказанная! Святая Земля... отдана была в руки нечестивых. Церкви ее разрушены, гробницы ее [то есть Гроб Господень] осквернены, царский трон и достоинство повергнуты в прах».* Образ оскверненного рая и поругания Святой Земли восходил ко вре-

мени Первого крестового похода и нередко применялся в проповедях о крестовых походах. Естественно, такое описание должно было вызвать в аудитории чувство гнева: нечестивое и богоборческое племя заполонило землю Христову.

Коснувшись темы о разрушении церковей Святой Земли — тех зданий, в которых присутствующие могли сами бывать во время паломничеств, — Мартин снова обратил внимание людей к сегодняшнему дню. Кроме уничтожения церковей, аббат упомянул и об утрате Истинного Креста Господня: *«Этот самый священный и почитаемый Крест из дерева, которое пропитала Христова кровь, спрятан и заперт людьми, для которых он не значит ничего, и ни один христианин не знает, что сделали с ним и где его искать»*.

Истинный крест был, вероятно, самой важной уникальной реликвией и считался частью креста, на котором был распят Иисус Христос. Тело его вознеслось на небеса, следовательно, не осталось мощей, которые можно было бы использовать в качестве реликвий — а потому особую ценность обретали предметы, связанные с земной жизнью Спасителя. Истинный Крест, на котором Иисус пострадал за все человечество, разумеется, был предметом невероятного духовного значения. Он был обретен в Иерусалиме Еленой, матерью первого христианского императора Рима, в IV веке, и память об этом событии празднуется католической церковью 3 мая*. Таким образом, Мартин в день религиозного праздника удачно связал такие ключевые исторические моменты, как страдания Христа и обретение креста, с крестовым походом.¹⁴

Сама реликвия была разделена на две части: одна была переправлена в Константинополь, другая осталась в Иерусалиме. Та часть, что находилась в Иерусалиме, была захвачена персами, но затем в VII веке вновь приобретена

* В Православной церкви память об обретении Креста Господня приходится на 27 сентября по новому стилю. (Прим. перев.)

Иерусалимским патриархом Ираклием. В этом же столетии после арабского вторжения крест вновь был разделен, и большой его фрагмент был обнаружен вскоре после взятия крестоносцами Святого града в 1099. Запутанная история этой реликвии и ее идентификации страдает множеством нестыковок, но крестоносцы верили в ее абсолютную правдивость.

Деревянные остатки Истинного Креста были закреплены на большом металлическом кресте, украшенном золотом и серебром, который сохранялся в особой часовне церкви Гроба Господня. Франки брали его с собой в битвы, рассчитывая на защитную силу святыни. В июле 1187 года в битве при Хаттине Саладин захватил крест, и с тех пор о нем ничего не было известно. Его возвращение было основной заботой церкви, которая вела по этому поводу переговоры, окончившиеся неудачей. Мартин побуждал своих слушателей помочь обретению реликвии, теснейшим образом связанной с земной жизнью Иисуса. Выбор для речи дня празднования обретения Креста Господня добавлял его воззванию еще большую силу — что лишний раз убеждает в тщательности подготовки деталей проповеди.¹⁵

Затем священник перешел к описанию военной ситуации в Леванте. «В сущности, все христиане, населявшие эту границу, были уничтожены». Отметив, что те, кто выжил, собрались вокруг города Акра (север современного Израиля) и многократно подвергались вражеским нападениям, Мартин добавил, что и тут «наследие Христа заставляет сегодня звать к вам через меня».

Реальные обстоятельства были не совсем таковы, как представил их аббат. Хотя земли франков значительно сократились после завоеваний Саладина в 1187 году, результаты Третьего крестового похода позволили европейцам сравнительно надежно закрепиться на прибрежной полосе. Кроме того, мусульманский мир раскололся из-за жестокой распри между наследниками Саладина и был не способен организовать серьезные нападения на христиан. Но в

контексте проповеди излишняя точность не являлась необходимой. Едва ли сам Мартин или его слушатели знали точные детали — а то, что франки были слабы и не смогли удержать Иерусалим, было правдой.

Как бы то ни было, преувеличение составляло основу проповедей о крестовых походах с самого начала. В 1095 году папа Урбан II описывал, как христиан на Святой Земле привязывают к столбам, используя в качестве мишеней для тренировки языческих лучников — это описание было лишено каких-либо оснований. Но такие заявления, будь они правдой или нет, служили целям проповедников и помогали подстегивать религиозные чувства слушателей и их стремление отомстить мусульманам. Людям нужно было верить, что они рискуют жизнями ради возвышенных целей, и сложное положение их собратьев-христиан на Святой Земле составляло немаловажную часть этой веры.¹⁶

После пламенной демонстрации необходимости совершить работу во славу господа аббат напрямую обратился к аудитории: *«Теперь, истинные воины, поспешите помочь Христу. Войдите в Его христианскую армию. Летите воссоединиться с полками света. Сегодня я вверяю вас делу Христа, чтобы вы могли потрудиться для восстановления Его наследия, из которого он был столь безжалостно изгнан»*. Так вновь возникла тема необходимости срочных действий.

Также была затронута и болезненная для Западной Европы тема справедливости, а именно — честного наследования собственности. О наследственном праве на землю проходили бесконечные дискуссии, и мысль о потере земли могла затронуть сильные чувства в душе человека. А уж если наследства был лишен сам Иисус Христос, необходимость восстановить справедливость становилась еще важнее.

Настоятель Мартин обратился и к опасностям, подстерегающим крестоносцев, проблемам, встающим перед ними, и постарался укрепить своих слушателей, напомнив о подвигах предшественников. *«Как бы ни были вы напуганы, что сейчас свирепость язычников против нашего народа усилилась*

многократно, я хочу, чтобы вы помнили о достигнутых успехах ... прославленной экспедиции, которую возглавлял герцог Жоффруа [первый франкский правитель Иерусалима]».

Напоминание об историческом уроке должно было обратиться к рыцарскому чувству чести и возбудить желание превзойти подвиги предшественников при выполнении христианского долга. Мартин также ободрил слушателей, заметив, что Первый крестовый поход завершился успехом, несмотря на отсутствие какой-либо базы на Леванте. А ведь в 1200 году христиане удерживали Акру и Антиохию, а также множество других замков, что могло обеспечить хороший плацдарм для наступления на Иерусалим.

Последняя часть проповеди была посвящена награде крестоносца. Выдвинув аргументы, касающиеся нравственных обязательств христианина, аббат также коснулся двух самых главных интересов человека Средневековья: загробной жизни и денег. Крестовый поход — промысел божий, и Мартин пообещал, что «абсолютно» любой, «принявший крест и принесший истинное покаяние, будет освобожден от всех грехов, и, оставив сию преходящую жизнь, неважно, где, когда и как это случится, обретет жизнь вечную».

Трудно преувеличить масштабы средневековой озабоченности заглаживанием своих грехов и страха вечных адских мучений. Один историк охарактеризовал это состояние как «самый угнетенный чувством вины век в истории человечества», когда грех насилия, похоти, алчности и зависти проникал в мысли и поступки людей. Одного взгляда на графику той эпохи или сохранившиеся до нашего времени скульптуры на дверях церквей в Отане, Конке или Ари достаточно, чтобы безошибочно угадать изображение адских мук.* Ужасные демоны с жуткими зубами и когтями волокут несчастных грешников к месту разнообразных вечных мучений. К грудям блудниц присосались змеи, в глотки фальшивомонетчиков вливается расплавленный металл, много-

* См. вторую страницу вклейки. (Прим. авт.)

грешного рыцаря поджаривают на вертеле, а другого — запихивают в пасть огромного чудовища.

Но крестоносец, покайся в грехах, мог быть избавлен от бремени своих проступков. Таковы были условия сделки: участие в божьем деле, то есть крестовом походе, было настолько суровой епитимьей, что участник получал награду с исчерпывающей щедростью. Этот договор обеспечил привлекательность идее священной войны для нескольких поколений крестоносцев, начиная со времени Первого крестового похода в 1095 году.

Особо подчеркивалось, что время смерти крестоносца не влияет на получение им божественной награды. Это снимало весьма важную проблему. Рискнувшие отправиться в поход прекрасно понимали, что многие из них могут погибнуть еще по пути к Святой Земле — из-за кораблекрушения, нападения неприятеля или, что наиболее вероятно, просто от болезни. Мартин постарался убедить людей в том, что, приняв обет и покайся в грехах, они уже обеспечат себе место на небесах. Другими словами, если намерения крестоносца будут чисты, райская награда не будет отнята у него, даже если он не сможет достичь Святой Земли.¹⁷

Кроме предложения стяжать место на небесах, Мартин подкрепил свою мысль выражением надежды и на земную награду. Некоторые из источников, описывающие проповедь папы Урбана II в Совете Клермона в 1095 году, отмечают, что папа говорил о тех краях, куда направляются крестоносцы, как о землях «молока и меда». Несколько проповедников Второго и Третьего крестовых походов были вполне искренни в описаниях мирских целей в качестве приманки к участию в экспедиции. В этом смысле Мартин даже был несколько уклончив. Он сказал так: *«Сейчас я не стану даже упоминать о том, что земли, куда вы направляетесь, куда богаче и плодороднее, чем здешние. Вполне вероятно, что многие из вас достигнут даже в материальных вопросах благосостояния, которым вполне смогут наслаждаться, вернувшись на родину»*.

Циники могут возразить, что Гунтер подготавливал читателей к последующим событиям своей хроники, когда Мартин (разумеется, от лица Церкви) собрал богатые дары. Можно предполагать, что крестоносцы были воодушевлены на стяжание и земных благ самой проповедью, которая, как мы помним, получила благоволение Христа. Кроме того, при отсутствии сохранившихся текстов проповедей того времени, можно лишь предположить, что подобное заявление стало уже общим местом. Кстати, с учетом того, сколько франкских рыцарей погибло или было пленено в битве при Хаттине в 1187 году, если бы Четвертый крестовый поход преуспел в возвращении Святой Земли, для крестоносцев в самом деле существовала реальная возможность получить там земли и нажить состояния.

Эту часть проповеди Мартин закончил напоминанием: *«Взгляните, братие, кто поручается за вас в этом паломничестве. В наследовании Царства Божия существует безусловная уверенность; да и в деле временного мирского благосостояния вероятность выше средней»*. Кто мог устоять против столь привлекательного предложения?

Переходя к завершению речи, Мартин привел заключительный довод: *«Я сам принимаю обет присоединиться к походу и его трудам и, будь на то Господня воля, надеюсь разделить с вами и успех и испытания»*. Большинство проповедников, агитировавших за крестовые походы, сами не принимали участия в экспедициях — но здесь Мартин страстно уверил свою аудиторию в том, что готов лично разделить с ними все трудности предприятия. Так ему удалось вновь добавить нечто новое к силе своих слов и убедительности аргументов.

В самом конце проповеди, после воодушевленного увещевания, Мартин потребовал от своих слушателей действий. *«Итак, о братие, примем триумфальный знак креста с духом радости. Преданно послужив делу распятого Христа, вы стяжаете богатую и вечную плату за короткую и ничтожную работу»*.

К этому времени священник был эмоционально и физически измучен. Ему приходилось напрягать голос, чтобы покрыть им такое огромное пространство, и вкладывать в свои слова всю силу и энергию. Его слезы и вскрики добавляли речи живости, демонстрируя глубину чувств. Слова проповедника сильно подействовали на слушателей. Во время речи он неоднократно отмечал: *«вы видите слезы... на глазах у всех... слышите стоны, плач и воздыхания, которые указывают на чувство раскаяния»*.

Продуманное построение речи и тщательно выбранные призывы, усиленные живой манерой изложения, должны были оказать на слушателей максимальное воздействие. В результате все присутствующие разделили страдания Христа, оценили опасности, возникающие перед христианами на Востоке, вспомнили о героях Первого крестового похода, уяснили возможность получения огромных духовных и материальных наград. *«Когда, сжав губы, мудрец замолкает, толпа ревет со всех сторон, терзаемая сладостной болью. Они спешат возложить на себя знак распятия, вписать свое имя в ряды соратников Спасителя, ведущего нас крестным путем к небесам»*.

Несмотря на утомление, Мартин, должно быть, чувствовал воодушевление. Толпа хлынула вперед, чтобы принять от него благословение и выполнить волю Господню. Возможно, некоторые из присутствующих уже заранее решили войти в ряды крестоносцев — но именно слова проповедника обратили их мысли в реальность. И почти наверняка эти слова убедили принять участие в походе многих и многих других.

Когда суета стихла, Мартин смог обратиться к повседневным обязанностям. Он назначил дату, к которой все должны были привести в порядок личные дела. Тогда собравшиеся в поход должны были вновь собраться в храме и «вместе с нами вступить на путь священного паломничества».¹⁸

ГЛАВА 3

«Турнир был тщательно подготовленным сражением, и ничего лучшего никто не видел»

**Рыцарский турнир в Экри,
ноябрь 1199 года**

Прочувствованное воззвание аббата Мартина затронуло чаяния и надежды аудитории в Базеле. Другие проповедники в 1199 и 1200 годах произносили страстные и проникновенные проповеди по всей Западной Европе, так что количество людей, желающих присоединиться к экспедиции, постоянно росло.

Было и еще одно происшествие, в результате которого появились волонтеры-крестоносцы. И самое интересное, что это была не проповедь и не религиозное собрание, а событие светской жизни — рыцарский турнир, драматическое и притягательное развлечение рыцарей севера Европы.¹

28 ноября 1199 года в замке Экри-сюр-Эн граф Тибо Шампанский со своим кузеном графом Людовиком из Блуа собрали элиту рыцарства Северной Франции на грандиозный фестиваль, чтобы прославить доблесть оружия,

дать шанс на продвижение в табели о рангах и просто повеселиться. Сегодня этот замок исчез с лица земли, сохранилась лишь часть его фундамента в деревне Эсфельд на реке Эн, что примерно в шестнадцать миль к северу от города Реймс, расположенного в центре герцогства Шампань.

Рыцарские турниры были ярким элементом светской жизни в средние века. Разобравшись в подоплеке и традициях подобных событий, мы сможем лучше понять, почему многие из тех, кто собрался в Экри, решили присоединиться к крестовому походу. В описываемые времена рыцарские турниры весьма отличались от того, что знакомо нам по романам и фильмам. Мы привыкли к стандартной картине: два рыцаря выезжают один на один, берут наперевес копьа и, укрывшись щитами, несутся друг на друга во весь опор. Столкновение, деревянные копьа трещат и раскалываются от удара, один из рыцарей с грохотом валится на землю, а победителя приветствуют радостные крики. Трибуны полны аплодирующей ярко разодетой публикой, а по краям ристалища теснятся рыцарские шатры, на вершинах которых развеваются знамена на фоне безоблачного неба.

Возможно, к XIV веку такая картина более или менее отражала реальность, но парой веков ранее турниры, наподобие того, что проходил в Экри, были куда менее организованны и значительно более жестоки.

Рыцарские турниры проводились произвольно, без описания боев, и обычно сопровождались кровопролитием и мстью. Они не ограничивались огороженным участком ристалища, а простирались на значительную площадь земли. Арена обычно располагалась между двумя избранными деревнями или замками. В 1199 году участок для рыцарского турнира лежал между замком Экри и деревней Балэм в 2,5 миль к северо-востоку. От Экри к деревне Балэм ведет длинный пологий склон. Слева течет Эн, широкая спокойная река, плавно изгибающаяся в неглубокой долине. Расположенные над ней широкие меловые равнины

создавали достаточное пространство для быстрых и свободных перемещающихся состязаний.

Такое открытое пространство было необходимым, поскольку люди редко принимали участие лишь в одной схватке. Они обычно разделялись на два лагеря, до двухсот человек на каждой из сторон. Формирование групп зачастую отражало существующие политические союзы, что могло являться поводом для острой неприязни. По сигналу герольда турнир начинался копейной атакой. Две стороны мчались друг на друга в карьер, и крики людей смешивались с грохотом копыт и бряцанием доспехов. Затем следовало сотрясающее землю столкновение облаченных в полный доспех рыцарей двух лагерей, раздавался глухой стук тел, бряцание металла по металлу, первые крики раненых. Начинался рукопашный бой, от сыпавшихся ударов звенели шлемы. Среди буйства грохочущей стали часто наносились тяжелые ранения; случалось, что люди погибали. Правила были весьма просты, а судейства не было вовсе. Иногда вспыхивали рукопашные схватки или откровенные драки, зачастую сцена турнира превращалась в картину избиения. Победителем обычно оказывался тот лагерь, в котором сохранился больший порядок. Окружающей местности не придавалось почти никакого значения. Фруктовые сады, виноградники и пивы вытаптывались или спосились; иногда рыцари использовали амбары или другие сельскохозяйственные постройки для укрытия или засад; деревенская улица могла неожиданно превратиться в место побоища противостоящих партий.

Цель столь свирепых столкновений состояла в отработке реальных боевых действий, единственное отличие состояло в том, что противников старались скорее пленить, нежели убить. Разумеется, в пылу битвы — или благодаря старым счетам — меч мог ударить сильнее, так что душа расставалась с телом. Неизбежны были несчастные случаи: граф Джеффри Бретонский, младший брат Ричарда Львиное Сердце, погиб на турнире в 1186 году; шесть лет

спустя герцог Леопольд Австрийский скончался, когда на него во время «военной забавы» упала лошадь. Люди оставались калеками, попадали в ловушки собственных доспехов. После одной особо яростной стычки не смогли найти Уильяма Маршала, величайшего воина своего времени. Наконец его обнаружили в местной кузнице, согнувшегося над наковальней под ударами кузнеца. Тот пытался стащить плечом, погнувшийся настолько, что иначе его было невозможно снять с головы. Освободили Уильяма с большим трудом.

В некотором смысле чем свирепее был турнир, тем было лучше. Роджер из Ховдена, английский писатель конца XII века, замечал: *«тот, кто никогда не видел, как течет его собственная кровь, не слышал, как трещат зубы от удара противника, не чувствовал тяжести соперника, тот непригоден для битвы»*.² Быстро меняющаяся ситуация схватки во время рыцарского турнира давала возможность куда более эффективной подготовки к военным действиям, чем можно сегодня себе представить. В «Истории Уильяма Маршала» описывается случай «тщательно подготовленного сражения на определенном участке».³

Рыцарские турниры были невероятно популярны на севере Европы (интересно, что их практически не бывало в Южной Франции или в Италии). Знать испытывала неподдельный интерес к этим пышным зрелищам. Вновь посвященная в рыцарское достоинство молодежь отсылалась, чтобы принять участие в дюжине турниров, происходивших в течение сезона. Так они могли обрести навык совместных действий в сражении, опыт в использовании копья, равно как попрактиковаться в ближнем бою с мечом и булавой. Еще одна привлекательная сторона серий турниров состояла в возможности заработка. Пленные противники вынуждены были платить за свое освобождение; кроме того, иногда приходилось выкупать свою лошадь и доспехи. В 1177 году Уильям Маршал со своим напарником Роджером из Джоя, по своим подсчетам, взяли в плен сто трех рыцарей,

что в немалой степени прославило их.⁴ Молодой рыцарь сравнительно невысокого социального статуса мог повысить его благодаря владению оружием. Всем было известно, что высшая знать частенько посещала такие схватки, чтобы присмотреть самых одаренных новичков и попытаться убедить их перейти к ним на службу. Так что, кроме боевой подготовки, по замечанию одного фламандского автора XII века, существовала возможность «жить со славою и добиться земного почета».⁵

Если молодой рыцарь оказывался достойным воином, он мог достичь еще одной цели — завоевать благосклонность одной из светских дам. На краю ристалища стояли специальные укрытия, где рыцари могли отдохнуть или заняться своими ранами, там же могли собраться зрители. Часто люди наблюдали за схватками из городов или со стен замка, оставаясь в безопасности. Рыцарская культура той эпохи была пропитана идеями куртуазной любви. Рыцарь должен был искать восхищения и покровительства дамы и, доказав в бою свое мастерство, мог удостоиться от нее подарка: пряди волос, фрагмента одежды или другой безделушки. Рыцарь становился ее поклонником и, в обмен на ее любовь и уважение, пытался совершать подвиги в ее имя. «История Уильяма Маршала» описывает прибытие дам на турнир в Джогни, после которого рыцари «убедились, что сами стали лучше». Когда начались схватки, «те, кто был со своей дамой, неизменно побеждали противников».⁶

Развитие куртуазной литературы восхваляло эротические отношения между дамой и рыцарем. Гальфрид Монмутский, написавший в начале 1130-х годов наполовину вымышленную «Историю Британии», приводит такое описание событий при дворе легендарного короля Артура:

«Каждый прославленный за свою отвагу рыцарь этой страны носил одеяние и оружие определенного цвета, и дамы часто выбирали те же цвета. Они с презрением отнеслись бы к мысли отдать свое расположение челове-

ку, не прославившему себя в битвах трижды. Потому женщины становились чище и добродетельнее, а рыцари ради их любви — все более доблестными».⁷

Зачастую такие отношения ограничивались лишь ношением подарка или поцелуем победителю. Нравственные ограничения и необходимость сохранения чистоты династических линий предписывали осторожность по отношению к благородным дамам. Замужние дамы высших кругов старались не вступать в интимные отношения с рыцарями, независимо от их доблести, поскольку наказание за измену могло быть весьма суровым. В некоторых землях она каралась смертью, в иных — нанесением тяжелых увечий, например, назоктомией — отрезанием носа.

Естественно, что иногда недозволенные отношения все-таки возникали, и часто их последствия были пагубными. В 1182 году граф Филипп Фландрский наткнулся на одного из своих вассалов в постели со своей супругой. Рыцарь получил по заслугам — его избили придворные палачи, после чего он был повешен вниз головой в выгребной яме, где и задохнулся. Иногда для скандала хватало одних слухов. Уильям Маршал якобы флиртовал с супругой молодого принца Генриха (старший сын Генриха II, умерший в 1183 году, за шесть лет до смерти отца). Когда об этом стало известно, Генрих-младший вынудил Уильяма покинуть двор. Тем не менее некоторые тайные интриги продолжали существовать, и, по крайней мере для незамужних дам, флирт и многозначительные намеки на развитие отношений в будущем оставались *de rigueur**. Разодетых в лучшие шелка или укутанных в меха и мантии зимой, дам высшего света той поры следует считать равноправными участницами рыцарских турниров.⁸

* Обязательный, диктуемый существующими нормами или текущей модой. (Прим. перев.)

Демонстрация социального уровня была неперенным аспектом рыцарского общества. Лучшие из рыцарей были не просто отважными воинами — они также покровительствовали музыке и литературе, были щедры и организовывали роскошные праздники. Когда рыцарские турниры стали центральной частью этой культуры, литературные эпосы эпохи всячески прославляли и преувеличивали их значение. Все эти труды сочинены с известной долей фантазии, а потому полученные из них данные следует использовать с осторожностью. И все же при описании столь традиционного события, как рыцарский турнир, они должны были отражать реальность достаточно точно, чтобы искушенные читатели могли почувствовать должную атмосферу.⁹ Кретьен де Труа, один из самых знаменитых авторов той эпохи (его покровителем был граф Филипп Фландрский, известный пристрастием к рыцарским забавам) так описывал турнир в романе «Эрек и Энида»:

«Спустя месяц после Пятидесятницы был объявлен турнир, для которого была выбрана равнина... Множество знамен было там — и ярко-красных, и синих, и белых, множество вымпелов и рукавов, подаренных в знак любви. Много было принесено копий, окрашенных в лазурный цвет и в красный, в золото и серебро, и в другие цвета, полосатых и пестрых. Забрала на множестве шлемов были... и зеленые, и желтые, и алые, и все они сверкали на солнце. Множество доспехов было там, и множество белых кольчуг, на левых боках висело множество мечей, множество новых крепких щитов, лазурных, красных и серебряных с золотыми умбонами в центре. Множество прекрасных лошадей мчались галопом...

Равнина полностью покрылась доспехами... сумятица нарастала. Ломались копья, пробивались щиты, доспехи покрывались зазубринами и разрывались, седла пустели, рыцари падали, кони тонули в мыле и поте. Над с грохотом упавшими рыцарями вздымались мечи. Кто-то бе-

жал, чтобы договориться о залогах со стороны проигравших и возвращении их в строй. ...

Эрек не хотел захватывать ржущих коней или брать пленников, он собирался лишь биться, чтобы продемонстрировать свою доблесть.

Он заставлял трепетать ряды воинов, и его мастерство вдохновляло рыцарей, бившихся на его стороне».¹⁰

Когда в одном месте собиралось такое множество рыцарей и знати, турниры давали прекрасную возможность проявить не только воинские качества, но, к примеру, гостеприимство и щедрость. В качестве демонстрации покровительства раздавались подарки: деньги или ценности, лошади или даже земли. Стремление знати превзойти друг друга означало, что стоимость подобных событий была немыслимой. Необходимо было где-то селить рыцарей и их свиты; оруженосцев, конюхов и слуг нужно было кормить; лошадей следовало поместить в конюшнях. Проводились огромные пиршества, для которых нанимали жонглеров, фокусников, карликов, акробатов и рассказчиков, готовились лучшие блюда. Еда и напитки подавались в золотой и серебряной посуде, а сложная система размещения гостей отражала их иерархию и статус. Приглашенные музыканты не жалели сил, и грохот барабанов, тамбуринов, флейт, волюнок, труб и рожков разносился по главному залу замка.

На пиршествах танцевали. На турнир в Джогни, описанный Уильямом Маршалом, собралось множество красивых женщин. Когда дамы начали прибывать, все мужчины поднялись со своих мест, чтобы приветствовать их. Один предложил: «Давайте танцевать!» Сам Уильям спел песню, а рыцари взяли руки дам и начали танец.¹¹ Залы украшали знаменами и щитами, стены в некоторых замках были расписаны фресками с изображениями великих сражений прошлого. В середине XIII века Генрих III Английский украсил Вестминстер-холл, некоторые помещения в лондонском Тауэре, замок Винчестер и дворец Кларендон сценами

подвигов его предшественников-крестоносцев — герцога Роберта Нормандского и Ричарда Львиное Сердце.¹² Венецианский Дворец дождей был расписан фресками, изображающими взятие Тира в 1124 году. Возможно, замок в Экри был слишком скромн для такого богатого украшения, но присутствие в нем в поябре 1199 года таких людей, как Тибо и Людовик, почти наверняка означало, что турнир сопровождался роскошными пиршествами и развлечениями.

Изображение подвигов крестоносцев в замках знати отражает связь между обычными мирскими помещениями и священной войной. Взаимные отношения между турнирами, крестовыми походами и церковью были исполнены напряжения и внутренних противоречий. Теоретически церковь была ярким противником рыцарских турниров. В 1159 году папа римский Иннокентий II издал указ: *«Мы полностью запрещаем с этих пор эти омерзительные сражения и турниры, на которые по своему согласию собираются рыцари, стремясь продемонстрировать свою физическую доблесть и грешность, что часто приводит к смерти телесной и опасности для души»*.¹³

Для церкви турниры лишь способствовали греху: гордыни, ненависти и тщеславия; шпы вели к обжорству, а рыцари погряжали в любострастии, пытаясь произвести впечатление на распутных женщин. Учитывая реальные события, можно понять, что в таких доводах была немалая доля правды. Рыцари действительно направляли свои стремления на самовосхваление; в результате нередко возникали беспорядки и убийства. И все же, несмотря на многократные законы, направленные против рыцарских турниров (1130, 1139, 1148 и 1179 годы), рыцари и знать Северной Европы проявляли к ним лишь больший интерес.

Из-за того, что турниры были отличной практикой боевых действий и предоставляли максимум шансов проявить себя, а также возможностей для карьеры и получения покровительства, запретить их было невозможно. Например, невзирая на папские запреты, крупный турнир, организо-

важный в 1184 году императором Фридрихом Барбароссой в Майнце, посетили несколько заметных церковных деятелей. Многие из них были связаны родственными узами с высшей знатью. Семейные связи, а также общее культурное и географическое окружение приводили к тому, что духовные лица естественным образом проявляли заинтересованность в турнирах. Что важнее для истории крестовых походов — несмотря на вероятность совершения греха, которая так беспокоило папство, многие из организаторов или участников турниров были известны своим благочестием. Граф Филипп Фландрский отправился в крестовый поход в 1177–1178 годах и погиб при осаде Акры во время Третьего крестового похода в 1191 году. Граф Генрих Шампанский, получивший за свои личные качества прозвище «Великодушный» (*Liberal*), прославился своими пожертвованиями в пользу религиозных общин и тоже являлся видным крестоносцем. Фландрия и Шампань, сердце турнирной жизни, поставляли для крестовых походов многих закаленных бойцов.¹⁴

Тесная связь между крестовыми походами и рыцарством заметна с первого взгляда. Военный опыт, приобретенный во время турниров, можно было использовать и во время священной войны. Умение рыцарей из разных земель объединяться и взаимодействовать в бою во время крестового похода было неоценимым. Более того, в рыцарстве просматривался и религиозный аспект. Служение господину, представление о чести, ритуал освящения оружия — все это имело подоплеку, не чуждую церкви. Не становясь, вопреки опасениям пап, помехой крестовым походам, нравственные ценности и дух товарищества, типичные для рыцарских турниров, к началу XIII века стали веским стимулом к крестовому движению. Позднее, в течение следующего столетия, церковь стала терпимее относиться к рыцарским турнирам, видя их значение для подготовки к крестовым походам. Гумберт из Романса, выдающийся церковный деятель, приравнивал эти поединки к «походам на сарацин».¹⁵

Несомненно, стремление к получению славы подвигами в бою было могучим стимулом для рыцаря. И какой искать лучший повод, чем необходимость выполнения Божьего дела? Мы видели, как были прославлены за свою доблесть участники предыдущих походов. Слава Ричарда I Английского была выкована во время Третьего крестового похода, в котором его отвага в бою почиталась обеими сторонами. Мусульманский автор писал: *«Мы никогда не сталкивались с более храбрым или искусным противником»*.¹⁶ Западные авторы называли его «лучшим рыцарем на земле», и именно в крестовом походе Ричард получил прозвание «Львиное Сердце». Но еще до подвигов на Востоке вхождение в ряды крестоносцев удвоило его славу, как отмечал один из его современников.¹⁷

Конон Бетюнский был фламандским рыцарем, участвовавшим в Четвертом крестовом походе, а также автором романтических стихов. Он соединил самые мирские стороны рыцарства с крестовыми походами, заметив, что никакие успехи на рыцарских турнирах не смогут подарить рыцарю такого успеха среди прекрасных дам, как принятие креста. Его современник Гай де Куси выразил подобные чувства напрямую: *«Да даст мне Господь честь соединиться с той, кому принадлежит мое сердце и помыслы, прежде чем я пересеку море к Утремеру*»*.¹⁸ Таким образом, крестовый поход стал возможностью проявить все рыцарские, равно как и христианские, добродетели. Призыв к новому походу, прозвучавший в 1198–1199 годах, дал новый шаг благочестивым, честолюбивым и благородным рыцарям. Не случайно во главе основных знатных родов Северной Франции встало именно новое поколение. Эти люди были готовы сделать шаг и сразиться ради Господа и для обретения славы.

В какой-то момент турнира в Экри граф Тибо и его кузен граф Людовик остановили происходящее действо и

* Земля за морем, Заморье — так именовались европейские владения в Палестине. (Прим. ред.)

объявили о принятии креста, посвятив себя служению богу.¹⁹ Должно быть, их подвигла к такому действию некая проповедь, данных о которой у нас не сохранилось. Турниры часто проводились одновременно с крупными церковными или семейными праздниками, так что в 1199 году присутствие на таком мероприятии священника, призывающего к крестовому походу, выглядит совершенно естественно. Очевидно, ему удалось, памятуя о призыве Иннокентия, убедить Тибо и Людовика. Оба они были людьми могущественными и обремененными слишком большой ответственностью, чтобы действовать совершенно спонтанно. В истории их рода было много крестоносцев, и оба прекрасно понимали, какими обетами связывают себя перед господом. Оба графа осознавали важность предпринятого шага — теперь попытка уклониться от данных обещаний повлекла бы за собой церковные санкции и великий позор. Но наверняка кроме общей религиозности, присущей их времени, весомым аргументом в принятии решения была семейная история молодых людей.

Тибо был моложе, ему исполнилось двадцать, но он правил Шампанью уже в течении трех лет. Его владения считались наиболее крупными, богатыми и престижными в Западной Европе. Графы Шампанские наряду с графами Фландрскими были, вероятно, самыми значимыми фигурами королевства за исключением короля Франции. Среди его предков числились король Людовик VII Французский (1137–1280) и Элеонора Аквитанская; кроме того, он приходился племянником Ричарду Львиное Сердце, королю Джону Английскому* и королю Филиппу Французскому. Кроме блестящего генеалогического древа, родословная крестоносцев в роду Тибо тоже была весьма впечатляющей: его отец Анри участвовал во Втором крестовом походе и предпринял личную экспедицию в 1179–1180 годах. Брат

* Более известному как принц Джон, он же Иоанн Безземельный, то есть «псудачник». (Прим. ред.)

Тибо, граф Анри Второй, принял участие в Третьем крестовом походе и руководил французским контингентом до прибытия короля Филиппа. В качестве еще одного семейного достижения можно вспомнить, что после убийства в 1192 году Конрада Монферратского, назначенного для управления Иерусалимом, именно Анри-отец был избран, чтобы занять это место. 5 мая того года он стал правителем Иерусалима — это было весьма престижное звание, хотя сам город оставался в руках мусульман. Анри правил до 10 сентября 1197 года, когда увесистый хозяин, принимавший его в гостях, рухнул вместе с ним с балкона, в результате чего гость разбился насмерть. Супруга Анри, Изабелла, сохранила номинальный титул правительницы Иерусалима, а Тибо стал графом Шампанским.

Из сказанного вполне можно понять мотивацию графа поддерживать семейные традиции крестоносцев рода Тибо и помочь вновь обрести город, которым некогда правил его отец. Он достиг совершеннолетия в 1198 году и теперь, будучи взрослым человеком, мог действовать согласно родовой традиции.²⁰

Когда Людовик де Блуа решил присоединиться к крестоносцам, ему было двадцать восемь лет. Он также был внуком Людовика VII и Элеоноры, племянником короля Жюна и короля Филиппа. Несмотря на молодость, у него уже был опыт крестовых походов. Его отец Тибо Добрый принимал участие в Третьем крестовом походе, и сохранились свидетельства, что Людовик его сопровождал. Тибо Добрый был одним из многих представителей знати, погибших при осаде Акры в 1191 году, но его сын выжил и достиг благодеяния. Жена Людовика Катрин принесла ему графство Клермон. Ее первый супруг Рауль также погиб у Акры. В результате Людовик правил обширными землями.²¹

Действия Тибо и Людовика воспламенили во многих стремление присоединиться к крестоносцам. Так идея Иппокентия наконец-то привлекла людей, обладавших настоящей властью. Должно быть, папа римский был весьма до-

волен тем, что столь благородная знать решила принять участие в экспедиции. Ведь с момента первого воззвания прошло уже больше года, а с крушением надежды убедить сражаться за гроб Христов королей Англии и Франции вполне могло оказаться, что вся затея пропадет втуне. Зловещим тогда показалось бы начало деятельности понтифика, пламеневшего таким духовным огнем.

Итак, события в Экри стали поворотными в нашей истории. Маршал Тибо, Жоффруа де Виллардуэн, автор одного из самых известных описаний Четвертого крестового похода, писал: *«По всей стране люди были глубоко поражены решением высокопоставленных господ войти в ряды крестоносцев»*.²²

После того, как Тибо объявил о своем намерении участвовать в крестовом походе, многие из его вассалов (по крайней мере, те, кто по возрасту мог сражаться) вынуждены были присоединиться к нему. Жоффруа де Виллардуэн приводит список знати и рыцарей, которые последовали за Тибо и Людовиком. Среди них многие происходят из семей, в которых уже были крестоносцы, не исключая и самого автора. Жоффруа недавно исполнилось пятьдесят, и, будучи маршалом Шампани, он являлся старшим военным советником графа. Жоффруа принимал участие в Третьем крестовом походе, но 14 ноября 1190 года оказался за пределами христианского лагеря при осаде Акко и, попав в засаду мусульман, был пленен. Прошло четыре года, прежде чем ему удалось вернуться в Шампань, где он стал видным поборником справедливости при дворе и важной фигурой во многих значимых событиях.

Жоффруа скончался в 1212 или 1213 году, но до этого составил книгу мемуаров — вероятно, полагаясь для подтверждения личных воспоминаний на заметки современников. Будучи представителем узкого круга элиты среди руководства крестового похода, он участвовал в большинстве важных собраний, а его мемуары дают уникальную возможность оценить его деятельность. Он гордо провозглашал

правдивость своего текста: «Автор этого труда... никогда, насколько ему известно, ни в чем не погрешил против истины». ²³ Некоторые историки не слишком уверены в справедливости такого уверения, считая его труд апологетическим, утаивавшим не только те факты, что могли плохо отразиться на образе крестового похода (например, все детали разграбления Константинополя), но даже любые намеки на возможность другого направления маршрута крестоносцев, не через Византию. Впрочем, чаще к нему относятся снисходительно, понимая, что на человека так или иначе довлеют оценки, свойственные его среде. В итоге он может давать предвзятые суждения или же опускать определенные эпизоды — но обычно делает это непредумышленно. ²⁴

Кроме этих фигур, в Экри в ряды крестоносцев вступили Рейно де Монмираль, кузен Тибо и Людовика, и Симон де Монфор, впоследствии прославившийся как руководитель мрачного крестового похода против ереси катаров на юге Франции в 1208–1209 годах. Симон уже сражался на Святой Земле в 1198–1199 годах и был готов вновь связать себя с крестоносцами. ²⁵

Другая группа волонтеров возникла в районе Иль-де-Франс близ Парижа. Ее лидером стал епископ Нивель Суассонский. Вхождение в состав крестоносцев выдающегося церковного деятеля в истории движения встречалось неоднократно. Зачастую такие персоны оказывались близкими родственниками видной знати. Они были нужны для духовного руководства войсками, регулярного осуществления богослужений, а также необходимого перед крупными битвами покаяния и отпущения грехов воинов.

В Северной Европе постепенно начала подниматься волна энтузиазма по поводу крестового похода. 23 февраля 1200 года, в Пепельную среду*, граф Балдуин Фландрский вместе со своей женой Марией объявили в городе Брюг-

* Первый день Великого поста у католиков. (Прим. перев.)

ге о присоединении к рядам крестоносцев. Именно графы Фландрии более чем кто бы то ни было среди знати на Западе могли похвастать долгой и насыщенной историей участия в крестовых походах. Граф Робер II был одним из героев Первого крестового похода; граф Шарль Добрый год сражался, защищая Святую Землю около 1108 года; граф Тьерри предпринял не менее четырех походов в Левант в 1139, 1146–1149, 1157–1158 и 1164 годах — уникальное свидетельство выносливости и благочестия; граф Филипп был в Леванте в 1177–1178 годах и погиб под Акрой в 1191-м. С такой родословной решение Балдуина стать крестоносцем, видимо, можно было считать лишь вопросом времени.²⁶

Самому графу исполнилось двадцать восемь, его жене Марии — двадцать шесть. Она была сестрой Тибо Шампанского, а потому тоже унаследовала крепкие традиции крестоносцев и связь с правящим домом Иерусалима. Балдуин и Мария были помолвлены еще в младенчестве, а повенчались, когда им было четырнадцать и двенадцать лет соответственно. В отличие от многих подобных браков средневекового периода, отношения между ними (насколько мы можем судить) оставались очень теплыми. Жильбер Монский, современный им летописец, писал о «палящей страсти» Балдуина к Марии, восхваляя его за отвержение всех остальных женщин, что среди высокопоставленных особ по тем временам было редкостью. Граф был счастлив со своей супругой и не обращался к обычному в высших кругах средневекового общества коллекционированию вокруг неудавшегося брака проституток и случайных связей. Даже в официальных документах Балдуин предпочитает высказывать Марии восхищение. Вместо обычного именования свидетеля при составлении хартии он называет ее «моя прекрасная супруга», «моя обожаемая жена» или «драгоценнейшая супруга», что едва ли можно отнести к сухому языку дипломатии. И это не дань условности, а признак преданной любви Балдуина. Это его чувство было широко известно.

Византийский автор Никита Хониат*, обычно настроенный враждебно по отношению к выходцам с Запада, разорившим возлюбленный им Константинополь, писал о Балдуине: *«Кроме того, он был благочестив и, как говорят, воздержан в поведении. Все долгое время разлуки со своей любимой супругой он не бросил даже взгляда на другую женщину»*. Судя по всему, Балдуин и от своих соратников-крестоносцев ожидал такого же сдержанного поведения, поскольку, как пишет дальше Никита: *«Интересно, что два раза в неделю по вечерам его глашатай возвещал, что никто из спящих во дворце не должен вступать в связь с женщиной, если только та не является его законной супругой»*.²⁷

В то время как Балдуин и Мария присоединились к крестоносцам, она ждала первого ребенка. Это оказалась девочка, Жоан, родившаяся в конце 1199 или в начале 1200 года. Присутствие в походе вместе с вождями их жен не было чем-то из ряда вон выходящим. Ярким (хотя и печальным) примером могла служить бабушка Марии, Элеонора Аквитанская. Сам Ричард Львиное Сердце женился на своей невесте Беренгарии Наваррской на Кипре по пути на восток во время Третьего крестового похода. Кроме личных чувств и естественного желания быть вместе, религиозное рвение, необходимость иметь наследника и возможность предоставления лордом защиты и прокормления своей семьи вполне объясняло, почему в крестовых походах могли оказываться и женщины вроде Марии.

Много других фламандцев, включая брата Балдуина, Генриха, тоже отправились с крестоносцами к Святой Земле, сформировав мощный и хорошо обученный контингент, в который входило несколько ветеранов Третьего крестового похода, а также множество людей, в семьях которых традиция участия в крестовых походах восходила к началу XII века.

* Никита Хониат (1155–1217) — византийский историк, чиновник в администрации Комнинов, автор труда «История», начинающегося с царствования императора Иоанна Комнина. С 1206 года жил в Никее. (Прим. ред.)

Виллардуэн отмечает, что после заявления фламандцев желание присоединиться к крестоносцам выразили также граф Гуго де Сен-Поль, граф Петер Амьенский и граф Жоффруа де Перше — трое видных представителя северофранцузской знати, а вместе с ними большое количество их рыцарей и оруженосцев. Для историков Четвертого крестового похода особый интерес представляет один из волонтеров. Среди вассалов Петера Амьенского был отмечен скромный рыцарь Робер де Клари, оставивший свои воспоминания об этой кампании, которые представляются одним из самых ярких и увлекательных описаний Четвертого крестового похода. Он вернулся из экспедиции в 1205 году, а в 1216-м записал или продиктовал свой труд. Он создан на старофранцузском, а не на латыни, которую традиционно использовали священнослужители. Робер излагал свои воспоминания с точки зрения простого рыцаря, который, в отличие от Виллардуэна, не был допущен к высшим уровням руководства, на которых принимались решения. Его труд насыщен рассуждениями относительно того, как и почему крестовый поход развивался именно таким образом. Личный опыт очевидца в Константинополе и захватывающее чувство восторга от размеров этого города добавляют живости рассказу де Клари и делают его ценнейшим историческим источником. Как и Виллардуэн, Робер перечисляет многих французов, влившихся в крестовый поход и «несших знамена», которые демонстрировали их статус состоятельных рыцарей.²⁸

Весной 1200 года нобли решили собраться в городе Суассон на севере Шампани. Несмотря на то, что среди крестоносцев появилось немало высокопоставленных особ, вызвало озабоченность общее незначительное количество бойцов. Было решено спустя два месяца провести еще одну встречу в Компьене, где и было начато серьезное планирование.²⁹

Возможно, к этому времени на севере Франции стало уже известно, что в Германской империи стала шириться поддержка идеи крестового похода. Проловедь аббата Мартина в

Базеле и деятельность других проповедников привела к тому, что к крестоносцам присоединился, к примеру, Конрад, епископ Альберштадтский (из Саксонии), а вместе с ним и изрядное количество воинов. Как бы то ни было, французская знать в Компьене решила обсудить концепцию крестового похода. В первую очередь обсуждались финансовые вопросы, в том числе материальный вклад каждого в финансирование экспедиции. Было установлено предполагаемое количество людей в свите; вероятно, обсуждался и вопрос, кого еще можно привлечь к походу.

Самым сложным был выбор способа достижения Восточного Средиземноморья. Первый и Второй крестовые походы избрали переход по Европе, через Византийскую империю, а затем с боем пробивали дорогу по Малой Азии к северной Сирии. Однако с 1182 года Византия стала решительным противником христиан других конфессий и была настроена враждебно ко всем акциям с запада. Император Фридрих Барбаросса смог миновать Константинополь и разгромить турков-сельджуков в битве 1190 года, но Ричард и Филипп предпочли двигаться в Левант морским путем. Французская знать решила принять этот последний способ передвижения. Впрочем, надо сказать, что только эта возможность у них и была — учитывая сравнительно небольшое их количество и выросшую враждебность со стороны греков.

Многие из фламандских крестоносцев первого поколения были мореходами и ходили с севера Европы через Ла-Манш мимо Пиренейского полуострова на Святую Землю.³⁰ Но для большинства участников Четвертого крестового похода перспектива морского путешествия была весьма пугающей, хотя подобный способ передвижения отличался быстротой, а с военной точки зрения обеспечивал наиболее безопасный маршрут в Левант. Сухопутная экспедиция заняла бы не менее восьми месяцев, а по морю путь от Италии до Восточного Средиземноморья занимал от четырех до шести недель.³¹ Но из-за того, что крестоносцы Северной Франции не были мореплавателями, а у фламандцев имелось

недостаточное количество кораблей, чтобы перевезти набранную к тому времени армию, приходилось прибегнуть к услугам итальянских приморских городов Венеции, Генуи и Пизы.

Эти три города представляли наиболее развитые в Западной Европе коммерческие структуры, а их торговый флот плавал по всему бассейну Средиземного моря, торгуя даже с мусульманскими Северной Африкой и Испанией. Все три города участвовали в крестовых походах на Святую Землю, а также в экспедициях против мусульман на Балеарские острова и Пиренейский полуостров. Обостренное чувство религиозного рвения, пропитывавшее Западную Европу, не останавливалось, разумеется, у ворот крупных торговых центров, так что у итальянцев смешивались религиозный пыл и коммерческая заинтересованность.³² Каждая из этих коммерческих столиц была пронизана чувством христианского долга, и их жители готовы были принять участие в священных войнах ради спасительного воздаяния. Крестоносцы, происходившие оттуда, были столь же намерены освободить Святую Землю для христиан, как и католики из всей остальной Европы. Они были настолько же заинтересованы в том, чтобы принести с Востока в свои храмы мощи для их почитания. В сокровищнице собора святого Лаврентия в Генуе по сей день сохраняется частица Креста Господня, блюдо, на котором по легенде несли голову Иоанна Крестителя, а также прекрасная изумрудного цвета чаша из Кесарии, некогда считавшаяся самим Святым Граалем. Венецианцы в Первом крестовом походе приобрели тело святителя Николая, а из похода в Тир в 1123–1124 годах привезли черный камень, с которого, по преданию, проповедовал сам Христос.³³

С религиозным рвением и деловой хваткой было тесно переплетено и растущее чувство гордости за достижения своих городов. Итальянцы не рассматривали сочетание духовных устремлений, коммерческой инициативы и гражданской гордости как нечто непереносимое, каким это может казаться

сейчас. Генуэзский летописец описывает взятие важного торгового порта Альмерия в Южной Испании в 1147 году: *«Они покорили город ради славы Господней и решили оставить его в своем подчинении для удобства всех христиан и для славы Генуи»*.³⁴

Итальянцы, без сомнения, были преданными христианами, однако их поддержка крестовых походов всегда имела значительную материальную цену. В начале франкских завоеваний Святой Земли существовала необходимость покорения множества приморских городов Леванта. Крестопосцы не могли обеспечить корабли для транспортировки выходцев с запада в Палестину, чтобы они могли принять участие в кампаниях. Не было у них и навыков мореплавания, необходимого для морских атак на такие города, как Кесария, Бейрут, Акра и Сидон. В обмен на помощь итальянцы получали собственные кварталы и дома в этих городах, а также весьма прибыльное право использовать гавани и торговые участки в пределах каждого порта. Были у них и собственные церкви, посвященные святому покровителю родного города. В итоге в генуэзском квартале Акры существовала церковь святого Лаврентия, а в венецианском — святого Марка. Кроме того, у них было право самим судить своих граждан — редкая привилегия, которая иногда позволяла идти вразрез с властью местного властителя или монарха. Словом, на завоеванных крестоносцами землях сразу же вырастали небольшие пизанские, генуэзские и венецианские колонии, и управлялись они людьми, присланными из соответствующих городов. Торговцы и управляющие обычно служили по два-три года, прежде чем вернуться домой.

Итальянцы обеспечивали для франкских поселенцев необходимую связь с Западом. Два раза в год, в марте и сентябре (к Пасхе и к Рождеству), из Италии отправлялись огромные флоты, которые перевозили в Левант паломников, новых крестоносцев и новых поселенцев. Они же везли одежду, древесину и металлы, которыми торговали в обмен на пряности, шелка, масла и сахар, привозя их на родину.

Главным портом Восточного Средиземноморья была египетская Александрия. То, что в городе правили мусульмане, не мешало итальянцам держать там свои представительства, включив город в свою торговую сеть. Очевидно, во времена военных кризисов положение европейцев в Александрии становилось опасным. Мусульманские правители иногда изгоняли их, а изредка (например, в 1174 году) даже убивали. И все же нужды торгового мира были шире вопросов веры. Саладин сам вынужден был оправдывать итальянское присутствие в Египте перед своим духовным господином, халифом Багдада. Он объяснял, что торговля металлом и военным снаряжением для него является жизненной необходимостью. Одновременно и мусульманские торговцы беспрепятственно перемещались по землям крестоносцев, перевозя свои товары из Дамаска и Алеппо в порты Акры и Бейрута. Им приходилось платить огромные налоги — но точно так же большие налоги платили франкские торговцы, отправлявшиеся вглубь материка. Ибн Джубайр, испанский мусульманин, предпринявший паломничество в Святую Землю в 1184 году, был поражен таким положением дел. Он писал:

«Одна из удивительных вещей — хотя между двумя силами и горит огонь несогласия... но мусульманские и христианские путешественники могут беспрепятственно проходить между ними. Султан [Саладин] обрел [замок Керак в Трансиордании], но караваны все равно идут из Египта в Дамаск через окрестные земли без преград с его стороны. Так же и мусульмане продолжают путешествовать из Дамаска в Акру. Ни одного христианского торговца не задержали и не остановили на мусульманских землях... Они [торговцы] всегда остаются в безопасности, будь то мир или война.

Долгая осада Акры (1189–1191) на время приостановила торговлю, но как только вернулось относительное спокойствие, сразу возвратились и торговые связи,

и торговцы вновь идут по путям, нарушенным конфликтом между христианством и исламом».³⁵

Три итальянских города жестоко конкурировали между собой, и во многих случаях их соперничество приводило к открытым конфликтам. Как раз во время Четвертого крестового похода Генуя и Пиза оказались вовлечены в активную междоусобицу. Несмотря на попытки папы посредничать между ними, продолжение этой вражды осложняло перевозку значительной армии к Святой Земле.³⁶ Кроме того, конфликты при перевозке генуэзцами армии короля Филиппа во время Третьего крестового похода привели к тому, что французы не слишком стремились вновь нанимать генуэзцев за столь высокую плату.

Таким образом, предпочтение было отдано Венеции. В августе 1198 года в булле по поводу крестовых походов Иннокентий недвусмысленно дал понять, что отправляет своего легата Соффредо (Soffredo) «для поиска поддержки Святой Земле» в Венецию, поскольку шансы найти помощь в ссорящихся Пизе и Генуе если и существуют, то все равно невелики.³⁷

Виллардуэн повествует, что, когда лидеры будущего похода собрались на совет в Компьене, то решили выбрать шестерых посланников для ведения переговоров от лица армии крестоносцев относительно морского проезда. Им были выданы соответствующие грамоты. Документы были подписаны всеми основными представителями знати, обещавшими ожидать заключения договоренностей. Ответственность была огромной, и шестеро посланцев были выбраны весьма тщательно, по двое от Тибо, Людовика и Балдуина. Среди них был и Жоффруа Виллардуэн, чье личное присутствие придаст его повествованию уникальность взгляда очевидца.³⁸

Условия, которые ими обсуждались, оказали огромное влияние на исход крестового похода. Обстоятельства, возникшие благодаря заключенному договору, сформировали

и паправили действия армий так, как никто не мог и подозревать — и в значительной мере именно они привели крестовый поход к его ужасному завершению. Виллардуэн со товарищи, разумеется, не мог предвидеть исхода кампании, поскольку они намеревались лишь обеспечить проход армии Христовой к месту обретения Его владений.

В начале 1201 года послы переправились через Альпы, миновали Северную Италию (возможно, через Пьяченцу) и достигли Венеции, оказавшись в городе на первой неделе Великого поста, в марте 1201 года.

ГЛАВА 4

«Наши господа умоляют тебя проявить, ради Бога, милосердие к лежащим за морем землям»

Венецианский договор, апрель 1201 года

Венеция, расположенная на группе островов в лагуне Адриатического моря, была могущественной и независимой силой средневекового мира, гордившейся достойной и самобытной историей.¹ Острова были заселены рыбаками еще с Римских времен, когда эти земли являлись частью великой империи. В те времена лагуна была куда более обширной, глубже врезааясь в сушу и простираясь к северу и югу от земель, которые позже стали Венецией.

С падением Римской империи в IV–V веках большая часть Италии оказалась под управлением германских племен. Исключение составляла территория, называвшаяся Венетия*. Ею продолжали править чиновники, присланные из Константинополя, ставшего «новым Римом»

* В английском — Venetia, в отличие от Венеция — Venice. (Прим. перев.)

с 331 года, когда императоры нашли для себя на востоке более безопасное местопребывание. Эта связь с Византией стала ключевой в дальнейшем развитии Венеции на протяжении нескольких последующих веков.

Ломбардское вторжение из Италии в 580 году вынудило многих беженцев с материка искать безопасного укрытия на островах среди лагуны. Несколько существовавших поселений разрослись, и в 697 году Византия назначила для управления территорией первого *дюка* (или *дожа*). В 810 году сын Карла Великого Пипин попытался завоевать эти земли для Франкской империи — но не смог добраться до острова Риальто, который уже являлся центром поселения. Последовавший за этим мирный договор закрепил тот очевидный факт, что Венеция являлась частью Византийской империи, хотя вскоре островитяне начали декларировать свою независимость. Это ярко проявилось в 829 году, когда из Александрии были украдены мощи святого Марка, а сам апостол начал считаться покровителем города вместо святого Феодора, греческого воина. Но все же ослабление политических связей не означало полного разрыва с Константинополем, торговые узы по-прежнему оставались крепкими, равно как и греческое влияние на культуру — в частности, на архитектуру.

Примерно с этого периода венецианцы начали упражняться в мореходстве, сначала в долинах бесчисленных рек, стекавших в просторный природный бассейн, расположенный ниже Доломитских Альп в Северной Италии. Их лодчики стали отличными торговцами, продававшими соль и рыбу со своей родины, а также товары, привезенные византийскими купцами из Средиземноморья — пряности, шелк и ладан. Все это обменивалось на основные продукты питания, в том числе зерно, которое было невозможно выращивать на небольших песчаных островах.

Соседние регионы, например, долина реки По, в течение IX и X веков становились все более умиротворенными, здесь наступил экономический расцвет, и венецианцы понемногу

стали путешествовать дальше, чтобы удовлетворить потребность в предметах роскоши. Их корабли начали пересекать просторы Средиземного моря, ведя торговлю с мусульманской Северной Африкой, Малой Азией и Левантом. Важными статьями экспорта становились рабы из славянских земель и древесина с равнин и гор к северу от Венеции. Рабов и дерево продавали в Северную Африку в обмен на золото — которое, в свою очередь, обменивалось в Константинополе на предметы роскоши, хорошо продававшиеся на Западе. Этот рост торговли вкупе с доступностью древесины дал стимул для развития в Венеции кораблестроения, которое в свою очередь способствовало достижению городом коммерческого влияния.

В 1082 году византийский император Алексей I пожаловал венецианцев полным освобождением от налогов по всей Византийской империи, что стало существенным подспорьем экономики островов.² К XI веку Венеция уже стала сильной, состоятельной и энергичной политической и экономической величиной. В отличие от соперничающих с ней Пизы и Генуи, она смогла сохранить независимость от германского императора, правившего большей частью Северной Италии. Ко времени Четвертого крестового похода Венеция превратилась в один из крупнейших урбанистических центров Европы с населением примерно в 60 000 человек, которое проживало на островах, расположенных вокруг Риальто.

В начале 1202 года посланцы Тибо, Людовика и Балдуина замедлили бег своих коней на восточной окраине равнины Венето и пересели на небольшие барки, чтобы проделать последний отрезок пути. Их лодки миновали пышную растительность лагун и, подойдя ближе к открытой зеленой воде, послы бросили первый взгляд на Венецию. Они увидели силуэт города, который отличался от любого другого в Северной Италии. Века соперничества привели к тому, что в Сиене, Генуе, Болонье или Перудже над городами возвышался целый лес высоких каменных башен. Их

строили семейства или кланы в качестве подтверждения своего благосостояния и могущества — а также для защиты от агрессивных соседей как внутри города, так и за его пределами. В Венеции таких башен не было. Отчасти причиной тому являлось отсутствие череды политических переворотов — столь удачно работала система выборов ненаследственных правителей-дожей; но в первую очередь здания такого рода было бы очень сложно выстроить на песке. Находящиеся под песком слои глины, формирующие дно лагуны, вкуче с деревянными сваями создавали некое подобие фундамента, однако непрочность грунта и отсутствие местного камня приводили к затруднениям в строительстве высоких сооружений. Сегодня силуэт Венеции остается сравнительно невысоким, нарушает его лишь *campanile* (колокольня) на площади Сан-Марко. Впервые она была возведена в 1173 году, а нынешнее здание берет свое начало в XVI веке, хотя обрушение в 1902 году привело к необходимости ее перестройки.

Вскоре после прибытия послов правитель Венеции дож Энрико Дандоло явился, чтобы поприветствовать французов. Эта яркая личность стала одной из центральных фигур Четвертого крестового похода.³ К тому времени он уже был весьма уважаемым человеком, возраст которого, видимо, перевалил за девяносто. Кроме того, он был слеп. То, что ему удалось дожить до столь почтенного возраста, было весьма большой редкостью для средневековья; этот факт указывает на крепкое сложение дожа. Хотя род Дандоло вообще отличался долголетием — несколько его представителей доживали до восьмидесяти лет и даже больше.⁴

Энрико ослеп в 1170-х годах. Он сам рассказал Виллардуэну, что слепота возникла в результате сильного удара по голове. Впоследствии слухи приписывали нанесение этого увечья императору Мануилу Комнину, относя его ко времени венецианского посольства в Константинополь в 1172 году. Мануил осознал, что Дандоло был опасным противником, и арестовал его, а затем ослепил, направив сфокусированный

линзой солнечный свет прямо ему в глаза. Тогда, как глаasil этот рассказ, Дандоло поклялся отомстить грекам — отсюда и возник поворот Четвертого крестового похода на Константинополь. К сожалению, столь прямолинейная трактовка причин похода не соотносится с имеющимися у нас данными, поскольку, помимо рассказа Виллардуэна, мы знаем, что дож еще был зрячим в 1176 году. Таким образом, сколь бы ни была красива легенда о долгой личной неприязни к грекам из-за ослепления Дандоло Мануилом Комнином, она не соответствует действительности.⁵

Несмотря на свое увечье, Дандоло был человеком на редкость энергичным, настойчивым и целеустремленным, стремившимся привести свой народ к богатству и славе. Некоторые современники, в частности, Иннокентий III (а также позднейшие историки), упрекали его за алчность и честолюбие; вместе с тем многие из крестоносцев с уважением говорили о его личных качествах.⁶ Гунтер из Пайри так описывает его: *«Он был незряч, однако весьма чуток и компенсировал физическую слепоту живым умом и проницательностью. Когда что-то было неясно, люди старались получить его совет и практически всегда следовали его руководству в общественных предприятиях»*.⁷ Балдуин Фландрский писал о глубоком уважении, которое питали к нему все крестоносцы.⁸ Робер де Клари считал Дандоло «весьма достойным человеком».⁹

Дандоло был избран дожем в 1192 году, после чего быстро стал расти и его личный престиж, и престиж города. Одним из поводов послужила переход городской чеканки монет со стандартного денье на монеты нового достоинства, включая крупный серебряный *grosso* *, стоивший не менее двадцати четырех денье. Стандартной национальной (не говоря уж о международной) монеты в средние века не существовало. Каждый город или графство имело собственную

* Grosso — итал. «крупный». (Прим. перев.)

валюту, что приводило к развитию мощного и сложного обменного рынка.

Кроме финансовой функции, монеты могли нести информацию о характере места, где их чеканили. В эпоху, когда не существовало средств массовой информации, монеты были одним из немногих предметов, имевших широкое распространение, и их вид доносил информацию о некой территории и ее правителях далеко за ее пределы. Некоторые правители, например, французские короли, не старались проявить себя, чеканя сравнительно неинформативные монеты, на которых стояло лишь их имя, титул и простой крест. Другие, например, германские императоры, предпочитали изображать монархов на троне и со всеми регалиями. В 1194 году Дандоло решил преобразовать венецианскую чеканку монет, и его *grosso* стал шедевром политической и религиозной образности, равно как и декларацией финансового могущества города (см. изображение на вклейке).

На одной стороне монеты — прекрасно выполненное изображение восседающего на троне Христа, на другой — покровитель Венеции святой Марк благословляет дожа, имя которого упомянуто ближе к краю монеты. Другими словами, *grosso* демонстрирует божественное одобрение действиям дожа и подчеркивает связь между его властью и святым покровителем города. Монета стала самой ценной валютой Европы, будучи отмечена отличным качеством и чистотой пробы: для чеканки использовалось не менее 98,5% серебра, что значительно превосходило все, что чеканилось на Западе до тех пор.

Учитывая положение Венеции в международной торговле, Дандоло интересовался не только европейским рынком, но и Византией, и Восточным Средиземноморьем. Еще прежде венецианцы использовали монеты из Иерусалимского королевства, а во второй половине XII века к ним добавились византийские. Впрочем, в течение нескольких последних десятилетий их качество значительно ухудшилось, что на фоне нестабильности в отношениях между греками

и венецианцами делало неразумным доверие к византийской валюте.

Новый *grosso* давал венецианцам большую независимость и скоро получил международное признание в качестве наиболее важной серебряной монеты и в Европе и в Средиземноморье. То, что Венеция была обязана этим Энрико Дандоло, представляет его человеком глубокой проницательности в сфере как политической, так и экономической.¹⁰

Таким образом, посланники крестоносцев встретили умудренного опытом выдающегося лидера, сведущего в торговле и дипломатии и уверенного в силах своего великого города. Дандоло выслушал рекомендации послов, ознакомился с их грамотами и убедился в их высоком положении, а затем предложил высказаться о деле. Виллардуэн сообщил, что французы хотят обратиться к совету города, чтобы представить ему послание своих владык. Он надеялся, что это можно будет сделать на следующий день, однако Дандоло ответил, что потребуется не менее четырех дней, чтобы созвать ассамблею.

В должное время крестоносцы прибыли во дворец дожей, расположенный рядом с церковью святого Марка на Риальто, центральном острове Венеции. Виллардуэн описывал дворец как «великолепнейшее, весьма богато украшенное здание». Там послов ожидали лидеры Венеции, великий дож и группа судей, составлявшие так называемый Малый совет. Один из посланцев обратился к аудитории:

«Господа, мы пришли к вам от имени французской знати, принявшей крест, чтобы отомстить за муки, причиненные нашему Господу, и, буде на то Божия воля, отвоевать Иерусалим. А поскольку господа наши знают, что никто не сможет оказаться лучшими помощниками, нежели вы, они просят вас, ради Господа нашего, сжалиться над заморскими землями и над страданиями, которые претерпел Иисус Христос, и сделать все возможное, что-

бы снабдить нас флотом военных и транспортных кораблей».

Таким образом, послы представили явную просьбу о военной поддержке, сформулированную в привычных терминах священной войны за возвращение земель Христа. Венецианцы были знакомы с воззванием папы Иннокентия к крестовому походу по визиту легата Соффредо, и благодаря своей сети коммерческих контактов были прекрасно осведомлены о политическом и стратегическом положении в Леванте.¹¹

«Как можно это сделать?» — спросил дож. «Как вы посоветуете или предложите, если наши господа согласятся с вашими условиями и ценой», — был ответ. Возможно, размах предложения был неожиданностью, и дож попросил неделю на размышление. «Не удивляйтесь такой долгой отсрочке, поскольку столь важное дело требует всестороннего рассмотрения».

Дандоло весьма разумно отложил принятие окончательного решения. Если бы он сразу согласился на предложение посланцев, а некоторое представление о предполагаемых масштабах сделки должно было появиться уже на этом этапе, то ему пришлось бы потребовать от своих сограждан вступить в самое амбициозное предприятие за всю коммерческую историю Венеции. Перевозка французских крестоносцев на Святую Землю требовала беспрецедентного за средневековую историю уровня обязательств. Количество задействованных кораблей включало бы практически весь венецианский флот и привело бы также к необходимости постройки множества новых судов. Посвящение всех сил города одному проекту было необычным — ведь на практике при этом от него потребовалась бы приостановка почти всей остальной коммерческой деятельности во внешнем мире. В качестве современного аналога можно представить крупную международную авиакомпанию, которая отказалась бы на целый год от осуществления коммерческих полетов

ради подготовки всех своих самолетов для одного клиента, а затем еще в течение некоторого последующего времени обслуживала бы только его одного.

Для нас уровень риска подобного предприятия кажется неоправданно высоким, и к такому соглашению можно прийти только при самых надежных гарантиях и огромном вознаграждении. Но в случае Четвертого крестового похода не следует забывать и о двух таких движущих силах, как вера и коммерция. Мотивация венецианцев как христиан вкупе с надеждой получить долгосрочные экономические преимущества в Восточном Средиземноморье были весьма мощными побуждениями.

Кроме строительства кораблей, венецианцы должны были бы вести флот и участвовать в экспедиции. Взятые вместе, эти обязательства вовлекли бы в крестовый поход куда большее количество людей, чем когда-либо участвовало в нем прежде. Привлеченным к происходящему оказался бы и дож, как и надлежит правителю приморского государства. В 1122–1124 годах дож Доменико возглавил крестовый поход в Тир — теперь же Энрико Дандоло предлагалось сделать то же самое. Сам факт того, что человек его возраста был готов посвятить себя трудностям морского путешествия и священной войне, показывает невероятную энергию этого человека.

В качестве отступления можно отметить, что несколько руководителей Первого крестового похода тоже были сравнительно пожилыми людьми. Существует предположение, что они собирались закончить земное существование на Святой Земле, чтобы быть погребенными в ней, освященной присутствием Христа. Возможно, Дандоло тоже рассчитывал именно на такую судьбу.¹² Учитывая необычайно высокий уровень необходимых обязательств, Дандоло вместе со своими согражданами должен был потребовать самых надежных гарантий того, что расходы полностью окупятся. Если бы дело потерпело поражение, Венеции пришлось бы столкнуться с финансовым крахом — а сам Дандоло нес бы ответственность за эту катастрофу.

Неделю спустя посланцы вернулись во дворец, и после дальнейших обсуждений Дандоло объявил условия, на которых венецианцы готовы принять предложение крестоносцев, при условии одобрения их Большим советом и палатой общин. Виллардуэн приводит следующую информацию.

*«Мы строим транспортные корабли, достаточные для перевозки 4500 лошадей и 9000 оруженосцев, а также суда для размещения 4500 рыцарей и 20 000 пехотинцев. В контракт также включаются поставки продовольствия для людей и фуража для лошадей в течение девяти месяцев. Мы готовы предпринять все эти действия при условии, что нам будет заплачено по [четыре] марки за лошадь и две марки за человека. Кроме того, мы связываем себя условиями соглашения, которое вам представляем, на один год с момента отправления флота из венецианского порта, для службы во имя Господа и христианства. Общая стоимость всех поименованных действий составит 85 000 марок. Но мы готовы на большее. Ради любви к Господу мы предоставим пятьдесят вооруженных галер при условии, что пока длится наш союз, мы будем получать одну половину, а вы другую от всего завоеванного как на суше, так и на море. Теперь вам решать, готовы ли вы принять и выполнить наши условия».*¹³

Сам договор полностью сохранился. Виллардуэн приводит лишь его основные положения, хотя в нем были и другие детали, например, обязанность снабжать крестоносцев провиантом — пшеницей, мукой, фруктами, овощами, вином и водой, равно как и фуражом для лошадей.¹⁴

Посланцы попросили один день, чтобы обсудить предложение, и после затянувшегося допоздна разговора согласились с предложенными условиями. На следующее утро они официально приняли соглашение. Однако на этом переговоры еще не были завершены, поскольку дожу нужно было уговорить своих сограждан поддержать разработанный план.

Во-первых, ему нужно было убедить Большой Совет, группу из сорока видных представителей горожан.

По данным Виллардуэна, Дандоло постепенно склонил их к своему мнению и убедил в необходимости одобрить соглашение. Виллардуэн отмечает некоторое несогласие части членов Совета. Учитывая масштабы предложения, не удивительно, что потребовалось некоторое время для их убеждения. Затем нужно было получить одобрение венецианских горожан. Для них Дандоло решил подготовить более эмоциональное воззвание и прекрасно выбрал обстановку, только рассчитав все для получения намеченного результата.¹⁵

Кроме учета коммерческих интересов Венеции, Дандоло, как любой благочестивый человек средневековья, вдохновлялся надеждой освобождения Святой Земли. В конце концов, именно такой была цель всего движения крестоносцев. Виллардуэн и его спутники оказались материальным воплощением этих чаяний, поклявшись сражаться, а если потребуется, то и умереть ради Господа. Стало быть, особое значение приобретало правильное воздействие на религиозные чувства венецианцев. Дандоло собрал десять тысяч горожан на мессу во имя Духа Святого в соборе святого Марка, чтобы испросить божественного наставления в ответе на просьбу посланцев о помощи.

Собор святого Марка изначально существовала как частная молельня дожа, чей дворец находился (и находится по сей день) по соседству.¹⁶ Первая церковь здесь была построена для размещения мощей святого Марка, украденных из Александрии в 828 году. Пожары и оседания почвы привели к необходимости нескольких перестроек. Изначальный план церкви — греческий крест (все четыре ветви которого имеют равную длину). Замена деревянных куполов пятью новыми каменными во второй половине XI века сформировала облик здания, который мы видим и сегодня. Старые купола остаются на своих местах, хотя снаружи они скрыты более поздними оцинкованными луковичными фона-

рями, создающими современный облик храма. Другими словами, чтобы представить себе собор во времена Виллардунна, надо вообразить его гораздо более приземистым. Для поддержания куполов были наращены мощные толстые стены, а также многочисленные апсиды и портики. Форма и декорирование собора свидетельствуют о культурном родстве между Венецией и Византией, поскольку образцом для Сан-Марко был сознательно взят храм Святых Апостолов в Константинополе (разрушенный в 1453 году). Массивные центральные столпы пронизываются арками, что создает ощущение наполненности светом, а центральный купол с кольцом небольших окон кажется парящим над могучим сводом. Усыпальница святого Марка сделана в виде крипты под высоким алтарем, располагаясь с краю огромного пространства, которое священники или дож могли использовать для своих торжественных церемоний.

Часть уцелевшей мозаики, скульптур, пола и мраморного декора относятся ко времени после разграбления Константинополя. Но уже весной 1201 года французы вступили в роскошно украшенный храм. Часть мозаик существовала и тогда, а часть существующих ныне (например, центральное изображение Христа над восточной апсидой) являются копиями произведений XII века. Под этим огромным образом Христа располагались изображения четырех святых покровителей города, облаченных в голубые и цвета слоновой кости одеяния, несущих дары. Они относятся приблизительно к 1106 году.¹⁷

Войдя в церковь, посетитель оказывается перед множеством мозаик, выполненных преимущественно в коричневых, золотых, зеленых и синих тонах. Взор привлекает фантастическое разнообразие неземных существ, событий из священной истории. Полностью украшенные стены производят впечатление роскоши и мощи. Последние три арки короткого нефа сливаются с центральными опорными колоннами. По ним взгляд поднимается к трем центральным куполам, а затем спускается вниз к главному средоточию

церкви — восточной апсиде с фигурой Христа над гробницей святого Марка.

Виллардуэн со своими спутниками вошли в церковь. Все находившиеся там уже знали о том, что в город прибыли посланцы, знали и о сути, если не о деталях, их дела. Французы, на плечах которых красовались кресты, прошли по боковому нефу. С галерей над портиком, из нефа, со всех сторон за ними внимательно наблюдали люди. Наверняка это были волнующие минуты. Посланцы решали вопрос, быть или не быть крестовому походу. Теперь им предстояло столкнуться с последним препятствием, которое могло лишить их возможности достичь цели. Встреть их предложение противодействие — и с идеей нового крестового похода будет покончено.

Дандоло представил французов, и Виллардуэн, в основном с помощью переводчика, обратился к толпе. Он страстно воззвал к венецианцам, обратив их внимание на то, что знать Франции, признавая Венецию важнейшей морской силой, обратилась именно к ней. Он обратился к ним с просьбой проявить милосердие к Иерусалиму и умолял их ради Бога *«отомстить за поношение нашего Господа... Они [французская знать] велели нам пасть к вашим ногам и не подниматься до тех пор, пока вы не дадите согласие проявить милость к Святой Земле»*. Он привел и традиционные доводы гражданской гордости и религиозного рвения.

Посланники свято верили в свое дело и, когда Виллардуэн приблизился к завершению своей речи, его спутники начали проливать слезы и пали на колени перед собравшимся народом. Призыв о помощи священным местам заставил рыдать также дожа и его сограждан, так что вся церковь в едином порыве вскричала: *«Мы согласны! Мы согласны!»*

Крики толпы эхом поднялись к украшающим стены и купола скульптурам, словно венецианцы собирались уверить духовных наставников в своем энтузиазме и искренности. Набожность толпы обрела воплощение; «высокая волна благочестия», по выражению Виллардуэна, донесла

мечту о крестовом походе до реальности. Экспедиция была провозглашена, и венецианцы выразили согласие участвовать в священной войне. Дож вернулся к аналогу и, исполненный гордости и волнения, произнес: «Господь почтил вас честью, заставив прекраснейшую на земле нацию отвернуться от других народов и обратиться к вам, чтобы присоединить к столь священному предприятию, как освобождение нашего Господа!» Каков бы ни был безжалостный коммерческий расчет, важно помнить, что духовное воззвание крестового похода должно было глубоко затронуть венецианцев.

Надлежащим образом были подписаны все документы о соглашении. В них были отражены как религиозные причины крестового похода, так и коммерческие пункты. На следующий день были согласованы детали. Обе стороны теперь были связаны нерушимыми узами чести, огромными финансовыми затратами и высоким риском. Оплата венецианцам должна была проводиться четырьмя взносами к апрелю 1202 года, а флот должен был быть готов к отплытию 29 июня того же года, в день празднования апостолов Петра и Павла.¹⁸

Подписанные и скрепленные печатями документы были доставлены во дворец Дандоло, где в присутствии Большого совета он предполагал передать их посланцам. Это было торжественное мероприятие. Полнейшее согласие так растрогало Дандоло, что, передавая французам документы, престарелый дож пал на колени и начал рыдать. Со слезами на щеках он поклялся на Библии не отступать от условий договора.

Тронутые волнением своего предводителя, венецианские советники также принесли присягу, а их примеру последовали крестоносцы. Они тоже осознавали важность этой минуты и также прослезились. Возможно, именно тогда венецианцы и французы поняли, что их планы начинают претворяться в реальность, и теперь их жизни неразрывно связаны с крестовым походом.¹⁹

Если масштаб соглашения не имел прецедентов, то основные условия транспортировки армии крестоносцев по фиксированной цене за человека и лошадь были вполне традиционны. Самым свежим примером мог служить контракт, заключенный генуэзцами и французами в 1190 году. В нем шла речь о перевозке 650 рыцарей, 1300 лошадей и 1300 оруженосцев по цене в девять марок с единицы (то есть за одного рыцаря, двух лошадей и двух оруженосцев) за восемь месяцев, что равнялось 13,5 марки в год. Венецианская такса составляла четырнадцать марок в год, то есть приблизительно столько же.²⁰

Однако в соглашении 1201 года кардинальным отличием был размер армии. Крестоносцы обязались доставить в Венецию к апрелю 1202 года 33 500 человек — и то, что эта цифра не была достигнута, создало основной раскол, оказавшийся критическим для судьбы всей экспедиции. Можно сказать, что в момент рождения договоренности возник изначальный порок, который смог исказить всю идею в ходе ее развития.

При оговоренном для переправки количестве крестоносцев у Венеции возникала существенная проблема огромной стоимости их транспортировки. Сумма в 85 000 марок соответствовала 60 000 фунтов стерлингов, что составляло примерно двойной годовой доход короля Джона Английского или Филиппа Французского. С одной стороны, перед нами предстают огромные расходы венецианцев по созданию флота, а с другой — это заставляет задуматься о масштабах контракта.²¹ В случае контракта короля Филиппа с Генуей он был уверен, что его будут сопровождать шестьсот пятьдесят рыцарей. Будучи правителем Франции, он знал размер своей армии от своих советников и по вассальным обязательствам. Что касается посланников, у них не было твердых оснований для подобной уверенности. Скорее всего, они хорошо представляли себе количество людей, вступивших в ряды крестоносцев из Фландрии, Шампани и Блуа. Вероятно, они могли примерно судить о раз-

мере некоторых отрядов из Германии или Италии, собиравшихся присоединиться к действиям. И все же 33 500 человек было очень значительным числом для тогдашней политической обстановки, которое, судя по всему, существенно превышало количество уже имевшихся добровольцев.

Не имея точных цифр, относящихся к предыдущим крестовым походам, историки путем сравнения все же сделали приблизительную оценку, придя к заключению, что в Первом крестовом походе принимало участие семь тысяч рыцарей и пятьдесят тысяч прочих воинов. Крупнейшая армия крестоносцев была собрана Фридрихом Барбароссой. Принято считать, что в ней было около двадцати тысяч рыцарей и до восьмидесяти тысяч прочих участников.²²

Ключевой проблемой посланцев в 1201 году была надежда на будущее присоединение к крестоносцам множества людей, а не расчет на уже сделанные твердые обязательства. В сущности, посланники просто строили предположение. И все же они были опытными крестоносцами и дипломатами. Им необходимо было назвать определенное число, чтобы заключить окончательное соглашение. Сам Виллардуэн принимал участие в Третьем крестовом походе, как и Конон Бетюнский, Мило Брабантский и Иоанн Фризский. Другими словами, четверо из шести послов могли представить масштаб сил, которые необходимы для ведения войны. Они должны были произвести обдуманый расчет, чтобы заинтересовать венецианцев. Только время могло показать, насколько их оценки окажутся реальными или станут пагубным просчетом.

Наряду с договоренностью относительно снабжения провиантом в подписанном контракте был еще один пункт относительно планирования предстоящей экспедиции — тайная договоренность о том, что первоначально крестоносцы направятся в Египет, а лишь затем в Святую Землю.²³ Сперва такое решение кажется нелогичным. Если целью кампании было завоевание Иерусалима, зачем пытаться покорять другие мусульманские страны? Но на деле

мысль о вторжении в Египет была, по крайней мере, в смысле стратегии, великолепным и понятным решением проблемы покорения священного города. Попытки крестоносцев и франкских поселенцев в Леванте захватить Египет, дабы вынудить мусульман сдать Иерусалим, имели уже долгую историю. Невероятное плодородие дельты Нила и торговые маршруты из Северной Африки на Ближний Восток дали бы христианам беспрецедентное военное и экономическое могущество, которое позволило бы уверенно удерживать Святую Землю. Более того, в результате было бы покончено с неустойчивым положением франков, удерживающих побережье Средиземного моря, но на суше окруженных со всех сторон исламскими силами.²⁴

Немедленное взятие Иерусалима было бы объявлено триумфом и наверняка привело бы к некоторому падению духа в мусульманском мире — но затем общий баланс сил опять вернулся бы к той ситуации, что имела место перед захватом Саладином Иерусалима в 1187 году. Мусульмане и франки давно понимали, что контроль над Египтом вел к владению Святой Землей. Более поздний автор замечал, что «ключи к Иерусалиму нужно было искать в Каире».

В 1160-х годах процветание Египта повергло франкского гостя в изумление. Архиепископ Уильям Тирский (скончался в 1185 году), канцлер Иерусалимского королевства и автор истории Латинского Востока, писал о *«волишебном изобилии там всего необходимого и любых предметов роскоши; несметных богатствах самого властителя; податях и налогах с городов как на побережье, так и в глубине материка; об огромных ежегодных доходах... Тамошние жители привыкли к роскошной жизни и несведущи в военных науках, расслабившись за долгий мирный период»*.²⁵ После покорения этой страны Саладином в 1169 году, Уильям жаловался на то, что *«он присвоил себе источник чистого золота великолепного качества, количество которого трудно даже оценить»*.²⁶

Франкские поселенцы тратили значительные усилия на попытки завоевать эту страну, которую они называли Вави-

лоном. Первый король Иерусалима Балдуин I (1100–1118) скончался, возвращаясь из похода в Египет. Последующие кампании происходили в 1120-х и 1140-х годах. Между 1163 и 1169 годами иерусалимский король Амальрик (правил в 1163–1174 годах) вторглся в страну не менее пяти раз. Во время одной из экспедиций королевский стяг даже поднялся над Александрией — хотя в конечном итоге поход закончился неудачей. Позднее Ричард Львиное Сердце, самый знаменитый вождь эпохи, признавал необходимость завоевания Египта для обеспечения долгого существования государства крестоносцев. За время Третьего крестового похода он дважды предпринимал попытки убедить армию отправиться на юг вместо того, чтобы двигаться к Иерусалиму. Однако в обоих случаях оппозиция со стороны солдат, собиравшихся достичь вожаемой цели, невзирая на политическую картину, приводила к невозможности осуществления его планов. Ричард также начал переговоры с Генуей, предполагая использовать ее опыт мореплавания для будущего покорения Египта в обмен на коммерческие привилегии.²⁷

Основные пункты договора 1201 года совпадали с планами Ричарда: необходимость мореходного опыта для нападения на Египет (Амальрик использовал пизанский и византийский флоты); предложение торговых льгот поставщику морских сил; осведомленность относительно возможного сопротивления со стороны основной массы крестоносцев движению на Каир вместо прямого наступления на Иерусалим. Виллардуэн и его товарищи уже сталкивались с подобным противодействием между 1191 и 1193 годами, а потому без колебаний предпочли сохранить в тайне этот пункт договоренности. Маршал писал, что эта часть плана *«хранилась в строжайшей тайне; людям было просто объявлено, что мы отправляемся в заморские страны»*.²⁸

У Иерусалима, где жил и проповедовал Христос, не было равных по духовному потенциалу целей. Только туда могла быть направлена вспышка народного энтузиазма, способная

в итоге сформировать успешный крестовый поход и убедить людей рискнуть жизнями или хотя бы просто покинуть своих любимых. Какими бы ни были долгосрочные планы лидеров крестоносцев, призыв к нападению на Египет никогда бы не завоевал популярности в Западной Европе. Выбор Виллардуэном термина «заморский» был удачным обманом, поскольку в понимании обычного рыцаря, оруженосца или пехотинца автоматически символизировал Святую Землю, воодушевляя с радостью присоединиться к крестоносцам.

Кроме того, умолчание о направлении крестового похода было вполне разумно с точки зрения стратегии. Мусульманский мир после смерти Саладина пребывал в некотором смятении. Правители Каира, Алеппо и Дамаска стремились занять господствующее положение над своими соперниками. Франки были хорошо информированы об этих неурядицах и понимали, что такую ситуацию стоит использовать. Заранее намеченное нападение на одном участке вполне могло заставить мусульман отложить распри и подготовиться к серьезной обороне. К тому же сам Египет находился в далеко не лучшем положении. На рубеже XIII века Нил пять лет подряд не разливался, что привело страну к нищете и голоду.

Наконец, надо было учитывать и дипломатические аспекты. Между Иерусалимским королевством и мусульманами Сирии было заключено пятилетнее перемирие. Гунтер из Пайри отмечал, что именно это соглашение было одной из причин решения атаковать Египет, а не Иерусалим.

«Они [крестоносцы] решили... плыть к Александрии, что в Египте, дабы напасть на нее. Они избрали это направление, поскольку в то время в заморских землях действовало перемирие между нашим народом и варварами. Наши не могли нарушить соглашение, на которое пошли по доброй воле».²⁹

В начале XIII века и христиане, и мусульмане на Святой Земле пребывали не в лучшей военной форме, а потому им

требовалось время для отдыха и перегруппировки сил. Обе стороны старались соблюдать такие перемирия, поскольку нарушения привели бы к лишению смысла подобных договоров в дальнейшем. Однако вторжение в Египет условиями перемирия не оговаривалось, что давало христианам возможность действовать в пределах буквы договора.

Наряду с дипломатическим фактором еще одной причиной выбора Египта в качестве объекта нападения служило превосходство западных мореходов. Мусульманский флот по сравнению с венецианским был заметно слабее. Сирийские мусульмане, правившие страной с конца 1160-х, принадлежали сухопутной культуре кочевников, считавших мореплавание опасной забавой, которую лучше предоставлять преступникам. И действительно, многие моряки на мусульманском флоте были каторжниками. Арабская пословица «Лучше внимать верблюжьей вони, чем рыбьей молитве» вполне удачно отражает подобное отношение. Саладин попытался создать свой флот, однако ограниченность в ресурсах и недостаток морского опыта практически свели его усилия на нет. Основная часть его флота была захвачена при осаде Акры в 1191 году. Масштаб бедствия был таков, что последники Саладина ко времени Четвертого крестового похода еще только предпринимали попытки по восстановлению морских сил.³⁰

С точки зрения венецианцев надежда занять доминирующее положение в Александрии была, разумеется, весьма соблазнительной. Несомненно, этот город являлся торговой жемчужиной Восточного Средиземноморья и давал прямой выход на рынки Северной Африки и Ближнего Востока. Египет служил основным источником квасцов, сахара, пряностей, пшеницы и был важным рынком древесины и металлов. Доступ в страну у венецианцев был ограничен, и торговля с Александрией составляла не более 10% объема всей их торговли в Восточном Средиземноморье. Для сравнения — на долю Византии приходилось 55%, на государство крестоносцев — 25%.³¹

В отличие от Венеции, Генуя и Пиза были более активны в мусульманских портах.³² Папские директивы запрещали торговлю с исламским миром, и в ответ на попытки Иннокентия заручиться поддержкой венецианцев в начале Четвертого крестового похода этот город направил посланников, чтобы испросить особого разрешения на ведение дел с Египтом. Папа римский выразил недовольство тем, что Венеция продает сарацинам военные ресурсы (оружие, железо, строевой лес для галер), и пригрозил в случае продолжения отлучением от церкви. В то же время он признавал, что венецианцы с их экономикой, направленной на торговлю, а не сельское хозяйство, получают все необходимые средства к существованию именно от коммерческих операций. Для того, чтобы обеспечить их содействие крестовому походу, он все же дал им разрешение продолжать торговлю — но предметами, не относящимися к военной области. Таково было рассчитанное прагматическое действие Иннокентия, который пытался удовлетворить противоречивые дипломатические, религиозные и экономические результаты деятельности венецианцев.³³

Дандоло сам был в Египте в 1174 году и видел его великолепную торговую мощь, а также приходящую в упадок военную силу, которую не смог восстановить даже Саладин. Уильям Тирский дает яркое описание города, относящееся приблизительно к этому периоду:

«Александрия расположена самым удачным образом для широкой коммерческой деятельности. Два ее порта отделены друг от друга узкой полоской суши. На конце языка суши вздымается башня удивительной высоты, называемая Фарос. Из Верхнего Египта по Нилу Александрия в избытке получает любое продовольствие и все прочее, что только может понадобиться. Если чего-то не хватает в самой стране, недостающее в изобилии привозят на кораблях из заморских стран. В результате Александрия славится бóльшим количеством товаров, чем

*любой другой приморский город. То, чего нет в этой части света, например, жемчуг, пряности, азиатские сокровища, иностранные товары, привозят из обеих Индий, Сабы, Аравии, Эфиопии, а также из Персии и окрестных земель... Люди с Запада и Востока собираются туда в огромных количествах, а Александрия служит рынком для обоих миров».*³⁴

Ибн Джубайр, совершая паломничество в Мекку в 1184–1185 годах, восхваляет александрийские постройки:

*«Нам никогда не доводилось видеть города с улицами шире или домами выше, древнее или прекраснее. И рынки здесь прекрасны. Особо замечательно то, что здания под землей так же прекрасны, как и над ней, даже изысканнее и крепче, поскольку воды Нила выются под землей ниже строений и проходов... Мы наблюдали также множество мраморных колонн такой высоты, величия и красоты, какие трудно даже вообразить».*³⁵

Следовательно, у венецианцев была весома причина нацелиться на Александрию. Для сравнения: порты франкского Востока, хотя и довольно значительные (особенно Акра), все-таки оставались второстепенными в плане торговли.

Если не приходится сомневаться в огромном значении Венецианского договора в судьбе крестового похода, то и сделанные ставки были весьма высоки. Основных выплат по контракту с крестоносцами должно было хватить на покрытие первоначальных вложений в строительство кораблей и их экипировку. Но в действительности Дандоло смог убедить городских советников, лишь посулив им коммерческое преобладание в большинстве самых важных портов Средиземного моря. Венецианцам представилась уникальная возможность, какой не бывало никогда прежде. Для Дандоло появился случай увенчать время своего пребывания

в должности дожа двойным триумфом: помочь вернуть христианам землю Христа — и утвердить родной город в качестве крупнейшей коммерческой силы Средиземноморья.

Между Венецией и Александрией существовала еще одна связь, которая оставалась в тепи и до поры до времени считалась мелочью на фоне важных коммерческих и стратегических вопросов. Покровителем Венеции был евангелист Марк, спутник святых апостолов Петра и Павла, со временем поселившийся в Александрии и принявший там мученическую смерть около 74 года нашей эры. В IX веке два венецианца привезли из Александрии мощи святого Марка, спрятанные в грузе свинины, чтобы мусульманские чиновники в порту не досматривали груз слишком придирчиво. Их поместили в личной часовне дожа, которая затем превратилась в собор святого Марка. Такая связь между святым покровителем города и непосредственной целью крестового похода могла придать особую пикантность вовлечению венецианцев в экспедицию.³⁶

После того, как было достигнуто соглашение в виде официального и секретного договоров, французы заняли денег, чтобы сделать начальный платеж. Первый взнос мог вноситься до августа, однако посланники хотели, чтобы венецианцы начали немедленно работать над флотом, и сразу же заплатили пять тысяч серебряных марок. После этого они отправились домой, проехав по Северной Италии до Пьяченцы, где разделились. Виллардуэн направился на север во Францию, а остальные повернули на запад и юг, чтобы побывать в других торговых итальянских городах, Пизе и Генуе, и оценить, готовы ли они помочь крестовому походу. Учитывая доминирующее положение Венеции, это представлялось маловероятным — но, возможно, посланцы думали, что часть крестоносцев могла из соображений удобства предпочесть отправляться в путь из Западной Италии. Поэтому они хотели разведать, что именно может быть предложено.³⁷

В Венеции тем временем начались работы по созданию мощного флота. У венецианцев было тринадцать месяцев,

чтобы подготовить имеющиеся корабли и построить новые. Дандоло вместе с советниками раздавал соответствующие распоряжения. Все должно было сконцентрироваться вокруг флота для крестоносцев, а коммерческую деятельность приходилось сокращать. Тысячи моряков должны были управлять этим огромным флотом. Их необходимо было завербовать и обучить. Требовалось собрать обширные продовольственные запасы, и торговые агенты отправились в хозяйства на севере Италии договариваться о закупке урожаев в небывалом доселе размере. Были подключены региональные центры, такие, как Падуя и Пьяченца, а немного южнее — Равенна и Римини. Для людей и лошадей собиралось зерно и бобы, для крестоносцев было приобретено 16 775 амфор вина плюс по меньшей мере равное количество — для венецианских моряков и солдат. После сбора урожая осенью 1201 года дороги по направлению к Венецианскому побережью, паромы и барки в лагуне кишели рабочими, непрерывно переправляющими в хранилища съестные припасы. Город поглощал продовольствие с аппетитом, который казался ненасытным.

Вероятно, Дандоло созвал городских корабелов и ознакомил их со всеми требованиями контракта — хотя, скорее всего, он уже консультировался с ними, прежде чем утвердить соглашение. Стоимость создания кораблей была столь огромна, что позднее один венецианский автор отмечал, что дожу пришлось чеканить дополнительные серебряные *grosso*, чтобы платить мастерам, поскольку мелких монет на оплату было недостаточно.³⁸

Сердце венецианского кораблестроительства носило наименование Арсенала. Он располагался (и располагается сейчас) примерно в 750 ярдах к востоку от собора святого Марка, в соседнем квартале Каstellо. Арсенал впервые возник в 1104 году как официальная судовой верфь Венецианского государства, в задачи которой входило создание и поддержание флота. Совершенно естественно, что в результате был получен огромный технический опыт, ставший основой морского могущества Венеции. Здесь разрабатывались

и создавались корабли, специально приспособленные для ведения морских боев, для перевозки лошадей и транспортировки войск; кроме того, Арсенал производил запасные части и прочее оборудование, необходимое для поддержания судов в рабочем состоянии. Дандоло был совершенно уверен, что Арсенал сможет разработать и построить корабли, которые отвечали бы его собственным запросам и удовлетворяли бы требованиям крестоносцев.³⁹

Требуемое количество кораблей было невероятным. 4500 рыцарей, 9000 оруженосцев и 20 000 пехотинцев должны были путешествовать на *нефах* — больших морских судах, которые часто переоборудовались под перевозку грузов. В источниках сохранились названия самых крупных из них, известны они и благодаря особой роли, которую сыграли в последующих событиях. Размер кораблей был различным. Самый большой, названный «Мир», и другие, такие, как «Рай» и «Пилигрим», несли настолько высокие мачты, что в 1204 году они достигали высоты башен Константинополя. Но основная часть кораблей была значительно меньше. Принято считать, что для перевозки крестоносцев потребовалось 60–70 таких судов (см. вклейку).

Нам эти корабли показались бы безобразными и неуклюжими. Они походили на приземистые круглые бочонки. Некоторые сохранившиеся изображения, такие как мозаики, керамика и иллюстрации к манускриптам, наряду с деталями корабельных соглашений XIII века позволяют представить их размеры и вместимость. Трехпалубный «круглый» корабль имел примерно 110 футов в длину и 32 в ширину. Для сравнения: современный пассажирский авиалайнер, например, аэробус А-320, имеет в длину 120 футов при ширине фюзеляжа около 16 футов. Он перевозит до 150 пассажиров и восемь человек экипажа, и продолжительность полета обычно не превышает 4,5 часов. К концу полета большая часть пассажиров страдает от затекших конечностей, а иногда и от нервного расстройства. Если же посмотреть на средневековый корабль, по размерам примерно соответствующую

щий самолету и использовавшийся в качестве основного вида транспорта, то, учитывая, что путешествия длились много недель, эти цифры заставляют задуматься.⁴⁰

На каждой из оконечностей средневекового корабля имелись деревянные конструкции, называемые замками, которые увеличивали общую высоту корпуса до 40 футов. С обеих сторон на корме располагались огромные рулевые весла, подвешенные к деревянным «крыльям», обеспечивавшим их связь с кораблем. Эти весла с помощью системы шарниров и талей связывались с румпелем, которым управлял рулевой из кормового замка. Вплоть до XIV века штурвалы на Средиземноморье не встречаются. Каюты рыцарей находились в кормовой башне и считались весьма роскошным местом размещения, предлагая, по крайней мере, хотя бы относительную приватность. На верхушке основной конструкции помещалась легкая надстройка, гарантировавшая некоторую защиту от стихий, которая также предлагалась знатным пассажирам. Основная же часть людей располагалась в центральной секции корабля, с таким расчетом, чтобы каждый занимал минимум пространства — обычно два на пять футов, как отмечалось в одном из договоров середины XIII века. На каждом из больших судов, помимо 600 пассажиров (обычно на кораблях перевозилось меньшее количество) имелось 80–100 человек команды. Скрип дерева, хлопки снастей, запах моря и пота, тесное соседство множества людей оставляли у путешественников самые яркие впечатления.

Средневековые жители были привычны разделять для ночлега большой зал замка, но на воде к этому добавлялись непривычность морского путешествия и то, что матросам приходилось выполнять свою работу прямо среди крестоносцев. Пассажиры скучивались под палубами, перекатываясь в темноте из стороны в сторону, погруженные в промозглые недра корабля, и большинство людей быстро начинало скорбеть о том, что покинуло сушу. Сумятица штормов пугала крестоносцев. Внезапные шквалы, типичные для Средиземного моря, приводили в трепет, заставляя

людей молиться и раскаиваться в совершенных за прожитую жизнь грехах. Мачты с огромными парусами возвышались над ними более чем на 96 футов. Они скрипели и хлопали на ветру под реями, доходившими в длину до 150 футов.

Скорости по сегодняшним меркам были невысоки. На путешествие из Венеции до Акры (1800 миль пути), если все шло благополучно, уходило от четырех до шести недель. Обычно после плавания по Адриатике главными пунктами захода судов были Крит, затем Родос, бухта Анталии на юге Малой Азии, Лимасол на Кипре, побережье Леванта близ Бейрута, затем уже сама Акра. За каждым кораблем буксировались две или три небольших гребных лодки, с помощью которых устанавливалась связь с берегом, чтобы пополнить запасы пресной воды. Таким образом, большой «круглый» корабль, тянущий за собой несколько «отпрысков», в движении чем-то напоминал утку с выводком утят.

Транспортировка по морю лошадей была занятием опасным и трудным.⁴¹ Лошади были необходимы, чтобы рыцари могли сеять страх своим видом. Они являлись весьма дорогостоящим знаком принадлежности к военной элите. Корабли для перевозки лошадей, называвшиеся *тарида*, скорее всего, брали на борт до тридцати животных. Каждую лошадь нужно было подвесить на стропах, чтобы при резких движениях корабля она не потеряла равновесия и не получила повреждений. На судне приходилось держать огромный запас фуража и воды. Необходимо было чистить стойла и выбрасывать навоз за борт. Животных перевозили в нижнем трюме, боковой вход в который при полной загрузке судна оказывался ниже уровня воды. Когда корабль подходил к берегу, этот вход можно было открыть только после частичной разгрузки. Обычно к этому моменту всадники уже сидели на оседланных лошадях в полном вооружении. Покинув судно по специальному пандусу, они зачастую оказывались прямо в середине боя.

При том количестве рыцарей, которое предполагали набрать крестоносцы, развертывание ударных частей в сра-

жение прямо с моря дало бы христианским армиям значительное преимущество, которое можно было бы использовать для создания решительного тактического превосходства. Перевозка четырех с половиной тысяч лошадей крестоносцев потребовала бы примерно ста пятидесяти кораблей. Но такие суда шли в основном на веслах. Таким образом, для движения каждого корабля понадобилось бы около ста человек плюс еще тридцать в составе палубной команды — что в общем итоге действовало бы в кампании еще 19 500 венецианцев.

Наконец, существовал еще и венецианский флот численностью в пятьдесят боевых галер под руководством окрашенного в багрянец корабля дожа. Здесь также требовалось около ста гребцов на каждый корабль, не считая команды из солдат, офицеров и моряков. Галеры имели примерно 125 футов в длину, но лишь около 12 футов в ширину (сравните соотношение ширины и длины, которое у галер составляло 1:10, а у «круглых» кораблей 1:3). Максимальная высота носа у галер составляла 14 футов, средняя — 11 футов. Гребцы обычно работали, сидя на скамейках попарно, а весла достигали 22 футов в длину.

Идя только на веслах, галера могла делать примерно три морских мили в час днем — но, в отличие от парусных судов, галеры вынуждены были останавливаться ночью для отдыха. Другая проблема состояла в том, что галеры имели очень низкие борта, чтобы наиболее эффективно использовать весла. Однако это приводило к тому, что в открытом море при сильном волнении их сразу же начинало заливать, а также возникали сложности с креном при быстром повороте. Кроме того, галерам также приходилось нести большой объем пресной воды — из расчета около галлона* в день на человека, чтобы команда могла получать достаточное количество воды в летнюю жару.

* 3,8 литра. (Прим. перев.)

Несмотря на все эти недостатки, галеры были основным ударным орудием средневековых флотов Средиземноморья, и на коротких рывках их гребцы могли достигать скорости в десять узлов. Основным оружием галеры был заостренный окованный металлом выступ на носу, выше уровня воды — в отличие от таранов римских галер, расположенных ниже поверхности моря. Он был предназначен для нанесения повреждений веслам вражеских галер. Такой выступ ломал весла, прежде чем солдаты, используя abordажные крюки и веревки, сцеплялись с противником борт о борт и атаковали вражеское судно. Галеры были необходимы для подавления любого морского сопротивления, которое мусульмане могли оказать крестоносцам. Во многих случаях в прошлом, например, при осаде Тира (1124) и Акры (1191), морские победы сыграли существенную роль в последующих успехах на суше. В начале XIII века возрождавшийся египетский флот обладал некоторым количеством боевых галер. Следовательно, крестоносцам было необходимо получить возможность вступить с ними в бой и побеждать их.⁴²

По приведенным приблизительным оценкам видно, что венецианцам, чтобы управлять оговоренным в контракте флотом, нужно было задействовать не менее 30 000 человек — что, вероятно, составляло около половины взрослого населения самого города. Судя по всему, тысячи моряков с берегов Адриатического моря решили присоединиться к крестовому походу, когда венецианцы стали предпринимать шаги по выполнению своих обязательств.

Тем временем, двигаясь на север, Виллардуэн вез известие об успешном завершении переговоров. Он наверняка интересовался, как проходит набор в армию крестоносцев и кто из знатных людей предполагает присоединиться к экспедиции. На перевале через гору Ценис в Северной Италии он случайно встретился с Вальтером Бриенским, видным французским ноблем, принявшим крест вместе с самим Виллардуэном и графом Тибо Шампанским. Вальтер направлялся в Апулию на юге Италии, чтобы восстановить

там права владения землями, принадлежащими его новой супруге, происходившей из сицилийского королевского дома. Вместе со спутниками он выразил восхищение достижениями Виллардуэна и пообещал присоединиться к армии в Венеции, как только закончит дела на юге. Маршал продолжил свое путешествие в добром расположении духа. Он еще не знал, что крестовый поход скоро столкнется с первым трагическим препятствием.⁴³

ГЛАВА 5

**«Увы, любовь моя, сколь скорбная
разлука предстоит мне!»**

Последние приготовления и отбытие.

Май 1201 — июнь 1202 года

Достигнув южной части графства Шампань в мае 1201 года, Виллардуэн услышал печальные известия. Его господин Тибо Шампанский, один из трех лидеров крестового похода, был серьезно болен и находился в городе Труа. Когда Жоффруа прибыл, граф чувствовал себя плохо, однако очень обрадовался, услышав о договоре с Венецией. Нам неизвестно, чем был болен Тибо, но добрые вести воодушевили его достаточно, чтобы он смог сесть на коня, чего не делал уже несколько недель. К сожалению, этот порыв был непродолжителен и вскоре окончательно иссяк. Болезнь Тибо была тем более некстати, что его жена Бланш находилась на девятом месяце беременности.

Граф понимал, что его дни сочтены, и отдал последние распоряжения. По данным, приведенным Робером де Клари, он собрал 50 000 ливров, часть которых была получена от еврейской об-

щины Шампани. Евреи были традиционным источником денег для крестовых походов. Они обладали достаточным благосостоянием, полученным зачастую благодаря ростовщичеству — выдаче денежных займов под проценты, которое глубоко осуждалось католической церковью. В XII веке экономика Западной Европы быстро развивалась, и это привело к возникновению ряда моральных проблем. Должны ли христиане вообще стремиться к получению выгоды? Можно ли получать выгоду (проценты с займа), не производя никакой видимости работы? Священнослужители сетовали на смертные грехи алчности и обмана, и приравнивали ростовщичество к воровству.

Одной из причин отрицательного отношения к ростовщикам стало то, что они фактически продавали время: чем на больший срок брались деньги, тем выше были выплачиваемые проценты. Но ведь время было не их, оно принадлежало Богу. Книга Псалмов говорит о благочестивом человеке, *«кто серебра своего не отдает в рост»* (Пс. 14:5). Второзаконие требовало: *«Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост; иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост, чтобы Господь Бог твой благословил тебя во всем, что делается руками твоими, на земле, в которую ты идешь, чтобы овладеть ею»** (Втор. 23:19-20).¹

Евреи, считавшие себя вне этих указаний, были крупнейшими ростовщиками, создавая основу процветания экономики. Но большинству жителей Западной Европы казалось, что евреи отягощены мрачным наследием убийц Христа, делавшим их весьма подходящим объектом для священной войны. В 1096 году лишенная всякой дисциплины толпа участников крестового похода бедноты (иногда также называемого Крестьянским) жестоко разгромила еврейские общины в Рейнских землях, убив многих евреев. Спустя пятьдесят лет Второй крестовый поход спровоцировал

* Приводится по Синодальному переводу Библии. (Прим. перев.)

новый всплеск антисемитизма в тех же землях. Проще говоря, возникло мнение, что, если крестовый поход имеет своей целью истребить неверных, то не следует ли начать с родины, очистив христианские земли от нечестивцев? В 1146 году Петр Достопочтенный, настоятель из Ключни, писал: *«Зачем нам преследовать врагов христианской веры в отдаленных землях, когда неподалеку от нас существуют низкие богохульники, куда худшие любых сарацин, а именно евреи. Они живут среди нас, богохульствуют, поносят и оскорбляют Христа и христианские святыни совершенно свободно, надменно и безнаказанно»*.² В Библии утверждается, что евреев не следует убивать, с тем чтобы они могли понести наказание на земле и в конечном итоге спастись. В том же году, когда Петр писал эти слова, аббат Бернар Клервоский вопрошал: *«Разве не лучшим достижением Церкви станет убедить и обратить евреев, нежели предать их мечу?»*³ Взгляды Бернара возобладали, и он многое сделал, чтобы остановить преследования евреев.

В конце 1190-х годов Тибо Шампанский в достаточной мере контролировал свои земли, чтобы предотвращать любые всплески антисемитизма. Он избрал евреев в качестве приемлемого источника финансирования своей экспедиции. К концу XII — началу XIII века гражданские владыки могли использовать формальное церковное законодательство против евреев и ростовщичества, чтобы накладывать на еврейские общины особые налоги. Именно из подобных налогов Тибо собрал часть капитала для крестового похода. В своем завещании граф поставил условием разделить эти деньги среди крестоносцев, если получающий эту сумму поклянется отправиться из Венеции — осознав, что необходимо направить людей и ресурсы в эту сторону. Остальные средства должны были перейти в общее финансирование армии и расходоваться по необходимости.

24 мая граф скончался, о чем скорбели все. Смерть такой выдающейся фигуры была общественным событием. Виллардуэн, почти наверняка присутствовавший при этом,

писал, что Тибо умер «в окружении толпы родственников и вассалов. Что до скорби после его кончины и похорон, то у меня недостает смелости описать их, ибо никогда никому не воздавались такие почести... Никого другого народ не любил больше». ⁴ Отчасти это описание — вассальный долг, однако возникает чувство, что Тибо действительно искренне любили, и народ восхищался им. Его вдова Бланш соорудила великолепный мемориал в церкви Сен-Этьен в Труа, где граф был похоронен в изножье могилы своего отца. Французская революция уничтожила памятник, но в 1704 году местный священник составил весьма подробное его описание. Постамент украшали 28 эмалей, 34 серебряных колонны и множество ниш, в которых располагались изображения родственников — например, Людовика VII Французского (1137–1180), принимавшего участие во Втором крестовом походе, и Анри II Шампанского, правившего Иерусалимом в конце XII века. Священник описал прекрасное изображение человека, держащего посох пилигрима, с крестом на правом плече, сделанным из серебра и украшенным драгоценными камнями. Ряд столь мощных образов, несомненно, был связан с невыполненным Тибо обетом крестоносца. Надпись на его могиле связывала предполагаемую экспедицию графа и божественную награду, которой он, по мнению своих сторонников, был достоин:

*Намереваясь отплатить за страдания на Кресте в
земле Распятого,*

Он оплатил армию и флот.

Ища земную столицу, он обрел град небесный.

*Пытаясь достичь цели в дальних странах, добрался
до нее дома.⁵*

Другими словами, после смерти Тибо отправился в небесный Иерусалим, не достигнув земного, к которому стремился прийти крестовым походом. Примерно через неделю после его похорон Бланш родила сына, которого также

назвали Тибо. Впоследствии он достиг известности и возглавил собственный крестовый поход на Святую Землю в 1239–1240 годах.⁶

Кроме потери близкого товарища, смерть Тибо поставила перед лидерами похода серьезный вопрос о руководстве. Группа знатных представителей Шампани обратилась к герцогу Бургундскому, предложив ему все средства Тибо и свою преданность, если он займет место графа в качестве их вождя, однако тот ответил отказом. Вскоре после этого граф Барле-Дюк, кузен Тибо, также отклонил это предложение.

Хотя сложно адекватно оценить последствия смерти графа, наверняка уход столь яркого и популярного деятеля, чье присоединение к крестоносцам вызвало волну энтузиазма в Северной Франции, должен был оказать немалое воздействие и на набор волонтеров, и на их дух. Тибо обладал такой харизмой и родословной, что мог повести за собой многочисленную знать и рыцарей. Из его завещания понятно, что он собирался направиться на Святую Землю через Венецию, выполнив договор, подписанный Виллардуэном. Маршал писал, что после смерти Тибо крестоносцы «пришли в уныние».⁷ Возможно, что заботы о наследовании графства Шампань отвлекли часть знати от участия в крестовом походе. От неопределенности могли спасти либо регентство женщины (у Тибо не было других детей), либо появление человека со стороны, выбранного, чтобы принять управление землями. Естественно, что в такое время могло показаться более благоразумным остаться дома.⁸

В начале июня или июля вожди крестоносцев встретились в Суассоне, чтобы предпринять попытку разрешить разрастающийся кризис. Ситуация становилась все более серьезной, и графы Фландрии, Блуа, Перш и Сеп-По присоединились к собранию, чтобы обсудить, как лучше заполнить вакуум, возникший после смерти Тибо. Виллардуэн приписывает себе следующий возможный вариант решения: предложить руководство крестовым походом Бонифацию, маркиграфу Монферратскому из Северной Италии.

Бонифаций был личностью европейского масштаба, чья семья находилась в родстве с королевской династией Капетингов во Франции и Гогенштауфенов, предъявлявших права на трон Германской империи. Плодородные земли Монферрата располагались в Пьемонте и включали Турин, Касаль и Тортону. Бонифаций обладал столь высоким статусом, что ему приходилось предлагать полную власть надо всей армией, тогда как изначально подразумевалось, что Тибо, Людовик де Блуа и Балдуин Фландрский, возглавляя каждый свой контингент, сформируют неофициальный триумvirат.

Как и Тибо, Бонифаций происходил из старого рода крестоносцев с давней традицией участия в священных войнах. Он был старше, чем вожди из Северной Франции, ему было около пятидесяти лет, и он управлял Монферратом с 1183 года, хотя сам никогда не принимал участия в крестовых походах. Во второй половине XII века отец Бонифация Гильом Старший и трое братьев Бонифация — Гильом Длинный Меч, Конрад и Ренье — оставили неизгладимый след на политической карте Западной Европы, Византии и государств крестоносцев. Гильом Старший сражался во Втором крестовом походе и вернулся на Святую Землю в 1185 году, где и был пленен Саладином во время битвы при Хаттине в 1187 году. Одиннадцатью годами раньше его сын Гильом Длинный Меч женился на Сибилле, наследнице Иерусалимского престола. Современный им летописец Уильям Тирский так описывал качества и недостатки этого представителя семейства:

«Маркграф был высоким симпатичным блондином. Он был весьма вспыльчив, но великодушен, дружелюбен и отважен. Он никогда не скрывал своих целей, а открыто демонстрировал, что у него на уме. Ему нравилось поест, он был не прочь и выпить, хотя не настолько, чтобы это вредило его рассудку. Владеть оружием он приучился с раннего детства, прославившись как знаток военных искусств.

Его положение было высоким, и мало кто нашелся бы, чтобы счесть его себе ровней».⁹

К сожалению, спустя всего три месяца после женитьбы маркиз серьезно заболел и вскоре, в июне 1177 года, скончался, оставив супругу беременной будущим королем Балдуином V Иерусалимским (годы правления 1185–1186).

В 1179 году род Монферратов начал расширять свое влияние и на византийский мир. Положение семейства было таково, что император Мануил Комнин предложил Ренье руку Марии, второй в роде по близости к трону. Уильям Тирский присутствовал в 1180 году на их свадьбе и выражал энтузиазм по поводу роскошного бракосочетания и щедрых даров, которыми император одаривал как свой народ, так и гостей:

«Мы хотели бы отметить игры в цирке, который жители Константинополя называют ипподромом, а также представленные народу разнообразные зрелища, шедшие с большой помпой в дни празднеств. Облачения блистали царственным великолепием, изобилуя огромными драгоценными камнями и жемчугами. Дворец был украшен золотыми и серебряными украшениями, ценность которых неисчислима. Трудно описать словами ткани, служившие для убранства королевского жилища, невозможно сосчитать количество слуг...»¹⁰

Брак семнадцатилетнего уроженца Западной Европы и тридцатилетней византийской княжны оказался глубоко несчастливым. Византиец Никита Хониат, не относившийся к числу почитателей Марии, так описывает эту пару:

«Девушка [Мария], царица, за которую сватались многие, как дочь Агамемнона Электра, слишком долго оставалась во дворце, и словно белый тополь, окутанный росой, мечтала о супружеском ложе. Потом... она стала

супругой [Ренье] Монферратского, обладавшего прекрасной наружностью. Его ухоженные волосы блестели, словно солнце, а борода по молодости лет еще не росла, она же миновала тридцатилетний рубеж и была сильна, как мужчина».¹¹

Император пожаловал Ренье права сюзеренитета на город Фессалоники на севере Греции — роскошный подарок, который позднее привлек внимание Бонифация.¹²

В 1181–1182 годах Константинополь служил ареной многочисленных заговоров и контрзаговоров. Когда победил настроенный против Запада узурпатор Андроник Комнин, и Ренье, и Мария были отравлены. Для Бонифация этот эпизод послужил причиной ненависти Монферратов к Византии, ставшей плачевной подоплекой дальнейших событий. Андроник стал императором в сентябре 1183 года, но спустя всего два года был свергнут. Его преемник Исаак II Ангел (1185–1195) решил восстановить отношения с Монферратами, а потому предложил Бонифацию руку своей сестры Феодоры. Бонифаций уже был женат, но его брат Конрад послужил заменой, и пару должным образом повенчали.

Оказавшись в Константинополе, Конрад взял на себя заботу об имперской армии и пресек еще одну попытку мятежа. Его доблесть принесла уважение со стороны местных летописцев. Никита Хониат писал, что он *«превзошел всех отвагой и проницательностью, слава о которых разнеслась широко... а кроме того был наделен удачливостью, острым умом и твердостью руки»*.¹³ Конрад использовал в своей армии некоторое количество западных наемников, но недоверие к чужакам создало повод к тому, что многие представители политической иерархии откладывали достойные награждения, которых требовал его сан и положение. Придя к выводу, что настороженное отношение к выходцам с запада, проявляемое некоторыми группировками, представляет для него угрозу, Конрад решил исполнить обет присоединиться

к крестоносцам, который принял до того, как женился на Феодре. Это произошло летом 1187 года, в то самое время, как Саладин уничтожал франкские армии на Святой Земле.

Конрад отправился в Левант и прибыл в порт Тир (на юге нынешнего Ливана) 13 июля — еще не ведая об ужасном поражении христиан при Хаттине. Саладин прошел по христианскому Востоку, сметая все на своем пути и в конце концов дойдя до стен Тира. Горожане благодарили Господа, что тот «послал им в такой тяжелый момент кризиса корабль [Конрада]». ¹⁴ Маркиз отважно продолжал безнадежную оборону города. То, что ему удавалось так долго сдерживать мусульман, оставило в руках христиан единственный ключевой плацдарм на побережье Южной Палестины. Его решимость была такова, что даже когда Саладин выставил перед стенами Тира плененного отца Конрада, Гильома Старшего (которого захватил при Хаттине), угрожая убить его, если маркграф не сдастся, Конрад остался непреклонен. Он прокричал: «Привяжи его к столбу, и я первым выстрелю в него! Он слишком стар и ничего не стоит!» Сарацины подвели Гильома Старшего к стенам города, и тогда тот крикнул: «Конрад, дорогой сын, охраняй город!» Конрад взял арбалет и выстрелил в своего отца. Когда Саладин прослышал о том, что тот убил собственного отца, то промолвил: «Он неверующий и очень жестокий человек». ¹⁵ Затем, когда Саладин направил посланников, чтобы убедить Конрада в том, что он собирался сам убить пленника, маркграф ответил, что он желал отцу смерти. Только так после всех своих постыдных деяний столь нечестивый человек, как Гильом, мог встретить достойный конец, а у самого маркграфа в роду появился мученик! ¹⁶

Конрад был не только непреклонным в переговорах, но и отважным солдатом, а также очень честолюбивым человеком. ¹⁷ Когда король Гюн Иерусалимский попал в плен, маркграф начал действовать как фактический правитель Святой Земли. Даже после освобождения Гюи Конрад отказался передать власть человеку, которого считал дискре-

дитированным потерей Иерусалима. Гюи стал королем лишь благодаря королевской крови своей супруги Сибиллы, и когда она скончалась при осаде Акры, его положение пошатнулось. Энергичный пришелец в период соперничества превратился в самого вероятного претендента на корону. В 1191 году Конрад женился на сестре Сибиллы — Изабелле, единственной наследнице Иерусалимского престола. Это действие было невероятным политическим авантюризмом: брак с княжной Феодорой не был аннулирован, Изабелла тоже была замужем, и, словно и этого было недостаточно, вдобавок они являлись дальними родственниками. Таким образом, этот брак обладал редкими свойствами: он был одновременно кровосмесительством, двоеженством и двоемужем. Однако едва успели возникнуть протесты относительно незаконности такого союза, как 28 апреля 1192 года в прибрежной Акре Конрад пал от кинжала асассина.

Изабелла была в городских купальнях, и, чтобы провести время до ее возвращения к ужину, маркграф отправился к своему другу, епископу Бюве. К несчастью для Конрада, епископ уже поужинал, а потому маркграфу пришлось возвращаться домой. Проезжая по узким городским улочкам, он миновал двух мужчин в монашеских облачениях, которые сделали жест, словно собирались передать ему письмо. Ничего не подозревая, Конрад приветствовал их и протянул руку — и в этот момент они нанесли ему ножевую рану в живот. Смертельно раненный маркграф упал и в течение часа скончался.¹⁸ Относительно того, кто нанял для выполнения этого поручения членов шиитской секты искусников-убийц, существовали разные мнения. Некоторые обвиняли Саладина, другие считали виновником Ричарда Львиное Сердце, который противоборствовал притязаниям Конрада на трон.

Гильом Старший скончался несколькими месяцами ранее. Восточное Средиземноморье отняло жизни четырех членов семьи Монферрат. Возможно, в этом скрывалось предупреждение, но новый крестовый поход предлагал Бонифацию

возможность добавить славы к наследию семейства и возглавить экспедицию в страну, которой должен был править его брат.

Бонифаций был образованным человеком и активным покровителем блестящего рыцарского двора. Множество рыцарей и трубадуров собиралось вокруг щедрого хозяина. Трубадур и рыцарь Рембо де Вакеррас стал приближенным маркграфа. Он был родом из окрестностей Оранжа, расположенного на самом юге Франции, и начал служить в Монферрате у Бонифация около 1179–1180 годов. Он так писал маркграфу: *«При вашем дворе правят все добрые обычаи: необыкновенно щедрые и приветливые дамы; элегантные наряды; красивые доспехи; трубы, виолы и песни; а во время обеда двери были распахнуты для всех»*.¹⁹

Возглавив Четвертый крестовый поход, Бонифаций и его род привнесли удивительное сочетание авторитета, военного опыта и связей между крестоносцами и Левантом — Восточным Средиземноморьем. В этом отношении он являлся удачной кандидатурой на роль лидера, хотя, будучи родом из Северной Италии и состоя в тесной связи с Генуей и имперской Германией, маркграф Монферратский принес с собой и политические трения, которые в первую очередь оказали влияние на участников крестового похода, пришедших из Северной Франции.

Весьма вероятно, что Виллардуэн посетил маркграфа, возвращаясь в 1201 году из Венеции, так что Бонифаций должен был знать уже о первых этапах плана крестоносцев, включая вторжение в Египет. Как только Виллардуэн убедил собравшуюся в Суассоне французскую знать принять его рекомендации, в Монферрат были отправлены посланцы. Ответ маркграфа был многообещающим. В конце лета в сопровождении ломбардских ноблей и цистерцианского аббата Петера из Люцедио, ставшего впоследствии патриархом Антиохийским, Бонифаций переправился через Альпы сквозь Большой Сен-Бернарский перевал и направился в Суассон. По пути Бонифаций заехал в Париж к королю

Филиппу. В «*Gesta*» («Деяниях») папы Иннокентия III выдвигается предположение, что именно Филипп первым предложил кандидатуру Бонифация. Было ли так на самом деле или нет, но маркграф сделал удачный политический жест, проявив уважение к своему кузену, французскому монарху, поскольку он проезжал через принадлежащие короне земли и предполагал возглавить отбытие множества подданных Филиппа за море.²⁰

Встреча с французскими ноблями была назначена во фруктовом саду неподалеку от суассонского аббатства Нотр-Дам. Стоял конец августа, деревья склонялись под тяжестью яблок. Сад предоставлял уютное тенистое укрытие для серьезных переговоров. Французские крестоносцы не пожалели усилий, чтобы убедить маркграфа принять на себя руководство походом. Они предложили Бонифацию полное управление армией, половину денег Тибо, отведенных на крестовый поход, и обязательство относительно людей графа. *«Мы обратились к тебе как к самому достойному человеку из всех, кого знаем... Будь нашим господином и прими крест ради любви к Господу»*.²¹ Они просили маркграфа согласиться, припав к его ногам и орошая их слезами. Учитывая его путешествие в Северную Францию и визит к королю, очевидно, что Бонифаций и сам был весьма склонен принять предложение. Выслушав французов, он стал перед ними на колено и торжественно согласился возглавить воинство Христово.

Руководители похода, вероятно, ощутили радость и облегчение. Теперь Бонифаций должен был принять крест. Маркиз в сопровождении епископа Нивело Суассонского, который уже вступил в ряды крестоносцев, аббата Петера Люецдского и Фулька Нейского (человека, в течение предыдущих двух лет организовавшего большую часть проповедей, призывающих к участию в крестовом походе) кратчайшим путем направились из сада в церковь Нотр-Дам.

Обряд принятия креста был простым и красивым, если верить первому сохранившемуся литургическому тексту,

который описывает это событие. Давалось благословение, а затем с чтением: «Господи, благослови сей символ Священного Креста, да поможет он спасению слуги Твоего», представлялся сам крест. Будущий крестоносец прикреплял крест на плечо. Ему также вручали традиционные атрибуты пилигрима — посох и суму, чтобы подчеркнуть тесную связь между крестовым походом и паломничеством.²²

Прежде чем покинуть церковь, крестоносцы вполне могли помедлить у одной из могил, чтобы обратиться с прошением о божественном заступничестве. В аббатстве располагался прекрасной работы саркофаг (сейчас он сохраняется в Лувре), в котором помещались останки святого Дросия, бывшего епископом Суассона в VII веке. Дросий прославился способностью приносить победу в сражениях тем, кто проводил ночь, бодрствуя около его могилы. Целые поколения крестоносцев из Суассона благоговели перед ним и твердо веровали в покровительство этого святого. Один из авторов 60-х годов XII века сообщал, что уверенность в могуществе Дросия была столь широко распространена, что к его могиле прибывали люди из Бургундии и Италии, чтобы просить о покровительстве. Возможно, сам Бонифаций, уроженец Северной Италии, был рад бдению у могилы, ища любой божественной помощи в тяжком бремени руководства.

На следующий день Бонифаций собирался покинуть Суассон. Если он собирался отправиться в Левант будущей весной (1202 года), то должен был привести свои дела в порядок. Предложив своим новым соратникам заняться тем же, он распрощался с ними, зная, что следующая встреча произойдет уже в Венеции. Направившись к югу, маркграф, должно быть, задумывался о судьбе своей семьи. Ему предоставлялся случай принять эстафету, превзойти, а, возможно, и отплатить за ущерб, причиненный в прошлом. Наверняка он был горд. Могуущественная французская знать обратилась к нему, предоставив неоспоримое право руководства крестовым походом. Его друга, трубадура Рембо де Вакерраса, в

Суассоне не было, однако он написал песню, чтобы прославить своего господина и напомнить о высоких задачах крестоносцев:

«Возможно, сегодня люди уже знают и получают доказательства того, что за добрые дела Господь дарует достойные награды. Он послал благородному маркграфу воздаяние и сверх него дар, позволив превзойти достойнейших. Крестоносцы Франции и Шампани испрашивали его у Господа как лучшего из лучших, чтобы вернуть гроб Господень и Крест, на котором был распят Иисус, за которым он и последовал. Господь ниспослал ему достойных вассалов, земли и богатства, и бесконечную отвагу, чтобы лучше справится с возложенной задачей.

...С такими почестями принял он крест, что, кажется, больших нельзя и пожелать. Достоинно он будет владеть этим миром и другим. Господь наделил его могуществом, умом и мудростью, чтобы он мог вложить в служение Ему все свои силы.

...Да направит наш флот сам святой Николай из Бари, да поднимут воины из Шампани свои знамена, и пусть в ответ на каждый жестокий удар слышится боевой клич маркграфа „Монферрат и лев!“ и фламандского графа „Фландрия!“ Пусть каждый воин тогда нанесет удар мечом или копьем, и тогда мы с легкостью обратим в бегство и уничтожим всех турков, вернув на поле брани Крест Господень, который утратили...

Господь повелевает нам идти дальше и освободить Гроб Господень и Крест. Пусть те, кто хотят следовать за Христом, даже погибнут ради Него, но они останутся живы в небесных селениях. И да сделает маркграф все, что в его силах, чтобы пересечь море и избавится от расы печесливых псов».²³

Покинув Суассон, Бонифаций направился не прямо домой, а проехал около 175 миль к югу в аббатство Сито,

бывшее сердцем монашеского ордена цистерцианцев. Здесь ежегодно тринадцатого сентября в празднование Крестовоздвижения собирались настоятели этого огромного международного ордена, чтобы обсудить дела своего братства.

Орден цистерцианцев был основан в конце XI века и основывался на идее нищеты, простоты и отделения от мирового зла. Монахи носили рясы из некрашеного полотна и любили противопоставить свой аскетичный образ жизни тому, что вели в других монашеских орденах, например, клюнийцы, чье богатство и склонность к роскоши были хорошо известны. Цистерцианские монастыри представляли простые лишенные декора здания, поразительно красивые в своей строгости. Неотразимым и харизматичным лидером ордена являлся Бернар Клервоский, и орден привлекал тысячи неофитов, получая огромные земельные пожертвования. К концу XII века по христианскому миру было разбросано пятьсот тридцать цистерцианских общин, распространившихся от Палестины до Испании и от Норвегии до Сицилии.²⁴

Столь блестящий успех привел к весьма значительному благосостоянию ордена. Цистерцианцы были опытными земледельцами и прославились умением обращать с помощью благочестивых покровителей запущенные сельские угодья в весьма доходные земли. Благосостояние давало ордену возможность финансировать многих отдельных крестоносцев.

Несмотря на богатства ордена, личная чистота цистерцианцев высоко оценивалась папством, и монахи в белых одеяниях часто назначались для проповедей о крестовых походах. С течением времени Главный капитул цистерцианцев (так называлось их ежегодное собрание) превратился в нечто большее, нежели внутренняя деловая встреча, став важной точкой пересечения между церковью и мирским обществом. Весть о том, что на встрече будет присутствовать Бонифаций, придавала ей особую притягательность, и представители бургундской знати, равно как и толпы других мирян, охотно присутствовали на собраниях.

Фульк Нейский воспользовался возможностью проповедовать о крестовом походе. Вооружившись письмом папы Иннокентия, он обратился к собранию и обратил настоятелей Сернансо, Персьежн и Во-Серне. Цистерцианец из Англии Ральф де Когсхол писал: *«Воистину, острая необходимость требовала, чтобы множество верных членов церкви сопровождало Христову армию в столь трудном паломничестве. Эти люди могли укрепить сердца, наставить невежественных, приводя всех к битве во имя Христово, помогая справиться со всем, что подвергало души опасности»*.²⁵

Увлечшись предоставленной возможностью, Фульк, по некоторым свидетельствам, разразился слезами, сообщая Главному капитулу, что за последние три года он лично завербовал двести тысяч человек, которые «отвергли на время родительский долг, родные края и радости жизни ради служения Христу».²⁶ Фульк действительно путешествовал по Нидерландам и Франции, однако приведенное число явно преувеличено — особенно если учесть последующую нехватку крестоносцев, добравшихся до Венеции. Существуют свидетельства, что Фульк собрал некоторую поддержку крестовому походу, но похоже, что в основном он проповедовал для бедняков. Один автор предполагает, что он убеждал лишь бедняков, считая «богатых недостойными такой милости». В реальности Фульк не достиг таких успехов, о которых заявлял, и его вклад в крестовых поход был весьма ограничен.²⁷

Перед собранием в Сито принять участие в крестовом походе обязались в основном жители Шампани и Фландрии, однако присоединение к нему Бонифация создало новый импульс. Теперь крест приняли несколько представителей бургундской знати, включая Одо де Шамплитта и его брата Вильгельма; Ричарда Дампьера и его брата Одо; Гюи де Песмеса и его брата Амори. Эти три пары братьев-крестоносцев снова показывают нам, что некоторые семьи, зачастую уже имевшие традиции участия в крестовых походах, искренне принимали участие в судьбе Святой Земли.

Кроме того, к экспедиции присоединились граф Гуго де Берз с сыном, которого тоже звали Гуго, и столь выдающийся церковный деятель, как епископ Вальтер Отунский. Желание принять участие в походе изъявили и некоторые южане, например, представитель знати Прованса Пьер де Бромон.²⁸

Французские крестоносцы начали приготовления, а Бонифаций, как и подобало руководителю экспедиции, предпринял дипломатическую поездку, чтобы облегчить прохождение кампании и собрать дополнительную поддержку. Из Сито он проехал более двухсот миль к северо-востоку, добравшись до Хагенау, расположенного в долине Рейна, уже в Германской империи (теперь он располагается на территории Франции к северу от Страсбурга). Здесь маркграф нанес визит своему лорду и кузену Филиппу Швабскому, королю Германии.

В начале XIII века Германская империя была разделена между двумя соперничающими претендентами на имперский трон — самим Филиппом и Отто Брунсвикским. Бонифаций, разумеется, поддерживал Филиппа, а папа Иннокентий III держал сторону Отто. Эти разногласия послужили причиной некоторой напряженности во время крестового похода.

Бонифаций пробыл в Хагенау до Рождества 1201 года. За это время он неожиданно встретился с человеком, который впоследствии сыграет решающую роль в судьбе Четвертого крестового похода. Царевич Алексей Ангел (род. в 1182 или 1183 году) был честолюбив, но незрел, и заявлял свои права на престол императора Византии.²⁹ Он объезжал европейские дворы, чтобы попытаться создать себе поддержку при возвращении трона, который он считал своим по праву.

Почти все его современники и позднейшие авторы осуждают ряд черт его характера, хотя отсутствие какого-либо источника с другой стороны может привести к некоторому дисбалансу в оценке личности Алексея. Дож считал его «несчастливым мальчиком».³⁰ Византийский автор Никита Хониат говорит о нем как о «женственном и недалеком» и с

презрением упоминает о последующем пьянстве и игре в кости с крестоносцами.³¹ Он приходит к выводу, что «люди внимательные считали его отвратительным».

Однако осенью 1201 года эти суждения еще не успели возникнуть. Сестра царевича Алексея Ирина была замужем за Филиппом Швабским, то есть молодой византиец приходился королю шурином, а потому и прибыл в Хагенау. Некоторые историки расценивают встречу Бонифация и царевича Алексея в качестве зловещего провозвестника разграбления Константинополя.³² Они считают, что случайная встреча была на самом деле тщательно спланирована, чтобы повернуть крестовый поход в сторону Византии, представляя таким образом Бонифацию возможность отплатить за смерть брата Ренье, а Филиппу Швабскому — обрести власть и авторитет для попытки стать императором Германии. Такой исход мог отвечать самым отчаянным мечтаниям всех задействованных лиц, однако заявлять, что Балдуин, царевич Алексей и Филипп могли втроем направить Четвертый крестовый поход тем извилистым путем, по которому он двинулся в 1203 и 1204 годах, представляется маловероятным.³³

Тем не менее притязания царевича Алексея на византийский престол оказали решающее влияние на подготовку похода. Отец Алексея, Исаак II Ангел, правил Византийской империей с 1185 по 1195 год, пока не был низложен своим старшим братом, которого также звали Алексеем (III). Исаак, занявший императорский трон после падения династии Комнинов, стал первым императором из рода Ангелов, и ему приходилось справляться с последствиями череды переворотов.

Человек дружелюбный и любивший роскошь, Исаак был плохо подготовлен к такой задаче. Никита Хониат описывает его так:

«Дни он проводил в роскоши... дегустируя самые изысканные соусы, наслаждаясь многочисленной дичью, мо-

рями рыбы и океанами красного вина. В другие дни он нежился в купальнях, вдыхая сладкие ароматы притираний, пока его орошали миррой... Вышагивая напыщенно, словно павлин, этот щеголь никогда не надевал дважды одних и тех же одеяний... Ему нравились грубые скабрёзные песни, он водил компанию с шутами-карликами и не закрывал дворец от рассказчиков, мимов и менестрелей. Но рука об руку с этим шло пьяное веселье и разврат, и все прочее, что разрушает крепкое и здоровое состояние государства. Кроме того, им владела безумная страсть к возведению массивных зданий, так что он... построил весьма изысканные купальни и жилые дома, другие сооружения... он разрушил до основания древние храмы и истребил прекраснейшие здания царственного города. И по сей день есть люди, которые не могут сдержать слез, проходя мимо пустынных фундаментов».³⁴

Несмотря на любовь к роскоши, Исаак оказался достаточно деятелен, чтобы отразить вторжение норманнов с Сицилии в 1185 году и подавить внутренний мятеж в 1187-м — которому, как мы уже знаем, оказывал поддержку Конрад Монферратский. Впрочем, против двух других неприятелей он действовал не столь успешно. Во-первых, он столкнулся с рядом восстаний в Болгарии и Валахии на Балканах. Во-вторых, он предпочел иметь дружественные отношения с Саладином, чтобы защититься от общего противника — турков-сельджуков из Малой Азии. В результате, естественно, возник конфликт с армией императора Фридриха Барбароссы, когда немцы двигались к Святой Земле в ходе Третьего крестового похода.

Между Византийской и Германской империями десятилетиями существовало соперничество, и когда обе стороны оказались так тесно сближены, напряженность вылилась в открытые боевые действия. В конце 1189 года уроженцы Запада отбросили греческие армии в Северной Фракии. Затем, поскольку армия Фридриха представляла собой пря-

мую угрозу Константинополю, Исаак был вынужден организовать переправу на судах через Босфор, поставляя продовольствие по себестоимости и отклоняя любые заявления относительно ущерба, понесенного из-за противостояния Германии.³⁵ Если бы этот эпизод продлился дольше, обе стороны понесли бы потери. Для Западной Европы Византия теперь предстала врагом крестоносцев, а греки увидели опасность, которую такие кампании представляли для их земель.

Исаак пытался заложить прочные основы своей власти в Константинополе, покровительствуя государственной бюрократии. Однако враждебность со стороны соперничающих знатных семейств, оскорбленных невозможностью увеличить свои привилегии, вкупе с постоянными военными поражениями в действиях против болгар и валахов означала, что дни императора сочтены. Заговорщики собирались заменить Исаака его братом, Алексеем Ангелом, который, по их расчетам, оказался бы более благосклонен к их чаяниям. Алексей и сам был недоволен своим положением, так что идея переворота пришлась ему по сердцу.³⁶

Отличную возможность представила охотничья экспедиция во Фракию. 8 апреля 1195 года, когда император с приближенными покинул главный лагерь, отправившись на охоту, Алексей со своими людьми сделали решающий ход. Притворившись больным, зачинщик остался в лагере. Пока Исаак был полностью охвачен охотничьим азартом, заговорщики привели людей к императорскому шатру и провозгласили Алексея императором. Армия ему благоволила, а присутствовавшие императорские чиновники благоразумно предпочли последовать общему примеру. Услышав шум, Исаак понял, что произошло. Сначала он собирался напасть на лагерь, но его окружение было слишком малочисленным, поэтому он предпочел бежать. Алексей бросился в погоню, понимая, что должен пленить брата, прежде чем тот вернется в Константинополь и вновь утвердится на престоле в глазах общественности. В итоге Исаак был схвачен и приведен

в монастырь Веры, неподалеку от Макры в Южной Фракии. Там, как сообщает Хониат, он был подвергнут мучительной пытке: *«В последний раз взглянул он на солнце, после чего был ослеплен»*. Византийцы рассудили, что слепота лишила его возможности управлять страной, после чего Исаак был заключен в тюрьму.³⁷

Утвердившись на троне, Алексей III (как он стал именоваться) содержал Исаака под необременительным домашним арестом и получил от него и его сына обещание, что те не станут участвовать в заговорах против него. Неудивительно, что это обещание не было сдержано. Отец и сын организовали заговор, по которому молодой человек должен был направиться в Германию, чтобы просить помощи у своего зятя и сестры, Филиппа и Ирины Швабских.

Чтобы вызволить царевича, в 1201 году пленники сговорились с двумя торговцами из Пизы. Царевич присоединился к Алексею III в кампании во Фракии, а пизанское судно следовало за экспедицией, держась на некотором расстоянии в море. Улучив благоприятный для побега момент, царевич Алексей стрелой помчался на встречу с купцами, которая была подготовлена в порте Афира на Мраморном море. На поджидавшей его гребной лодке он переправился на итальянское торговое судно, хотя до безопасности было все еще далеко. Как только Алексей III обнаружил дерзкий побег, он приказал осмотреть все корабли в окрестностях.

Существуют различные объяснения того, как беглецу удалось скрыться. Никита Хониат пишет, что царевич Алексей остриг свои длинные волосы, переоделся в западное платье и, смешавшись с командой, скрылся от глаз императорских досмотрщиков.³⁸ «Новгородские летописи», составленные в России в XIII веке, которые основывались на информации германских источников времен Четвертого крестового похода, приводят другую точку зрения. По их данным, молодой Алексей спрятался в бочке для воды с фальшивым дном; когда люди императора, чтобы ее прове-

рить, открыли кран и увидели, что оттуда течет вода, то, поверили, что она полная, и удалились.³⁹

Какая из этих версий ни была бы правдива, но пизанский план сработал. Корабль отправился в плавание и пришвартовался в Анконе, откуда высланный Ириной эскорт доставил беглеца в Гагенау. Во время встречи Филиппа и Бонифация Монферратского именно Ирина представляла интересы своего брата, но без особого успеха. Бонифаций собирался направиться с крестоносцами в Египет и Иерусалим. Филипп в Германии был втянут в гражданскую войну с Отто Брунсвикским. Никто не собирался отвлекаться от своих планов.

Но царевич Алексей не терял надежды найти себе союзников. В начале 1202 года он направился в Рим — но, судя по всему, не завоевал у папского престола особых симпатий, и его просьба была отклонена. Иннокентий не собирался направлять крестовый поход в другую сторону, чтобы помогать человеку, связанному узами родства с Филиппом Швабским. К тому времени Филипп уже был отлучен от церкви из-за противостояния выбранному папой претенденту на германский престол. Вдобавок отношения между Алексеем III и папством были хоть и натянутыми, но все же не столь плохими, чтобы заставить понтифика предпринять попытку сместить византийского правителя.

В начале понтификата Иннокентия отношения между Римом и Константинополем претерпели несколько перемен курса.

Сперва Иннокентий рассчитывал действовать в союзе с Алексеем III, поддерживая крестовые походы, и сблизить православную и католическую церкви.⁴⁰ Однако в ноябре 1199 года папа наконец подверг критике греческого императора, который отказался помогать в возвращении Гроба Господня и вообще содействовать христианству на Востоке, а также обрушился на него за продолжение раскола двух церквей. Нежелание императора оказывать помощь крестовым походам заставило Иннокентия предупредить, что

«его небрежение повлечет за собой гнев Божий» — и это оказалось удивительно точным пророчеством.⁴¹

В своем ответе Алексей III напомнил папе об ущербе, нанесенном крестовым походом Барбароссы, и предлагал обсудить союз церквей на великом соборе. В свою очередь Иннокентий предпринял попытку увещевать Алексея III относительно его христианского долга оказывать содействие новому крестовому походу и выразил надежду на то, что тот заставит православную церковь признать папскую власть.⁴²

Алексей III отказался действовать в согласии с папскими директивами и заявил, что византийский император стоит превыше папской власти. Такое заявление было совершенно неприемлемым для Иннокентия, считавшего, что полное подчинение священству всех мирских правителей предписано Библией. Тем не менее в конце 1200 или начале 1201 года при обращении к греческому правителю Иннокентий несколько смягчил интонации, дабы облегчить движение предстоящего крестового воинства:

*«Вашему величеству известно, насколько смогли мы своим письмом обратить ко благу Ваше императорское величество. Выражаем надежду, что Вы помните наш совет относительно надлежащего образа действий, а мы со своей стороны помним, что призывали Вас не менее чем к единению Церквей и оказанию помощи Иерусалиму. Да направит Ваш разум Тот, кто в Своей руке держит сердца и души земных властителей, чтобы Вы последовали нашим советам и рекомендациям и стали действовать так, чтобы заслуженно стяжать славу имени Господню, пользу всему христианству и спасение собственной души».*⁴³

Открытые враждебные действия между европейцами и греками во время Третьего крестового похода — лишняя трата усилий сынов Запада — наряду с обоюдной неприязнью к Филиппу Швабскому были для папы римского достаточ-

ными причинами, чтобы постараться обеспечить благосклонное отношение к новому крестовому походу со стороны Алексея III. Возможно, он также понимал, что запугать византийского императора едва ли возможно, а потому, когда вопрос о начале похода был решен, Иннокентий избрал более мягкий тон.

После того, как папа дал категорический отказ царевичу Алексею, настала очередь папской аудиенции Бонифацию. Встреча между лидером крестового похода и духовным отцом католической церкви была необходима со всех точек зрения. Вполне вероятно, что они обсуждали и вопрос об Алексее — но Иннокентий быстро убедил Бонифация в том, что не следует отклонять движение похода в сторону Константинополя.

В апреле маркграф направился домой, на север, остановившись по пути, чтобы попытаться примирить враждующие города Пизу и Геную. Он надеялся до отбытия крестового похода создать на Западе более стабильную ситуацию и открыть новые возможности для морского снабжения экспедиции. Вероятно, Бонифаций прибыл на родину в начале мая 1202 года. Он отсутствовал около девяти месяцев — с момента получения первого предложения о руководстве крестовым походом. Теперь ему срочно нужно было подготовиться к еще более длительному отсутствию.

Зимой 1201 и в начале нового 1202 года едва ли не вся Европа была охвачена приготовлениями к экспедиции. Руководители похода назначили Пасху датой сбора для армий Северной Франции и начала их выдвижение на юг. Крестоносцам пришлось приложить немало усилий, чтобы достать деньги и экипироваться для предстоящего путешествия. У части знати были накоплены заметные средства, так что они могли позволить себе продать часть имущества, чтобы получить грядущую прибыль. Менее состоятельными зачастую приходилось закладывать свои земли или права, чтобы добыть средства. Часть подобных сделок дворяне заключали с представителями растущего городского коммерческого

сословия, однако подавляющее большинство сохранившихся документов фиксируют в основном сделки с церковными организациями. Образованность клириков и их привычка к сохранению информации привела к тому, что до нас дошли тысячи записей о подобных сделках. Рыцари и знать договаривались с местными церковнослужителями о займах и пожертвованиях. Соглашения фиксировались в грамотах, а свидетелями зачастую выступало духовенство, видные дворяне, их семьи или же домохозяева.

Учитывая строгие ограничения, введенные церковью на ростовщичество, в этих документах нельзя найти никаких упоминаний о выдаче денег под проценты, однако содержащиеся в них дозволения кредитору использовать саму землю или доход с нее за время отсутствия хозяина весьма сильно смахивают на ростовщичество — если не буквально, то по духу.

Некоторые договора были составлены таким образом, чтобы разрешить споры и рассеять как нравственные, так и практические заботы отбывающего крестоносца. Хронист из аббатства Флорефф в графстве Намюр (район Фландрии) поведал нам о том, как рыцарь Томас стремился покаяться в своем прежнем поведении и умиротворить свою душу, покончив заодно с длительным спором:

«Поскольку то, что не сохраняется в записях, легко ускользает из памяти, то я, Верик, милостью Божией настоятель Флореффа, довожу до всеобщего сведения в настоящем и будущем, что Томас, рыцарь из Лееза, свободный человек, попускаемый демоном алчности, вернул себе восемь бонуариев (bonaria) земли, которые законно отдал нам в компенсацию часто причиняемого ущерба, и выдвинул против нас обвинение. Наконец, собираясь отправиться в крестовый поход и осознавая свою вину, он окончательно уступил, отказался от вышеуказанных земель и их плодов и вернул их нам в присутствии многих достойных свидетелей... Дабы ни у кого не возникло искушения

умалить содержимое этого соглашения, беспокоив по этому поводу церковь, и чтобы утвердить его подлинность, мы прилагаем к этому документу печать человека достойного, а именно аббата Гемблу, Корне и Леффе».⁴⁴

Другие документы просто воспроизводят благотворительные акты оставления в наследство, имеющие целью помочь душе жертвователя — хотя весьма вероятно, что в обмен за это следовали дары, о которых не упоминается. Следующий фрагмент показывает рыцаря Четвертого крестового похода, который делает подобное пожертвование:

«Я, Жоффруа де Бьюмон, довожу до всеобщего сведения в настоящем и будущем, что, направляясь в Иерусалим, с согласия и по желанию моей супруги Маргариты и дочерей Денизы, Маргариты, Алисы и Элоизы, я, из любви ко Господу и ради спасения собственной души, отдаю и уступаю бедствующим монахам св. Иосафата 5 сольдо в год из моего дохода с Бьюмона. [Деньги будут переданы] в празднование св. Ремигия [13 января] в руки братьев, предъявивших сей документ. Для того, чтобы изложенное было утверждено и сохранено, я подтверждаю составленный договор своей печатью. Составлено в мае месяце 1202 года».⁴⁵

Для некоторых источник дохода обеспечил один из пунктов появившейся в декабре 1198 года буллы папы Иннокентия «*Graves orientalie terrae*». Папа наложил налог в одну сороковую часть ежегодного дохода Церкви, провозгласив:

«Если крестоносец не может оплатить путешествие, вам надлежит обеспечить ему достаточную сумму из этих денег, получив от него клятвенное заверение, что тот останется в восточных землях для их защиты не менее, чем на один год или более продолжительное время — в зависимости от размера субсидии».⁴⁶

Нам неизвестно, какие суммы были собраны в результате этой меры — но едва ли это были особо крупные деньги, и нет уверенности, что все они дошли до оговоренных получателей. Однако некоторое количество людей все же, вероятно, смогло обеспечить свое участие в крестовом походе именно таким образом.

Кроме денег, крестоносцам необходимо было собрать всю экипировку, нужную для военной экспедиции, цель которой отстояла от их родины на несколько тысяч миль. Нужно было закупать сотни лошадей, от боевых коней до тяжеловозов, которых предполагалось запрягать в обозы, перевозящие грузы в Венецию. В кузницах Северной Франции ковались тысячи запасных подков, шорники шили седла и упряжь. Изготавливалось и закупалось оружие и доспехи, заново красились щиты. Купцы заботились, чтобы каждый из представителей знати мог приобрести самое лучшее снаряжение, которое они могли себе позволить. Нобли выбирали изысканные наряды и знамена, чтобы они служилим украшением их отрядов.

Некоторые стремились украшать и свои доспехи. Во время Третьего крестового похода Санчо Мартин, выходец из испанской знати, носил зеленый жилет и украсил свой шлем отростками оленьих рогов. Бросающееся в глаза облачение Санчо, несомненно, привлекло к себе внимание — когда он появлялся на поле брани, *«все сарадины мчались к нему, скорее чтобы посмотреть на необычное украшение, чем ради других причин»*⁴⁷. Воины упражнялись перед битвами, практикуясь во владении мечом и других боевых искусствах. Вновь был наложен запрет на рыцарские турниры, и на сей раз он соблюдался, чтобы во время состязания не был ранен или убит кто-либо из будущих крестоносцев.

Кроме того, армию нужно было кормить. Часть продовольствия можно было взять с собой. Копченые свиные туши зачастую перевозились тысячами. На десятках телег громоздились мешки с пшеницей, бочонки с вином, другие продукты, которые могли сохраняться долго. Но остальную часть

съестных припасов нужно было закупать по пути — а это означало необходимость брать с собой деньги или другие ценности. Для нас, привычных к использованию кредитных карточек и переводу валюты в другие страны, мысль о перевозке увесистых золотых или серебряных предметов за границу в качестве платежного средства кажется дикой. Из-за появившейся у множества людей потребности в наличных деньгах возник внезапный огромный спрос на монеты в таком количестве, что едва ли его можно было покрыть. Учитывая этот фактор, а также практику перевозки с собой тысяч монет небольшого достоинства и механику обмена денег в те времена, становится понятно, что выбора не существовало. Крестоносцы были вынуждены везти с собой объемистые церковные украшения, драгоценные камни или одежду, такие предметы обихода, как блюда или ножи, чтобы по мере необходимости обменивать их на еду или питье.

С приближением минуты расставания всех крестоносцев, от самого знатного аристократа до самого мелкого прислужника, охватывала смесь возбуждения и страха. Те же чувства пронизывали мысли близких и домочадцев, которых они должны были покинуть. Что ждет участников похода? Слава и богатство — или страдания, боль и смерть? Знать часто проводила ожидание в роскошных пиршествах, на которые собирали друзей и семьи. Также время занимало приведение в порядок дел, решение спорных вопросов и молитва о благополучном возвращении. Среди духовенства происходил сходный процесс. Церковнослужители покидали свои братства — «семьи» — и, будучи вооружены лишь верой и молитвой, тоже задумывались о том, какие испытания готовит им Господь.

И вот наконец в день отправления все погрузились в скорбь прощания: последние клятвы, последние слова, последние объятия. Фолькер Шартрский описывает страдания крестоносца, расстающегося со своей супругой:

«Тогда муж назвал жене время, когда надеется вернуться, уверив ее, что, если по милости Божией он уцелеет,

то непременно вернется к ней. Он вверил ее Господу, наградил долгим поцелуем и, пытаясь унять ее слезы, пообещал, что вернется. Она же, боясь, что никогда больше его не увидит, не в силах была устоять и пала на землю, оплакивая своего возлюбленного, которого теряет для этой жизни, как если бы он уже умер. Он же, словно был лишен к ней жалости — хотя и сожалел о ней — и словно бы слезы жены и огорчение друзей его не трогали — хотя сердце его скорбело — решительно распрощался».⁴⁸

Робер де Клари писал: *«Там было множество отцов и матерей, сестер и братьев, жен и детей, и все они рыдали о своих любимых»*.⁴⁹ Трубадур рыцарь Конон Бетюнский пел о своем страхе и боли при расставании с женой и, хотя в стихах царит рыцарский дух, в них прорываются и подлинные чувства Конона.

Увы, любовь моя, сколь скорбная разлука
Мне предстоит с прекраснейшей из дам,
Кому когда-либо служили и любили.
Пусть в милосердии своем
Господь позволит к ней вернуться
Но покидаю я ее с сердечной мукой...
О, увы! Что молвил я? Ее я не покину!
Пусть я уйду, чтоб Богу послужить,
Но мое сердце остается с ней!⁵⁰

Виллардуэн пишет о *«множестве слез, которое, как вы представляете, было пролито от горя при расставании с родной, друзьями и своим народом»*⁵¹. Последний крестоносец, охваченный скорбью разлуки, разрывается между чувством потери и страхом: *«Я не позволил себе оглянуться... опасаясь, что сердце мое рванется обратно при взгляде на родной замок и двоих детишек, оставленных там»*⁵².

Многие из крестоносцев с севера Франции начали путешествие в Венецию в конце весны или начале лета 1202 года. Виллардуэн задержался с отправлением до Троицы (2 июня),

что делало назначенную дату отплытия 29 июня совершенно невероятной. В результате своевременно прибывшие в Северную Италию вынуждены были терпеть долгое ожидание своих товарищей.⁵³

Крестоносцы двигались по одному из основных торговых маршрутов того времени. По случайному совпадению, Шампань была центром европейской экономики; энергичное покровительство торговле привело к возникновению четырех ежегодных ярмарок (в Провансе, Труа, Лагни и Бар-сюр-Об), которые вместе составляли важнейшее коммерческое явление средневекового Запада. Эти ярмарки служили местом встречи купцов из Англии, Фландрии, Германии и Северной Италии, равно как и из самой Франции. Необходимость добираться до ярмарок вызвала развитие сети дорог, которыми смогли воспользоваться и крестоносцы. Для тех, кто шел из Фландрии, дорога вела из Брюгге в Реймс и Шалон, а оттуда — в район крупнейшей из ярмарок, город Труа. Сразу к югу от Труа пилигримы двигались вдоль участка реки Сены, а затем направлялись по дорогам в Италию. Такой маршрут предоставлял крестоносцам преимущества перемещения по хорошим дорогам (впрочем, зимой они представляли собой лишь полностью залитые грязью колеи), где было возможно купить еду, остановиться для молитвы и отдыха.

Гораздо более легким путем для перевозки объемистых грузов были реки — так что, вероятно, часть поклажи крестоносцы перевозили именно этим путем. Но большая часть армии все же передвигалась верхом, пешком или в повозках, зачастую двигаясь вдоль рек, по которым на лодках перевозилось их имущество. Ниже Шатильон-сюр-Сен дорога проходила по местности, покрытой густыми лесами, где на торговцев часто нападали грабители. Впрочем, в случае с крестоносцами само количество людей защищало их от ограблений. Там, где Сена переставала быть судоходной, все перемещавшееся по реке снаряжение приходилось переносить на сухопутный транспорт. Далее к югу дорога шла по

известняковому плато, а затем по возвышенностям и долинам до Дижона. Дальше она продолжалась вдоль другой речной артерии — Соны, углубляясь в Бургундию.

Эта дорога пересекала 12 миль обширных владений аббатства Ключни, которое наряду с Сито было одним из самых могущественных и авторитетных религиозных центров средневековой Европы. Часть рыцарей из Северной Франции владела землями, на которых имелись небольшие монастыри ключнийцев, так что они могли воспользоваться возможностью посетить само главное аббатство. Церковь в Ключни была основана в 909 году, перестроена в 1088-м и в последний раз освящена в 1130 году. Величественное строение в 161 ярд длиной веками оставалось крупнейшим на христианском Западе. Ее размеры и величие служили образцом для всех религиозных общин. Ключнийцы прославляли Господа богатыми украшениями, роскошными фресками и изысканной скульптурой. Огромные хоры церкви Ключни освещались множеством канделябров, а увенчанный золотой дарохранительницей алтарь сиял драгоценными камнями. В отличие от строгих цистерцианских обитателей, ключнийцы не скрывали своего благосостояния и славились долгими службами, а также обильными трапезами и добрым вином. Будучи покровителями монастыря и воинами Христа, крестоносцы были встречены с особой благосклонностью. Молитва облаченных в черные рясы монахов (традиционный цвет их одежд) сопровождала путников на юг.

Прежде чем повернуть в Альпы, дорога проходила через Лион и Вьен*. В обычные времена торговцы и путешественники должны были выплачивать традиционную дорожную пошлину местным владельцам, чтобы пройти через Альпы — однако рыцари Христовы освобождались от уплаты таких сборов. Виллардуэн переходил Альпы через перевал Мон-Сени, который ныне закрыт для колесного транспорта с

* Вьен — город на юго-западе Франции на реке Роне. (Прим. пер.)

ноября по апрель. Маловероятно, чтобы в Средние века устойчивый поток торговцев и путешественников отваживался двигаться по его крутым обрывистым тропам в течение всего года. Впрочем, летом условия здесь были сравнительно неплохими, так что в 1202 году путешествие прошло без проблем.

Завершал переход в Северную Италию головокружительный спуск в сторону Сусы. Через несколько дней, спустившись по пологому склону долины Сусы, армия оказалась в Турине, на краю земель Бошифагия Монферратского. Весьма вероятно, что здесь Балдуин и другие рыцари с севера Франции снова встретились с маркграфом, чтобы обсудить ход экспедиции.

Для того, чтобы добраться сюда из Труа, армии я потратила около месяца, преодолев расстояние приблизительно в 340 миль*. Отсюда относительно простой путь лежал через Асти, Тортону, Пьяченцу, вдоль реки По, в конце поворачивая севернее, к самой Венеции.⁵⁴

ГЛАВА 6

«Казалось, все море трепещет и пламенеет кораблями»

Крестовый поход Венеции и осада Зары, лето и осень 1202 года

Прибывшие в Венецию крестоносцы были тепло встречены венецианцами. Горожане продумали размещение французов и подготовили для их лагеря участок на острове святого Николая, который теперь известен как Лидо. Этот длинный (8 миль) плоский песчаный остров располагается к западу от города, примерно в 7,5 милях от площади святого Марка и лишь в полутора тысячах футов* от ближайшей точки основного острова — Риальто. Лидо прикрывает от моря центральные острова и сейчас знаменит как место пляжного отдыха. В XIII веке он был почти полностью пустынным, если не считать монастыря святого Николая, основанного в XI веке.

Решение разместить крестоносцев на Лидо демонстрирует продуманное сочетание дипломатического прагматизма и практичности. Уни-

* Чуть менее полукилометра. (Прим. ред.)

кальная топография Венеции не давала возможности большинству крестоносцев встать лагерем в пределах самого города или сразу за его границей, а Лидо был ближайшим открытым пространством, на котором могло разместиться такое количество людей. Вместе с тем, окажись крестоносцы недисциплинированными, как часто бывало в прошлом, они оказались бы в стороне от центра Венеции и могли бы выбраться с острова в больших количествах только на венецианских судах. Другими словами, им было бы сложно представить хозяевам какую-либо угрозу, даже если бы они этого пожелали.

Шло лето, и в городе собиралось все больше крестоносцев, а их лагеря стали достигать тревожные слухи: часть из тех, кто обещал встретиться в Венеции, предпочла другие пути для достижения Святой Земли. Виллардуэн, ведущий переговоры с венецианцами, весьма встревожился, поскольку такое развитие событий могло привести к тому, что крестоносцы не выполнят обязательства со своей стороны. Они обязались выплатить венецианцам 85 000 марок, рассчитывая, что в Венецию прибудут 35 500 человек и 4500 лошадей. Сумма выплат была рассчитана из этой цифры, но при этом являлась фиксированной, так что даже если бы количество прибывших крестоносцев оказалось меньше, ее все равно предстояло выплатить полностью. Но в итоге расценки на каждого человека резко выросли бы, став многим не по силам — что, в свою очередь, привело бы руководство к необходимости изыскивать дополнительное финансирование.

Маршал был особенно резко настроен против тех, кто, по его представлению, подвел своих товарищей, отказавшись прибыть в Венецию. В его мемуарах приводятся имена людей, которых он считал особо заслуживающими порицания. Являясь одним из тех, кто вел переговоры по Венецианскому договору 1201 года, он таким образом пытался заодно отвлечь внимание от собственной переоценки количества крестоносцев, которые соберутся в Венеции, и убедить потомков в том, что не отвечает за этот просчет. Однако в конце

лета 1202 года маршал уже опасался, что вместе со своими товарищами сделал огромную ошибку, и крестоносцы со своей стороны не смогут выполнить договор с венецианцами.

У тех, кто предпочел другие пути достижения Святой Земли, были на это вполне серьезные основания. Одна из групп фламандцев, которую возглавлял Жан де Нель, губернатор Брюгге, собиралась выходить из Фландрии, пройти по Ла-Маншу, а затем обогнуть Пиренейский полуостров — вполне логичное решение, учитывая, что несколько предшествующих экспедиций из Нидерландов на Святую Землю шли именно таким путем. На кораблях Жана шли солдаты, одежда, продовольствие и прочее, предназначенное для графа Балдуина и основного фламандского контингента с обещанием встретиться «в любом месте, куда, как станет известно, тот отправится».¹ Виллардуэн совершенно неискренне обвинял эту группу в нарушении клятвы и предательстве товарищей, поскольку «они побоялись встретиться с теми опасностями, на которые отважилась пришедшие в Венецию».² Когда люди Жана де Неля впоследствии узнали об изменении цели пути, они предпочли не сражаться с Константинополем и отправились напрямик на Левант.

Крестоносцы из Бургундии и Иль-де-Франса также отказались от путешествия в Венецию и вместо того отправились из Марселя или из Генуи. Здесь более явно открывается фундаментальная ошибка в рассуждениях Виллардуэна: он не только переоценил общее количество крестоносцев, но и не учел того, что всех участников похода нельзя было загнать в Венецию, они отплывали оттуда, где было удобнее. Возможно, ослепленный преимуществами венецианского флота и считая (что не лишено правды) такой путь в Египет оптимальным в военном отношении, Виллардуэн решил, что все воины креста пожелают присоединиться к одному флоту. Но договор с Венецией подписывали только представители Шампани, Фландрии, Блуа и Сен-По. Кроме них, никто из крестоносцев не давал никаких обязательств отправляться из Венеции. Не было также и папской энцик-

лики, предписывавшей такой образ действий, а ни у кого из знати, участвовавшей в экспедиции, не имелось достаточного авторитета, чтобы принудить всех крестоносцев обратиться в верховьях Адриатики.³

Главные руководители, похода, Бонифаций, Балдуин и Людовик, могли поддержать людей, если они сами считали такое действие удачным, однако были не в состоянии заставить независимые формирования, как, например, Бургундию, епископа Вальтера Отунского и графа Гюга де Фореза встретиться на Адриатике. Для этих крестоносцев было гораздо проще спуститься вниз по реке Роне и пересечь на корабль в Марселе, чем путешествовать через всю Северную Италию. Возможно также, что марсельцы предложили перевозку на более выгодных условиях, нежели венецианцы.⁴

Большая часть предыдущих экспедиций крестоносцев перемещалась разрозненно и произвольно, каждый крупный контингент самостоятельно выбирал для себя маршрут в Левант и организовывал перевозку. Иногда такие группы собирались вместе для удобства — или, как в Малой Азии, для безопасности, однако попытка организовать встречу многонациональной армии в Европе была беспрецедентным действием.

Лето 1202 года шло к концу, и план передвижения единым огромным флотом казался все менее осуществимым.

Ситуация становилась очевидной для всех. Балдуин Фландрский прибыл в Венецию, но Людовик де Блуа и многие другие представители знати все еще не появились.

Известие о том, что многие участники похода решили выйти из других портов, подтвердилось, и когда эта новость стала просачиваться в лагерь, перспектива нехватки людей и денег стала обрисовываться ярче. Те, кто уже собрались в Венеции, созвали совет и пришли к заключению, что хотя бы Людовика необходимо убедить. Возглавляемая Виллардуэном и графом Гуго де Сен-Полем делегация выехала из Венеции в Павию (примерно 150 миль по прямой), чтобы встретить там контингент из Блуа. Попытка невыполнения

договора одним из его главных изначальных сторонников была настоящим бедствием, предательством по отношению к товарищам, которая могла бы лишить мужества и всех остальных. Жоффруа и Гуго обвинили Людовика и его спутников в недостатке отваги, напомнили об обязательствах перед Святой Землей и разъяснили, что лучшим способом помочь правоверным было бы присоединение к основной армии в Венеции. Такое прямое убеждение сработало, и Людовик со своими людьми согласился отправиться на Адриатику. Однако личное обращение к остальным предводителям едва ли было возможно. Виллардуэн сетовал, что многие, как Виллайн де Нейли, которого он характеризовал как «одного из лучших рыцарей мира» — вероятно, такая репутация была им получена во время рыцарских турниров, — предпочли отправиться из Пьяченцы к югу, сев на корабли в Апулии, миновав Венецию.⁵

К середине лета 1202 года французы, пересекшие Альпы и достигшие Монферрата и Ломбардии, уже знали о проблемах, с которыми столкнулись их товарищи. Кто-то наверняка подсчитал, что крестоносцы в Венеции не смогут выполнить свои обязательства перед дожем, так что идти туда, чтобы попасть в неловкое положение, становилось нежелательным. Учитывая отсутствие официального требования направиться в Венецию, не существовало никаких препятствий, из-за которых участники похода могли отказаться от перехода в Южную Италию, а уже оттуда отправиться в Восточное Средиземное море без всяких договорных ограничений и финансовых претензий, которые неизменно возникнут на Адриатике у их товарищей. Эти люди оставались воинами креста, преданными выполнению своих обетов и готовыми сражаться за Святую Землю, и их нежелание отправляться в плавание из Венеции не делало их предателями общего дела, как бы ни пытался уверить нас в этом Виллардуэн.

Несмотря на неблагоприятный ход событий, прибытие графа Людовика и его рыцарей обрадовало тех, кто уже ожидал в Венеции. Вновь прибывших встретили торжествен-

ным пиршеством и разместили на усыпанных ракушками берегах Лидо. Сперва все шло хорошо, и венецианцы организовали рынок, на который поставляли продовольствие для людей и лошадей. Лидеры крестоносцев пересекли город, им показали Арсенал и многочисленные частные верфи на островах. Французы своими глазами увидели, как люди дожа выполняют условия договора со своей стороны, и были восхищены великолепным флотом, который создавался по их просьбе. В *«Gesta Innocenti»* записано, что «венецианцы подготовили прекрасный флот, подобного которому давно никто не видывал». ⁶ Виллардуэн писал: «Флот, который они подготовили, был так прекрасен и хорошо оборудован, что никто во всем христианском мире никогда не видывал ничего подобного». ⁷ Даже если учесть склонность жителей средневековья к преувеличениям, несомненно, что флот действительно был одним из крупнейших и самым великолепным из тех, что создавались на христианском Западе. В *«Devastatio Constantinopolitana»* сообщается, что он состоял из сорока кораблей, шестидесяти двух галер и ста транспортных судов. Робер де Клари писал, что сам дож лично владел пятьюдесятью галерами. ⁸ В письме современника графа Гуго де Сен-Поля упоминается о том, что летом 1203 года Константинополя достигло двести кораблей — а по подсчетам византийца Никиты Хониата на той же стадии экспедиции в ней насчитывалось более семидесяти транспортных судов и кораблей для транспортировки лошадей, а также порядка шестидесяти галер. ⁹

Основываясь на различных источниках, можно прийти к заключению, что флот состоял из примерно двухсот кораблей. Флоты предыдущих крестовых походов иногда достигали подобной величины — например, войска из Северной Европы, завоевавшие в 1147 году Лиссабон, разместились на ста шестидесяти кораблях, хотя их размеры были гораздо меньше, нежели у тех, что использовались во время Четвертого крестового похода. Нам неизвестно, к примеру, шли ли в Лиссабон транспорты для перевозки лошадей.

Едва ли у этой группы крестоносцев-мореходов были финансовые возможности или опыт, чтобы создать что-либо подобное флоту, собранному в Венеции в 1202 году.

В течение лета крестоносцы продолжали прибывать. 22 июля в Венецию прибыл папский легат кардинал Пьетро Капуано. Он проповедовал на Лидо перед войсками и смог поднять их моральное состояние. В конце июля сюда добрались Гунтер из Пайри и крестоносцы с Верхнего Рейна. 15 августа появился Бонифаций Монферратский. Он являлся номинальным руководителем похода, и его присутствие благоприятно повлияло на всех собравшихся в Венеции. Впервые здесь встретились три составные части руководства походом — маркграф, французы и венецианцы. Это дало возможность наконец-то обсудить планы и стратегию.

Примерно в то же время к берегам Адриатического моря приблизилась германская армия, возглавляемая епископом Конрадом Альберштадтским (Северная Германия) и графом Бертольдом Каценелленбогеном (Средний Рейн). Такое пополнение еще более придало бодрости обосновавшимся на Лидо крестоносцам.¹⁰

Но, несмотря на взрывы оптимизма, суровая реальность ситуации понемногу давала о себе знать. Большая часть тяжелого труда и ресурсов, израсходованных на создание венецианской армады, были потрачены понапрасну. К осени стало очевидно, что собралось слишком мало крестоносцев. Оценки посланников оказались совершенно нелепыми: из обещанных 33 500 человек собралось лишь около 12 000. Виллардуэн писал: *«[Флот] состоял из столь огромного количества боевых кораблей, галер и транспортов, что легко мог принять на борт в три раза больше людей, чем собравшаяся армия»*.¹¹

Часть судов оставалась на верфях, остальные покачивались на якорях, готовые к отплытию. И все же недостаток воинов вынуждал к бездействию десятки кораблей. И для крестоносцев, и для венецианцев такое положение дел было

катастрофичным. Крестоносцы столкнулись с унижительной ситуацией невыполненного обещания, а вдобавок должны были найти огромное количество денег. Венецианцы осознали, что их ожидает финансовый кризис и напрасная трата целого года работы. Дандоло должен был действовать. Он созвал руководство крестового похода и напрямую потребовал причитающиеся ему деньги. Робер де Клари считает, что требование было подкреплено угрозой. Дождь воскликнул:

«Господа, вы плохо воспользовались нашими силами. Как только ваши вестники заключили со мной сделку, я распорядился прекратить торговлю по всем подчиненным мне землям, чтобы помочь подготовке флота. И вот с тех пор они ждали и не заработали никаких денег за прошедшие полтора года. Напротив, они оказались в большом убытке. Поэтому мой народ и я хотим, чтобы вы заплатили нам то, что должны. Если же вы отказываетесь, знайте, что вы останетесь на этом острове до тех пор, пока не заплатите, и едва ли найдете кого-то, кто согласился бы поставлять вам воду или продовольствие».¹²

Труд анонимного участника экспедиции «*Devastatio Constantinopolitana*», созданный неким крестоносцем с Рейна, представляет печальную картину условий жизни на пустынном Лидо. Вынужденные день за днем проводить на плоском песчаном пространстве, истомленные и голодные люди были вынуждены терпеливо ждать решения своих руководителей. Автор подчеркивает страдания бедняков и ощущение, что руководители похода используют их — и французов, и венецианцев — для своих нужд.¹³ Он пишет о взлетевших ценах на продовольствие и сетует на то, что «венецианцев радовало распоряжение о том, что никто из пилигримов не сможет покинуть остров... в результате паломники, словно пленные, чувствовали себя ниже их во всех отношениях».

Ощущение бездеятельности и чувство бессилия, равно как и трудности выживания, показательны для большей части рядовых рыцарей-крестоносцев и свидетельствуют, насколько тяжелы были подобные экспедиции. В «*Devastatio*» упоминается и о том, что многие крестоносцы дезертировали, либо вернувшись по домам, либо направившись на юг в Апулию. Среди тех, кто остался, «*возникла необыкновенная смертность. Живые едва успевали погребать мертвецов*». ¹⁴ Хотя последнее замечание кажется не очень убедительным, вспышка некоего заболевания на Лидо в разгар жаркого лета была вполне возможна. Чувство обиды на откровенно враждебное поведение венецианцев вело недовольных людей к взаимной неприязни, которая несколько недель спустя после осады Зары выльется в открытый конфликт. Другие авторы отмечают, что некоторым крестоносцам удавалось совершать вылазки в Венецию и закупать там продовольствие. Робер де Клари придерживается мнения, что дож продолжал снабжать крестоносцев провизией, поскольку являлся достойнейшим человеком. ¹⁵ Разнообразие точек зрения отражает различие опыта свидетелей и лишний раз показывает, что у представителей знати было больше возможностей обеспечить себя, чем у бедняков-пехотинцев.

Требование Дандоло произвести платеж едва ли оказалось неожиданностью. Первой реакцией руководителей похода было обращение с просьбой ко всем внести оплату проезда. Однако, словно в подтверждение большой сложности сбора средств для подобной экспедиции, многие не сумели внести плату. Возможно, кто-то надеялся, что более состоятельные участники окажут им покровительство (как зачастую происходило во время крестовых походов), или же рассчитывал, что их издержки будут покрыты каким-либо фондом, включая суммы, полученные из папских палогов.

У людей, столкнувшихся с повседневной необходимостью выживания, изначальное очарование крестового похода быстро поблекло, а энтузиазм по поводу освобождения

Святой Земли все болсе превращался в отстраненную мечту. Кардинал Пьетро Капуано безуспешно пытался воздействовать на венецианцев и убедить их в необходимости смириться с действиями крестоносцев. Он делал попытки и к оптимизации экспедиции. Кардинал благоразумно освободил от обетов больных, бедняков, женщин и «всех ослабших», что позволило им вернуться домой без страха подвергнуться отлучению от церкви.¹⁶ У оставшихся знать собралась то, что можно было получить — но даже после этого недостача составила более половины условленной суммы. Совершенно очевидно, что требовалось дальнейшее обсуждение ситуации.

Французы признавали, что венецианцы по доброй воле выполнили обязательства, принятые со своей стороны, а проблема заключалась именно в крестоносцах. Виллардуэн снова обвинял в нарушении контракта тех, кто не смог прибыть в Венецию: «Вина лежит на тех, кто направился в другие порты».¹⁷ Он решил не обращать внимания на грубую переоценку количества крестоносцев и на то, что участникам похода было предоставлено право свободного выбора порта отправления. Он наотрез отказывался признать свою вину в оценке количества людей и пытался переложить с себя ответственность за чудовищную ошибку.

Не имея достаточного количества денег для уплаты венецианцам, лидеры похода столкнулись с мрачной перспективой крушения экспедиции еще до ее фактического начала. Они страдали из-за нанесенного их чести урона и причитали по поводу непрерывной угрозы Святой Земле. Иные были готовы полностью разорвать контракт с Венецией, утверждая, что в качестве частных лиц они уже заплатили оговоренную сумму за проезд. В случае же, если венецианцы не желают доставлять их в Левант, они могут отправиться и из любого другого места — либо, как подозревал Виллардуэн, просто вернуться домой. Однако большинство собравшихся склонно было продолжать отношения с Венецией: *«Лучше отдать все, что имеем, и бедняками*

*отправиться вместе с армией, чем видеть, как она разваливается, и экспедиция терпит крушение. В свое время Господь воздаст нам за это».*¹⁸ Мрачные интонации последней реплики выдают то, что во время написания своего труда Виллардуэн уже знал об итогах экспедиции. По его мнению, разграбление Константинополя было божественным испытанием готовности людей пожертвовать всеми земными благами ради Его дела, не отступая от обетов крестоносцев.

Руководство экспедиции внимательно исследовало доступные финансы, пытаясь преодолеть пропасть между собранной суммой и долгом дожу. Золотые и серебряные сосуды, кувшины, блюда и столовые приборы были собраны и отправлены во дворец Дандоло в уплату долга. Несмотря на то, что часть знати залезла в долги, крестоносцам по-прежнему не хватало денег. По данным Виллардуэна недостача составляла 34 000 марок, по данным Робера де Клари — 36 000 из общей суммы в 85 000 марок, и никаких способов набрать их крестоносцы более не видели.¹⁹

Однако крестоносцы не учли изобретательности дожа Дандоло. По сведениям Робера де Клари, он уже вложил значительную часть оплаты в создание и оснащение флота, потребовав от венецианцев прекращения торговых операций более, чем на год — с вытекающими финансовыми последствиями. Как глава своего народа во время первых переговоров, Дандоло был обязан не допустить финансового проигрыша Венеции. Разумеется, на него оказывалось колоссальное давление, направленное на сохранение городской казны. Он прекрасно знал масштабы вложений во флот, созданный для крестоносцев. Кроме того, дож был человеком гордым и не мог позволить оставить о себе память как о правителе, приведшем город к банкротству.

Являясь осторожным политиком, Дандоло мог оценить широкую дипломатическую обстановку. Он понимал, что если венецианцы получают оплату, но не отвезут крестоносцев на Святую Землю из-за недостачи средств, то вызовут этим всеобщую неприязнь по всему христианскому Запа-

ду. Вдобавок он бы привел в ярость стоящую на его пороге армию крестоносцев. Такой вариант был совершенно неприемлем. Крестовый поход должен был свершиться — то есть дожу необходимо было найти способ, при котором крестоносцы выплатили бы все сполна.

И Дандоло выдвинул предложение. Его прагматический план, несомненно, служивший процветанию Венеции, все же шел вразрез с глубинной мотивацией крестоносцев и вселял серьезное беспокойство в сердца преданных христианскому делу. Дандоло предложил разрешить кризис путем совместного нападения венецианцев и крестоносцев на город Зару* на побережье Далмации, расположенный примерно в 165 милях к юго-востоку от Венеции.

Установление контроля над Зарой было давней целью венецианцев, а сейчас представилась великолепная возможность для утверждения здесь своей власти. Дож решил, что оплата долга может быть отложена, а впоследствии, буде на то Господня воля, крестоносцы смогут получить деньги в качестве добычи.²⁰ Как бы то ни было, уже стоял сентябрь, то есть время для безопасного перехода в Египет было упущено. Отклонение в сторону Зары позволит, по крайней мере, начать кампанию и вывезти людей из Венеции.

Хотя предложение Дандоло казалось в некотором отношении довольно простым, в нем заключалась зловещая ловушка: Зара была христианским городом, находившимся в то же время под юрисдикцией венгерского короля Эмика (1196–1204 годы правления). И, что еще хуже — Эмика также был крестоносцем, то есть формально добивался той же цели, что и собравшиеся в Венеции. Таким образом, Дандоло просил крестоносцев направить свою энергию против христианского города и, что еще важнее, против человека, чьи земли находились под защитой папы (это правило распространялось на земли крестоносцев).

* Ныне Задар в Хорватии. (Прим. ред.)

Пытались ли венецианцы добиться выгод за чужой счет — или изобретательно нашли способ продолжения крестового похода? Ответом, вероятно, являются оба варианта — хотя, когда кампания уже началась, большинству крестоносцев с трудом удалось смириться с таким сочетанием.

Руководители крестового похода обсудили предложение и, по информации Робера де Клари, из страха перед негативной реакцией войска решили не открывать план похода на Зару рядовым крестоносцам. Они просто объявили о том, что выплата долга венецианцам откладывается и будет продолжена «из первой добычи, которую вы получите», так что экспедиция наконец готова к выступлению.²¹ Все были обрадованы и, торжественно запалив факелы, обошли вокруг лагеря, неся их на концах копий, не скрывая радости.

Описывая решение отправиться в Зару, Виллардуэн сообщает о некоем изначальном расхождении во взглядах. Часть руководства потребовала роспуска армии, но этот раскол был быстро преодолен, и соглашение о походе на Зару было достигнуто довольно легко.²² Когда же план нападения на город стал известен, он вызвал серьезный разлад в среде крестоносцев и продемонстрировал открытое неповиновение папству.

Город Зара был богатым и независимым торговым центром, обреченным существовать в экономической тени Венеции. Автор «Деяний епископа Альберштадтского» описывал его так: *«Зара, разумеется, чрезвычайно богатый город... он расположен у моря. Он надлежащим образом укреплен прекрасными стенами и удивительно высокими башнями»*.²³

Много раз в течение XII века город пытался выйти из-под влияния могущественного северного соседа. Периодически находясь под владычеством Венеции, купцы Зары получали в ней те же привилегии, что и местные торговцы. Однако дозорные галеры гарантировали, что Зара направляет товары через Венецию, а не занимается свободной тор-

говлей с другими портами, так что все налоги оказывались в казне дожей. Кроме того, Зара была важна как поставщик значительной доли древесины, столь необходимой при создании венецианского флота. Леса Далмации служили источником первоклассного дуба — по контрасту с крайней нехваткой к этому времени подобного материала в регионе Венето. Однако в 1181 году жители Зары освободились от власти Венеции, а шестью годами позже заключили соглашение с венгерским королем Белой III (1173–1196 годы правления), перейдя под его покровительство. Три венецианских нападения на город потерпели неудачу. И вот в 1202 году дожу представилась невероятно заманчивая возможность сокрушить мятежного соседа и подавить возможный источник беспорядков на время его отсутствия для участия в крестовом походе.

Примерно в то же время, когда было выдвинуто предложение, дож еще крепче связал себя с движением крестоносцев — по иронии судьбы, как раз в тот момент, когда собирался напасть на христианский город. Он созвал в собор святого Марка самых выдающихся горожан Венеции и руководство крестового похода. Там перед началом мессы он поднялся на ступени кафедры и, встав под огромным центральным куполом, обратился к собравшимся.

Вплоть до этого момента Дандоло был коммерческим подрядчиком, ответственным за транспортировку крестоносцев и действующим исключительно в качестве бизнесмена. Однако в плане общественного и религиозного положения он стремился к большему. Отец, дед и дядя Дандоло принимали участие в крестовом походе 1122–1124 годов, а теперь и он, вместе с французской знатью, потомственными крестоносцами, желал вступить в ряды воинов Христовых. Дожд осознавал свои физические немоции, которые могли оказаться преградой для любого человека его возраста и состояния здоровья. «Я стар, слаб и нуждаюсь в отдыхе, и здоровье мое пошатнулось», — сказал он, но все же просил, чтобы ему было дозволено принять крест, чтобы «защищать и направ-

лять» венецианцев.²⁴ Собравшиеся криками выказали свое одобрение: «Просим тебя ради Христова имени принять крест».

Здесь имелся и практический политический аспект: Энрико удостоверился в том, что горожане одобрили выбор его сына Ренье в качестве регента, что утверждало династию Дандоло у власти во втором поколении. Получив гарантии преемственности правления — и, разумеется, положения собственной семьи — старик дал свести себя с кафедры к высокому алтарю под восточным куполом собора. Там он опустился на колени и, прежде чем передать стоящему рядом священнослужителю свой полотняный головной убор, разразился слезами. Возможно, в знак признания его статуса было допущено отклонение от традиций, и крест был прикреплен к головному убору, а не к плечу.

Дандоло хотел, чтобы все видели в нем крестоносца — а это, в свою очередь, вдохновило многих горожан также присоединиться к движению. Такое духовное обязательство теснее сплотило итальянцев и французов и помогло укрепить общность целей, что в течение нескольких последующих лет придавало силы крестовому походу. Виллардуэн отмечал: *«Глубоко тронутые, наши [люди] с радостью смотрели на то, как дож принимает крест, весьма проникшись уважением к отваге и мудрости этого достойного старца»*.²⁵ Тем крестоносцам, кто сомневался в искренности намерений венецианцев, был предъявлен убедительное доказательство его религиозных устремлений.

Между тем многие крестоносцы еще должны были примириться с перспективой кампании в Заре, и чем больше они думали о ней, тем меньше нравилось им подобное решение. Случай нападения крестового воинства на христианские земли не был чем-то новым. В 1107–1108 годах Боэмунд Антиохийский при поддержке папы римского Пасхалия II организовал экспедицию против греков²⁶. Сравнительно недавно (в 1191 году) Ричард Львиное Сердце захватил Кипр у Исаака Дуки Комнина, отступника из византийской династии.

тии, что не вызвало на Западе особого беспокойства. Основным различием между этими событиями и венецианским планом было то, что Зара была городом католическим. Осада города, подчиненного крестоносцу (в данном случае — королю Эмику Венгерскому), означала нарушение папского обещания охранять собственность принявших крест. Следовательно, для нападающих возникала перспектива отлучения от церкви. Судя по всему, информация о намеченной цели просочилась в войска, что вызвало недовольный ропот.

Но на данном этапе неприязнь еще клокотала под поверхностью и не помешала окончательным приготовлениям к отплытию. Лошади крестоносцев были заведены в стойла под палубами, а двери законопачены. Виллардуэн отмечает, что на корабли было погружено более трехсот осадных машин, а также оснащение и материал для создания башен и лестниц. Это может служить дополнительным доказательством того, что венецианцы тщательно готовили флот для вторжения в Египет и штурма Александрии. Наконец в начале октября огромный венецианский флот вышел в море — крестовый поход действительно отправился в путь. После долгих обессиливающих месяцев на Лидо настоящая деятельность насытила священное воинство новой энергией.

Рассказы свидетелей убеждают, что представившееся зрелище отплывшего флота было великолепным и ярким — движущийся калейдоскоп узоров. Путь флоту прокладывала багряная галера Дандоло, на которой под парчовым навесом укрывался сам дож. Рядом с ним стояло четверо трубачей, а над галерой развевался стяг святого Марка с изображением крылатого льва. С остальных судов неслышанный барабанный бой. У каждого из знатных крестоносцев был собственный корабль, Балдуин, Людовик, Гуго, Жоффруа, Мартин де Пайри, Конрад Альберштадтский стояли на надстройках, окруженные своими людьми. Каждый нес знак креста: традиционно красного цвета у французов, зеленого — у фламандцев. Свои ярко украшенные фамильными цветами щиты рыцари развесили по бортам

кораблей, а знамена привязали к верхушкам мачт. Слепящая глаза сумятица флагов и вымпелов трепетала под осенним бризом.

Робер де Клари сообщил, что при отправлении звучала сотня пар серебряных и медных труб, и он был поражен грохотом больших и маленьких барабанов и прочих инструментов. Их шум привел в возбуждение крестоносцев, множество ярких красок и военной атрибутики воодушевили всех, вселив твердую уверенность в победе и заставив предвкушать битву. Пилигримы (по описанию Робера) обратились к священникам с просьбой подняться на посовые башни, дружно подхватив гимн «*Veni creator spiritus*», который традиционно ассоциировался с крестовыми походами. Текст песни начинался словами «Прииди, Дух Святой, вдохнови наши души и зажги в нас божественное пламя».²⁷ Никто не мог сдержать слез, поняв, что великое событие уже происходит. Медленно скользили корабли от раскинувшегося на островах города, служившего им приютом несколько прошедших месяцев, направляясь в Адриатическое море. Священная война началась.

Когда флот вышел в море, корабли стали распускать паруса, словно множество гусениц, сбрасывающих коконы и превращающихся в бабочек. Робер де Клари описывал это зрелище как «прекраснейшее из всего, что представало глазам с сотворения мира».²⁸ Он писал, что «казалось, будто все море трепещет и пламенеет кораблями». Кроме того, из-под его пера рвется ощущение могущества, почти неуправляемой силы, передавая волнение, охватившее армию христиан.

Однако нельзя сказать, чтобы все прошло гладко. «Виола», одно из самых крупных транспортных судов, затонула. Несколько человек из французской знати не смогли подняться на борт из-за состояния здоровья, а одна из групп, возглавляемая Стефаном де Перше, предпочла отправиться в Апулию, откуда весной 1203 года отплыла на Левант. Но еще более важно — Бонифаций Монферратский заявил,

что у него дома возникло срочное дело, требующее его присутствия, и пообещал присоединиться к армии, как только сможет. Таким искусным маневром он избежал участия в нападении на Зару, что позволило ему сохранить хорошие отношения с папой римским.

Отправившись из Венеции на восток, крестоносцы прошли мимо городов Триест и Муглия, обеспечив их подчинение.²⁹ В сущности, флот обошел вдоль всего побережья северо-восточной Адриатики, демонстрируя могущество крестового похода, чтобы утвердить владычество Венеции в регионе. Он принудил Истрию, Далмацию и Славонию выплатить дань, а затем бросил якоря в Поле. Там крестоносцы сошли на берег, чтобы пополнить запасы воды и продовольствия, прежде чем двинуться к Заре, куда прибыли в день святого Мартина, 11 ноября 1202 года.

К этому времени жители Зары уже знали о намерениях венецианцев. Шпионы в средневековом мире кишели повсюду, так что, едва план стал известен крестоносцам, стало неизбежно, что достаточно скоро информация доберется и до Зары. Жители города подготовились к защите.

Тем временем в Риме папа Иннокентий получил известия о тревожном развитии событий от своего представителя в крестовом походе, кардинала Пьетро Кануано, который в конце осени перебрался из Венеции к папскому двору. Пьетро попытался убедить дожа перевезти крестоносцев в Александрию, как было решено изначально. Но ему не удалось уговорить простить невыплаченную сумму. Кардинал был расположен к крестоносцам и прекрасно понимал, с какой ужасной дилеммой они столкнулись. Но для него, по крайней мере, было важнее всего, чтобы поход хотя бы начался. Епископ Конрад Альберштадтский поинтересовался мнением Пьетро на этот счет и услышал недвусмысленное заявление: «Его святейшество предпочитает наблюдать неподобающие действия, нежели лицезреть полный провал кампании».³⁰ По существу, Пьетро одобрил нападение на Зару.

Но у папы римского на этот счет было другое мнение, и можно только представить себе ледяной прием, оказанный легату, который принес известие о таком изменении направления движения и о его целях. Иннокентий был глубоко взволнован подобным оборотом событий. Он написал письмо (ныне оно утрачено), в котором категорически запрещал нападение на город под страхом отлучения от церкви. В более поздних письмах он ссылался на

*«Строгий запрет вам [крестоносцам] пытаться вторгнуться или нарушить границы христианских владений, если только они не создадут злостных препятствий на вашем пути. Может возникнуть и непредвиденная необходимость, которая позволит вам действовать иначе, согласовываясь с указаниями нашего легата. [Это послание] должно было отвлечь вас от столь нечестивого плана».*³¹

В «*Gesta Innocenti*» приводится текст сходного послания. Но папа не предвидел, что его легат одобрит подобные действия.

Угрозой отлучения от церкви Иннокентий употребил самое сильное из имеющихся в его руках средств. Отлучение означало полное исключение их из христианской общины, так что отлученный не мог причащаться и вообще участвовать в церковных службах. Таким образом человек подвергался не просто остракизму, но своего рода проклятию, и это было самым страшным в представлении средневекового жителя. То, что Иннокентий указал на такую возможность, явно указывает на его ужас перед возникшей ситуацией. Аббат Петр из Люцедио переправил послание папы в Зару, куда оно прибыло как раз в тот момент, когда крестоносцы расположились лагерем под крепостными стенами.

Когда флот достиг Зары, жители города закрыли ворота и полностью вооружились, однако они хорошо понимали, что практически не имеют никаких шансов противостоять

армии крестоносцев. 12 ноября они отправили видных представителей города в качестве послов к дожу с предложением сдать город и все имущество, если им сохранят жизнь. Дандоло рассудительно заявил, что не может согласиться на такие условия, не обсудив их предварительно с руководителями крестового похода. Это можно считать признаком нежелания дожа показаться в глазах товарищей сторонником самовольных решений. Несмотря на то, что осада Зары явно была идеей венецианцев, Дандоло старался вести себя предусмотрительно. Однако внутри лагеря французов возникла устрашающая трещина.

Группа родовитых дворян, возглавляемая Симоном де Монфором, была настроена против кампании и делала попытки отказаться от осады. Пока многие видные крестоносцы совещались с Дандоло, сторонники Симона отважно начали действовать. Они направились к посланцам Зары и заявили, что говорят от имени всех французских крестоносцев. Спросив, почему жители собираются сдаться, если им придется сражаться только с венецианцами, они пообещали, что французы не присоединятся к нападающим. «Вам нечего опасаться их [французов]», — уверили посланцев сторонники Симона, согласно сведениям Виллардуэна. Послы попросили публично повторить услышанное, и выбранный посланником Робер де Бове направился в город, где произнес ту же речь. Уверившись, что все крестоносцы находятся в разладе с венецианцами, жители Зары решили прервать переговоры с осаждающими.

В это же время дож обратился к большинству крестоносных лидеров, и те вынудили его принять соглашение Зары. Но когда Дандоло вместе с своими советниками пришел в шатер, где должны были ждать посланцы из города, их уже не оказалось. Жители Зары не могли знать, что они имели дело лишь с небольшой частью французской знати, и Робер де Бове не мог выступать от имени всех французов.

Такой раскол среди крестоносцев привел Дандоло в ярость. В конце концов, он изо всех сил старался сохранить

всеобщее участие в принятии решений. И все же ситуация ухудшалась. Вмешательство Гюи, аббата-цистерцианца из Во-Серне (монастыря, расположенного в 22 милях к юго-западу от Парижа), лишь подлило масла в огонь. Гюи был сторонником Симона де Монфора. Каким-то образом ему удалось получить письмо, отправленное папой, в котором понтифик недвусмысленно запрещал нападение на Зару, угрожая несогласным отлучением от церкви.

Это была политическая и эмоциональная бомба. Аббат зачитал собравшимся письмо папы Иннокентия и заявил: *«Господа, именем римского папы я запрещаю вам нападение на город. В нем живут христиане, а на каждого из вас возложен знак креста»*.³² В послании все было очевидно — армия не должна была осаждать принадлежащий крестоносцу город.

Однако для дожа такой приказ значил меньше, нежели священный договор между его народом и французами. После провозглашения папского послания Дандоло пришел в ярость. Не говоря уже о финансовом вопросе, жители Зары в прошлом причинили венецианцам много вреда и заслуживают отмщения. Робер де Клари приписывает ему такую фразу: «Господа, знайте, что я не отступлюсь ни за что, даже ради святейшего [папы римского]». ³³ Он обратился к лидерам экспедиции с просьбой о поддержке: «Вы обещали мне помочь мне завоевать [Зару], и теперь я призываю вас выполнить свое обещание». ³⁴ Французы оказались перед ужасным выбором: не подчиниться папе и быть отлученными от церкви — или отказаться помочь Дандоло, рискуя моментальным крушением крестового похода.

Между дожем и Симоном де Монфором разразился ожесточенный спор. Пьер де Во-Серне, племянник аббата Гюи, писал, что венецианцы угрожали его дяде, и графу Симону пришлось вмешаться, чтобы не дать людям дожа убить Гюи. ³⁵ Симон уже продемонстрировал свое недовольство, отведя своих людей от стен города, а теперь заявил: «Я пришел сюда не для того, чтобы истреблять христиан». Он го-

ворил о том, что нельзя причинить урон жителям города, и пообещал, что «они не пострадают от его людей». Он принял решение и покинул лагерь.

Крестовый поход все более распадался на части. Первый раскол возник, когда отдельные группы предпочли Венеции другие порты отправления. Произошедшее в Заре было вторым, гораздо более существенным расколом в деле священной войны. Предыдущие кампании крестоносцев, например, Первый крестовый поход или осада Лиссабона в 1147 году (во время Второго крестового похода), в значительной мере были обязаны успехом полному единодушию всех участников. В 1202 году столь драгоценное и жизненно важное качество священного воинства стремительно исчезало. Отъезд Симона повлиял на духовное и практическое состояние похода, поскольку проявил тревогу по поводу незаконности нападения на христианский город и лишил армию заметного количества рыцарей. Оставшиеся крестоносцы оказались еще более подвержены давлению внешних партий, предлагавших военную поддержку в обмен на возможность воздействия на направление крестового похода.

Действия Робера де Буве и Симона де Монфора не только разозлили венецианцев, но и привели в смущение французов. Дав слово дожу помочь в осаде города, они чувствовали, что в случае отказа от участия в нападении их честь будет поругана. Так, в результате сложных манипуляций руководство крестового похода преднамеренно предпочло утаить от основной части армии папское послание (только знати было известно его содержание) и начать нападение на город. Практическая целесообразность явственно восторжествовала над суровой церковной теорией.

Осада Зары началась 13 ноября 1202 года. Защитники свесили со стен кресты в тщетной надежде усомнить оставшихся крестоносцев, но это не привело ни к какому результату. Вонны лишь сомкнули ряды. Множество людей и созданных в Венеции устройств уже было спущено с кораблей. Крестоносцы развернули строй осадных орудий,

включая баллисты и камнеметные орудия — *petrary*, которые начали постоянную бомбардировку стен и башен Зары камнями и снарядами.

К сожалению, среди средневековых авторов нет единого мнения относительно перечня и описания этих устройств. В Древнем Риме была известна баллиста «*mangana*» — устройство, действовавшее за счет сил скручивания, с использованием единственного рычага, нижний конец которого был продет в горизонтально закрепленный пучок жил. Рычаг оттягивали назад, закручивая жилы; будучи освобожден, он ударялся о перекладину-траверс, а камень из чаши на его конце летел дальше. И все же принято считать, что к концу XII века основной формой осадных машин стала рычажная артиллерия. Эти устройства впервые возникли в Китае и появились в Европе в IX веке через арабов. Они представляли собой длинный рычаг, укрепленный на двух опорах. Группа людей сгибала один конец, в результате чего после отпускания он возвращался в исходное положение, выкидывая из чаши снаряд. Вероятно, таким образом можно было мстнуть камень весом в 33 фунта примерно на 400 футов*. Разумеется, подобная мощь едва ли могла оказать серьезное воздействие на прочные крепостные стены, хотя с помощью таких орудий можно было поражать уязвимые проходы и разрушать деревянные конструкции — например, навесные галереи для стрелков. Их можно было использовать для поражения солдат и создания серьезных разрушений в городе, которые отвлекали бы обороняющиеся войска. *Petrary*, вероятно, являлись увеличенным вариантом такой же машины, разработанной для использования против крепостных стен, тогда как баллисту скорее могли применять против пехоты.³⁶

Прибыв в Зару, флот крестоносцев прорвался сквозь цепь, натянутую через вход в бухту (она служила в качестве ворот

* То есть снаряд весом в 15 кг на 120 метров. Такое устройство называлось фронтдибулой. (Прим. ред.)

в порт). Это позволило придвинуть корабли под стены и прямо на них установить осадные лестницы. В «*Devastatio Constantinopolitana*» отмечается: «Они осадили Запу со всех сторон, с суши и моря. Было поставлено более 150 машин и баллист, а также лестницы, деревянные башни и бесчисленные прочие приспособления».³⁷

В течение пяти дней крестоносцы пытались ворваться в город, обстреливая его, стараясь штурмовать крепостные стены, однако результата почти не было. Потому было решено применить самое эффективное из средневековых осадных орудий — мину. Создание мины было опасным и сложным делом. Обычно оно начиналось с отрытия нескольких подземных ходов по направлению к стенам осажденного города или крепости. Сложность организации подкопа зависела от типа почвы. Болотистые или насыщенные грунтовыми водами земли представляли естественную защиту от мин. При более благоприятных грунтах выкопанный проход укреплялся деревянными сваями. Когда по расчетам подкоп оказывался под крепостными стенами, его конец начиняли хворостом и взрывчатыми материалами и поджигали. Следовавший взрыв и пожар уничтожали и подкоп, и стены над ним, создавая брешь, в которую могли ворваться нападающие.

В эпоху средневековья эту методику использовали мусульмане и христиане: при осаде Лиссабона в 1147 году крестоносцы соорудили целую систему подкопов. В труде одного из очевидцев, озаглавленном «Захват Лиссабона», отмечено:

«Тогда крестоносцы стали рыть подкоп под стенами крепости. Этот подкоп имел пять входов и простирался на глубину сорока локтей от входа. Работы были завершены за месяц... Когда подкоп был подведен под стены, заполнен горючим материалом и подожжен, на рассвете*

* Около 20 метров. (Прим. ред.)

*той же ночи около тридцати локтей стены обрушилось на землю. Тогда мусульмане, охранявшие ее, разразились скорбными воплями, что труды их теперь пропали, и наступающий день станет для них последним».*³⁸

Тремя годами ранее мусульманин Зенги, правитель Алеппо, с помощью мины проложил путь в христианский город Эдессу в северной Сирии. В 1202 году жители Зары осознавали смертельную опасность подобного оружия и вновь предложили сдачу на первоначальных условиях.

24 ноября город распахнул ворота и, как бывало почти всегда при осадах в средние века, победители поделили трофеи. Крестоносцы пообещали сохранить жизнь горожанам, но это не помешало им обшарить весь город. В одной из городских церквей сохранялись мощи святого Хризогонуса. По иронии судьбы, его праздник приходился как раз на 24 ноября — но, к огорчению жителей города, он не оказал им божественного покровительства.³⁹ Гунтер из Пайри заявляет, что Зара пала без кровопролития. С другой стороны, папа Иннокентий обвинил крестоносцев в убийстве горожан во время осады.⁴⁰

После падения Зары экспедиция должна была сделать передышку. Дандоло указал на особенности местного мореплавания. Уже наступала зима, и продолжать движение было невозможно. Как бы то ни было, но Зара оказалась богатым городом, способным обеспечить экспедицию необходимыми припасами. Люди дожда запыли половину принадлежащей городу ближайшей гавани, французы — остальную часть, и каждая группа заняла для своих предводителей лучшие здания в городе.

В конце 1202 года Дандоло мог с некоторым удовлетворением заметить, что усмирил непокорного соседа. Его товарищей по крестовому походу обуревали более сложные чувства. Их великое предприятие споткнулось о целый ряд препятствий: потеря Тибо Шампанского; едва не вылившийся в катастрофу недостаток людей в Венеции; а теперь

— небольшой успех экспедиции, все еще находящейся на севере Адриатики. С другой стороны, на месте Тибо оказался весьма авторитетный человек, экспедиция продолжалась, она была великолепно оснащена и уже подтвердила свою военную действенность. Однако все эти мысли терялись перед страхом относительно реакции папы римского, когда он узнает о падении Зары.

Руководители похода вскоре тоже проявили озабоченность. Они написали папе римскому послание в надежде, что он освободит их от церковной анафемы. Впрочем, такой исход событий казался маловероятным, поскольку город уже был взят, и крестоносцы не собирались оставлять его, как бы ни распорядился Иннокентий. И все же посольство в Рим являлось способом успокоить массу воинов, которые наверняка ответили бы волной гнева и ярости после публичного объявления отлучения от церкви.

Разграбление Зары не означало, что вожди крестоносцев полностью забыли о духовном аспекте их предприятия. Самый факт участия в крестовом походе уже ясно продемонстрировал их религиозную искренность. Но попытки примирить набожность с необходимостью любой ценой выплатить долги были слишком сложны для понимания простых рыцарей.

Посольство состояло из четырех человек — епископа Нивело Суассонского, Жана де Нойена, клирика, служившего секретарем графа Балдуина, а также Робера де Бове и Жана де Физа. В декабре 1202 года оно направилось в Рим испрашивать прощения за действия крестоносцев. Венецианцы не стали направлять своего представителя, считая, что не сделали ничего дурного — и стало быть, не подлежат никакому наказанию. Дандоло разъяснил такую позицию в послании, которое отправил папе. По его мнению, нападение спровоцировали сами горожане Зары, которые нарушили феодальную присягу Венеции. Дандоло удивлялся и недоумевал, как папа мог доверить защиту города такому человеку, как Эмиго, который носил крест из неискренних побуждений. Он

писал, что король принял крест *«только для того, чтобы носить его, даже не пытаясь совершить хотя бы паломничество, для которого паломники обычно принимают крест, но чтобы позариться на чужие владения и преступно удерживать их»*.⁴¹ Дож знал, что в 1200 году Эмико принял крест в основном для того, чтобы использовать его для прикрытия во время гражданской войны с братом Андреем, и в самом деле не имел особых намерений когда-либо отправиться в Святую Землю. Оглядываясь назад, можно принять такую точку зрения — но нельзя сказать, что она нашла какое-либо понимание в Риме.

Гунтер из Пайри отмечает, что аббат Мартин присоединился к посланцам как неофициальный представитель немецких крестоносцев. Гунтер оставил описание мыслей аббата относительно этого времени. Отчасти оно кажется попыткой доказать непричастность Мартина к событиям в Заре, но вместе с тем представляет глубокую озабоченность аббата направлением, которое принял крестовый поход:

«Когда Мартин понял, что не только дело Креста погрязло в отсрочках, но вся армия принуждена пролить христианскую кровь, он не мог решить, куда обернуться и что нужно сделать. Он был поражен ужасом и, имея множество различных вариантов выбора, которые его не устраивали, склонился к тому, который в сложившейся ситуации казался лучшим».⁴²

Ощущение загнанного в угол человека, который не может следовать своей воле, преследовало аббата. Девятнадцатью месяцами раньше он пылал религиозным огнем, увещевая жителей Базеля помочь в освобождении Святой Земли. Эта утрата смысла бытия у человека, воодушевившего сотни других принять крест, показывает, как жестокая реальность Четвертого крестового похода вступила в противоречие с возвышенными идеалами, с которых начиналась экспедиция. Мартин был в таком смятении, что попытался

отойти от крестового похода. Он направился к кардиналу Пьетро Капуано и попросил его освободить от клятвы и позволить вернуться в свою обитель. Кардинал упрекнул его в слабости и запретил возвращаться домой до завершения паломничества.

Некоторые крестоносцы уже уезжали из Венеции в Рим, чтобы получить аналогичное освобождение от обета. Иннокентий против своей воли обещал освободить их при условии, что клятва лишь будет отложена на несколько лет. Большая часть из этих воинов была небогата, и их отсутствие не могло оказать особого воздействия на экспедицию. Однако Гунтер из Пайри замечал, что «это отступничество... остужало рьяный пыл» тех, кто еще собирался присоединиться к походу, и влияло на дух оставшихся.⁴³

Разрешить покинуть экспедицию столь заметному человеку, как аббат Мартин, было нельзя. Пытаясь теснее связать его с крестовым походом, Капуано утвердил его в роли духовного наставника немецких крестоносцев и благословил аббата оставаться среди солдат, постоянно удерживая их от пролития христианской крови. Мартин был опечален этим отказом — но, как замечает Гунтер, заставил себя следовать обету и выполнять новое поручение:

Как стонал Мартин, когда не получил разрешения на отъезд,

*Кто может представить себе, кто поверит моим описаниям?
Он стоит в нерешительности. Человек благочестивый, стоит он
с разбитым сердцем.
Грудь его стеснена от боли, и он не желает продолжать поход.
Будучи вынужден, он опасается за себя и своих товарищей.
Он боится за себя и свой народ, чтобы не участвовать в делах
нечестивых.
Но покоряется и страдает, чтобы исполнить свой обет.
Он обещает продолжить.
Едва ли это лучший образ действий, но его сердце больше не здесь.⁴⁴*

А в Заре среди крестоносцев, устроившихся на зиму, возникли проблемы. В случае успешной осады среди победите-

лей часто случались конфликты. Как правило, они отражали долгое трение между группами представителей из различных регионов. Так современные футбольные фанаты сбиваются в группы для того, чтобы противостоять аналогичным группировкам из других городов. Но возникшие в Заре проблемы были другого рода. Спустя лишь три дня после покорения города вспыхнула яростная драка между венецианцами и теми, кого Робер де Клари называет «меньшими» французами. Причиной была не какая-то старая вражда, а скорее пререкания из-за дележа трофеев — наследие споров о плате за доставку по морю и относительная бедность французов.

Стоимость морского проезда нанесла серьезный ущерб кошелькам большинства рядовых крестоносцев. Более того, как мы уже видели, нобли попытались потребовать с них дополнительной оплаты, чтобы покрыть недостаток денег из-за нехватки прибывших в Венецию людей. Для простых солдат разграбление города предоставляло редкую возможность добыть денег и вернуть уже потраченные крупные суммы.

То, что Зара была христианским городом, глубоко заботило часть крестоносцев — но к концу ноября город был покорен, было ли то справедливо или нет. Но противостоявшая партия (в данном случае — венецианцы) пыталась присвоить себе всю столь необходимую добычу. А поскольку ее и так считали богатой и жадной, люди решили постоять за свои трофеи.

Ранним вечером 27 ноября между французами и венецианцами разгорелся спор. Конфликт скоро охватил весь город. Начавшись как небольшая перебранка, он перерос в настоящую войну. Бойцы схватились за оружие, на улицах раздавался звон мечей, хлопки арбалетов, крики раненых и умирающих. Столкнувшись с нарушением порядка, лидеры похода вынуждены были вмешаться в происходящее. Балдуин и Людовик облачились в полные доспехи и ринулись в схватку, пытаясь прекратить ее. Но беспорядок был

таким ужасающим, что, словно лесной пожар, потушенный на одном участке, он снова вспыхивал на другом. Схватки продолжались всю ночь, пока солдаты в конце концов не утомились. Лишь тогда все начало успокаиваться.

К счастью, город не был сожжен дотла — а при подобных беспорядках вероятность возникновения пожара всегда была очень высока. И венецианцы, и французы понесли потери. Представитель фламандских поблей Жиль де Ландаст был ранен в глаз и позже скончался от этой раны. Много было потерь среди рядовых крестоносцев. «*Devastatio Constantinopolitana*» приводит цифру в сто погибших.⁴⁵ В последующие дни и дож, и французская знать старались примирить обе группировки и ликвидировать сам источник конфликта. Виллардуэн считал произошедшее настолько значительным, что «армии едва удалось избежать полного уничтожения».⁴⁶ И все же Балдуину, Людовику и дожу Дандоло удалось, судя по всему, в достаточной мере успокоить людей, поскольку Робер де Клари писал, что «они установили столь прочный мир, что между ними никогда больше не возникало недоброжелательства».⁴⁷

Прежде чем послы от крестоносцев достигли Рима, в Зару прибыло послание от папы римского. Иннокентий, узнав о захвате города, был опечален и рассержен ходом событий. В письме вполне отчетливо проявлялась вся гамма его чувств. От читателя никак не могли укрыться гнев и раздражение папы. Он считал, что было попрано само моральное право, являвшееся необходимым условием действий крестоносцев:

«И вот золото ваше превратилось в металл, а серебро покрылось ржавчиной, когда, отворотившись от чистоты своих планов и свернув со своей дороги на несправедный путь, вы, можно сказать, сняли руку с плуга... и когда... вам нужно было поспешить к истекающей млеком и медом земле, вы отворотились прочь, уйдя прочь в пустыню».⁴⁸

Иннокентий обвинял в возникновении войны против братьев-христиан дьявола, всегда завистливого к высоким чувствам: *«Вы можете принести ему [дьяволу] первые плоды своего паломничества и пролитой ради демонов крови вашей и ваших братьев»*. Кроме сатапы, были и другие обвиняемые. Иннокентий не скрывал своего мнения по поводу подлинных виновников, говоря, что крестоносцы связались «с ворами», под которыми недвусмысленно подразумевал венецианцев. *«Хотя они лишили вас покрова добродетелей... пока они не собираются оставить вас полуживыми»*. Иннокентий был недоволен получением припасов в Триесте и Маглии прежде разграбления Зары. Но куда более серьезным было обвинение в том, что крестоносцы не проявили милосердия к людям, на стенах города которых висели кресты: *«но вы напали на город и горожан, нанеся оскорбление Распятому, и своим чудовищным изобретательством заставили их сдаться»*.⁴⁹

Еще одним поводом для недовольства папы служило то, что король Эмико Венгерский и его брат герцог Андрей также были крестоносцами. Иннокентий напоминал армии крестоносцев свой категорический запрет на действия против христианских земель.⁵⁰ Он явно демонстрировал недовольство по поводу совета Пьетро Капуано, который считал, что необходимость продолжения крестового похода перевешивает нападение на Зару как неизбежное зло. Интересно, что Пьетро не вернулся к крестоносцам вплоть до 1204 года, и эта отсрочка вполне объясняется гневом Иннокентия.

Папа римский не мог оставить безнаказанным вопиющее неуважение к своей власти и заключал свое послание наказанием. Он напоминал, что, если бы прислушались к его предыдущим посланиям, то помнили бы об отлучении тех, кто преступил его предписания и законы церкви. Теперь же виновным отказывалось в индульгенциях (то есть в отпущении всех грехов) — а ведь такое отпущение было одним из основных поводов для принятия креста у многих крестоносцев. Этот приговор привел бы множество воинов в смяте-

ние. Иннокентий отмечал также, что венецианцы в Заре разрушали стены и здания, а также грабили церкви, и строжайшим образом запретил подобные действия. Письмо заканчивалось новым напоминанием о том, что отлученная от церкви армия не могла больше получить оставления грехов.

Здесь перед нами впервые за эпоху крестовых походов проявляется ограниченность папской власти. Иннокентий мог созвать крестовый поход, направить проповедников и контролировать сбор средств. Однако, несмотря на представлявших его легатов, он не мог осуществлять непосредственное руководство походом — особенно, как в случае с Пьетро Капуано, при наличии у легата собственного мнения. Папа мог угрожать отлучением от церкви и недвусмысленно запрещать определенные действия, но все же в значительной степени власть Иннокентия зависела от согласия остальных действующих лиц. В Заре вожди крестоносцев столкнулись с ужасной дилеммой: нападение на христианский город или полный провал их мероприятия. В сложившихся обстоятельствах ради достижения своих целей они предпочли утаить послание Иннокентия, чтобы не допустить недовольства среди своего войска. Действуя таким образом, они пренебрегли папской властью — и Иннокентий не мог ничего поделать с уже случившимся.

Разумеется, венецианцы получили от папы совсем другое послание. Их религиозность нельзя недооценивать, но в данном случае вера была изрядно приправлена коммерческим расчетом. Как мы уже видели, венецианцы (подобно пизанцам и генуэзцам) вступали в торговые отношения с мусульманами. Когда крестоносцы не смогли собрать обещанное количество людей и средств, дож решил, что экономика города находится под угрозой. В таком случае интересы Венеции ставились превыше всего — так что папские требования оказывались следующими по счету или попросту отменялись.

После взятия Зары Иннокентий наверняка мучительно осознавал невозможность непосредственного руководства

крестовым походом. Неповиновение распоряжениям папы, безразличие венецианцев и разграбление принадлежащего крестоносцу города не были забыты, когда он в дальнейшем направлял экспедицию на благо Господа.

Иннокентий, разумеется, не был совершенно бессилен — и доказательством тому служило посольство, направленное к папе, чтобы испросить прощения за осаду Зары. И все же последние события дали понтифику серьезный повод для размышлений.

ГЛАВА 7

**«Ваш долг — вернуть владения тем,
кто был лишен их незаконно»**

**Предложение царевича Алексея,
декабрь 1202 — май 1203 года**

В конце декабря 1202 года, когда армия обосновалась на зимовку в Заре, прибыли посланцы, желавшие получить аудиенцию у дожа и руководителей крестового похода. Они представляли Филиппа Швабского и царевича Алексея и выдвинули заманчивое предложение. Искупно сформулированное и тщательно рассчитанное, оно отвечало желаниям византийского царевича, крестоносцев и даже папы Иннокентия III. На встрече присутствовал и Бонифаций Монферратский, присоединившийся в Заре к своим товарищам. Послание начиналось так:

«Поскольку вы состоите на службе у Господа, во имя добра и справедливости, ваш долг — вернуть владения тем, кто был лишен их незаконно. Царевич Алексей готов предложить вам лучшие условия и оказать вам полную поддержку при завоевании заморских

земель... Во-первых, если будет воля Божия вернуть его наследие, он отдаст всю свою империю под власть Рима, от которого она так долго была отделена. Во-вторых, поскольку он осознает, что вы потратили все средства и сейчас ничего не имеете, то выдаст вам 200 000 серебряных марок и продовольствие для всей армии, как офицеров, так и рядовых. Кроме того, сам он присоединится к египетской кампании с 10 000 воинов или, по вашему предпочтению, отправит с вами такое же количество людей. Более того, всю свою жизнь царевич за свой счет будет содержать 500 рыцарей для охраны заморских владений».¹

Молодого царевича явно не отпугнул холодный прием со стороны Бонифация и папы Иннокентия, и он решил приложить новые усилия, чтобы склонить на свою сторону рыцарей Запада. Предложение Алексея сочетало в себе нравственное, политическое и экономическое обоснования — в нем увязывалась цель крестового похода по восстановлению христианских владений с восстановлением его собственных прав на византийское наследство и с интересами Римского престола.

Несомненно, внешне предложенные условия казались чрезвычайно привлекательными, отвечая чаяниям и нуждам почти всех заинтересованных лиц экспедиции. Первая часть предложения, касавшаяся признания духовной власти Рима, напрямую была адресована папе римскому. Царевич Алексей и его советники были осведомлены о том, что Иннокентий с недовольством воспринял выступление против христианской Зары. Они также знали, что прежде он отказался от мысли о свержении императора Алексея III. Чтобы преодолеть нынешнюю позицию папы, необходим был аргумент исключительной привлекательности. И у царевича возникла мысль: в случае низложения узурпатора согласиться на долгожданное признание папской власти над православной церковью.

Возможно, царевич Алексей уже выдвигал такое предложение во время встречи с Иннокентием в начале 1202 года. Однако в Заре он надеялся убедить клириков крестового похода согласиться с его планом, рассчитывая, что этому помогут предложенные им материальные выгоды. Царевич мог просчитать, что необходимость продолжения крестового похода вместе с идеей подчинения православной церкви Риму сделает невозможным отказ от его предложения. А если уговорить священство в Заре, то не поможет ли это убедить и Иннокентия? Или, формулируя иначе, если соглашение уже окажется *fait accompli**, у Иннокентия практически не будет возможности изменить ход событий, как хорошо показала осада Зары.

Гунтер из Пайри указывает на более откровенную подоплеку предложения, сделанного крестоносцам: *«Кроме того, они знали, что сам этот город [Константинополь] был мятежным и представлял угрозу Святой Римской церкви. Им казалось, что его покорение нашими народами не вызовет неудовольствия ни у верховного понтифика, ни у самого Господа»*.² Интересно, что, хотя Иннокентий еще не формулировал такой позиции, но она ему уже приписывалась, и это может объяснить выбор линии поведения посланцев.

Для французских крестоносцев предложение царевича Алексея было весьма соблазнительным, поскольку давало возможность разделаться с долгами, постоянно преследовавшими экспедицию. Взятие Зары не облегчило финансового положения, поскольку подразумевалось лишь как средство отсрочки платежа. Как открыто говорили посланники, у крестоносцев не осталось ничего. А сумма в 200 000 серебряных марок плюс продовольствие для всей армии одним махом устраняли все проблемы. Предложенные сверхфинансовой помощи десять тысяч солдат, добавлявшихся в армию крестоносцев, компенсировали бы недостаток

* *Fait accompli* — свершившийся факт (фр.)

людей, отправившихся из Венеции, возместив потери, произошедшие за время продвижения армии.

Условия царевича Алексея были рассчитаны и на будущее. Замечание о полностью оплаченном гарнизоне из пятисот рыцарей, чтобы удерживать Святую Землю в руках христиан, было также чрезвычайно привлекательным. Опыт показывал, что после исполнения обетов большая часть христиан возвращалась по домам, оставляя в Леванте лишь небольшое количество франкских поселенцев, которым приходилось сталкиваться с неизбежными контратаками мусульман. Дополнительные пятьсот рыцарей могли бы значительно усилить армию на Святой Земле, обеспечив христианское присутствие в Восточном Средиземноморье.

Однако в качестве оплаты за описанные блага необходимо было восстановить на престоле царевича, что опять требовало отклонения крестового похода и, возможно, нападения на христианский город Константинополь. Следовательно, экспедиция во второй раз должна будет обратить оружие против людей своей веры, а не против неверных.

Посланцы царевича заверили, что обладают властью заключить соглашение, и завершили свое обращение, подчеркнув, что *«столь благоприятные условия никогда никому не предлагались, и люди, готовые отказаться от такого предложения, едва ли собираются воевать вообще»*.³ Но дож и руководство крестоносцев не могли принимать столь важное решение поспешно. Они понимали, что необходимо обсудить дело среди более широкого круга знати и представителей церкви. Совещание было назначено на следующий день.

Четвертому крестовому походу уже пришлось столкнуться с целым рядом кризисов: смерть Тибо Шампанского, недостаток прибывших в Венецию людей, решение о нападении на Зару и папская булла об отлучении от церкви. Тем не менее новое предложение потенциально было самым коварным и самым разрушительным из всех. Недостаток людей и денег в Венеции по-прежнему влиял на

крестовый поход, а настоятельная необходимость избавиться от финансовой зависимости была основной причиной, по которой экспедиция оказалась в столь незавидном положении.

«На собрании высказывались самые разные точки зрения». ⁴ Искусно лавируя между фактами, Виллардуэн начинает описывать совещание: все линии доводов были уже знакомы, и каждая из сторон отстаивала свое мнение, как всегда, решительно и непреклонно. События в Заре показали, что между крестоносцами существовали резкие разногласия. Аббат Гюи де Во-Серне открыл дискуссию, выдвинув основные причины, по которым он выступает против каких бы то ни было соглашений с царевичем. Такое решение «будет означать нападение на христиан. Они [крестоносцы] оставили дома не для этого, а намереваясь направиться в Сирию*». ⁵ Вполне предсказуемым был и ответ: «Вынуждены настаивать, что вернуть заморские страны мы можем только посредством Египта и Греции**». ⁶

Противоречия среди крестоносцев были столь глубоки, что даже аббаты-цистерцианцы не соглашались друг с другом. Гюи де Во-Серне встретил настойчивого оппонента в лице облаченного в белую рясу аббата Симона Лоосского. Симон был приближенным графа Балдуина Фландрского и представлял сторону, стремившуюся к продолжению экспедиции. Он убеждал крестоносцев принять соглашение, поскольку оно «предлагало лучший вариант вернуть заморские земли». Но Гюи де Во-Серне был непреклонен — этот план дурен, и экспедиция должна направиться в Сирию, чтобы достичь хоть каких-то результатов.

Сторонники соглашения могли привести и такой довод: формально крестовый поход не будет направлен против греков. Царевич Алексей считает, что это будет нравственно оправданная война, имеющая целью возвращение на ви-

* Так иногда называли Святую Землю. (Прим. авт.)

** То есть Константинополя. (Прим. авт.)

зантийский престол законного наследника. Но для их оппонентов такое различие не казалось очевидным. Они заявляли, что образ воина с со знаком креста Христова, сражающегося против жителей христианского города, особенно если этот город является одним из пяти великих патриарших престолов (другие четыре — это Иерусалим, Рим, Антиохия и Александрия), совершенно неприемлем и вызывает отвращение.

Возможно, поднимался вопрос и о правомочности претензий царевича Алексея. Он родился до начала правления своего отца, то есть не «в пурпуре» (намек на цвет пурпурной комнаты во дворце Буколеон, где появлялись на свет дети императорской четы), так что формально у него не было законных прав на престол. Иннокентий продемонстрировал осведомленность по этому поводу в написанном в ноябре 1202 года послании, и, возможно, эта информация была общеизвестна.⁷

Вместе с тем заявление царевича о несправедливом лишении трона его отца являлось достаточным основанием для удовлетворения прошения. Однако противники отклонения похода могли припомнить, что отец Алексея, ослепленный Исаак Ангел, во времена Третьего крестового похода был сторонником Саладина. Зачем же воинству Христову теперь помогать Исааку и его сыну? Разумеется, Алексей мог возразить, что сам не вступал в это соглашение и готов во всем помогать крестоносцам.

Вне дебатов на высшем уровне оставалось мнение менее родовитых рыцарей, которое оставил для нас Робер де Кларри. В отличие от Виллардуэна, основной заботой Робера зимой в Заре была не высокая политика, а насущные и практические вопросы. Пребывание в городе уменьшало запасы крестоносного войска и, несмотря на описания процветания Зары, похоже, что покорение города мало что дало простым крестоносцам. Робер описывает, как крестоносцы тревожно переговаривались друг с другом, выражая свое недовольство, поскольку у них не хватало денег, чтобы добраться

до Египта или Сирии либо выполнить свой обет где-то еще. Но все эти проблемы решатся, если предложение царевича Алексея будет принято.

С другой стороны, существует и обсуждается другая точка зрения. Все эти люди приняли крест ради горячего желания помочь христианам вернуть Святую Землю. Достичь равновесия между необходимостью продолжать поход и полным пренебрежением изначальными целями оказалось чрезвычайно сложно. Перед людьми встала необходимость малоприятно выбора. Другой источник, говорящий о жизни лагеря, «*Devastatio Constantinopolitana*», показывает, что для некоторых компромисс был невозможен, и часть «воинов... поклялась, что они никогда не пойдут [в Константинополь]». ⁸

Но и перед менее принципиальными необходимо было хоть как-то оправдать отклонение от маршрута и поход на Византию. Робер де Клари приводит собственное описание происходящего, хотя нарушает хронологию, перенося пик обсуждения поворота похода из Зары на Корфу, следующий перевалочный пункт крестоносцев после Зары. Тем не менее он, будучи незнатным рыцарем, знакомит нас с интересными точками зрения, принадлежавшими, по его мнению, ключевым фигурам. Например, он приписывает дожу и маркграфу Бонифацию поддержку предложения Алексея. Дандоло осознал нищету крестоносцев и, считая Грецию (то есть Византию) богатой страной, говорил: «*Если бы у нас был разумный предлог направиться туда и получить провизию и все остальное... то мы смогли бы отправиться за море*». Необходимость в «разумном предлоге» напоминает о предшествовавшем запрете папы Иннокентия на нападения на христианские земли — за исключением случаев, когда «возникнет некое справедливое или необходимое дело». И вот по стечению обстоятельств Бонифаций смог предоставить такой предлог — он описал встречу с царевичем Алексеем в Гагенау и то, как из-за измены император Исаак потерял трон. Он считал, что будет справедливым

восстановить его правление, получив в обмен необходимые средства и припасы.

Робер де Клари представляет Бонифация Монферратского как особо страстного защитника соглашения с царевичем. Мотивы маркграфа он объясняет так: «Он хотел отплатить за оскорбления, причиненные ему императором Константинопольским». Говорили, что Бонифаций «ненавидит» императора Алексея III.⁹ Причины отсылают нас к 1187 году, когда, как мы уже знаем, брат Бонифация Конрад женился на Феодоре Константинопольской и помог императору сражаться против мятежников. Однако, не получив достойной награды, он вынужден был покинуть страну и отправиться на Святую Землю.

Робер допускает серьезную ошибку, поскольку в то время императором как раз был отец царевича Алексея Исаак Ангел. Но многие простые крестоносцы были твердо убеждены в том, что, направляя крестовый поход в сторону Константинополя, Бонифаций руководствуется желанием мести. Кроме того, часть французских крестоносцев с подозрением относилась к своему вождю из Северной Италии.

Дожа также подозревали (ориентируясь на прошлые события) в том, что он предлагал двинуться в сторону Константинополя исключительно из финансовых соображений. Гунтер из Пайри считал, что интересы венецианцев заключались *«отчасти в надеждах на обещанные деньги (до которых этот народ чрезвычайно жаден), а отчасти в стремлении города с помощью огромного флота претендовать на господство над всем морем»*.¹⁰

Взаимоотношения Венеции с Константинополем насчитывали многие столетия и базировались на тесных политических, экономических и культурных связях.¹¹ В период, предшествовавший Четвертому крестовому походу, в отношениях между двумя городами произошло несколько бурных эпизодов, что создало непростую подоплеку кампании. В 1082 году венецианцам были пожалованы щедрые при-

вилегии на большей части Византийской империи, что привело к процветанию основанной в Константинополе венецианской общины, экспортировавшей масло и перец. При императоре Иоанне Комнине (годы правления 1118–1143) предоставление Венеции торговых привилегий на Крите и Кипре способствовало развитию торговли с Северной Африкой и Святой Землей и привело к существенному увеличению венецианских вложений в Византийскую империю. Важной частью венецианской торговли стал фебанский шелк.

Сложно установить, по каким причинам 12 марта 1171 года император Мануил Комнин распорядился арестовать всех венецианцев по империи и конфисковать их имущество. Непосредственным поводом для напряженности послужили разногласия между венецианцами и их соперниками генуэзцами в Константинополе, однако существовали и другие скрытые причины. Греческие источники указывают на противоречия по поводу статуса венецианцев, осевших и вступивших в браки на византийских землях. Это давало им еще более широкие привилегии и создавало мощную и независимую структуру в пределах владений Мануила. Сложные политические взаимоотношения между Мануилом, Германской империей, папством и итальянскими торговыми городами также внесли свой вклад в конфликт между генуэзцами и венецианцами в Константинополе.

Ответом венецианцев стала отправка флота под руководством дожа Витале Мичиеля для разорения византийского острова Эвбея. Зимой 1171 года венецианский флот провел на Хиосе. Там итальянцев охватила эпидемия чумы, лишив их военной мощи и заставив предпринять несколько попыток найти дипломатическое решение проблемы. В конце концов Витале Мичиель был вынужден вернуться домой, где разъяренная толпа растерзала его, обвинив в неспособности отомстить за ущерб интересам Венеции в Константинополе. В конечном итоге был заключен договор, по которому потери итальянцев в Константинополе оценивались

в размере 1500 золотых фунтов (или 108 000 монет). После свержения династии Комнинов константинопольские власти подтвердили договор, и в 1187 и 1189 годах Исаак вернул и даже расширил прежние венецианские привилегии, предоставив, впрочем, хорошие условия и для Пизы с Генуей.¹² В 1195 году настроенный в пользу пизанцев император Алексей III вступил в дипломатический конфликт с венецианцами и после нового тура переговоров согласился выплатить оставшиеся 400 фунтов. И все же к началу XII века отношения между греками и венецианцами были безвозвратно испорчены, несмотря на договор, возвращавший венецианцам значительную часть утраченного. Неудивительно, что такая предыстория событий давала людям вроде Гунтера из Пайри считать действия Дандоло в первую очередь следствием коммерческого расчета.

Но, каким бы ни было мнение масс, вне зависимости от неизбежных последующих разногласий, большинство элиты крестоносцев было намерено согласиться на предложение царевича Алексея и направить экспедицию в Константинополь. Гунтер из Пайри точно уловил суть происходящего, говоря об общем влиянии различных интересов. Благодаря сочетанию всех перечисленных (а, возможно, и других) факторов было вынесено единогласное решение в пользу молодого царевича и обещание помочь ему.¹³ Дож Дандоло выразил поддержку предложению; Бонифаций, Балдуин Фландрский, Людовик де Блуа и Гуго де Сен-Поль тоже согласились с ним. Призвав послов царевича в апартаменты дожа в Заре, они присягнули в пользу договора, подписали и запечатали документы, его подтверждающие.¹⁴ Теперь крестовый поход направлялся в Константинополь.

Непреклонная решимость была вполне объяснима. Балдуин, Людовик и Гуго с рыцарского турнира в Экри в ноябре 1199 года были движущей силой крестового похода. Они были связаны друг с другом роковым соглашением с Венецией, заключенным в апреле 1201 года, который посадил их в одну лодку с Дандоло и Бонифацием. У этих крестоносцев

чувство долга и честолюбие любой ценой требовало продолжения экспедиции, то есть исполнения обетов прийти на помощь Святой Земле и сразиться за Христово дело.

Привлекательность богатств, которые сулил царевич Алексей, была такова, что его предложению трудно было противостоять — но и само его положение несправедливо отстраненного от власти наследника задевало в душах представителей правящих европейских семейств глубокие струны. Узурпирование власти было нарушением естественного порядка вещей, именно по этой причине послы царевича делали такой акцент на данном вопросе. Большинство участвовавших в крестовом походе епископов сочли, что помощь царевичу будет «праведным деянием» — несомненно, это помогало сгладить вопросы относительно нравственной стороны таких действий.¹⁵

Руководству похода требовалась каждая кроха оправдания, поскольку, кроме небольшой группы знати, решение отправиться в Константинополь поддерживали лишь немногие. Единство, столь необходимое для успешного крестового похода, снова было разрушено. Виллардуэн приводит откровенный комментарий: «Должен признаться, что от имени французов только двенадцать человек принесли клятву. Остальных невозможно было убедить». Это было ничтожно малое количество и лишнее доказательство непопулярности такого плана.¹⁶ Разногласия внутри знати и малочисленность группировки, пытающейся навязать свою волю разобщенной и растерянной армии, привели к огромной напряженности внутри лагеря крестоносцев. Маршал отмечал: *«Могут уверить вас, что сердца нашего народа не могли сохранить мира, поскольку одна партия постоянно старалась разделить армию, а другая — сплотить ее»*.¹⁷ Кроме приведенных беспокойств, существовало еще и постоянное опасение нападения войск короля Эмика Венгерского, вполне объяснимо разгневанного потерей Зары.

Разрушительный эффект решения о помощи царевичу Алексею скоро коснулся всего лагеря крестоносцев. Вил-

лардуэн писал, что множество солдат погрузилось на корабли и, когда один из них затонул, погибло около пятисот человек. Часть крестоносцев попыталась отправиться пешком через Словению, но была атакована местными жителями, а выжившие оказались вынуждены вернуться в Зару. Выходец из баварской знати Вернер Боландский ускользнул на торговом судне, вызвав презрение среди оставшихся. Куда серьезнее было то, что Рейно де Монмираль (а он приходился графу Людовiku де Блуа двоюродным братом), возглавлявший отряд из нескольких видных французских рыцарей, умолял отправить их с миссией в Сирию под предлогом необходимости поставить Левант в известность о происходящем, а также для посещения святых мест в качестве паломников. Воины поклялись на Библии оставаться на Святой Земле не более двух недель, после чего обещали присоединиться к основным силам. Отбыв, несмотря на клятвы, они не участвовали в осаде Константинополя, хотя Рейно присоединился к товарищам после покорения Византийской империи, сражался и погиб в апреле 1205 года.¹⁸

Виллардуэн подвел итог положению в Заре: «Итак, силы наши значительно сокращались изо дня в день».¹⁹ В некотором смысле отъезды оказывали положительное воздействие на оставшихся, вынуждая их теснее спланиваться — порожденное неприятностями родство. Силы крестоносцев таяли, но решимость продолжать поход лишь возрастала. По мнению Виллардуэна, лишь божественное соизволение помогло остаткам армии твердо выстоять во всех испытаниях.

Луч надежды мелькнул в новостях о фламандском флоте, который достиг Марселя и, перезимовав там, дожидался распоряжений о месте встречи с основными силами. Французская знать и дож весьма рассчитывали на боевые силы и материально-техническое обеспечение со стороны этого подразделения. Жану было приказано покинуть Марсель в конце марта 1202 года и направиться на встречу с венецианским флотом в порту Метони на западной оконечности полуострова Пелопоннес. Однако Жан и его спутники оче-

видно не были заинтересованы в нападении на Константинополь, а потому направились прямо в Сирию, чтобы присоединиться ко все возрастающей массе крестоносцев, сделавших выбор в пользу борьбы на Святой Земле.²⁰

Благодаря отсутствию непосредственного давления со стороны венецианцев, не слыша убеждений посланников Алексея, не ощущая твердого единства руководства, фламанцы отчетливо выразили неодобрение новому направлению крестового похода.

Одновременно с тревожными событиями в Заре продолжалось посольство в Рим. Посланцы умоляли Иннокентия снять с них отлучение от церкви и лишение всех духовных наград, которые могли бы получить крестоносцы. Они доказывали, что в данном случае просто не существовало выбора, а вина полностью лежит на тех, кто отказался прибыть в Венецию. Собравшиеся же отправились в Зару только из-за необходимости не допустить раскола армии.

В феврале 1203 года Иннокентий направил крестоносцам послание. Видимо, посланцы приложили все усилия, чтобы смягчить его. Он по-прежнему выражал гнев на то, что «хотя вы и посите крест Христов, но выступили против Него. Вы должны были нападать на земли сарацинов, а вместо того заняли христианскую Зару». Папа принимал объяснение крестоносцев, которые были вынуждены действовать подобным образом, хотя это и не извиняет их жестокости. Тем не менее он признает их стремление принести покаяние и предлагает (имея в виду венецианцев) вернуть все награбленное в Заре. Он заявлял, что дарованное епископами крестового похода отпущение недействительно, и приказывал Пьетро Капуано или его представителям провести церемонию должным образом. Иннокентий также требовал принесения клятв, которые гарантировали бы, что крестоносцы в будущем не станут

«никоим образом вторгаться и учинять насилие на христианских землях, если только те не будут злонаме-

ренно препятствовать путешествию, или же если возникнет некое справедливое или необходимое дело, для выполнения которого вы можете действовать иным образом, согласно наставлением Апостольского престола».²¹

Последняя оговорка удивительно двусмысленна: что такое «справедливое или необходимое дело»? Хотя требование папы следовать своим наставлениям являлось попыткой противостоять возможным интерпретациям его же слов, все же возникало пространство для свободного понимания возможных приложений папского мандата в разнообразных ситуациях.

Сам Святой престол переживал тяжелые времена, поскольку в Риме начался один из нередких периодов гражданской смуты. Папа был вынужден удалиться в расположенное неподалеку местечко Ферентино, откуда продолжал следить за развитием крестового похода. Понтифик осознал, что проблемы возникли из-за недобора армии, собравшейся в Венеции. Он вернулся к первоначальной концепции кампании, которую должны были возглавлять правители Англии (к этому времени король Джон) и Франции.

Направив к ним послания, Иннокентий выразил разочарование тем, что продолжение их распрей сделало невозможной крупную экспедицию крестоносцев. Он напрямую связал борьбу между Англией и Францией с проблемами Леванта, где мусульмане радовались отсутствию согласия среди христиан, которое позволяло им наращивать свои силы. Папа также отметил радость противника по поводу отклонения крестового похода в Зару и намекнул на то, что «существуют и более ужасные планы» — возможная ссылка на предполагаемый поворот в сторону Константинополя. Указание папы римского на ходившие слухи (каковыми эти планы в тот момент являлись) снова указывает на проблемы в осуществлении общего контроля над экспедицией.²²

Чуть позже руководители крестового похода направили Иннокентию послание, в котором сообщалось, что их посе-

тил нунций кардинала Пьетро, дав отпущение грехов — хотя венецианцы отказались покаяться и были официально преданы анафеме. Также в нем содержалась просьба к папе простить Бонифацию Монферратскому скрывание буллы, целью которого было сохранение единства флота для помощи Святой Земле.²³

Сам Бонифаций тоже написал письмо в том же стиле, объясняя утаивание буллы необходимостью сохранения целостности армии. Хотя это и было правдой, очевидно также, что обнародование буллы об отлучении венецианцев давало в руки оружие тем, кто ратовал против отклонения экспедиции к Константинополю.²⁴

С приближением весны крестоносцы начали готовиться к отправлению из Зары. Они ремонтировали корабли, собирали снаряжение и грузили лошадей. Однако венецианцы не забыли и не простили жителям Зары стремление отделаться от их господства. В качестве демонстрации силы и предупреждения горожанам о соблюдении новых клятв верности они сравнивали город с землей, включая стены и башни. Исключение было сделано лишь для церквей.

Прежде чем флот подготовился к отправлению, произошел еще один вполне предсказуемый поворот событий. Симон де Монфор со своими сподвижниками, включая аббата Гюи Вокернского, отказался присоединиться к остальным и направился в земли короля Эмико Венгерского. Симон был заметной фигурой, так что его уход не прошел незамеченным, хотя большая часть разногласий среди крестоносцев перестала быть явной.

Непосредственно перед отправлением дожа и маркграфа Бонифация из Зары сюда прибыл сам царевич Алексей. Его появление было удачно, возможно, преднамеренно, рассчитано по времени, совпав с днем святого Марка (25 апреля), когда венецианцев проще всего застать в добром расположении духа. Молодому человеку был оказан теплый прием, а венецианцы снабдили его галерами и командой.²⁵

Основная часть флота крестоносцев должна была направиться на юг и соединиться на Корфу. Царевич и венецианцы следовали за главными силами. Они миновали город Дураццо* — крайнюю северо-западную точку Византийской империи. Добрым предзнаменованием показалось то, что горожане немедленно передали ключи от города царевичу Алексею и поклялись ему в верности. Было ли это простой предосторожностью, отчасти вызванной недавними действиями крестоносцев в Заре, или же искренним энтузиазмом, остается непонятным. Но такое развитие событий наверняка ободрило молодого человека. Руководство крестоносцев тоже обрадовало то, как люди приветствуют появление Алексея — возможно, Константинополь сразу откроет свои объятия царевичу.

В конечном счете эти надежды не оправдались, хотя казалось, что все идет именно к тому. Царевич Алексей добрался до Зары уже после того, как большинство французских крестоносцев отплыло на юг, а потому его первая встреча с ними произошла на Корфу. Крестоносцы уже установили здесь шатры и палатки и дали лошадям долгожданную возможность насладиться волей, когда прошла весть о прибытии царевича. Рыцари, знать и простые крестоносцы поспешили к порту, стремясь увидеть человека, которого их руководство столь щедро оделило, и кто сам обещал решить немалую часть их проблем. Первое впечатление было хорошим. Принца приветствовали с большими почестями, а его шатер был воздвигнут в самом центре, справа от Бонифация Монферратского, которому Филипп Швабский вверил своего шурина.

Поскольку заключенная между ноблями и посланниками Алексея сделка не получила всеобщей поддержки, вспыхнула полемика. Присутствие царевича неизбежно вновь подняло болезненный вопрос поворота на Константинополь. Теперь армии угрожало отделение еще одной фракции. Случись новый раскол, Алексей остался бы с та-

* Ныне Дуррес в Албании. (Прим. ред.)

кой небольшой силой, что надежды на взятие Константинополя оказались бы призрачными.

В написанном летом 1203 года графом Гуго де Сен-Полем письме, предназначенном его знакомым на Западе, сообщалось, что Алексей обратился с личными просьбами к крестоносцам, уговаривая их не отказываться от помощи ему. Царевич снова напоминал о незаконной узурпации трона и о будущей щедрой поддержке. Несмотря на теплый прием, оказанный Алексею при первом его появлении на Корфу, поддержку рядовых крестоносцев еще необходимо было завоевать. Гуго писал об этих событиях: *«В армии возникло немало разногласий и поднялся ропот. Все кричали, что нам следует поспешить в Акру, и лишь человек десять высказывались в пользу Константинополя»*.²⁶ Среди этих «десяти» был сам Гуго, Балдуин Фландрский, Виллардуэн и епископ Конрад Альберштадтский. Гуго пытался доказывать: *«Мы ясно дали понять армии, что поход на Иерусалим будет бессмысленным и рискованным, поскольку все здесь бедны и испытывают недостаток провианта. Никто не может удержать на службе рыцарей или оплатить солдат, заплатить за баллисты или другие орудия. Наконец им пришлось сдаться»*.²⁷ Вероятно, Алексей повторил предложение, сделанное руководству в Заре, и условия были вновь приняты и подтверждены теми же людьми — хотя, как показали дальнейшие события, они составляли только часть армии.

Группа видных французских крестоносцев, включая Одо де Шамплита, Жака де Авене и Пьера Амьенского (покровителя Робера де Клари), влиятельных людей из элиты армии, решила остаться на Корфу после отплытия венецианского флота. Они собирались послать вестников в южную Италию, в Бриндизи, где стоял лагерь Вальтера Бриенского, известного крестоносца. Они просили направить для них суда таким образом, чтобы они могли продолжить путь на Святую Землю. Виллардуэн намекал, что эти люди боялись длительности и опасностей экспедиции на Константинополь.

Хотя некоторые прячут свои истинные чувства, по его мнению, все же «больше половины армии того же мнения».²⁸

Отделение такого отряда с очевидностью означало бы прекращение крестового похода. Бонифаций, Балдуин, Людовик и Гуго были ошеломлены и понимали, что должны немедленно принять решительные меры. Виллардуэн приводит речь одного из представителей этой группы:

«Господа, мы оказались в отчаянном положении. Если эти люди покинут нас, как уже сделали многие по разным поводам, армия обречена, и мы не сможем завоевать ничего. Почему же не пойти к ним и не просить ради Бога подумать о нас и о них самих и, не принося себе бесчестья, не лишать нас возможности завоевания заморских стран?»²⁹

Маршал предпочел представить происходящее делом рыцарской чести и увязать решение с необходимостью помощи Святой Земле — явное проявление нужды хранить слово, не теряя лица. Руководство крестового похода действовало без промедления и направилось на встречу с представителями мятежной группировки, собравшейся в соседней долине.

Далее последовал один из самых драматических эпизодов за всю историю крестового похода. Бонифаций, царевич Алексей и симпатизировавшие ему епископы и аббаты уселись на лошадей и галопом помчались прочь. Увидев крестоносцев, собравшихся для обсуждения, они остановились и слезли с коней, приблизившись уже пешком — возможно, чтобы убедить оппонентов в отсутствии угрозы или же в знак смирения. Видя стремительное приближение руководителей похода, Одо, Жак и Пьер, опасаясь нападения, вскочили в седла. Однако когда остальные спешили, они последовали их примеру. Обе партии сблизились, и в отчаянном усилии изменить настроение товарищей по оружию Бонифаций, Балдуин, Людовик и Гуго бросились к их но-

гам. Они зывали о помощи и рыдали, обещая, что не стропутся с места до тех пор, пока не услышат обещания остаться и сражаться бок о бок.³⁰

Современная дипломатия редко прибегает к столь ярким эмоциональным действиям. Однако, как и в Базельском соборе, подобное сентиментальное поведение было вполне традиционным для средневековья. Эпизод на Корфу был сочетанием искренних чувств, крайнего отчаяния и эмоционального шантажа. Когда друг напротив друга стоят друзья, родственники и сюзерены, прямое обращение такого характера почти наверняка гарантирует успех. Потенциальные дезертиры в ответ сами разразились слезами, и все просто захлебнулись от переполнявших чувств. Впрочем, оппозиционеры не настолько утратили рассудок, чтобы тут же согласиться помочь царевичу. Когда все более или менее пришли в чувства, они попросили оставить их, чтобы наедине обсудить случившееся.

Отойдя от всех, они обсудили условия продолжения их участия в экспедиции в Константинополь и согласились остаться с армией до Рождества 1203 года, заявив, что после этого срока руководство должно будет в любой момент через две недели после прошения предоставить им корабли для путешествия в Сирию. Соглашение было подтверждено клятвой. По армии прошло чувство облегчения. На ближайшее будущее направление движения было определено.

Но даже после этого пребывание на Корфу не было безоблачным. Остров входил в состав Византийской империи. Но если жители Дураццо покорно признали владычество Алексея, то на острове царевича приняли куда более враждебно. Город Корфу отказался открыть ворота, а его жители выразили отрицательное отношение к Алексею, вынудив флот крестоносцев держаться подальше от бухты с помощью катапульт и баллист. Маловероятно, что происходила настоящая осада цитадели — в основном из-за того, что крестоносцы понимали прочность крепости, которую едва ли удалось бы взять быстро. Подлинная же цель похода была еще

далека. Однако антипатия по отношению к молодому претенденту показала, что он не может рассчитывать на дружественный прием по всей империи — верность существующему режиму оказалась не настолько эфемерной, как ему хотелось бы.

Второе происшествие на острове разоблачило еще один потенциальный изъян в обещаниях Алексея крестоносцам. Когда армия стояла лагерем близ города Корфу, местный архиепископ пригласил на обед часть католического духовенства. Пока противоборствующие армии сражались мечами и снарядами, их духовные наставники воевали словами и мыслями. Это был тяжелый труд, а не демонстрирующий гостеприимство хозяев продолжительный отдых. Время летело в насыщенных страстных дебатах о важных теологических вопросах — в частности, о бесконечных притязаниях католической церкви на главенство Рима над греческой православной церковью. С тонкой иронией православный архиепископ заметил, что «не знает других оснований для главенства римского престола, за исключением того, что римские солдаты распяли Христа» — великолепный ответ амбициям католического духовенства в крестовом походе.³¹ В этом замечании таился и более серьезный смысл. Представитель высшего духовенства православной церкви не был готов, по крайней мере, на тот момент, подчиниться папской власти. Для тех, кто склонен был обратить на это внимание, замечание становилось мрачной приметой вероятной борьбы царевича Алексея за выполнение данного пункта обязательств перед крестоносцами.

Когда экспедиция уже собиралась покинуть Корфу, царевич предложил крестоносцам опустошить остров в знак того, что его желания должны удовлетворяться. Это должно было стать демонстрацией его готовности воевать за императорский престол.

ГЛАВА 8

«Тот град, что превосходит все остальные»

Прибытие крестоносцев в Константино- поль, июнь 1203 года

Армия направилась в направлении Константинополя накануне Пятидесятницы, 24 мая 1203 года. Когда флот собрался вместе, сила крестоносцев выглядела вполне внушительно. Виллардуэн заверял, что «такого прекрасного зрелища не бывало». Снова, как и при отправлении из Венеции, маршал выражал чувство гордости за христианскую армию и, уже оценивая последующие события, писал: «Казалось, здесь был флот, способный покорять страны. Насколько хватало взгляда, повсюду видны были только распростертые паруса армады кораблей, и сердце каждого при таком зрелище наполнялось радостью».¹

Галеры, транспорты и военные корабли шли в сопровождении множества торговых судов, которые старались воспользоваться защитой, которую гарантировала армада, в обмен на снабжение крестоносцев продуктами и другими

товарами. Торговцы могли также надеяться извлечь выгоду из нового режима в Константинополе, несмотря на то, что венецианцы находились в привилегированном положении, получив множество льгот.

Путешествие с Корфу прошло без происшествий. Флот миновал острова Ксфалония и Закинтоc, а затем начал обгибать полуостров Пелопоннес, пройдя мимо порта Метопи близ юго-западной его оконечности (сегодняшний Метопи украшают великолепные руины огромного укрепленного города, созданного в основном венецианцами во второй половине XIII века). Оттуда корабли прошли вдоль восточного Пелопоннеса до мыса Малей. Здесь экспедиция случайно натолкнулась на два корабля с крестоносцами, возвращавшимися из Сирии. Эти люди сели на борт в Марселе, вероятно, летом 1202 года, когда основные силы крестоносцев еще находились в Венеции, и провели осень и зиму в Леванте. Балдуин Фландрский направил шлюпку, чтобы разузнать об их впечатлениях. Виллардуэн описывает людей на борту устыдившимися того, что они не присоединились к основным силам — однако это очевидная неправда. Эти люди сражались на Святой Земле и выполнили свои обеты крестоносцев, не запятнав себя бесчестьем — чего нельзя было сказать про основную армию. Однако один из них увидел путь к большей славе и перепрыгнул в лодку графа Фландрского. Он крикнул своим: «Я пойду с этими людьми, потому что они смогут завоевать для себя новые земли».² Согласимся — не самая благочестивая мысль для крестоносца. Скорее она была отражением надежд, которые возбудила новая кампания, направленная на Константинополь. Виллардуэн сообщает, что этому человеку был оказан теплый прием, и самодовольно добавляет, что неважно, насколько он заблуждался, если хотя бы в конце пути он вышел на правильную дорогу.³

От мыса Малей корабли повернули к северу и, миновав Афины, направились к крупному острову Эвбея. Посовещавшись, руководство крестоносцев решило разделить флот.

Бонифаций и Балдуин должны были направиться на юг к острову Андрос, а остальные — на северо-восток по Эгейскому морю к побережью Малой Азии, где, миновав древнюю Трою, вошли бы в Дарданеллы (которые тогда именовались Геллеспонтом). Причина таких маневров заключалась, возможно, в поиске средств для снабжения армии. Андрос был богатым островом, и, когда крестоносцы подошли к нему, жители предпочли сдаться на милость Алексея. В обмен на сохранение жизней они пообещали предоставить деньги и товары. Омрачило расставание крестоносцев лишь смерть Гюи де Куси, одного из видных представителей знати Северной Франции, которого погребли в пучинах моря.⁴

Большая часть флота прошла Дарданеллы и остановилась в гавани древнего города Абидос на побережье Малой Азии. Теперь они оказались в сердце Византийской империи. Примерно в 150 милях через Мраморное море на Босфоре лежал сам Константинополь, обреченный обороняться от пришельцев.

Жители Абидоса благоразумно предпочли покориться армии крестоносцев. Помня о том, что, приближаясь к Константинополю, они должны произвести максимально благоприятное впечатление, руководители похода поставили стражников для охраны города, чтобы не допустить его разграбления. Это не означало, что крестоносцы ничего не взяли. Предстоял сбор зимнего урожая, и европейцы конфисковали все продовольствие, которое смогли найти, поскольку их собственные запасы подходили к концу. Хорошая погода, стоявшая в течение недели, позволила Балдуину и Бонифацию присоединиться к товарищам. Воссоединившись, флот готовился подойти к Константинополю.

Пройти по Босфору было не так просто — в основном из-за преобладающих северо-восточных ветров и встречных течений из Черного моря, имевших скорость в шесть-семь узлов*.⁵ Однако благодаря мастерству венецианских моряков

* То есть порядка 12 км/ч. (Прим. ред.)

они благополучно миновали все трудности. К Константинополю подходила, «словно в цвету, армада военных кораблей, галер и транспортов. Приятно было смотреть на столь чарующее зрелище», — так описывал происходящее Виллардуэн. Разумеется, для византийцев, несмотря на яркие цвета, корабли крестоносцев представлялись страшной угрозой. 23 июня, накануне дня Иоанна Крестителя, флот подошел к монастырю святого Стефана, примерно в пяти милях к юго-западу от конечной цели. Вскоре крестоносцы впервые смогли увидеть город, на который им предстояло напасть.⁶ Корабли стали на якорь, и воины наконец стали постигать, что им предстоит совершить.

Константинополь неоспоримо являлся крупнейшим городом христианского мира. Его огромное население, которое ныне оценивается в 375–400 тысяч, превосходило своим числом любой город Запада. Для сравнения — численность жителей в Париже и Венеции составляла около 60 тысяч человек в каждом. Окруженный внушительными стенами, Константинополь вызвал у крестоносцев трепет, восторг и немалые опасения.⁷ За что они берутся? Виллардуэн ярко описывает их чувства:

*«Могу уверить вас, что те, кто не видел Константинополя прежде, смотрели на город очень внимательно. Они и представить не могли, что во всем мире может существовать столь прекрасное место. Они заметили высокие стены и огромные башни, охранявшие город, его роскошные дворцы и высокие церкви, которых было так много, что трудно было поверить в такое тому, кто не видел собственными глазами. Видели и протяженность града, что превосходит все остальные. И не было ни одного человека столь отважного и решительного, кто не содрогнулся бы от этого зрелища. Но стоит ли удивляться, ведь никогда с самого сотворения мира не предстояло нашему народу столь великого дела».*⁸

Робер де Клари вторит его благоговению: *«С кораблей лицезрели огромные размеры города, столь длинного и широкого, и все больше восторгались»*.⁹

Константинополь лежал посреди империи, в состав которой входили части нынешних государств Турции, Греции, Македонии, Албании, Сербии и Болгарии, вплоть до реки Дунай. Она раскинулась в западной части Малой Азии, захватывая большую часть северного и южного побережья полуострова, равно как и греческие острова, а также Крит и Кипр. Это было огромное, очень неоднородное, пестрое по культурному составу государство. Жители Константинополя весьма гордились своим городом, называя его «Новым Римом» или «Царь-городом»*, благодаря его богатой истории, подкрепленной нынешним великолепием. Император Юстиниан писал об «богохранимом имперском граде».¹⁰

Рим, разумеется, тоже мог похвастать царственным прошлым и множеством прекрасных зданий, но вторжения варваров и неустойчивость папской власти в раннем средневековье не способствовали сохранению его красоты. Из всех известных в тот момент христианам городов только Багдад превосходил Константинополь по размерам, хотя по религиозным причинам и из-за большой удаленности его видели лишь самые бесстрашные торговцы и путешественники.

Жители Константинополя считали своей особой покровительницей деву Марию, а открытие в XI веке связанных с ее именем реликвий еще больше утвердило их уверенность в божественном покровительстве, оказываемом их городу.¹¹

Константинополь был основан в IV веке, когда император Константин перенес сюда столицу, утвердив свою власть над восточной и западной частями Римской империи. Чтобы увековечить эту победу (в 324 году), он распорядился переименовать в свою честь греческое поселение Византий, а затем постарался превратить этот город в истинное сердце

* В оригинале — Queen of the Cities. (Прим. ред.)

империи. Спустя четыре года император пешком, с копьем в руках, обошел вокруг города, обозначив границы своей столицы — хотя последующие императоры увеличили размеры первоначального города.

Не случайно новый Рим был построен на семи холмах — так же, как и его прославленный предшественник. Константин предусмотрительно избрал место, расположенное между Азией и Европой и являющееся вратами в Черное море. Город обладал прекрасной естественной защитой. Босфор и Геллеспонт давали возможность выхода в Мраморное море, описанное одним из историков как «природный крепостной ров».¹² Константинополь имел форму треугольника, две стороны которого создавали Мраморное море на юге и узкий залив Золотой Рог на севере.

Золотой Рог имеет в длину около шести миль и создает прекрасную гавань. Самой слабой стороной треугольника оказывалась та, что была обращена к суше. Между ней и огромной равниной, простирающейся на северо-запад до самого Дуная, границы варварского мира, практически нет естественных препятствий. Необходимость создания массивных оборонительных сооружений стала предметом заботы многих последующих императоров.

11 мая 330 года столица была официально переименована в Константинополь и стала подлинным центром Римской империи. За восемнадцать лет до этого события Константин стал первым императором, принявшим христианство и официально разрешившим исповедовать новую веру. Таким образом, Константинополь возник из сплава римского империализма, эллинских традиций и растущей мощи христианства.¹³ Слияние этих трех сил чувствуется в социальном, интеллектуальном и духовном развитии Византийской империи при всех ее подъемах и упадках в течение нескольких последующих веков.

Вершиной могущества Византии стало правление Юстиниана (527–565 годы), который приложил много сил, чтобы вернуть империи те ее части, что были уступлены готам

в предшествовавшие десятилетия. В самом Константинополе он развернул мощное строительство, центром которого стал храм Святой Софии.

В течение многих столетий Византии приходилось сталкиваться с угрозами со всех сторон света. Особенно сложным оказался период с VII по IX век — эпоха появления на Востоке активно развивающейся и агрессивной новой силы в лице ислама, а также возникновения на Западе могучей империи под руководством Карла Великого (умер в 814 году). В конце IX и начале X веков новым этапом развития Византии стала христианизация и завоевание королевства Болгария, однако сокрушительное поражение в битве при Манцикерте в 1071 году привело к унижительному пленению императора и потере большей части владений в Малой Азии.

Возникновение крестовых походов привело к развитию контактов Византии с Западной Европой. В некотором смысле оно носило для империи позитивный характер. С помощью Первого крестового похода Алексей I Комнин вернул западную часть Малой Азии, хотя попытки греков утвердить свою власть над Антиохией закончились военным конфликтом.

Однако в это время в Центральном Средиземноморье возникла новая могучая экспансионистская сила в лице норманнов с Сицилии. Также необходимо было всегда помнить и об амбициях Римского престола и Германской империи. При Мануиле Комнине (1143–1180) империя обрела истинное величие. Но десятилетия политических интриг и беспорядков в Византии после его смерти создали условия, благодаря которым Четвертый крестовый поход в итоге оказался под стенами прекрасного города.

В Константинополе в это время существовала серьезная политическая нестабильность. Период с 1101 по 1180 год был почти безоблачным, а вот между 1180 и 1204 годами произошло 58 мятежей и заговоров. Это показывает возникновение напряжения еще при Мануиле, а также неудовлетворенность

членов императорской семьи своим положением. Сложившаяся ситуация привела к увеличению количества мятежей в провинциях — например, к провозглашению Болгарской империи и потере Кипра и Фессалоник.¹⁴

К XII веку многие здания поздней античности еще сохранились и возвышались над средневековым Константинополем. Все вместе они могли поведать историю города и формировали его неповторимый облик времен Четвертого крестового похода. Перед крестоносцами воистину представало чудо — сочетание грозных оборонительных сооружений, прекрасных храмов и великолепных дворцов с повседневной жизнью любого города, хотя и в незнакомом доселе никому из них масштабе. Сам город, разбросанный по невысоким холмам, занимал площадь примерно в 11,5 квадратных миль, хотя даже в средние века его пригороды на севере выходили за пределы городских стен, а также продолжались на другом берегу Золотого Рога — в Галате.

Одной из самых впечатляющих и грозных достопримечательностей Константинополя были земляные стены. Когда в V веке город начал расширяться, император Феодосий (408–450 годы правления) предпринял шаги к постройке новых жилых районов и обеспечению должной их защиты от опустошительных набегов гуннов.¹⁵ Возникшие в результате укрепления длиной более 3,5 миль являли могучее препятствие для любого потенциального агрессора. Даже сегодня они большей частью сохранились. Часть стен отреставрирована, часть пребывает в руинах — но все они так же вздымаются и опускаются вместе с окружающим рельефом, и кажутся бесконечными, простираясь от горизонта до горизонта, насколько хватает глаз.

Стены Константинополя представляли собой сложную оборонительную систему. Внутренние стены имели 96 башен высотой в 58 футов каждая, отстоящих друг от друга на расстояние в 175 футов. Они возвышались над основной стеной, имеющей высоту 30 футов и толщину 15 футов у основания. Между внутренней и наружной стеной распо-

лагалась терраса шириной в 55 футов, дававшая возможность прохода войск, обороняющих наружную стену. Она имела в высоту 27 футов и достигала 6,5 фута в толщину. Башни наружной стены имели высоту 32 фута и для обеспечения лучшей защиты чередовались с более высокими башнями внутренней стены. Кроме того, чтобы увеличить расстояние между нападающими и обороняющимися, существовала еще одна терраса шириной в 60 футов, а также ров такой же ширины, который сейчас засыпан, а в те времена достигал глубины в 22 фута — хотя неизвестно, был ли он когда-либо полностью залит водой.

Стену Феодосия пронизывали десять ворот. Знатные гости, прибывавшие по суше, входили через Золотые ворота в южном конце стены, на юго-западе города. Именно этим путем вступали в столицу возвращающиеся императоры: через глубокий ров, а затем сквозь мощный оборонительный комплекс. По бокам Золотых ворот находились две мраморные башни. Изначально это была триумфальная арка, воздвигнутая Феодосием I в 391 году, а уже в следующем веке включенная в основную стену. Свое наименование они получили благодаря тому, что тройные ворота, закрывающие вход, были покрыты золотом.¹⁶ Во времена крестоносцев над воротами в качестве стражей стояли два огромных медных слона.¹⁷ Башни сохранились до нашего времени в качестве части более позднего оборонительного комплекса, хотя их отделка давно и безвозвратно утрачена. Вокруг, украшая ворота и башни, располагались классические статуи, изображающие, в частности, подвиги Геракла.

От Золотых ворот императорский центр Константинополя отделяло около трех миль. Идти к нему можно было по проспектам, украшенным статуями и прерывающимися рядом *fora* — общественных площадей, относящихся к IV, V и VI векам. На форуме Быка стояла огромная бронзовая конная статуя, а на овальном форуме Константина располагалось множество диковин — например, большая бронзовая

статуя богини Геры, голова которой была столь крупной, что потребовалось четыре воловьих упряжки, чтобы перевезти ее. В центре форума помещалась колонна Константина. Первая такая колонна рухнула во время бури в 1106 году, но Мануил Комнин велел восстановить ее. Ныне на ней не осталось статуи, на вершине постамента из грубого камня возвышаются лишь шесть или семь покосившихся или плохо установленных порфировых барабанов.¹⁸

Наряду с этими традиционными монументами были и более оригинальные. Например, на форуме Константина можно было полюбоваться также массивным флюгером, носившим имя «*Anemodoulion*» или «Слуга Ветров», который представлял собой массивное четырехгранное бронзовое механическое устройство, украшенное птицами, пастухами и рыбами. Его вершина была заострена, как у пирамиды, и над ней возвышалась женская фигура, которая поворачивалась на ветру.¹⁹

Примерно в пятистах ярдах за форумом Константина в самом сердце города находился комплекс построек — Ипподром, Императорский дворец и приводящий в трепет храм Святой Софии. Здесь встречались клирики и миряне, блистая приметами императорской власти и набожности, являя собой классическое прошлое города. Такое окружение прекрасно подходило для поддержания средневекового авторитета императора. Здесь же располагались и основные учреждения империи, финансовые и силовые: сокровищницы, казармы, тюрьмы. В обширных пространствах под сводами Святой Софии и Ипподрома царил дух религии и зрелищности.

Великий дворец, известный на Западе под названием Буколеон (из-за украшавшей его скульптуры, изображающей смертельную схватку льва с быком), представлял собой громадный комплекс зданий на юго-восточном краю города. Ограниченный с двух сторон Мраморным морем, с двух других он соседствовал с Ипподромом и площадью Святой Софии. Имея в своей основе первоначальный дворец Кон-

стапина, в течение веков он многократно перестраивался и расширялся.²⁰ Уильям, архиепископ Тирский и канцлер Иерусалимского королевства, описывал визит короля Амальрика к императору Мануилу Комнину в 1171 году. В знак особого уважения французам было дозволено причалить у морских ворот, откуда они прошествовали ко дворцу по прекрасной мостовой из дивного мрамора. Дворец состоял из бесчисленного множества проходов и коридоров, а император принимал Амальрика в зале для аудиенций. Зал был убран драгоценными тканями, а в центре установлены два золотых трона — один был несколько ниже, чтобы подчеркнуть для короля его более низкое положение.²¹

Робер де Клари, пытаясь передать подлинный размер дворца, говорил, что в нем имеется «пятьсот залов, соединенных между собой и отделанных золотой мозаикой». По его воспоминаниям, только в Великом дворце было более тридцати молелен, самой запоминающейся из которых была церковь Богородицы Фаросской,

«столь богатая и прекрасная, что здесь не было ни одной петли, ни одного пояска, ничего другого, что обычно делается из железа, и что не было бы здесь из серебра. Не было ни одной колонны, что не была бы сделана из яшмы, порфира или другого прекрасного драгоценного камня. Пол молельни был устлан белым мрамором, таким гладким и чистым, что казался хрустальным. И вообще вся она была столь прекрасна и богата, что ее красоту и роскошь невозможно выразить словами».

Внушительным был и список реликвий, сохраняемых там: два больших фрагмента Креста Господня, часть гвоздей, пронзивших руки и ноги Христа, фиал с Христовой кровью, терновый венец, частица ризы Богоматери и глава Иоанна Крестителя.²²

В Великом дворце также располагался обширный позолоченный зал, созданный по проекту Мануила Комнина,

украшенный мозаиками с изображениями его побед. Он или же Исаак Ангел создал изумительный «Мукроутас»* (который византийский автор Николай Мезарит описывает так:

*«Ступени, ведущие к нему, сделаны из обожженного кирпича, известняка и мрамора. Лестницы сооружены по обеим сторонам и выдержаны в синем, красном, зеленом и пурпурном цветах, благодаря раскрашенным плиткам крестообразной формы. Здание создано... персидским мастером. Свод крыши, состоящий из полушарий, прикрепленных к подобному небу потолку, являет великолепие красок. Через группу ангелов свет падает внутрь зала. Красота резьбы невероятна, в изумление приводят каверны, перекрытые золотом так, что возникает впечатление радуги, перед которой блекнет та, что сияет на небесах. Все это — вызывает нескончаемый восторг, который невозможно скрыть».*²³

К сожалению, за прошедшие века Великий дворец был почти полностью разрушен. Сохранилась лишь небольшая часть наружной стены, выходящей на Мраморное море. Однако в 1950-х годах на уровне земли была сделана археологическая находка, которая производит ошеломляющее впечатление, напоминая о великолепии дворца. Большой кусок мозаичного пола VI века, украшенный изображениями сцен охоты, ныне доступен для широкой публики. Он полностью соответствует красочным средневековым описаниям, давая некоторое представление о прекрасных мраморных полах, украшавших средневековый дворец.²⁴

Одно из зданий Великого дворца было напрямую соединено с императорской ложей на огромной спортивной арене Ипподрома. Созданный при императоре Септимии Севере в начале III века, расширенный при Константине и все еще

* *Mouchroutas*, от арабского слова, означающего «конус». (Прим. авт.)

использовавшийся в XII веке, стадион мог вместить 100 тысяч зрителей и в длину насчитывал более 350 ярдов. Скачки наверняка создавали невероятный шум, поднимая тучи пыли и создавая драматическое напряжение, пока лошади мчались по овальной дорожке. Вениамин Тудельский описывал представления с участием жонглеров и состязания диких зверей между собой. Известно также о выступлениях гимнастов, канатоходцев — и, разумеется, о самих скачках, которые, как и в классическую эпоху, проводились между командами Красных, Синих, Зеленых и Белых.²⁵ Сегодня Ипподром практически исчез, хотя существующий на этом месте парк отчасти сохраняет форму его дорожек, здесь можно найти и остатки трех колонн, некогда стоявших посреди арены, а также получить некоторое представление о размерах сооружения.

Снаружи Ипподрома располагался форум Августеион (*Augusteion*). Над ним возвышалась громадная колонна, увенчанная статуей Юстиниана, которую ярко описывает Робер де Клари:

*«Огромная колонна была толщиной в три обхвата... Она была сделана из мрамора, покрытого медью, и все это скреплялось прочными полосами железа. На вершине колонны лежала плоская каменная плита, а поверх нее стояло сделанное из меди изображение императора, восседающего на могучем медном коне. Он протягивал руку к языческим землям. На монументе были начертаны письма, воспроизводящие его клятву в том, что сарацины никогда не получают у него перемирия. В другой руке он держал золотую сферу, увенчанную крестом... На конском крупе, голове и вокруг было не менее десяти гнезд цапель, селившихся здесь каждый год».*²⁶

Через площадь от Ипподрома стоит храм Святой Софии (то есть «Мудрости»). Наряду с аббатством Ключни (его огромная церковь достигала 531 фута в длину) он была одним

из крупнейших зданий средневекового христианского мира. Множество жемчужин Византийской империи было разрушено с течением времени — но основной облик и потрясающие размеры Святой Софии видны и по сей день, как изумительное свидетельство великолепия времен величия империи.²⁷

В 532 году пожар уничтожил существовавшую структуру комплекса, и император Юстиниан воспользовался возможностью создать новое здание невиданного размера. Масштабный собор с громадными опорными колоннами, высокими сводами и куполом с кессонами был впервые освящен в 537 году. Купол покоится на кубическом основании, вознесенном на высоту в 100 футов, и опирается на арки шириной в 176 футов (они призваны олицетворять небесный свод), а неф длиной в 230 футов переходит в серию полукуполов. При взгляде снаружи они, каскадом спускаясь вниз, создают впечатление необычайной устойчивости, совершенно не соответствующее грандиозному пространству внутри собора. Византийский историк Прокопий приводит такое описание:

«Император, пренебрегая масштабами затрат, поспешил начать строительство и собрал мастеров со всего света... Храм стал удивительным зрелищем, невероятным для тех, кто видел его, и невообразимым для тех, кто о нем только слышал...

Храм может гордиться неопишуемой красотой, сочетая прочность с гармоничностью пропорций... Впечатление усиливается при солнечном свете. Возникает ощущение, что [внутреннее] пространство освещается не солнцем, а само создает сияние, настолько сияет эта святыня...

Над этим кольцом вздымается огромный сферический купол, благодаря которому здание выглядит особенно красиво. Кажется, что оно не покоится на каменной кладке, а свисает с небес на золотой цепи, скрывая простран-

ство. Все части, превосходно соответствующие друг другу, словно парят в воздухе, поддерживая одна другую и опираясь лишь на близлежащую, создавая единую гармонию и все же позволяя зрителю долго задерживаться на чем-то одном, поскольку каждая деталь притягивает взор к себе».²⁸

Огромный купол был украшен мозаикой с изображением Христа Вседержителя, а в апсиде располагалось изображение Богородицы. В боковых галереях были представлены земные сподвижники Христа, хотя не все изображения имели библейское происхождение. Несколько из этих прекрасных работ уцелело до нашего времени, и на концевой панели южной галереи сохранилась превосходная мозаика, изображающая императора Иоанна Комнина с рыжеволосой супругой Ириной и сыном Алексеем.

Благодаря исключительному размеру и удивительным мозаикам Святая София казалась чудом всем, кто видел ее. Робер де Клари, скорее всего, привыкший к прямоугольной планировке большинства церквей Северной Европы (хотя некоторые, из них, например, храм в Нивеле, были круглыми), оказался покорен архитектурой храма. Он писал, что церковь *«совершенно круглая, и купола в ней тоже круглые, и покоятся они на огромных колоннах... из яшмы, порфира или других драгоценных пород камня»*.²⁹

Сегодняшние посетители собора Святой Софии могут испытать примерно те же эмоции, которые овладевали крестоносцами. Хотя большая часть золотых и серебряных украшений ныне утрачена, уцелели изумительные мраморные стены.

Для строительства церкви использовалось не меньше десяти различных сортов мрамора, тщательно подобранных для достижения максимального визуального воздействия. Местами огромные глыбы мрамора были специально разрезаны так, чтобы распахнуть их наподобие крыльев гигантской бабочки — таким образом узор камня представлялся

наилучшим образом. Архитекторы, возводившие Святую Софию, приложили много усилий, чтобы в разных местах отыскать камень, дающий потрясающее сочетание цветов и узоров. Например, белый мрамор доставлялся из Лаконии (на Пелопоннесе), светло-зеленый — с острова Эвбея, розовый с белым — из Пиригии (на западе Малой Азии), царственный пурпурный порфир — из Египта, зеленый порфирит — также из Лаконии, желтый — из Намидии (Алжир), зеленый — из Фессалии, а черный с белым — с Пиренеев.

Частичное обрушение храма в 558 году и его реконструкция в течение пяти последующих лет привели к возникновению того облика здания, который мы видим и сегодня. Позже оказалось необходима установка новых опор, а когда после 1453 года Константинополем стала править Оманская империя, и постройка обрела третью религиозную принадлежность (после того, как она принадлежала православным и католикам), ее превращение в мечеть было обозначено появлением четырех сразу бросающихся в глаза минаретов. В 1934 году здание было секуляризировано и сохранилось в качестве музея.

В сокровищнице Святой Софии хранились несказанные сокровища, свидетели крестных страданий Христа — фрагменты священного копья, пронзившего его тело, часть креста, на котором он был распят, терновый венец, гвоздь с креста, погребальная плащаница, камень с Гроба Господня и тому подобное.

Однако Святая София была далеко не единственной изумительной церковью в Константинополе. В городе существовали сотни религиозных построек, в пределах городских стен находилось немало церквей и монастырей. Альберик де Труа-Фонтен, писатель XIII века родом из Шампани, принадлежавший к ордену цистерцианцев, насчитал здесь «не менее пятисот монастырей или монастырских церквей».³⁰ Во многих из них сохранялись удивительные святыни, и западные паломники страстно стремились получить возможность благоговейно прикоснуться к ним. Одо из

Дейла, французский монах, посетивший Константинополь во время Второго крестового похода в 1147 году, сообщал о *«множестве церквей, которые уступают Софии по размерам, однако равняются по красоте. Можно восхищаться как их убранством, так и их святынями. Те, у кого была возможность, посещали эти церкви, чтобы полюбоваться на них или же почтительно помолиться»*.³¹

Особого упоминания заслуживают две из них. Во-первых, это церковь Святых Апостолов, о которой Робер де Клари пишет, что она была богаче и прекраснее Святой Софии.³² Она была построена при Юстиниане, и в ней находились могилы многих императоров, равно как и мощи святого Андрея, святого Луки и святого Тимофея. Кроме того, как мы уже отмечали, она послужила образцом для создания церкви святого Марка в Венеции.

Другая церковь, о которой необходимо сказать и которая (в отличие от церкви Святых Апостолов) сохранилась до нашего времени, относилась к монастырю Христа Вседержителя, известного теперь как Зейрек Каму. Церковь располагается посреди комплекса, основанного императором Иоанном Комнином около 1118–1136 годов.³³ В характерном византийском стиле на участке расположились различные организации: монастырская община, крупное поселение духовенства, совершающего службы для мирян и больница на пятьдесят человек, в штате которой состояло 76 человек медицинского и 27 обслуживающего персонала.³⁴ Для сравнения с западными традициями можно напомнить, что больница св. Иоанна в Иерусалиме в XII веке могла принять до тысячи пациентов — но врачей в ней было только четверо.³⁵ Сегодня в монастыре Вседержителя располагается действующая мечеть, на которой видно губительное воздействие времени. И все же колоссальные дверные порталы ржаво-коричневого цвета возвышаются по-прежнему гордо, а там, где некогда была главная церковь (сейчас это молельный зал), на сводах под самой крышей все еще видны небольшие кресты. Этот комплекс стал семейным

мавзолеем династии Комнинов, однако гробницы Иоанна и Мануила Комнинов давно исчезли, хотя около 1750 года они все еще существовали и выставлялись во дворце Топкапи.³⁶

Еще одной важной постройкой Константинополя, хорошо знакомой путешественникам с Запада, был второй по значимости императорский дворец — Влахерн, расположенный на укрепленном участке в северной части городского обвода. Он начал создаваться императором Алексеем I (1081–1118) и зачастую использовался наряду с Великим дворцом (Буколон) в качестве центра императорской власти, а также в качестве места для приема гостей. Из-за его расположения такие правители, как Мануил Комнин, страстно влюбленный в охоту, пользовались им сравнительно часто, поскольку оттуда можно было сразу оказаться за пределами города. Влахерн был удобен и тем, что располагался неподалеку от основного святилища Девы Марии, покровительницы Константинополя, а кроме того, являлся наиболее безопасным местом во время гражданских волнений, поскольку был сравнительно отдален от своей городской толпы.³⁷ Одо из Дейла видел этот дворец в 1147 году:

*«Его внешний вид так прекрасен, что трудно подыскать сравнение, но внутреннее убранство превосходит все, о чем я могу помыслить. Повсюду он искусно разукрашен золотом и разноцветными росписями, пол сделан из мрамора, уложенного с удивительным мастерством».*³⁸

Алексей I создал во дворце роскошный тронный зал. Вероятно, именно он использовался для приема посланников. Уильям Тирский посетил дворец примерно двадцатью годами позже Одо и поведал о драгоценных занавесах, бесчисленных слугах, нарядах и царских облачениях, украшенных множеством драгоценных камней и жемчуга, равно как и об «огромном количестве во дворце золотых и серебряных предметов несказанной стоимости».³⁹

Город, на который в июне 1203 года взирали крестоносцы, поражал не только прекрасными зданиями и знаками императорской власти. Главным источником благосостояния Византии служила торговля — то есть и налоги от нее. Вдоль обращенной к Золотому Рогу стороны города разместились многочисленные общины торговцев. Константинополь был центром торговли как для самой Византийской империи, так и для всего бассейна Черного моря, Средиземноморья и Западной Европы. У каждого из таких итальянских городов, как Венеция, Амальфи, Пиза и Генуя, имелись здесь населенные согражданами небольшие кварталы, которые использовались в качестве складов и портов для ввоза и вывоза товаров в Константинополь.

На другой стороне Золотого Рога, соединенной со столицей паромной переправой, в пригороде Галата селились представители таких слоев общества, от которых горожане предпочитали держаться подальше. В 1171 году Вениамин Тудельский сообщал об общине, состоявшей примерно из двух с половиной тысяч евреев, многие из которых занимались обработкой шелка. Они были достаточно состоятельны, несмотря на то, что греки притесняли и оскорбляли евреев.⁴⁰ Кроме них там селились кожевники, вынужденные покинуть город из-за зловония, связанного с их ремеслом, а также больные проказой, переселенные сюда из-за опасений заразиться.

В огромном Константинополе можно было найти и большие участки, густо заселенные беднотой. Их жители питались милостыней или выполняли грязную работу в многочисленных городских учреждениях. Одо из Дейла писал, что там царят *«грязь и зловоние, а зачастую и постоянная темнота, поскольку здания богачей отбрасывают на улицы тени, так что темнота и грязь остаются уделом нищих и путешественников»*.⁴¹ Примерно во времена Четвертого крестового похода Иоанн Цетсес описывал собственное жилище, приютившееся между расположенным выше жильем священника, обремененным многочисленными детьми и

поросятами, и крестьянским сеновалом ниже.⁴⁰ Такие люди зачастую селились в переполненных деревянных бараках. Лишь у состоятельных граждан была возможность жить в хороших домах или небольших особняках. Из практической необходимости в городе возникали школы, общественные бани, приюты. Константинополь испытывал недостаток в водных источниках, и водоснабжение было одной из насущных потребностей, которую правители решали с помощью постройки огромных акведуков и цистерн.

Византийцы продолжали использовать и то, что осталось со времен римского владычества. Самым ярким примером может служить величественный акведук Валента (364–378), фрагмент которого длиной в полмили по-прежнему красуется в северной части центра города. До наших дней сохранилось и несколько гигантских подземных резервуаров, самый известный из которых, носящий название Цистерны Базилики, относится ко временам правления Юстиниана. Он расположен неподалеку от Святой Софии и дает представление о фантастических размерах муниципальных сооружений той эпохи. Громадный резервуар имеет 224 фута в ширину и 150 футов в длину, а опорами ему служат 336 колонн. В нем могло содержаться до 2 800 000 кубических футов* воды, которая доставлялась с Черного моря за 12,5 миль.

Основную массу населения Константинополя составляли те, кого Никита Хониат называл «толпой». Эту массу представителей низших слоев общества умиротворяли и развлекали игрищами на Ипподроме, в остальное время она была беспокойна и искала собственных выгод, оказывая поддержку сменявшим друг друга режимам и правителям 1180-х годов.⁴² Само по себе огромное количество людей заставляло императоров обращать внимание на их настроение и потребности. Населения в городе было столько, что Ральф Когсхолл, монах из Эссекса, живший в начале XIII века, считал: *«Люди, досконально знающие этот город, уверяют, что*

* То есть порядка 80 тонн воды. (Прим. ред.)

в нем больше жителей, нежели в области от города Йорка до реки Темзы (около 195 миль)».¹³

Вглядываясь в дальний берег Мраморного моря, крестоносцы наверняка в полной мере осознали масштаб обязательств, которыми они связали себя с царевичем Алексеем. Огромный и могущественный Царь-город лежал перед ними, опираясь на вековую императорскую власть, уверенную в том, что никогда не падет в руки завоевателей. Некоторые крестоносцы бывали прежде в городе и знали о святынях и сокровищах, хранящихся в его стенах, о богатстве церквей и дворцов, о благосостоянии правителей. Они рассказывали об этом остальным, и представшее на горизонте зрелище убеждало в правоте их слов.

Наверняка все надеялись на то, что царевича Алексея действительно ждут в городе, и им удастся выполнить свои обязательства с минимальными потерями. Ведь, несмотря на масштаб вставшей перед крестоносцами задачи, имелись и ободряющие знаки. Вполне естественно, что насилие, беспорядки и череда переворотов в течение предшествовавших двух десятилетий демонстрировали неустойчивость власти, которая могла сыграть на руку крестоносцам.

Отчасти именно эти десятилетия пошатнули военную мощь Константинополя. Стены не поддерживались в хорошем состоянии, а некогда грозный византийский военный флот практически прекратил свое существование. Кроме того, Алексей III не смог достойно подготовиться к нападению крестоносцев. Никита Хониат дает весьма язвительное описание попыток императора организовать оборону Константинополя. Несомненно, Алексей III уже долгое время следил за перемещениями крестоносцев, однако:

«...его непомерная лень могла сравниться лишь с его глупостью в пренебрежении необходимым для общего благополучия. Когда ему было предложено создать запас оружия, подготовить надлежащие боевые устройства и, прежде всего, приступить к сооружению военного флота,

у советников иногда создавалось впечатление, что они обращаются к трупу. Он развлекался послеобеденным остроумием, сознательно пренебрегая сведениями о латинянах [то есть крестоносцах]; он занимал себя строительством роскошных купален, срывал горы для посадок винограда... тратил время на то и это. Желавшие срубить деревья для постройки кораблей сталкивались с серьезной опасностью в лице евнухов, которые охраняли покрытые густым лесом императорские горы, предназначенные для государевых охот — словно то были священные рощи».⁴⁴

Только когда император узнал, что его племянник вместе с крестоносцами достиг Дураццо на Адриатике (это случилось в мае 1203 года), он решился действовать. Но принятые им меры едва ли говорили о серьезной и разносторонней подготовке: *«Так, он начал чинить сгнившие и поеденные червями небольшие ялики, количество которых едва достигало двадцати, а скругляя городские стены, распорядился снести поселения снаружи от них».⁴⁵*

Возможно, Никита здесь чересчур резок — учитывая тот факт, что до момента, когда в конце апреля между царевичем Алексеем и крестоносцами в Заре было заключено соглашение, не было уверенности в нападении на Византию. Несомненно, император знал о попытках своего соперника найти поддержку на Западе, но после неудач царевича в Риме и Гагенау ничто не предвещало, что Дандоло, Бонифаций и Балдуин отнесутся к нему иначе.

Учитывая обычные трения между армиями крестоносцев и греками, наверное, все же более разумнее было бы принять некоторые приготовления — но Алексей III предпочел этого не делать. Как бы то ни было, недовольство Никиты имеет более глубокую природу, имея своей причиной плачевный упадок византийского флота. Императора также могло уверить письмо папы римского, полученное в конце 1202 года. В нем Иннокентий уверял греческого пра-

вителя, что отверг все предложения по обращению крестового похода в сторону Константинополя для помощи царевичу Алексею.⁴⁶

Еще в царствование Мануила Комнина греки располагали крупным флотом — к примеру, он принял участие во вторжении в Египет вместе с правителями Иерусалима. Уильям Тирский сообщает, что в 1169 году Мануил направил сто пятьдесят *«военных кораблей, оборудованных рострами и двойными рядами весел... а, кроме того, шестьдесят больших хорошо защищенных лодок, построенных для перевозки лошадей... и десять или двадцать огромных судов... несущих вооружение и... боевые орудия»*.⁴⁷ Упадок военно-морского флота после смерти Мануила был таков, что грекам приходилось нанимать для сражений пиратские суда, а к 1203 году, по сведениям Никиты, для отражения крестоносцев нашлось только двадцать полусгнивших кораблей. Царевич Алексей знал об этом, а венецианские купцы в Константинополе могли информировать Дандоло о сложившейся в предыдущие годы ситуации. Едва ли стоит сомневаться, что знание о слабости византийского флота сыграло немаловажную роль в оценке крестоносцами возможности оказания военной помощи царевичу Алексею. Возможность столкнуться с таким флотом, какой Мануил когда-то направил в Египет, вполне могла отвести их от подобной сделки.

К счастью для крестоносцев, перспектива морского боя против более или менее равных сил, и даже мысль о столкновении с едва держащейся на волнах эскадрой, могла их не беспокоить. Благодаря Дандоло и венецианцам они получили самый ловкий и опытный флот Средиземноморья. При должном его использовании контроль над морем мог дать крестоносцам существенное преимущество в грядущем штурме.⁴⁸

Однако сухопутные силы византийцев не были столь ослаблены. Хотя и сократившиеся со времени смерти Мануила в 1180 году, они все же оставались грозным против-

ником.⁴⁹ Армия императора Алексея состояла из отрядов византийцев, наемных солдат (наимались они в Болгарии, Малой Азии, Западной Европе и славянских странах), а самым опасным противником была легендарная варяжская дружина — элитное подразделение, присягнувшее сохранять верность императору.

За столетия греки приобрели репутацию женоподобных и не воинственных людей. Вениамин Тудельский дал такую оценку их военным способностям: *«Они нанимают воинов всех наций, которых называют варварскими, чтобы сражаться с... турками, поскольку местные жители [греки] не воинственны, но, подобно женщинам, не имеют силы сражаться»*.⁵⁰ То, что ядро византийской армии формировалось из иностранных наемников, полностью подтверждает это мнение.

Однако греки разумно подходили к подбору воинов. Варяги были тяжеловооруженными бойцами, прославившимися благодаря употреблению мощных однолезвийных боевых топоров, которые они обычно носили на плечах. Их насчитывалось около пяти тысяч человек, и они составляли ядро императорской армии. Варяжские части формировались в основном из скандинавов, которых привлекал в Константинополь высокий уровень оплаты. Много англичан, разбитых в битве при Гастингсе в 1066 году или лишившихся положения в ходе норманнского владычества, также направлялось на восток, чтобы присоединиться к дружине наемников. Еще одним источником бойцов были воины армии, сопровождавшей королю Сигурду Норвежскому в экспедиции на Святую Землю, часть из которых, задержавшись на обратном пути, присоединилась к дружине варягов или нанялась для временной службы императору.⁵¹

Еще два подразделения, помогавшие оборонять Константинополь в 1203 году, состояли из жителей Пизы и Генуи. Эти представители купеческих общин перенесли ожесточенную торговую конкуренцию с венецианцами на поля

крестовых походов и на Босфор. Лидеры крестового похода позже утверждали, что им противостояла византийская армия из 60 тысяч рыцарей, не считая пехотинцев.⁵² Современные историки оценивают императорскую армию в тридцать тысяч человек — не считая, разумеется, жителей Константинополя, которые в случае необходимости могли сражаться наряду с регулярной армией.⁵³ Если хоть одна из этих цифр справедлива, то у греков был значительный численный перевес, равно как и преимущество, которое обеспечивали надежные оборонительные сооружения самого Константинополя.

Дождь и вожди крестоносцев теперь должны были обдумать свои дальнейшие действия. Дандоло, как всегда практичный, предпочитал осмотрительность. Ориентируясь на свои предыдущие посещения Константинополя (в 1171 и 1183 годах) и на данные, полученные от венецианцев, живших в нем в течение десятилетий, он настаивал на том, что крестоносцам необходимо собрать достаточные запасы и действовать с должной осторожностью. Он говорил: *«Вы участвуете в величайшем и опаснейшем предприятии, как-ковое никогда прежде не совершалось, а потому для нас особенно важно действовать мудро и предусмотрительно»*.⁵⁴ Дандоло считал, что недостаток продовольствия и денег у крестоносцев может заставить их обратить внимание на захват и ограбление окружающих земель. Они могут рассеяться и потерять людей — а этого армия не может себе позволить, учитывая масштаб стоящей перед ней задачи.

Неподалеку от Константинополя находились Монашеские острова (теперь они именуются Принцевыми островами и располагаются примерно в 5,5 милях от основной части города), где, по сведениям дожа, производилось зерно и мясо. Он порекомендовал флоту встать на якорь именно там, собрать припасы и подготовиться к нападению на город. В XIII веке Дандоло предложил свою версию одного из самых знаменитых военных афоризмов всех времен: «сытый

солдат имеет больше шансов на победу, чем тот, у которого в желудке пусто».⁵⁵

24 июня, в день Иоанна Крестителя, корабли были подготовлены к бою. За долгое путешествие большая часть вооружения на них была убрана или надежно укрыта, чтобы предохранить от действия стихий. Теперь, при приближении к Константинополю, на верхушках мачт были подняты знамена и вымпелы, а на борту навешены рыцарские щиты. Флот вновь приобрел тот красочный вид, который имел, отправляясь из Венеции почти девять месяцев назад.

На сей раз война была неизбежна — но не против неверных, а против раскольников-греков и императора-узурпатора. Корабли в первый раз прошли под стенами Константинополя. Первыми двигались транспорты, затем боевые корабли. Когда суда подошли ближе к городу, размер оборонительных сооружений, плотность и красота застройки, когда весь горизонт был закрыт тесным строем дворцов, церквей и монументов, наверняка заставил вздрогнуть сердца крестоносцев. Они скользили по морю мимо городских стен, огромного Ипподрома, прекрасного дворца Буколеон. Затем явилась Святая София, нерушимо прильнувшая к вершине горы близ восточной оконечности города. Некоторые воины были столь взволнованы возможностью начать сражение, что выпустили стрелы и снаряды в византийские корабли, стоящие под самыми стенами, не причинив им никакого вреда.

Греки со своей стороны плотно заполнили городские стены, стремясь разглядеть своих противников. Наверняка и они ощущали трепет. Последней крупной армией крестоносцев, проходившей через Византийскую империю, была армия Фридриха Барбароссы, которая в 1189–1190 годах не ответила на вызов и прошла по их землям. Военственные уроженцы Запада воспринимались угрозой для Константинополя со времен Первого крестового похода, и многие из греков считали, что крестовые походы были лишь

предлогом для нападения на их город.⁵⁶ До сих пор эти опасения не оправдывались, но в 1203 году среди европейцев присутствовал претендент на императорский титул, что делало опасность сильнее, чем когда бы то ни было. Существовало и еще одно различие с прошлыми случаями: теперь армия угрожала Константинополю с моря, в то время как раньше город мог бояться только сухопутных сил. Присутствие же на флоте крестоносцев царевича Алексея делало опасность небывалой.

Свежий попутный ветер заставил флот пройти мимо предполагавшейся стоянки у Монашеских островов, и крестоносцы направились к материковой части Малой Азии, где стали на якорь близ императорского дворца Халкидон, против основной части города, лежавшего в двух милях отсюда через Босфор. Естественно, знать разместилась в самом дворце, «одном из самых прекрасных и очаровательных», по словам Виллардуэна.⁵⁷ Был разбит и палаточный лагерь, в котором обосновались рыцари и пехотинцы. Лошадей перевели на берег, вновь осторожно приучая их к *terra firma** после недель, проведенных в море. Крестоносцам повезло, поскольку урожай был только что собран и лежал в скирдах, словно давая возможность забрать столько, сколько необходимо. Это, разумеется, указывало на отсутствие серьезной подготовки к войне со стороны Алексея III: оставить противнику легкодоступное продовольствие в пределах легкой досягаемости от города, который враг собирается осадить, было непростительным промахом.

Спустя два дня крестоносцы переместили весь свой лагерь еще на три мили вверх по восточной стороне Босфора в другой императорский дворец — Скутари. Они по-прежнему собирали все возможные продовольственные запасы, готовясь к осаде. Тем временем Алексей III решил ответить на угрозу, выдвинув войска из Константинополя и закрепив

* Terra firma — твердая земля (лат.)

за собой позицию на европейской стороне напротив крестоносцев с целью предотвращения их высадки здесь. В конце июня 1203 года две армии стояли друг напротив друга по разным сторонам Босфора, ожидая начала боевых действий.

ГЛАВА 9

**«Ни в одном городе столь малое
количество людей не осаждало такое
множество»**

**Первая осада Константинополя,
июль 1203 года**

Оставалось еще две возможности избежать столкновения. Во-первых, можно было убедить крестоносцев удалиться; во-вторых, с согласия императора Алексея III или без такового греки могли открыть ворота царевичу и позволить ему вернуть себе власть над городом и империей.

Первым пришлось действовать императору. 1 июля разведывательный отряд крестоносцев примерно в девяти милях к востоку от своего лагеря разбил наголову крупное подразделение греческих рыцарей. Крестоносцы захватили много боевых коней, а также мулов, византийцы спаслись бегством. Угроза со стороны воинства Запада была очевидной, как и урон, нанесенный греческому боевому духу. Возможно, именно в этот момент императору следовало начать дипломатические переговоры.

На следующий день Алексей III послал уроженца Ломбардии Николо Россо из первых рук выслушать о причинах прибытия крестоносцев в Византию и получить объяснения их действиям. Несомненно, ему было приказано собрать по возможности больше информации относительно сил крестоносцев, что составляло обычную часть функций любого дипломата. Николо надлежащим образом доставил послание императора руководителю экспедиции, маркграфу Бонифацию. Некоторые опасались результатов посольства. Гуго де Сен-Поль вспомнил старые подозрения насчет двуличия греков: «нам не нужно просьб греков и их даров».¹ Удостоверившись в наличии верительных грамот, Бонифаций предложил послу обратиться к знати. Посол задал естественный вопрос: почему крестоносцы, поклявшиеся обрести Святую землю и Гроб Господень, теперь угрожают Константинополю? Император Алексей наверняка знал, что они испытывают нужду в продовольствии и деньгах. Если потребность состоит только в этом, Николо счастлив уверить их, что император готов обеспечить их всем необходимым, если они готовы удалиться.

Под глянцем дипломатической вежливости таилась и угроза: *«Если вы откажетесь уйти, то он [император Алексей III] вынужден будет нанести вам ущерб, хотя и против своего желания. Будь вас даже в двадцать раз больше, если бы он решил сразаться, то вам не удалось бы покинуть наши земли без огромных потерь, не потерпев при этом поражения»*². Эти слова указывали на уверенность императора в огромном численном перевесе своей армии — хотя, как показали события предыдущего дня, ее боевая эффективность была не столь высока.

Для ответа крестоносцы избрали Конона Бетюнского. Конон был старшим среди присутствовавшей знати, а кроме того был известен как искусный сочинитель *«chansons de geste»** и как красноречивый оратор. Конон изящно обратель вопрос Николо к нему самому:

* Chansons de geste — один из жанров французских эпических поэем, воспевающих героические деяния. Самый известный образец этого жанра — «Песнь о Роланде». (Прим. перев.)

«Любезный господин, вы сообщили нам, что ваш господин заинтересован причиной, по которой наш господин и знать вступили в его владения. Наш ответ таков: мы вступили не в его владения, поскольку он несправедливо владеет этой страной, не считаясь ни с Господом, ни со справедливостью. Владения эти принадлежат его племяннику, который восседает на престоле среди нас».

Таким образом, Конон изложил оправдание крестоносцами своих действий — исправление зла, причиненного императором Алексеем III своему брату Исааку Ангелу и племяннику, царевичу Алексею. Как и византийский посланник, Конон завершил свою речь угрозой: если император согласится подчиниться царевичу, они предоставят ему достаточное количество денег, чтобы жить в роскоши, *«но в противном случае пусть молится, не рискуя появляться здесь снова»*.³ Внешне настрой крестоносцев казался бескомпромиссным. Однако фактически они тоже очень хотели бы избежать сражения. Кроме простого самосохранения, здесь крылось желание избежать потери достойных людей и ресурсов, поскольку они все-таки хотели достичь конечной цели и победить в сражении за Святую Землю.

Дож задумал использовать последнюю уловку, чтобы избежать сражения: он решил представить царевича Алексея жителям Константинополя в надежде, что народное мнение заставит узурпатора уступить трон, а его племянник вернется к власти. Лидеры крестоносцев одобрили эту идею.⁴ Написанное ими в конце лета 1203 года письмо, широко известное в Западной Европе, ясно дает понять, что крестоносцы были совершенно уверены в волне народной поддержки молодому царевичу со стороны жителей Константинополя. Они пришли в Византию, *«убежденные надежными источниками и доводами в том, что мощная городская фракция (и часть империи) с нетерпением ожидают прибытия государственного [императорского] двора... [царевича] Алексея...»*⁵

Очевидно, такие слухи стали основной причиной, по которой крестоносцы вообще согласились вести дела с царевичем. Хотя уже появлялись признаки, говорящие о том, что найти ему поддержку будет как минимум нелегко. Гуго де Сен-Поль в письме в Европу упоминает о том, что когда крестоносцы впервые прибыли в Константинополь, то были *«изумлены и ошеломлены тем, что никто из друзей или семейства бывшего среди нас молодого человека не пришел, чтобы рассказать ему о положении в городе»*.⁶ Возможно, они пришли к выводу, что царевич должен более громко сообщить о своем присутствии.

Дождь и маркграф Бонифаций вместе с царевичем Алексеем погрузились на вооруженную галеру, тогда как остальная знать следовала за ними на девяти кораблях. Под флагом перемирия молодой царевич со своими спутниками подошли к самым стенам Константинополя и, крестоносцы вскричали: «Вот ваш настоящий господин!» Они заявляли, что император Алексей III не имеет права на императорский трон, поскольку он ослепил Исаака и несправедливо захватил власть. Они пытались побудить широкие массы к поддержке царевича — вновь, впрочем, не обходясь без угрозы: «Если вы смолчите, мы будем вправе поступать с вами жестоко».⁷ Робер де Клари отмечал, что никто в городе не знал царевича и вообще ничего не ведал о нем.⁸ Возможно, здесь сыграло роль негодование на насильственные методы крестоносцев — или же, как считал Виллардуэн, страх репрессий со стороны Алексея III: *«Ни один человек из всей страны или города не осмелился заявить о том, что он готов принять сторону царевича»*.⁹

Еще одним возможным объяснением столь прохладного приема была очевидная связь между царевичем Алексеем и коалицией французских крестоносцев с венецианцами, отношения с которыми у Константинополя складывались не слишком удачно. Император Алексей III использовал это недоверие для организации пропагандистского наступления. Крестоносцы писали, что он *«отравил и при-*

*стократов, и плебеев ядовитыми речами о том, что... они [уроженцы Запада] пришли, чтобы разрушить древнюю свободу, стремясь передать страну и весь народ [папству] и поработить империю... Несомненно, этот рассказ настроил всех против нас».*¹⁰ Вдобавок к этому времени Алексей III управлял Византией в течение восьми лет – а у царевича Алексея не было опыта управления страной, и он вообще отсутствовал в городе несколько лет.

Для руководства крестового похода и для самого царевича полное отсутствие явной поддержки было чувствительным ударом. Можно представить короткий путь от Константинополя обратно в лагерь у Скутари в тяжелом молчании. Теперь крестоносцы прекрасно понимали, что слишком положились на уверения молодого человека и, что еще важнее – им придется сражаться, чтобы получить обещанные припасы. Ясно, что враждебность по отношению к царевичу Алексею со стороны жителей Корфу была адекватным предзнаменованием того приема, который ожидал его в Константинополе.

Четвертого июля 1203 года руководство экспедиции приняло участие в мессе, чтобы укрепить дух и получить моральную поддержку. Едва ли существовала какая-либо альтернатива военным действиям, и лидеры армии начали составлять план нападения. Войско, возглавляемое графом Балдуином Фландрским, было разделено на семь отрядов. Графу Балдуину было предоставлено командование первым отрядом, составляющим авангард, поскольку именно ему принадлежал самый крупный контингент опытных воинов (несмотря на потерю части фламандцев, отправившихся на Святую Землю через Марсель), а также наибольшее количество лучников и арбалетчиков. Эти стрелки могли сыграть решающую роль при создании плацдарма, когда армия крестоносцев начнет высадку на берег, поскольку стрельба смогла бы держать греков на расстоянии, давая время для безопасной выгрузки основной массы рыцарей.

Второй отряд должен был возглавить брат Балдуина, Генрих. Он также состоял из фламандской знати и ее людей. Гуго де Сен-Поль возглавлял третью группу, вместе с Петером Амьенским, рядом с которым сражался летописец Робер де Клари. Граф Людовик де Блуа руководил четвертым отрядом; Мэтью Монморанси, Жоффруа де Виллардуэн и шампанские рыцари составляли пятый; Одо де Шамплит командовал бургундцами шестого отряда, и наконец, арьергард, состоявший из ломбардцев, тосканцев, немцев и провансальцев, находился под руководством Бонифация Монферратского. Венецианцы оставались присматривать за флотом.

Столь детализированная расстановка сил говорит о важности сохранения региональных групп при планировании порядка сражения. Из соображений дисциплины и дружеских отношений было необходимо по возможности сохранять существующие структуры в целости. Иногда такое распределение могло вызвать соперничество между отдельными контингентами — но в пылу сражения следовало соблюдать все предосторожности, чтобы сохранить жизненно необходимую сплоченность.¹¹

Начало боевых действий было запланировано на следующий день. Крестоносцы должны были преодолеть Босфор и начать кампанию по штурму Константинополя.

Виллардуэн выразительно обрисовал ситуацию: *«Войска должны были погрузиться на суда и отправиться завоевывать сушу, погибнуть или остаться в живых. Смею заверить, что это было одно из самых трудных предприятий, которые видел свет»*.¹² Для всех крестоносцев, от знатных властителей до простых пехотинцев, ночь с 4 на 5 июля была наполнена размышлениями и подготовкой к битве. Робер де Клари отмечал, что все люди «были исполнены страха перед высадкой». ¹³ Для ветеранов Третьего крестового похода ожидание серьезного сражения было хорошо знакомо, но для большинства воинов военное предприятие такого масштаба было необычным и потому пугающим испытанием.

В крестовом походе предполагалось духовное окормление, поскольку никто из воинов не мог сказать, увидит ли он следующий вечер. Каждому было необходимо принести полное покаяние в своих грехах и составить завешание. Епископы и священники призывали всех перед сражением очистить свои души от грехов. Сначала они проповедали перед войсками, а затем двинулись через лагерь, выслушивая исповеди крестоносцев, желающих примириться с Господом, причащали и испрашивали его покровительства.¹⁴ Как писал Гуго де Сен-Поль: «Мы все же верили в помощь Господа и Его заступничество».¹⁵ Это время использовалось также для последних организационных и материальных приготовлений. Оружие и снаряжение полировали, затачивали и чистили в последний раз, чистили рыцарских лошадей, собирали боеприпасы.

Крестоносцы собирались осуществлять штурм Константинополя в два этапа. Они отказались от мысли о лобовой атаке городских стен, предполагая вместо этого захватить пригород Галату, лежащий над Золотым Рогом к северу от основного города. Над водой здесь была протянута огромная цепь, которая защищала стоящий в бухте Золотой Рог византийский флот и оберегала сам город от атаки с этой стороны. Первой задачей крестоносцев было разорвать цепь и открыть путь в бухту, чтобы можно было подобраться к стенам Константинополя. В связи с небольшой численностью они должны были использовать единственное свое явное преимущество, то есть возможность действовать на море. Если бы им удалось получить доступ в бухту, это позволило бы одновременно использовать как сухопутные, так и морские силы, что, разумеется, давало лучшие шансы на успех.

Утро 5 июля выдалось ясным и тихим. Крестоносцы готовились к крупнейшему вторжению, проводимому одновременно с суши и моря, какое знала средневековая Европа. На борту транспортов, перевозящих лошадей, для рыцарей-крестоносцев седлали боевых коней, наряжая их

в чепраки ярких цветов. Сотни серебряных труб трубили атаку, грохотали барабаны, и с этой волной звука началась осада Константинополя. Чтобы обеспечить по возможности безопасное движение, каждая галера буксировала на небольшое расстояние, которое составлял Босфор, транспортное судно. Таким образом можно было не опасаться капризов ветров или течений, сохраняя флот единым, что усиливало воздействие ударных сил. Со своей стороны император Алексей III привел свою армию в полную боевую готовность.

Гуго де Сен-Поль сообщает о том, что флот крестоносцев составляло более двухсот транспортных судов и галер.¹⁶ Высадка настолько крупных сил перед лицом численно превосходящего противника была предприятием необыкновенной отваги, которое требовало строгой координации действий, благоприятных погодных условий и правильной расстановки воинов. Вильгельм Завоеватель, вторгшийся в Англию в 1066 году, располагал примерно такими же силами — однако его высадка в Певенси, к счастью для него, не сопровождалась встречей с армией противника. Многие осады в ходе крестовых походов, к примеру, захват Тира в 1124 году, включали одновременное нападение (не просто высадку) со стороны сухопутных и морских сил. Теперь воины Запада старались учесть подобный опыт, хотя план вооруженной высадки, разработанный для штурма Константинополя, значительно отличался от традиционной осады.

Крестоносцам противостояли многочисленные византийские войска, размещенные вдоль берегов Босфора. Робер де Клари отмечает, что дож сам принял командование морской частью операции и вел войска через пролив. Лучники и арбалетчики были выставлены на носы кораблей в расчете на то, что они смогут заставить греков отступить.¹⁷ Когда транспорты с лошадьми подошли к берегу, были открыты ворота, выставлены сходни, и на берег в брызгах пены спустились рыцари верхом на своих боевых конях, что являло собой весьма устрашающее зрелище.¹⁸ Лучники, пехотинцы и арбалетчики соскочили на берег, как только корабли встали на якорь.

Первые рыцари уже составили боевой строй и опустили копья для атаки — но греки, видя, что против них готовятся применить самую устрашающую тактику крестоносцев, просто повернулись и бежали. Гуго де Сен-Поль писал: *«Все греки, собравшиеся, чтобы предотвратить нашу высадку, милостью Божией отошли на такое расстояние, что мы едва ли могли бы поразить их с помощью стрелы»*.¹⁹

Современные читатели, знакомые с историей ожесточенных сражений на берегах Нормандии во время Второй мировой войны, наверняка удивятся, почему византийцы не предотвратили высадку крестоносцев. Логично предположить, что именно в момент причаливания и высадки нападающие были более всего уязвимы. Хотя лучники и арбалетчики армии крестоносцев старались отпугнуть греков, все же странно, что они позволили кавалерии беспрепятственно сформировать ряды. Возможно, бесстрашие и новизна тактики крестоносцев оказались неожиданными для Алексея III (до этого времени едва ли кто-то предпринимал подобную десантную операцию), или же его войскам просто не хватило смелости для схватки — в любом случае это было не слишком доброй приметой для императора.*

* Скорее всего, все обстояло гораздо проще. Владелящий морем имеет возможность высадить войска в *любой* удобной ему точке — в то время как обороняющийся в ожидании высадки вынужден растягивать свои силы по *всему* побережью. По этой причине, каково бы ни было общее соотношение сил, в месте высадки атакующему не стоит труда создать превосходство, зачастую — многократное. Из описания де Клари следует, что греки отступили, попав под массированный огонь луков, арбалетов и метательных машин с кораблей крестоносцев; укрытые бортами кораблей, стрелки могли не опасаться ответного огня противника, расположенного на открытой местности. В целом итог высадки был логичен и неизбежен, а тактика византийской армии — наиболее правильной. Заметим, что немцы в Нормандии в 1944 году поступили точно так же: понимая, что в любом из возможных мест высадки союзники будут обладать подавляющим превосходством, германские войска планировали встретить их в глубине своей обороны, вне досягаемости огня корабельной артиллерии. (Прим. ред.)

Остальная часть войска крестоносцев спустилась с кораблей, люди распределились по своим заранее определенным региональным контингентам. Граф Балдуин повел авангард к оставленному лагерю императора, где были взяты богатые трофеи. Алексей III отступал так быстро, что оставил шатры и палатки, так что крестоносцы завладели ими и другим имуществом.

Следующим препятствием, с которым столкнулась армия, стала башня Галата — мощное оборонительное сооружение, на котором был укреплен один из концов огромной железной цепи, протягивавшейся через Золотой Рог до основного города.²⁰ Подобные цепи существовали во всех средневековых портах, поскольку такой способ контроля над входом и выходом из бухты был самым простым и весьма эффективным. Они служили как для защиты от нападения, так и для таможенного контроля. В обычной ситуации торговое судно, желающее войти в порт или покинуть его, должно было заплатить пошлину, чтобы цепь подняли или, наоборот, опустили. В Константинополе для крестоносцев было жизненно важно миновать цепь и получить доступ в бухту. С точки зрения венецианцев, кораблям было бы гораздо проще провести атаку на стены со стороны Золотого Рога, поскольку узкий залив был гораздо спокойнее, чем Босфор или Мраморное море.

Но крестоносцам предстояло встретиться не только с мощью башни Галата и железной цепью. За этой преградой скрывался ряд греческих кораблей — не только боевые галеры военного флота, но и все торговые суда Константинополя, барки и паромы.²¹ Хотя сами по себе они не представляли серьезной угрозы, но все же могли явить еще одно препятствие на пути свропейского флота.

Ночью 5 июля армия встала лагерем возле башни Галата, но около девяти часов следующего утра греки предприняли неожиданную вылазку. Император направил отряд солдат на барке через Золотой Рог. Присоединившись к гарнизону башни, они напали на лагерь крестоносцев. Их ата-

ка была столь быстрой, что у французов не хватило времени даже сесть верхом. Застигнутые врасплох рыцари были вынуждены сражаться в пешем строю. Оборону возглавил представитель фламандской знати Жак де Авен, сын прославленного воина Третьего крестового похода. Ударные силы византийского отряда врезались в ряды крестоносцев, и сам Жак получил серьезное ранение копьем в лицо. Казалось, что он, раненый и отрезанный от товарищей, обречен. Но, презрев опасность, один из его рыцарей, Николя де Женлен, смог вскочить на коня и помчаться к своему господину. Появления верхового воина, мчавшегося на них подобно полностью вооруженному рыцарю, заставило раступить ряды греков, окруживших Жака. Столкнувшись со столь неожиданным противником, византийцы вынуждены были оставить свою добычу, Николя удалось спасти своего сюзерена и заслужить всеобщее одобрение за свою доблесть.²²

Пока разворачивалась эта небольшая драма, крестоносцы взялись за оружие и начали организованную контратаку. Греки растревожили осиное гнездо и вскоре были вынуждены в беспорядке отступить. Некоторые спаслись бегством в башню, другие попытались бежать к баркам. Многие были пленены при попытке взойти на борт, некоторые утопили, пытаясь спастись, и лишь немногим удалось прорваться и вернуться в Константинополь. Крестоносцы преследовали и тех, кто отступал к башне, бесстрашно сближаясь с неприятелем. Греки решили вернуться в башню сквозь входные ворота, предполагая, что тем самым спасают свою жизнь. Они были уверены, что таким образом получают хотя бы временную передышку, однако жестоко ошибались. Самые быстрые из преследователей нагнали медленно отходивших греков и не дали им возможности захлопнуть ворота.

Когда крестоносцы поняли, что у них есть возможность осуществить решительный прорыв, разгорелась жестокая схватка. Осада башни могла бы занять долгое время — дни

или даже недели. Нападающие подвергались риску атаки со стороны основного города, что вело к расходу ценных ресурсов. Однако если бы крестоносцам удалось прорваться сквозь ворота, тогда в их руках оказалось бы значительное преимущество, если не полная победа.

Вскоре защитники башни поняли, что их положение безнадежно и, к огромному восторгу крестоносцев, сдались. Вскоре после этого «Орел», один из крупнейших кораблей венецианского флота, прорвался за цепь. Бухта и византийские суда оказались во власти венецианцев.²³ Боевые галеры преследовали жалкие остатки греческого флота, топя одних и захватывая других, и лишь немногие греки предпочли затопить свои суда, нежели предать их в руки противника.

Прорыв через цепь оказался жестоким ударом для византийцев. Взятие этого оборонительного рубежа означало, что теперь флот Запада может проникнуть во внутренние воды Золотого Рога. Это, в свою очередь, позволяло осаждающим подвести свои корабли непосредственно под стены Царь-города, тем самым обеспечив дополнительное давление на греков. Все крестоносцы были чрезвычайно обрадованы успехом и благодарили господ за столь явное расположение к ним. Альберик де Труа-Фонтен сообщает, что позднее цепь была переправлена в порт Акры (в королевстве Иерусалим) как символ триумфа.²⁴

На следующий день весь флот крестоносцев переместился с места стоянки на Босфоре в спокойные воды Золотого Рога. Такая предусмотрительность венецианцев еще более увеличила тревогу в Константинополе. Войско Запада делало слишком быстрые успехи, чтобы защитники города могли оставаться спокойными. Видеть, как корабли неприятеля заходят в городскую гавань, наблюдать, как они целыми дюжинами проходят под стенами — наверняка такое зрелище вселяло чувство грозной и неизбежной опасности. С другой стороны, стены Нового Рима в течение многих веков отразили не одно вражеское нашествие, так что, несомненно, они могли защитить и от этой угрозы.

Руководство осаждающей армии должно было решить, какие действия предпринимать дальше. Венецианцы предлагали вести дальнейшую осаду со складных лестниц, установленных на их кораблях. Французы протестовали, поскольку при таком непривычном образе боевых действий чувствовали себя весьма неудобно. Они предпочитали развернуться на суше, где, по их мнению, в полной мере смогут проявить свое боевое мастерство, приобретенное на ристалищах Европы. Возобладала логика, и обе партии согласились действовать совместно, так что каждая действовала против общего врага в привычной для себя манере: французы — на суше, венецианцы — на море.

Следующие четыре дня крестоносцы посвятили отдыху и приведению в порядок своего вооружения и амуниции. Затем 11 июля они в боевом строю походным маршем прошли вдоль берега две мили, отделявшие их от Влахернского моста через Золотой Рог.²⁵ Греки разрушили каменный мост после бегства в город, однако крестоносцы взялись за его восстановление с максимально возможной скоростью. В нескольких милях через Золотой Рог был переброшен еще один мост, но крестоносцы не хотели делить свои силы или же тратить их на лишние переходы.

Кроме того, кажется странным, что греки не слишком тщательно разрушили мост (крестоносцы восстановили его за один день) и что они не помешали этим работам. Византийское войско также могло встретить врагов сразу за мостом: грозную Варяжскую дружину было бы не так-то просто вытеснить из такого узкого места. Просто удерживая крестоносцев на расстоянии от городских стен или, в крайнем случае, вынудив их пойти в обход и разделив таким образом сухопутные и морские силы врага, греки достигли бы значительного преимущества. Как писал Гуго де Сен-Поль, *«оторванные далеко от нашего флота, мы, возможно, оказались бы в большой опасности и могли попасть в неприятные переделки»*.²⁶ Учитывая недостаток продовольствия у нападающих, чем дольше император затягивал осаду, тем

выше были его шансы, поскольку при небольшом размере армии крестоносцев полная блокада Константинополя была невозможна. Но император Алексей III не воспользовался ни одной из указанных возможностей. Робер де Клари отмечал минимальное сопротивление греков до пересечения крестоносцами Золотого Рога.²⁷

Крестоносцы заняли позицию напротив Влахернского дворца в северном углу города, создав непосредственную угрозу императорской резиденции. Хотя городские стены здесь находились у подножья склона, сам дворец был хорошо защищен мощными оборонительными сооружениями, подпировавшимися примерно на пятьдесят футов. Крестоносцы разбили основной лагерь на возвышенности напротив Влахернского дворца. Здесь располагалось здание, которое крестоносцы называли замком Бомон, поскольку во время Первого крестового похода в нем жил норманнский принц с таким именем. На самом же деле в здании располагался монастырь святых Козьмы и Дамиана. Венецианский флот встал против обращенной к воде стороны дворца, так что армия крестоносцев сформировала петлю вокруг северо-восточной стороны города.

Отсюда, с вершины возвышенности, французы в первый раз получили подлинную возможность рассмотреть наземные оборонительные сооружения вокруг Константинополя. Вдоль холмов к западу поднималась и спускалась стена Феодосия, составляя преграду длиной в 3,5 мили. В Западной Европе не существовало оборонительных сооружений, которые могли бы сравниться с этой стеной. Учитывая сравнительно небольшое количество крестоносцев, нападение по всей длине городских стен было бы крайне нерациональным. Тем не менее Виллардуэн испытывал некоторое удовлетворение тем, что крестоносцы готовились вызвать греков на бой. Вызов такого масштаба, несомненно, стал испытанием их отваги и мужества. Он был достаточно хладнокровен, чтобы понимать сложность выполнения поставленной задачи, когда писал: «Этот вид наполнял сердца гордостью и трепетом».²⁸

Обе части армии крестоносцев готовились к началу осады. Робер де Клари приводит подробнейшее описание «удивительных устройств», созданных под руководством дожа на верхних палубах кораблей. Венецианцы взяли скрещающиеся реи, укрепили их диагональными бимсами, между которыми натянули паруса, и закрепили их высоко к мачтам, так что они сформировали импровизированный опускающийся мост. Настил этих мостов длиной примерно в 110 футов состоял из деревянной решетки, которая выдерживала трех или четырех рыцарей. Кроме того, были сделаны поручни и даже крыша из парусины, чтобы защищать нападающих от стрел из луков и арбалетов. В сущности, на кораблях воздвигли огромные опускающиеся вниз трубы из дерева и парусины, по которым на защитников Константинополя могли быть отправлены тяжеловооруженные рыцари.²⁹ Венецианцы также установили на своих транспортных судах баллисты и катапульты. Таким образом, флот усилился осадными конструкциями и принял на борт смертоносный груз людей и оружия, готового направить свою мощь на греков.

В то время как французы приводили в готовность боевые машины и готовились к сухопутной атаке, их непрерывно беспокоили византийцы. Шесть или семь раз на дню они внезапно вырывались из различных ворот городской стены, заставляя лагерь подниматься по тревоге. Таким образом, осаждающие сами оказались скованы: постоянное наблюдение со стороны греков не давало возможности покинуть лагерь в поисках продовольствия более чем на четыре полета стрелы. Продовольствие вновь иссякало, так что, кроме муки и копченой свинины, рацион можно было разнообразить только мясом павших в бою лошадей. Виллардуэн замечает, что для армии крестоносцев хватило бы пропитания только на три недели. *«Наша армия находилась в отчаянном положении, тем более что никогда и ни в одном городе столь малое количество людей не осаждало такое множество».*³⁰

Учитывая, что крестоносцы не могли блокировать столь огромный город, как Константинополь, едва ли византийцы испытывали недостаток в припасах, каковы бы ни были их военные неудачи. Крестоносцы понимали, что вынуждены ускорить штурм. Возможности для долгой изнурительной осады города, как при осаде Лиссабона в 1147 году, которая длилась семнадцать недель, или в Акре, осажденной с августа 1189 по июль 1191 года, у них просто не существовало.

В ответ на греческие вылазки крестоносцы укрепили свой лагерь. Такова была обычная практика осаждающих армий, которая демонстрировала противнику (правдиво или нет) намерение остаться здесь надолго. Для обеспечения безопасности были выкопаны рвы, сооружен прочный тесовый частокол, скрепленный поперечинами. Но византийцы продолжали свои неожиданные рейды. Виллардуэн сообщает, что крестоносцы обычно решительно отбивали такие нападения и смогли нанести противнику серьезный ущерб. В лагере были введены посменные дежурства, которые неслись подразделениями из разных местностей. В один из дней, когда на страже стояли бургундцы, Варяжская дружина нанесла молниеносный удар. Крестоносцы энергично ответили, и неприятель откатился к воротам. Однако, похоже, это была военная хитрость, потому что когда преследователи приблизились к стенам города, на них посыпался ливень летящих сверху снарядов. Византийцы метали на нападающих огромные каменные глыбы, одна из которых сломала руку Гильому де Шамплиту. Но все же стычку нельзя было назвать неудачной, поскольку Вальтер де Нейли захватил в плен представителя одного из самых значительных семейств Константинополя — Константина Ласкариса. Крестоносцы были рады столь ценному пленнику, поскольку такие козыри всегда могли оказаться полезными, не говоря уже о существенном материальном выкупе.

В течение десяти дней продолжались вылазки, контратаки и перестрелки, в ходе которых разворачивались подвиги

и трагедии отдельных людей. Пьер де Брасье и Мэтью де Уоллингхорт прославились в этих боях, а Гильом де Жи погиб. Тем временем крестоносцы сооружали складные лестницы, которые можно было использовать при штурме города. Обе стороны выпускали в противника тучи стрел и снарядов, которые падали среди палаток или же пролетали сквозь окна дворца и ударялись об его стены. Никита Хониат описывает столкновения между всадниками и рыцарями, в которых греческие деяния «не были постыдными» — что предполагает патовую ситуацию в войне.³¹

В четверг 17 июля начался новый штурм. Крестоносцы опасались атаки на свой лагерь в то время, пока их основные силы пытаются штурмовать стены. Поэтому силы были разделены, и три отряда, возглавляемые Бонифацием Монферратским, остались на страже, а остальные четыре под руководством Балдуина Фландрского отправились на штурм. Венецианцы должны были начать нападение с воды, вынуждая защитников Влахернского квартала отражать удар одновременно с двух сторон.

Пропели горны, и французы решительно двинулись к стенам города. Лестницы, которые они несли с собой, сделали их намерения очевидными для осажденных. Алексей III развернул в ключевых участках стены свои отборные войска — Варяжскую дружину. Град вражеских снарядов встретил крестоносцев, однако группа из четырех человек все же смогла прорваться сквозь огонь и установить две лестницы у навесной башни рядом с морем. Рыцари вскарабкались по ним и очистили площадку, достаточную для того, чтобы к ним присоединилось еще одиннадцать человек.

Варяги орудовали тяжелыми боевыми топорами, крестоносцы оборонялись с помощью мечей. Благодаря численному перевесу отборные византийские части все же одержали победу, крестоносцы были отброшены вниз за исключением двух несчастных, которые оказались в плену и предстали перед довольным императором Алексеем. Впервые его солдаты смогли нанести серьезное поражение противнику, многие

французы были ранены либо получили травмы от сброшенных камней или падая с лестниц. Гуго де Сен-Поль замечает, что крестоносцам удалось даже сделать подкоп и обрушить башню — но крепость городских стен и сопротивление защитников были таковы, что французы не смогли воспользоваться этим. Создавалось впечатление, что расчет императора, полагавшегося на превосходные городские стены и боевые качества своей личной дружины, оправдывается, и этого вполне хватит для спасения Константинополя. Казалось, что французы остановлены, хотя венецианский флот по-прежнему представлял собой совершенно необычную угрозу.

Дандоло выстроил своим корабли в огромную линию, обращенную к северной стене города. Здесь оборонительные сооружения имели только один ряд и высоту около 35 футов, поскольку их прикрывали воды Золотого Рога. В этом месте бухта имеет всего около 250 ярдов в ширину, так что новый этап сражения развернулся на узкой воронкообразной сцене. С венецианских судов начался усиленный обстрел стен. Арбалетчики, расположившиеся в башенке наверху каждого судна, выпускали короткие смертоносные стрелы, которые со свистом проносились над водой. Более тонкие стрелы лучников летели выше. На палубах тем временем были развернуты баллисты, метавшие каменные снаряды в стены Константинополя, где стояли многочисленные защитники города. Оборона была яростной. Группа пизанцев, стремясь защитить коммерческие интересы родного города, сражалась плечом к плечу с варягами.

Местами стены спускались почти к самой воде, здесь водруженные на венецианские корабли лестницы позволяли атакующим обмениваться с неприятелем прямыми ударами. Виллардуэн писал о невероятном грохоте сражения: скрип корабельных снастей, плеск весел, которыми гребцы удерживали галеры на месте, боевые кличи и стоны, скрежет и звон металла, ударяющегося о металл. На одном участке группе тяжеловооруженных рыцарей удалось сойти на

землю и водрузить здесь стенобитное орудие. Послышались глухие ритмичные удары, и вскоре каменная кладка была разбита. Но все же пизанцы, варяги и греки продолжали ожесточенное сопротивление, и нападающие были вынуждены отступить.³² Никита Хониат с болью писал, что «в этой ужасающей схватке стоны неслись со всех сторон».³³

Стоя на носу окрашенной в багрянец галеры с развевающимся знаменем святого Марка, на котором красовался крылатый лев, дож Дандоло видел, что его люди не могут добиться успеха. Он должен был воодушевить их и, пригрозив суровым наказанием всем, уклоняющимся от боя, потребовал, чтобы его высадили на берег. Команда повиновалась немедленно, несколько мощных движений весел выдвинули галеру вперед. Венецианцы видели, как судно дожа вышло из строя, и его стяг спустился на берег. Как и рассчитывал Дандоло, мужество старика устыдило их. Не в силах оставить своего почитаемого вождя, они ринулись, чтобы присоединиться к нему.

Как только первые корабли подошли к мелководью, не дожидаясь касания земли, люди спрыгивали в воду и бежали к берегу. Суда с более глубокой осадкой не могли без риска подойти так близко, а потому их команды спустили шлюпки и двинулись к берегу. Пламенный поступок Дандоло вполне оправдал себя. При виде столь стремительного нападения византийцы дрогнули и побежали, давая возможность венецианцам беспрепятственно проникнуть за ворота и получить контроль над участком стены в двадцать пять башен.³⁴

Судя по всему, Алексей III совершил роковую ошибку. Он сосредоточил большую часть Варяжской дружины напротив французов у Влахернского дворца, считая, что именно там произойдет основная атака. Он недооценил способность венецианцев к серьезному нападению на обращенные к морю стены города и высадке войск. Защитники стен над Золотым Рогом были готовы обстреливать венецианцев из относительной безопасности бойниц, однако лишь мысли о

непосредственной схватке с врагом было достаточно, чтобы обратить их в бегство. Учитывая мощь и решительность варягов у Влахерны, оказался более крупная часть дружины в одном ряду с пизанцами и городскими ополченцами у Золотого Рога, венецианцам пришлось бы столкнуться с гораздо более серьезным сопротивлением.

Виллардуэн описывает успех как «событие столь изумительное, что его можно назвать чудом».³⁵ Дож прекрасно понимал, насколько подобная весть важна для французов, и отправил гонцов, чтобы сообщить союзникам о прорыве. Он также продемонстрировал внимание к их нуждам, немедленно погрузив на борт двести взятых с собой лошадей и направив их в лагерь, чтобы возместить боевые потери. Без боевых коней рыцарям не доставало скорости, мощи и маневренности — решающих факторов для их способа вести военные действия.³⁶

Алексей быстро осознал возникшую опасность и приказал варяжским отрядам попытаться выбить венецианцев со стены. Их прибытие резко изменило баланс сил, и венецианцы начали отступать. При этом они пытались замедлить движение византийцев, поджигая расположенные между двумя армиями дома. По случайности или по расчету, ветер дул со стороны венецианцев на их противников. Языки пламени взмывали все выше, и венецианцы скрылись за плотными клубами дыма, словно за непроницаемым занавесом. Бриз гнал огонь на греков, давая нападающим возможность укрепиться на стенах и в башнях. Пожар становился все сильнее, захватывая новые здания внутри городских стен. Влахернская гора не дала пламени пойти на северо-запад в направлении дворца, но более пологие южные склоны не представляли для огня серьезного препятствия. Только открытая цистерна Этиус приостановила стихию. Историки подсчитали, что от пожара пострадало более 120 акров города, оставив без крова и лишив имущества около двадцати тысяч византийцев. Никита Хониат повествует о произошедшем: *«Зрелище было достойно всяческо-*

*го сострадания, и только реки слез могли бы сравниться с разрушением от огненной стихии».*³⁷

Именно в этот момент Алексей III словно в первый раз осознал, что для победы в войне и сохранения за собой царского престола он должен перехватить инициативу. Никита устало отмечает: «Он наконец решил действовать». Относительное бездействие императора уже начало вызывать недовольство среди горожан. Его начали обвинять в трусости, в том, что он предпочитает отсиживаться во дворце, а не обратиться лицом к врагу. *«Он как будто не понимал, что продуманность лучше, чем запоздалые размышления, что лучше предугадывать неприятеля, чем быть упрежденным им»*, — так раздраженно оценивал византийский летописец действия Алексея III.³⁸

Однако у греков еще оставались основания для оптимизма. Несмотря на потери людей и имущества, они успешно отразили приступ со стороны французов и далее предполагали прогнать их с поля битвы. Они надеялись, что такая победа заставит венецианцев отказаться от неустойчивого удержания обращенной к морю стены, чем благополучно и завершится крестовый поход.

Городские стены и Влахернский дворец являли собой драматический пейзаж, а огромные клубы дыма из пылающих кварталов города придавали обстановке настроение мрачной обреченности. На этом безрадостном фоне император собрал крупный отряд войск и вышел с ним из ворот святого Романа, расположенных примерно в миле к югу от лагеря крестоносцев.³⁹

Ряд за рядом греческие войска выходили из города, и самый размер византийской армии изумил Виллардуэна: «Можно было подумать, что здесь собрался весь мир».⁴⁰ Никита пишет, что «когда сухопутные армии противников внезапно увидели огромные ряды воинов врага, они содрогнулись».⁴¹ Робер де Клари считал, что у греков было много таких отрядов, каких у крестоносцев насчитывалось семь. Алексей III собирался захватить неприятеля в клещи: глав-

ная часть армии должна была сразиться с французами на равнине вне Константинополя, в то время как несколько отдельных групп должны были атаковать из трех ближайших к вражескому лагерю ворот.

Крестоносцы перед лицом столь страшной угрозы действовали быстро. Они разделили свои силы, оставив один отряд Генриху Фландрскому, чтобы охранять осадные машины. Остальные должны были встать перед частоколом, разделившись на шесть групп. Уступая противнику численностью, они все же явили себя грозной мишенью для заметно превосходившей византийской армии. В первом ряду стояли лучники и арбалетчики, готовые засыпать ливнем смертоносных стрел того, кто дерзнет приблизиться к ним. За ними стояли не менее двух сотен пеших рыцарей, оставшихся без лошадей. Но даже в пешем строю благодаря вышке и вооружению они были серьезным противником.

Остальную часть армии крестоносцев составляли конные рыцари. Количество их по данным Робера де Клари составляло не более 650 человек, а по описанию Гуго де Сен-Поля здесь было 500 рыцарей, 500 иных конных воинов и две тысячи пехотинцев.⁴² Виллардуэн считал, что из-за громадного размера греческой армии крестоносцы даже получили некоторое преимущество, «словно растворяясь среди нее».⁴³

Византийские войска покрыли всю равнину. Это грозное зрелище, ограниченное слева от крестоносцев стенами Константинополя, на которых снова столпилось множество людей, напомнило французам, что они представляли собой небольшую заброшенную за тысячи миль от дома армию, которая пытается взять приступом один из величайших городов мира. Положение крестоносцев было настолько отчаянным, что они вооружили даже конюхов и поваров, используя вместо доспехов попоны и одеяла, а вместо шлемов — медные котелки. В качестве оружия они были вынуждены взять кухонную утварь. Эта пестрая компания была обращена к городским стенам, и Робер де Клари отме-

чает, что «когда императорские пехотинцы увидели наших столь ужасно вооруженных слуг, их объял такой ужас, что они даже не осмелились приблизиться к ним».⁴⁴

Греческая армия медленно приближалась к французским рыцарям, постепенно увеличивая шаг. Расстояние между армиями неумолимо сокращалось. Крестоносцы не испугались и тоже начали двигаться вперед. Оценивая друг друга, словно боксеры, обе стороны пускались на уловки, но ни одна не хотела нанести первый удар. Руководство французской армии разработало строжайшие детальные инструкции, предписывавшие рыцарям сохранять строй и запрещавшие любые индивидуальные действия до специальной команды. Множество раз в прошлом случалось, что небольшие группы рыцарей-крестоносцев, увлеченные возможностью совершения героических деяний, бросались на неприятеля, что дробило силы крестоносцев, зачастую приводя к поражению. Это являлось столь серьезной проблемой для западных армий, что устав ордена рыцарей-госпитальеров угрожал отбиранием коня у любого, кто нарушит строй в бою без особой на то команды. Мысль о поддержании строя кажется нам естественной — но в пылу сражения, когда передача распоряжений почти невозможна, а адреналин бурлит в крови бойцов, достичь слаженности действий было почти невозможно.

Крестоносцы решили выбрать двух самых опытных воинов от каждого контингента, чтобы те приняли командование своим подразделением армии. Эти командиры должны были отдать команду «Рысью!» для движения вперед и «Шпорь!» — для атаки. Граф Балдуин Фландрский повел вперед своих людей на рыси, за ним следовали граф де Сен-Поль и Пьер Амьенский, а следом с третьей группой — Генрих Фландрский.

По контрасту с причудливо одетыми слугами основное ядро рыцарей представляло великолепное зрелище: плотные ряды лошадей, наряженных в шелковые или матерчатые чепраки, над которыми парили знамена с разнообразными

гербами; тускло поблескивающие щиты и сверкающие на солнце шлемы и кольчуги. Колышущийся цветной строй медленно приближался к врагу под цокот копыт и бряцание оружия и доспехов. Пехотинцы, соблюдая строгий порядок, двигались за ним.

К этому времени известие о надвигающейся схватке достигло находящегося у Золотого Рога дожа. Дандоло снова проявил свою преданность товарищам по оружию и заявил, что останется в живых или погибнет вместе с паломниками. Он быстро перенаправил всех свободных людей к лагерю крестоносцев во Влахерне.

Когда Балдуин отошел от лагеря на два полета стрелы, старшие воины его контингента посоветовали остановиться. *«Господин, нехорошо будет сражаться с императором так далеко от лагеря, ведь если начать бой здесь, когда потребуется помощь, оставшиеся в лагере не смогут помочь»*.⁴⁵ Они предложили ему вернуться к частоколу, где крестоносцы могли с большим успехом принимать участие в сражении. Балдуин согласился и вместе с братом Генрихом начал разворачивать строй.

Однако сохранение должного порядка в средневековых армиях было не только вопросом дисциплины. Главной заботой всех рыцарей был вопрос чести. Когда Гуго де Сен-Поль и Пьер Амьенский увидели, что Балдуин поворачивает, они удивились и решили, что этим действием он покрыв армию крестоносцев позором. Забыв о приказании держаться вместе, они решили самостоятельно руководить авангардом, чтобы сохранить честь французской армии. Балдуин пришел в смятение и послал гонца с приказанием немедленно возвращаться — но Гуго и Пьер трижды ответили отказом. Вместо того они двинулись в сторону греческой армии.

Созданная с такими трудами сплоченность строя крестоносцев рушилась на глазах. Пьер Амьенский и Эташ де Кантели, один из старших рыцарей контингента Сен-Поля, отдали команду: «Господа, вперед, во имя Господа нашего,

рысью!»⁴⁶ Не страшась размеров императорской армии, часть крестоносцев была готова к решительной атаке. Остальные, поняв, что происходит, умоляли бога спасти этих безумцев. Робер де Клари описывает окна Влахернского дворца и городские стены, переполненные дамами и девицами, которые наблюдали за событиями на поле и считали *«наших воинов подобными ангелам, ведь они были так хороши, прекрасно вооружены, а их лошади великолепно наряжены»*.⁴⁷ Но, судя по всему, Робер слишком увлекается описанием рыцарского турнира — можно усомниться в том, что хоть кто-то из византийцев находил в крестоносцах сходство с ангелами.

Действия Гуго и Пьера могли ввергнуть армию крестоносцев в хаос. Те рыцари, которые были с графом Балдуином, пришли в волнение: они не могли спокойно оставить своих товарищей, легко отказавшись от возможности покрыть себя славой. Настроение было столь заразительным, что назревал бунт: *«Господин, стыдно вам отказываться от наступления. Знайте, что если вы не придете к ним на помощь, мы больше не считаем себя обязанными вам!»*⁴⁸ Услышав это, Балдуин мог только выполнить их просьбу. Он прищипорил своего коня и, вместе со следовавшими за ним людьми Генриха, нагнал авангард. Крестоносцы быстро перестроились в боевую линию, которая оказалась в пределах досягаемости императорских лучников, но снова в должном порядке.

Робер де Клари, наш скромный рыцарь, дает нам удивительную возможность проникнуть в интриги руководства крестоносцев. Интересно, что когда один из главных героев всех событий Гуго де Сен-Поль описывал состоявшуюся в конце июля битву, его вариант описания был гораздо проще: *«Мы согласованным строем выдвинулись против боевых порядков противника»*.⁴⁹ Он не упоминает о возникшем между ним и графом Балдуином конфликте и о том, что он, по сути, поставил под сомнение отвагу графа и его положение командующего авангардом. В сверкании победы кажется

пенужным пятнать течение истории подробными описаниями сложных и противоречивых моментов.

Заминка в рядах крестоносцев предоставляла грекам возможность стремительных действий. Более внимательный командующий, чем Алексей III, мог бы заметить временную слабость противника, оценить ситуацию и нанести быстрый решительный удар по изолированному отряду, пока Гуго и Пьер самостоятельно двигались впереди армии. Но с присоединением остальных подразделений крестоносцев этот краткий миг был упущен.

Между двумя армиями располагалась небольшая возвышенность, а ближе к императорской стороне текла река Люкус. Когда крестоносцы оказались на вершине холма, обе стороны замерли. К византийцам присоединились те, кто окружал лагерь, так что их ряды стали еще многочисленнее. Крестоносцы снова посовещались, и на сей раз аргументы Балдуина были услышаны. Французы теперь были скрыты от глаз укрепленной армии у лагеря, а для нападения на византийцев им пришлось бы переходить Люкус. Несмотря на то, что поток был невелик, его переход затруднял продвижение рыцарей, что наверняка привело бы к многочисленным потерям. Крестоносцы решили остановиться и, вероятно, собирались уже отступить, когда заметили движение в рядах противника.

Именно сейчас для Алексея III наступил момент использовать численное преимущество своей армии и скомандовать общее наступление, чтобы отогнать варваров от города. Он стоял на берегу Люкуса и мог с легкостью перейти реку.словно тяжелая грозовая туча, нависла над осаждающими греческая армия, готовая разразиться наступлением на крестоносцев.

И все же атаки не произошло. Как ни странно, но император так и не отдал распоряжения о нападении на врага, а через некоторое время приказал отвести войска, так что они развернулись и направились к городу. Какие бы тактические причины ни крылись за этим решением, психо-

логически все почувствовали беспощадную горечь поражения.

Никита считает, что император Алексей никогда не стремился к сражениям и предпочитал бежать с поля боя. Византийский писатель понимал, что начини императорская армия наступать с искренней уверенностью в победе, она могла бы ее достичь. Он чувствовал, что собственное нежелание Алексея принимать участие в битве передалось командирам и не дало грекам возможности нанести решающий удар.⁵⁰

Крестоносцы не верили собственным глазам. Письмо, отправленное одним из знатных воинов на Запад, передает их восприятие произошедшего: *«Пораженный нашей непреклонностью (учитывая небольшое количество), он постыдно подобрал поводья и отступил в пылающий город»*.⁵¹ Гуго де Сен-Поль отмечает: *«Познав нашу отвагу и решительность, увидев, как мы единодушно идем в наступление, поняв, что нас нельзя сломать или напугать, они неизбежно пришли в ужас и смятение. Отступив перед нами, они так и не осмелились сразиться»*.⁵² Когда император не решился ввести войска в бой, это утвердило бойцов Запада в мысли о трудности и женоподобности греков. Наверняка крестоносцы почувствовали огромное облегчение, а также новую надежду и прилив решительности. Чтобы извлечь выгоду из момента, Балдуин приказал армии медленно двигаться за греками, дабы подчеркнуть унижительное бегство византийцев с поля боя. Очень важно, что крестоносцам удалось сохранить дисциплину. При иллюзии победы было очень легко поддаться настроению и, нарушив строй, ринуться за неприятелем.

Виллардуэн красноречиво описывает смешанную с непониманием радость крестоносцев: *«Смею уверить, что Господь никогда не спасал никого от большей опасности, чем та, от которой Он сохранил наши войска в тот день. Во всей армии не было ни единого воина, сколь бы смел и отважен он ни был, чье сердце не преисполнилось бы радостью»*.

И все же дни, прожитые в ожидании сражения, и часы противостояния выведенным из городских стен византийским войскам имели свои негативные физические и эмоциональные последствия. Кроме того, становился заметным недостаток продовольствия. Несмотря на свой триумф, крестоносцы не могли отказаться от охраны лагеря. Византийцы по-прежнему имели перевес, как минимум в количестве, и для их противников было жизненно важно сохранить неколебимость и не подвергать опасности свою военную силу.

Почему император Алексей не стал атаковать, хотя у греков было по крайней мере численное преимущество? Отчасти причина, наверное, состоит в том, что император был человеком по природе неагрессивным и практически не имел военного опыта. Он надеялся, что демонстрации силы со стороны Византии будет достаточно для того, чтобы сломить боевой дух крестоносцев и заставить их одуматься и отступить. Но он не учел того, насколько решительно были настроены уроженцы Запада. Они воспользовались своим преимуществом и перешли Босфор, а затем вошли в Золотой Рог, а венецианцам удалось даже захватить отрезок стены. Все это, несомненно, указывало на то, что крестоносцы представляли серьезную опасность. Греков также беспокоила тяжелая кавалерия противника. Хотя часть рыцарских коней погибла, оставшихся было достаточно, чтобы сформировать мощное ударное ядро. Губительная сила кавалерийских атак крестоносцев была хорошо известна в Византии. Еще в 1140-х годах Анна Комнина писала, что конный западный рыцарь «может пробить даже стены Вавилона».⁵³

Равнина вокруг Константинополя представляла идеальные условия для атаки — сравнительно плоское пространство и фиксированная мишень. У самих греков была кавалерия, но их всадники были гораздо менее опытны по сравнению с французскими рыцарями, проводившими целые годы, совершенствуя боевое мастерство на ристалищах Северной Европы.

Внутри Константинополя царили разочарование и гнев. В обязанности императора входила защита города. Он располагал огромной армией, а крестоносцев было немного, и все же он не стал сражаться. Никита приводит такой комментарий: *«Он вернулся [в город] в совершенном унижении, сделав врага еще более заносчивым и надменным»*.⁵⁴ Ущерб от учиненного венецианцами пожара еще более способствовал потере авторитета Алексея III в глазах народа. Люди требовали действий. К императору явилась группа представителей знати, заявивших, что если он будет продолжать действовать так вяло, они обратятся к его племяннику, находящемуся среди крестоносцев, и предложат трон ему. Алексей III неохотно пообещал начать сражение на следующий день. На самом же деле он уже выбрал совершенно другой путь.

Император не имел воли к сражению. Никита описывает благородного снисходительного человека, внимательно к народу и глубоко огорченного ослеплением Исаака Ангела. Сегодня можно говорить, что Алексей III по характеру не подходил для своего поста.⁵⁵ Он не хотел рисковать собственной жизнью и чувствовал, что и жители Константинополя не готовы к затяжной кампании — которая, учитывая недостаток продовольствия у крестоносцев, вполне могла оказаться для греков лучшим путем к победе.

Император был достаточно искушен в константинопольской политике, чтобы понимать, что народ утратил веру в него. Одновременно он был достаточно опытен, чтобы помпнуть ужасную и мучительную участь прежних правителей, свергнутых толпой. Едва ли он мог ждать милости от своего брата или племянника, если бы обратился к ним. А потому император вполне благоразумно решил спастись бегством.

Вечером 17 июля он посоветовался с дочерью Ирипой и самыми доверенными советниками. Спешно были собраны 1000 фунтов золота и все драгоценности, которые можно было унести с собой. Около полуночи император со своими

ближайшими людьми выбрался из города и направился в Деветлон — укрепленный город, расположенный более чем в 90 милях на Черном море. Когда Никита Хоннат описывает побуждения и поступки Алексея III, им одновременно владеют сарказм и отчаяние. Он дает яркий образ императора с византийской точки зрения: *«Он словно старался превратить город в печальный труп, разрушить, пренебрегая его славой, и он поспешил с уничтожением»*.⁵⁶ Никита с презрением говорит об отсутствии у Алексея III заботы по отношению к городу и осуждает его стремление к спасению собственной шкуры.

Когда занялась заря 18 июля, начал расплзаться слух: Константинополь, царица городов, Новый Рим, оставлен императором. Гордости и чувству собственного достоинства огромного города был нанесен чудовищный неслыханный удар. Рана была настолько глубока, что греки были не в состоянии выдержать дальнейшую борьбу с крестоносцами. Вместо того, чтобы повернуть колесо фортуны, они пришли в отчаяние. Постоянные успехи крестоносцев, невозможность отбросить их от стен города, и вдобавок плацдарм венецианцев на берегу Золотого Рога, о котором никто не мог забыть, видя все еще поднимающиеся оттуда клубы дыма, — все это вселяло страх полного разрушения города. В ужасе горожане начали искать того, кто мог бы спасти их. Чиновники направились в те помещения Влахернского дворца, где содержался ослепленный Исаак. В нем они увидели «последнюю надежду».⁵⁷ Министр императорских сокровищниц, евнух по имени Филоксентис, взял ответственность на себя. Он собрал Варяжскую дружину и заручился поддержкой в восстановлении Исаака на императорском престоле.

Несмотря на то, что слепота обычно была препятствием для занятия такого поста, ситуация заставляла забыть о традициях. Алексей III бросил свою жену Ефросинию, отношения с которой были довольно бурными, и теперь она была взята под стражу, чтобы воспрепятствовать созданию враждебной группировки, а ее родственники арестованы.

Старейшины города направились к Исааку и объяснили ему положение. Его реакция нам неизвестна. Злорадствовал ли он, узнав об унижении брата? Испугала ли его мысль о возвращении на престол, будучи калекой? Или он обрадовался возможности вновь получить неограниченную власть? Слуги принесли ему императорские облачения и знаки отличия. Он переоделся и оставил Влахернский дворец. Мучительной была необходимость из-за слепоты пользоваться чьей-то помощью для того, чтобы подойти к трону, но все же ему пришлось согласиться, и он был провозглашен императором.⁵⁸

Он пожелал немедленно связаться с царевичем Алексеем, находящимся в лагере крестоносцев. Весть о бегстве Алексея III и повторной коронации Исаака невозможно было утаить на долгое время. Руководству Византии теперь пужно было ждать, что принесет им дальнейшее развитие событий. Были направлены вестники, чтобы сообщить царевичу о том, что его отец вновь провозглашен императором, а узурпатор бежал. Как только эта новость достигла молодого Алексея, он сообщил ее маркграфу Бонифацию, который в свою очередь созвал всю знать на совет.

Воины собрались в шатре царевича, где он и объявил удивительное известие. Из шатра вырвался дружный радостный возглас. Как писал Виллардуэн, *«невозможно описать радость от этого известия, потому что такого счастья не испытывал никто в мире»*.⁵⁹ Крестоносцы возблагодарили господа за то, что тот поднял их из бездн отчаяния на недосягаемые высоты. Не осталось сомнений в божественном благоволении их действиям: «Тому, кому Господь хочет помочь, никто не сможет повредить». Их решение отправиться в Константинополь было правильным, господь одобрил их действия — иначе разве могли бы они достичь такого успеха?⁶⁰

ГЛАВА 10

**«Мне хотелось бы, чтобы ты знал: не
все меня любят»**

**Триумф и конфликты в Константинополе,
июль-август 1203 года**

Несмотря на успех крестоносцев, они должны были строго контролировать свои чувства. Если известие о бегстве Алексея III и возвращении к власти Исаака очевидно гарантировало положение молодого царевича, то в отношении к войнам Запада ясности было гораздо меньше. В конце концов, это они напали на город, который теперь был вынужден открыть перед ними ворота. Как его жители отреагируют на союзников царевича, особенно в свете активной антизападной пропаганды, которую в последние месяцы проводил Алексей III?

В лагере осаждавших царило настороженное ожидание. Византийцев начали подозревать в двуличности еще со времен Первого крестового похода, когда император Алексей I не оказал крестоносцам помощи при осаде Антиохии в 1098 году. Предательство греков было объявлено причиной сокрушительных поражений

королей Франции и Германии во время Второго крестового похода. Репрессии против уроженцев Запада в 1182 году и последующий союз с Саладином укрепили существовавшее недоверие к византийцам. Пока не было надежной информации, крестоносцы не снимали доспехов и привычно готовили оружие на тот случай, если Исаак или его советники решат продолжить сопротивление.

В течение утра 18 июля из Константинополя шел постоянный поток вестей и вестников, но все лишь повторяли одно и то же: император бежал, его слепой брат вернулся на императорский престол. Дож и вожди крестоносцев пытались разобраться в сложившейся ситуации. Они избрали четырех посланников — двух венецианцев, имена которых неизвестны, и двух французов, Мэтью де Монморанси и Жоффруа де Виллардуэна. Им было дано распоряжение испросить у Исаака подтверждения заключенному с царевичем соглашению — ибо от него, несомненно, зависело будущее крестового похода. Царевич Алексей стал для крестоносцев достоянием первостепенной важности. Они рассчитывали, что Исаак Ангел испытывает достаточную отцовскую привязанность и чувство признательности, чтобы исполнить обещания юноши.

Благодаря тому, что Виллардуэн входил в состав посольства, у нас есть свидетельство очевидца о событиях, происходивших 18 июля в Константинополе. Четверо посланцев выехали из лагеря крестоносцев и направились к возвышающимся в нескольких сотнях ярдов стенам города. Их встретил эскорт, сопроводивший поселенцев во Влахернский дворец. Выстроившаяся у ворот Варяжская дружина служила подтверждением, что эта важнейшая боевая единица поддерживает новый режим. С тяжелыми боевыми топорами на плечах гвардейцы образовывали живой коридор до главного входа в сам дворец.

Как и за пятнадцать месяцев до этого, входя в собор святого Марка, Виллардуэн с горсткой крестоносцев вновь вступал в изумительное, но незнакомое здание, не зная, какой

прием встретит. В Венеции он, по крайней мере, был уверен в поддержке со стороны правителя города, венецианского дожа — а в Константинополе не было даже таких гарантий. После многодневных попыток взять штурмом Влахернский дворец четверо крестоносцев теперь входили в это величественное здание.

Их провели в один из церемониальных залов, где посланцев поджидал византийский двор во всем своем великолепии. Помещение было заполнено константинопольской знатью, стоявшей так плотно, что яблоку было негде упасть. Все были в самых богатых нарядах: блестящих шелках, сверкающих драгоценностях, усыпавших длинные облачения. Когда Виллардуэн с тремя спутниками появились в зале, гудящем от незнакомой речи, он почувствовал на себе пристальные взгляды сотен глаз. Выражение лиц многих собравшихся выдавало их страх перед людьми, угрожавшими спокойствию города; другие пылали гневом за смерть и разрушения, принесенные в Константинополь; третьи разглядывали послов с пренебрежением — ведь по распространенному в Византии представлению они были всего лишь варварами. Лишь немногие пытались проявлять доброжелательность, чтобы убедить представителей крестоносцев в том, что борьба завершена.

В противоположном конце зала на императорском троне восседали Исаак и его супруга Маргарита, сестра короля Эмико Венгерского.

Виллардуэн пишет, что император был одет в самые драгоценные наряды, какие только можно себе представить, но его превосходила императрица, которую он характеризует как «весьма прескрасную даму». Виллардуэн по достоинству оценивает иронию ситуации, видя восседающую на тронах роскошную чету, которая еще вчера была заточена теми самыми людьми, которые сейчас простираются перед ними. Если этот народ способен так менять отношение к своим владыкам, то что же тогда говорить о верности чужакам?

Византийская знать оказывала знаки почтения посланникам, пока они шли по залу к императорским тронам. Исаак приветствовал их с должным уважением и через переводчика предложил говорить. Крестоносцы ответили, что просят от имени царевича и своих соратников частной беседы с императором. Этот ход был тщательно рассчитан: среди обещания Алексея были и весьма трудно выполнимые — например, подчинение православной церкви Риму и выплата крестоносцам огромных денежных сумм. Если бы такие вопросы начали рассматриваться перед всем византийским двором, это наверняка вызвало бы взрыв ярости. В худшем случае жизни посланников угрожала опасность — но, скорее всего, Исаак столкнулся бы с таким яростным проявлением возмущения, что не смог бы согласиться ни на какие предложения.

Император согласился и поднялся. Маргарита взяла его под руку и провела в другое помещение, куда, кроме посланцев, прошли только человек, которого Виллардуэн называет министром (возможно, это был один из крупных представителей византийской знати), и переводчик. До сих пор общее настроение встречи с греческой стороны говорило о покладистости, продиктованной опасностью и неустойчивостью момента. Обычно иностранные правители, посещавшие Константинополь, были вынуждены участвовать в долгих пышных церемониях, основной целью которых была демонстрация власти и могущества Византийской империи и превосходства греков. Например, если наносящему визит правителю дозволялось сидеть рядом с императором, его трон всегда был ниже, что делало положение вещей очевидным для всех. Король Людовик VII Французский был подвергнут такому изысному унижению при встрече в 1147 году с Мануилом Комнином. Современник тех событий, грек Иоанн Киннамос, писал: «Когда он вошел внутрь дворца, император восседал на троне, а ему было предложено более низкое сидение, которое латиняне именуют стулом».¹ Однако в 1203 году Виллардуэн и его спутники оказались в уди-

вительно благоприятном для гостей императорского двора положении, что подчеркнуло столь быстрое удовлетворение просьбы о частной аудиенции.

После того, как крестоносцы остались наедине с императором, Виллардуэн выступил как глава делегации. Он указал на ту огромную службу, которую они сослужили царевичу Алексею, выполнив со своей стороны все условия договора. Затем он предъявил основной козырь крестоносцев: *«Мы не можем позволить ему прибыть сюда до тех пор, пока он не предъявит нам гарантии выполнения соглашения со своей стороны. Потому он, как почтительный сын, просит вас подтвердить договор на тех же условиях, на которых было заключено соглашение»*.² Исаак с некоторым опасением осведомился относительно деталей договоренности, и Виллардуэн с готовностью их изложил.

Покрытые рубцами невидящие глаза Исаака ничего не могли выдать, но повисшая тишина показала, что он был захвачен врасплох условиями договора. Масштаб требований был ужасающим, и новый император понимал, что не сможет выполнить все требуемое — особенно с учетом слабости собственного политического положения. С другой стороны, он мечтал снова обнять сына, которого не видел уже больше трех лет. Кроме того, несмотря на стремление править страной, Исаак понимал, что слепота всегда будет подрывать его власть. А потому особенно важно было иметь верного наследника и соправителя из династии Ангелов.

То, что византийская элита предпочла вернуть его на престол, показывало, насколько она боялись крестоносцев, и как сильно бегство Алексея III повлияло на боевой дух греков. Исааку оставалось только надеяться на то, что этот страх будет достаточно силен, чтобы согласиться на утрату религиозной независимости и на выполнение огромных финансовых обязательств перед крестоносцами.

Ответ Исаака Виллардуэну демонстрирует противоречия между политической ситуацией и личными эмоциями: *«Эти условия очень суровы. Я не знаю, как мы сможем вы-*

*полнить их. И все же вы оказали такую значительную услугу и моему сыну, и мне, что если бы предстояло отдать вам всю империю, вы бы только получили заслуженное».*³ Возможно, здесь Виллардуэн приукрашивает нравственную ценность действий крестоносцев, а также заставляет Исаака изречь чрезвычайно точное пророчество — однако общий настрой ответа императора вполне правдоподобен. Виллардуэна скорее разоблачает отступление, в котором он повествует, что во время переговоров высказывались различные точки зрения. Возможно, этим он хотел всего лишь сообщить, что разгорелась жаркая полемика. Но крестоносцы были непреклонны: царевич Алексей заключил сделку, поручителем в которой выступил зять Исаака Филипп Швабский. Воины Запада со своей стороны исполнили все условия соглашения. Если император желает вновь увидеть своего сына, он должен дать согласие на полное выполнение договоренности.

В конце концов Исаак смягчился и поклялся выполнить соглашение. Относительно ратификации была составлена грамота, скрепленная золотой императорской печатью. Одна копия осталась у Исаака, другая была передана посланникам. После завершения всех формальностей крестоносцы распрощались с императором и, весьма удовлетворенные сделанной работой, с императорской грамотой вернулись в лагерь крестоносцев.

Наверняка царевич Алексей испытал огромное облегчение. Беспорядки и нестабильность в Константинополе могли означать для его отца катастрофу и привести к тому, что он сам будет вынужден оставить всякие надежды на престол. Но на сей раз все, казалось, шло по его плану. Нобли предложили царевичу подготовиться к возвращению в Константинополь. Греки распахнули городские ворота и радостно приветствовали его.

Для молодого царевича закончилось длинное путешествие. Мрачный период между 1195 и 1201 годами, когда он провел несколько месяцев в заточении в городе, затем отважный побег во Фракию, отказы в Гагенау и Риме, успешное

обращение к руководителям крестового похода, близость к фиаско экспедиции на Корфу, недели во время осады родного города — и вот наконец настало мгновение, венчающее его долгие странствия и поиски. Жители Константинополя приветствовали и поздравляли его, а он был счастлив вновь увидеть отца.

Торжество было увенчано роскошным пиршеством. Гуго де Сен-Поль описывает радостную и величественную церемонию; Никита Хониат, византийский современник событий, дает куда более желчный взгляд на происходящее. Предводители крестоносцев, облаченные в лучшие одеяния, прибыли в Великий дворец, где их усадили за столы в одном из залов. Во главе помещения располагались места Исаака и царевича Алексея. На победном пиршестве произносились речи, и Исаак с сыном произнесли настоящий панегирик людям, вернувшим им власть. Никита, не упускавший случая выразить неприязнь к юноше, назвал царевича «властолюбивым и ребячливым». Он сетует и по поводу щедрости церемонии. Выступали шуты и музыканты; слуги разносили роскошные деликатесы; все это происходило в богатейших залах в самом сердце императорского Константинополя.

Никита не может выносить столь льстивого отношения к западным варварам, которые так унизили любимый им город. То, что Исаак и царевич Алексей с трудом могли позволить себе такую роскошь, лишь усиливает мрачность его настроения.⁴

По окончании осады крестоносцы добились выполнения первоочередной задачи, и мучительное напряжение войны ослабло. Они смогли одолеть византийского императора без ужасающих последствий. Проблемы с продовольствием и безопасностью казались решенными, и теперь они могли задуматься о будущем, чтобы, укрепившись победой, что даровала им божья милость, направиться на Святую Землю.

Жители Константинополя ощутили, что смертельная угроза, нависшая над их городом, исчезла. Возвращение Исаака к власти означало избавление от страхов перед пожара-

ми, обстрелами и убийствами, которые могли учинить эти варвары, оказавшиеся за их стенами. Но все же, как наверняка заметил Исаак во время разговора с посланниками, несмотря на внешние проявления, большинство греков отпосилось к выходцам с Запада с глубочайшим недоверием. Знаящие о соглашении между императором и крестоносцами были глубоко огорчены его условиями. Прекрасно осведомленный о существующей напряженности, Исаак действовал благоразумно и быстро, чтобы смягчить положение. Армия крестоносцев, стоящая лагерем под стенами, была явственным напоминанием об их военной мощи. Тысячи жителей города остались без крова над головой или лишились имущества, а потому у них не было никаких оснований проявлять радость по поводу столь заметного присутствия крестоносцев. Исаак просил лидеров крестового похода перейти на другой берег Золотого Рога в районы Галата и Эстанор, где опасность столкновения с жителями Константинополя существенно уменьшалась. Нобли поняли смысл этого предложения и немедленно согласились. Чтобы облегчить переход, император предоставил хорошее продовольственное снабжение. Крестоносцы разместились в домах, а венецианцы выстроили свой флот вдоль побережья Золотого Рога, чтобы защитить его от зимней непогоды и отремонтировать суда, получившие повреждения во время осады.

После установления нового режима государь, как всегда бывает с новыми правителями, был вынужден отвечать на прошения о помиловании и покровительстве. Одним из освобожденных узников был Алексей Дука, видный представитель византийской знати, находившийся в заключении семь лет. Дука, которого все звали Мурзуфлом из-за сросшихся над носом бровей, был назначен на пост протовестария, или камергера*, что являлось высокой должностью при

* Протовестарий — управляющий царским гардеробом, то есть имперский казначей. К указанному времени это была одна из самых высших государственных должностей в Византии. (*Прим. ред.*)

дворе. За двенадцать месяцев этот выдающийся деятель дал крестоносцам все основания пожалеть о его освобождении.

Другое прошение пришло от мусульманина Кей-Хосрова, брата султана Икониума. Как и Исаак, он был смещен со своего престола младшим братом и также мечтал о помощи крестоносцев в возвращении того, что считал своим по праву. Константинопольский успех заставил его просить об аналогичной услуге. Как и царевич Алексей, Кей-Хосров обещал огромные денежные выплаты. Таким же было и обещание принять крещение и привести свой народ в католическую веру. Робер де Клари отмечает, что французская знать и дож собрались и долго обсуждали это предложение. Многие правящие дома средневекового мира вступали в конфликт за престолонаследие. Следовало ли крестоносцам становиться вечными борцами за правду, непрерывно вмешиваясь во внутренние дела государств, чтобы установить надлежащий порядок? И стоило ли распространять свои действия и на мусульманский мир? Хотя дело Кей-Хосрова и казалось справедливым, а включение империи сельджуков в христианский мир было бы прекрасным достижением, собрание все же решило отказаться от соглашения. Крестовый поход начинал зависеть от множества пока не выполненных обещаний относительно выплаты денег и религиозных подчинений. Как отнесется Европа, уже враждебно настроенная, к известию о союзе с мусульманским эмиром, насколько бы ни были заманчивы его предложения?

На самом же деле предложение Кей-Хосрова было не столь невыполнимо, как может показаться. В течение предшествовавших десятилетий папство прилагало серьезные усилия, чтобы убедить сельджуков перейти в христианство, и между двумя сторонами велись серьезные переговоры.⁵ Однако в условиях 1203 года такой переход казался невероятным, и именно так было сообщено Кей-Хосрову. Он осведомился у крестоносцев, почему те отказываются помочь. В ответ он услышал, что причина в ненадежности

правления в Константинополе — равно как и в том, что крестоносцы все еще ждали обещанных денег, отсутствие которых не давало им возможности покинуть город. Кей-Хосров пришел в ярость и помчался в Малую Азию, чтобы самостоятельно вернуть себе земли.⁶

Оказавшись в Константинополе, граф Людовик де Блуа был особенно заинтересован в том, чтобы разыскать одного заметного представителя окружения предыдущего императора. Его тетка Агнесса вышла замуж за Феодора Бранаса, выходца из знатного византийского рода.⁷ Несколько знатных французов попытались повидаться с Агнессой. Они оказали ей должное почтение и выразили готовность к услугам — но были встречены резкой враждебностью. Супруг Агнессы был видным представителем режима Алексея III, и после потери им службы ее положение значительно ухудшилось. Из-за крестоносцев она не могла больше рассчитывать на положение среди элиты. Она отказалась говорить с гостями, а потом сделала вид, что не понимает французского языка. Тогда ее племянник представился, но Робер де Клари не отмечает, произвело ли это на нее какое-либо впечатление.⁸

Во время пребывания крестоносцев в Константинополе они встречались с представителями народов, о которых никогда прежде не знали. Однажды во время визита знати к императору во дворец прибыл король Нубии. Робер де Клари с интересом говорит о его черной коже — будучи уроженцем Северной Франции, он едва ли когда-нибудь встречал жителей стран, расположенных к югу от Египта. Еще большее любопытство рыцаря вызвал крест на лбу короля. Царевич Алексей официально приветствовал гостя, как приличествовало его королевскому достоинству, и представил крестоносцам. При помощи переводчиков они поняли, что король оказался в Константинополе в качестве паломника. Он собиравшийся в путь с шестьюдесятью спутниками, пятьдесят из них погибли, не дойдя до священного города,

а теперь в живых остался только один. Посетив Константинополь, этот неустрашимый путешественник собирался направиться в Рим, оттуда в Сантьяго-де-Компостела в Северной Испании, а затем вернуться в Иерусалим, чтобы там умереть: такое место упокоения вполне подходило для столь пoboжного и преданного паломника. Крестоносцы узнали, что все пубийцы — христиане, и после крещения ребенка клеймили знаком креста. Странник показался удивительным во всех отношениях, и Робер де Клари отмечает, что «на короля смотрели с нескрываемым интересом».⁹

В последующие дни, когда спало напряжение, крестоносцы начали вести себя как паломники или туристы. Они по мосту или на лодках перебирались в город и знакомились с его дворцами и церквями. Константинополь представлял собой настоящую духовную сокровищницу. Виллардуэн с трудом мог поверить, что в городе находится такое количество реликвий, «столько же, сколько во всем остальном мире», — писал он с восторгом.¹⁰ В суровых и благочестивых войнах вид такого количества реликвий, тесно связанных с жизнью Христа, как, например, частицы креста и крестный венец, расположенных в богатейших хранилищах, пробуждал благочестивое настроение. Они благоговели перед святынями и благодарили Господа за то, что он позволил им достичь таких мест. Святыни напоминали им и о конечной цели кампании — освобождении земель Христовых. Кроме религиозных откровений, не забывались и дела торговли. Венецианцы активно воспользовались коммерческими выгодами своего нового положения в городе.

Несмотря на мир, установившийся после снятия осады, крестоносцы все же относились к грекам с некоторым недоверием. Пытаясь обеспечить большую безопасность крестоносцев, французы и венецианцы потребовали разрушить большой участок городской стены (по Роберу де Клари — примерно в 320 футов). Столь явное открытие внутренних частей Константинополя стало еще одним резким напоминанием о непрощеном присутствии гостей.¹¹

У крестоносцев была возможность обдумать свои достижения, поставить в известность об успехе родственников в Европе и различные заинтересованные стороны на Западе. Как воспримет их действия папа римский? Иннокентий писал крестоносцам в конце июня, явно давая понять, что не желает нападения на Константинополь, исключение могут составить только особые обстоятельства и разрешение от него или его легата. Он напомнил о своем неприязненном отношении к дожу и его людям, повторив венецианцам, что они продолжают быть отлученными от церкви. Папа выразил надежду, что крестоносцы исправят свое поведение — ибо в противном случае будут не *«кающимися грешниками, но обманщиками, поскольку кающийся, который возвращается к оставленному греху, подобен псу, возвращающемуся к своей блевотине»*.¹²

Несмотря на недоверие к венецианцам, в другом письме того же времени Иннокентий выражает понимание того, что для продолжения крестового похода необходима гибкость. Он разрешает крестоносцам отправиться на Левант на венецианских кораблях, несмотря на то, что таким образом воины будут пользоваться судами отлученных от церкви. Однако если люди дожа еще не покинут их к моменту начала войны, крестоносцам не следует сражаться вместе с ними, иначе они рискуют поражением. Господь не станет милостиво взирать на сражения отлученных, а крестоносцы могут пострадать вместе с ними. Неприязнь Иннокентия к дожу была настолько сильной, что он даже позволил крестоносцам напасть на венецианцев, если те будут мешать экспедиции. Он также позволил им забрать из Византии достаточное количество продовольствия, пока его можно добывать, *«не причиняя вреда людям»*.¹³

Несмотря на попытки Иннокентия руководить крестовым походом, возможности дистанционного управления в средневековом мире были весьма ограничены, и зачастую к моменту прибытия его указания совершенно устаревали. Его письмо от десятого августа, написанное почти месяц

спустя после сдачи Константинополя, было написано смиренным тоном. Он знал, что экспедиция направилась в Византию, и скорбел по поводу того, что крестоносцы совершенно забыли о святынях Святой Земли.¹⁴

Эти письма дают нам некоторое представление о настроениях Иннокентия в тот период, показывают его недоверие к византийцам, заботу о государстве крестоносцев и беспокойство по поводу направления, избранного экспедицией. Крестоносцы должны были сделать попытку переубедить папу римского. Послание графа Гуго де Сен-Поля является самым детальным из сохранившихся писем, отправленных на Запад после июля 1203 года. Оно демонстрирует взгляд крестоносца на недавние достигнутые успехи. Сохранились не менее четырех копий этого письма, почти наверняка были отправлены и другие, которые ныне утрачены.

Гуго, как одному из лидеров крестового похода, имелось что сказать. Новость об изменении маршрута экспедиции начала распространяться по дворам Западной Европы и, в зависимости от того, как подавалась информация, крестоносцы могли рисоваться в очень мрачных тонах. В августе 1203 года, сразу же после победы, убедившись в божественном одобрении решения отправиться в Константинополь, Гуго вполне мог воспользоваться прекрасной возможностью рассказать о событиях со своей стороны. Кроме прекрасного описания осады глазами очевидца, письмо француза рассказывает о высоких моральных качествах крестоносцев и резко осуждает тех, кто покинул армию за время ее продвижения. Его точка зрения — интересная смесь воззрений искреннего христианского воина и благородного рыцаря. Важно, что в письме предстают мысли человека, по-прежнему стремящегося к основной цели экспедиции — к Иерусалиму. Не возникает ощущения, что Гуго изначально собирался покорять Константинополь, скорее он и его товарищи рассматривали это как вынужденный путь к достижению главной цели — освобождения земель Христовых.

После описания падения Константинополя Гуго обращается к критике тех, кто оставил крестовый поход: *«Хочу особо заметить, что Стефан де Перш, Рейно де Монмираль, Ангерран де Бове... Симон де Моифор ... и настоятель из Во[Серне] со своими судами отделились от флота. Они стремились к Иерусалиму... и покинули нас и нашу армию, когда мы находились в смертельной опасности»*.¹⁵ Наряду с необходимостью отвечать на критику в словах Гуго чувствуется и искренний гнев на решение оставить экспедицию и действовать по своему разумению.

Возможно, за попыткой превознести дожа Дандоло в большей мере скрывается дипломатическая необходимость: *«Воистину необходимо похвалить венецианского дожа, который, принимая непростые решения, оказался благоразумным, рассудительным и мудрым»*. На Западе многие люди, например, папа Иннокентий III, да и некоторые из крестоносцев, такие, как Гунтер из Пайри, считали, что жадные венецианцы действуют только из стремления к наживе. Однако с точки зрения графа Гуго де Сен-Поля превосходное руководство Дандоло и его мудрые советы были достойны всяческой похвалы. Его доводы являют собой попытку повлиять на враждебное отношение к дожу.

Основную часть послания Гуго посвятил оправданию отклонения крестового похода в Константинополь. Он уже отмечал причины, по которым царевич Алексей должен был оказаться на престоле, а также сделанные им финансовые предложения, но основную и самую «славную» причину он приберет для заключительной части письма:

«Мы старались преуспеть в делах Христовых с божьей помощью, чтобы Восточная церковь, возглавляемая Константинополем, вместе с императором и всей империей воссоединилась бы с Римским понтификом, ...признав себя дочерью Римской церкви. Пусть она и в будущем со склоненной головой благочестиво подчиняется ей, согласно доброму установлению. Сам патриарх, стремящийся

к этому шагу, обращался с прошениями к Римскому престолу, чтобы стать под его омофор. Он вместе с императором присягнул нам в этом священной клятвой».

Другими словами, Гуго показывает нам, что крестоносцы объясняли свои действия благом католической церкви. Теоретически они преодолевали раскол, случившийся 149 лет назад, и это ли не был повод для благодарности и восхищения? Но Гуго несколько опережал события. Последующие дни показали, что он был излишне оптимистичен в оценке энтузиазма византийцев относительно подчинения их церкви Риму.

Еще одной причиной, по которой требовалось всячески подчеркнуть успехи крестоносцев, было признание Гуго, что экспедиция не сможет отправиться на Святую Землю вплоть до следующей весны. Это тоже могло стать поводом для критики — поэтому Гуго объяснял, что задержка неизбежна, если они хотят получить выгоду от военной поддержки царевича для кампании в Египте. Он уверял, что ради такой помощи стоит и подождать. Крестоносцы и император уже написали грозное послание египетскому султану аль-Адулу (брату Саладина, которого на Западе обычно именовали Сафадином), «нечестивому захватчику Святой Земли», извещая его о том, что объединенные силы христиан скоро нападут на него. Гуго также выражает надежду на то, что жители Леванта ободрятся такой новостью и станут ждать поддержки с новыми силами.

Одна из копий послания Гуго, отправленная графу Генриху Лувенскому, который участвовал в Германском крестовом походе в 1197–1198 годах, имеет дополнительный пункт с доводами в пользу присоединения к экспедиции. Грядущая египетская кампания описывается высоким рыцарским слогом:

«Тебе следует знать, что мы решились на поединок с султаном Вавилона [т.е. Каира], что рядом с Александ-

рией. А потому, если кто-то пожелает служить во славу Господа и хочет носить прославленное и великолепное звание рыцаря, то пусть примет крест и следует Господу, и пускай отправляется на поединок во Имя Его, на который приглашает сам Всевышний».¹⁶

Столь замечательный образ прекрасно сочетает рыцарскую одержимость турнирами с идеей крестового похода. Нападение на Египет рисуется как поединок, созываемый Господом, который предоставляет прекрасную возможность для героических подвигов. К тому же в отличие от обычных турниров, в которых сражаются из личных соображений, здесь деяния угодны богу.

Как мирянин, пытающийся убедить других принять крест, Гуго вполне уверен, что акцент на приближенных к обычной жизни сторонах священной войны с наибольшей вероятностью может обеспечить желаемый результат. Возможно, слияние рыцарского турнира и священной войны дает возможность посмотреть на крестовые походы теми глазами, которыми смотрели на них сами крестоносцы — в отличие от священнослужителей.¹⁷

Дождандоло тоже составил послание, ныне утраченное, в котором пытался объяснить причины нападения на Зару. Иннокентий охарактеризовал это нападение как «акт насилия, который стал печально знаменит по всему миру». Дожд подчеркивает, что осада Константинополя дала несомненную выгоду католической церкви, а также делу возвращения Святой Земли.¹⁸

Постепенно крестоносцы и византийцы привыкали к новым взаимоотношениям между ними, а тем временем шли приготовления к официальной коронации царевича Алексея. В знак одобрения попыток подтолкнуть православную церковь к признанию верховенства Рима церемония была назначена на 1 августа — день святого Петра, в который достигший двадцати одного года юноша с большой помпой

присоединился к отцу в качестве правителя Византийской империи.

И мемуары Виллардуэна, и корреспонденция лидеров крестового похода предпочитают опускать информацию о том, как Исаак Ангел царствовал в Константинополе в качестве соправителя. Возможно, причина кроется в том, что Исаак прежде заключил союз с Саладином — что должно было вызвать претензии к нему на Западе. Крестоносцы не хотели, чтобы пятно прежних связей лишало блеска их нынешний успех. Скопцентрировав внимание на Алексее IV, который не был запятнан прежней дипломатией, Виллардуэн обеспечивал себе возможность изящнее очернить его отца в случае последующих вероломных действий.

Вскоре после коронации Алексей IV направил папе римскому собственное описание событий, дополнив его благодарностями в адрес крестоносцев. Следует помнить, что он встречался с папой в начале 1202 года, когда Иннокентий отказал молодому царевичу в помощи. Алексей стремился превзойти письма графа Гуго де Сен-Поля и дожа, чтобы противостоять непочтительным отзывам о нем крестоносцев, покинувших экспедицию в Заре или на Корфу. Как и Гуго, Алексей стремился изменить точку зрения Рима и общественного мнения Западной Европы в отношении экспедиции, которая часто воспринималась как плохо руководимая и направляемая лишь корыстью. Эта задача была непростой — крестоносцам и их союзникам приходилось работать не покладая рук, демонстрируя свои успехи и подчеркивая пользу, которую их действия принесли католической церкви. Им настоятельно требовалось загладить очевидное неповиновение папе римскому в Заре.

Основными темами письма нового императора были, во-первых, моральное оправдание действий его крестоносцев, приведших к восстановлению на престоле незаконно лишённого власти отца, а во-вторых — радостное извещение о том, что православная церковь согласилась признать вер-

ховную власть папы римского. Естественно, спасение Исаака и свое Алексей приписывал божественной воле. Он взял на себя труд объяснить, зачем крестоносцам понадобилась осада Константинополя — хотя и не приводил подробностей военных действий. Как и в письме Гуго де Сен-Поля, здесь доказывается «совершенная непредвиденность событий», в результате чего для установления власти в городе потребовалось применение силы.

В том, что дело дошло до войны, Алексей обвиняет враждебную пропаганду узурпатора: *«Он так напугал ждавший нас царственный город своими ядовитыми речами, что тот принял латинян [крестоносцев] за врагов, пришедших свергнуть древние народные свободы»*. Разумеется, на самом деле Алексей сознательно использовал неприязненное отношение к уроженцам Запада в своих целях. Такие воззрения были для византийцев совершенно естественны — и, конечно, оставались потенциальной угрозой для нового режима.

Затем Алексей IV обратился к вопросу, который чрезвычайно волновал папу Иннокентия — а именно к статусу Православной церкви. Он подчеркнул, насколько этот вопрос был важен для крестоносцев при решении помочь ему: *«Должен признаться, что одно обстоятельство особенно склонило сердца пилигримов к помощи в нашем деле»*. Другими словами, крестоносцев подталкивало не земное стремление к славе или богатству, но куда более возвышенные мотивы. Далее Алексей продолжает:

«...Мы искренне пообещали, что смиренно признаем церковного главу всего христианства, а именно Римского понтифика... Мы приложим все усилия, чтобы привести к нему Восточную церковь, если божественной милостью сможем вернуться на трон. Мы прекрасно понимаем огромную честь и пользу для империи и вечную славу для себя, если в наше время и нашими усилиями христианский мир вновь обретет единство».

Алексей особо подчеркнул собственное намерение и желание признать главенство папы. Однако после всех добрых вестей всплывает указание на слабость Алексея в качестве императора и изначальную сомнительность его обещаний. Он пишет: *«Мы рассудительно будем подвигать Восточную церковь со всем нашим могуществом до самого конца»*. На этих словах папа Иннокентий мог криво усмехнуться. Фактически Алексей заявлял, что постарается убедить православное духовенство последовать за ним — однако его власть была ограниченной, так что он не мог, как императоры прошедших эпох, приказать духовенству действовать определенным образом, будучи уверен, что они согласятся. Даже если бы Православный патриарх дал свое согласие, власть Константинополя в тот момент была столь непрочна, что священнослужители на местах могли по-прежнему действовать по-своему, если бы пожелали. Таким образом, обещания Алексея звучали фальшиво, и, по сути, единственным свершением крестоносцев было его возвращение к власти.

После коронации Алексея руководство крестоносцев совместно направило на Запад известия о своих достижениях.¹⁹ Очевидно, что на их стороне был и явное божественное благоволение — хотя, как видно из письма Алексея IV, не все было так просто и легко, как старались показать лидеры похода. Сохранилось несколько копий письма nobлей, адресованных германскому императору Оттону IV, всем западным христианам и самому папе римскому. Возможно, были отправлены и другие, но они не сохранились.

В письме освещены основные моменты: договор по Заре, путешествие в Константинополь, неожиданно холодный прием царевича Алексея подданными, столкновение с узурпатором Алексеем III, мужество крестоносцев перед лицом превосходящих сил противника, постыдное бегство императора и коронация Алексея IV. Так могло свершиться только благодаря божьему провидению. Это становится ясным из первых строк письма: *«Сколь много сделал для нас Гос-*

подъ, но, напротив, не для нас, а ради Имени Своего, сколько торжества даровал в эти дни — об этом мы повествуем вкратце...» И далее: *«Если кто-то из нас желает возвеличиться, да будет возвеличен в Господе, а не в себе самом или ком-то другом»*. Отчетливо дается понять, что крестоносцы действовали совершенно законно. Масштаб их свершений придает письму оптимистическое звучание, а решение остаться на зиму 1203/04 года в Константинополе рисуется самым положительным образом. Кроме того, крестоносцы были совершенно уверены в финансовой и военной поддержке, обещанной Алексеем IV.

Копия письма, адресованная всем истинным христианам, ставила целью призвать духовенство созвать новых добровольцев для дела Господня, используя столь благоприятное стечение обстоятельств. Другими словами, нужны были новые крестоносцы. Требовались сильные и смелые воины, которых излишне оптимистично пытались уверить в том, что впереди только более легкая часть кампании: *«Разумеется, мучительные и почти невыносимые трудности, которые мы уже преодолели, им уже не грозят, ведь благодать, нисходящая с Небес, милостиво коснулась нас»*. Руководство крестоносцев уверяло, что *«малая толика терпения и трудов не только принесет им славу, но и дарует вечную благодать»*. Таким образом, использовались обычные посулы почестей и божественного расположения, усиленные уверениями в скором успешном завершении кампании.²⁰ Звучала надежда на то, что новобранцы будут не только способствовать победе на Святой Земле, но и помогут восполнить значительные потери под Зарой и на Корфу.

Алексей не стал задерживаться с началом выплаты крестоносцам огромной денежной суммы. Он передал венецианцам 50 000 марок, еще 36 000 марок были отданы дожу как невыплаченный долг за крестоносцев по первоначальному контракту, заключенному в апреле 1201 года. Остаток был выплачен руководству крестоносцев — что позволило тем, кто одалживал деньги для оплаты за проезд на

кораблях, вернуть долги.²¹ Возникло ощущение, что бремя, тяготившее экспедицию, начало облегчаться. Но если посмотреть глубже, все было не так хорошо.

Если финансовое положение крестоносцев улучшилось, то для Исаака и Алексея оно приблизилось к критической границе. Огромные суммы, необходимые для выполнения обязательств перед уроженцами Запада, превосходили доступные средства. Алексею III удалось вывезти с собой в изгнание значительное состояние. В результате, с учетом стоимости найма крестоносцев и общим ослаблением императорской власти в течение последних месяцев, казна оказалась практически пуста. И все же новые императоры понимали, что должны выполнять требования своих воинственных гостей.

Оставалась одна возможность — путь, отдававший их на волю божественной милости. Для того, чтобы обеспечить необходимое количество золота и серебра, началась переплавка части драгоценных церковных украшений, которые и превращали Константинополь в центр благочестия. Такое решение демонстрирует степень отчаяния, до которой дошли греки.

Решение на подобное святотатство, несомненно, провоцировало гнев Господень. Случалось, что в Западной Европе в некоторых церквях драгоценные сосуды также переплавлялись для создания денежного запаса, необходимого для отправляющихся в путь крестоносцев — однако такую меру хотя бы можно было объяснить помощью ради богоугодного дела. В данном же случае к столь оскорбительным действиям вели алчные требования крестоносцев, «испытывающих жажду после возлияний объемом в Тирренское море», как метко замечал Никита Хониат. Едва ли можно выразить словами смесь ярости, недовольства и удивления, которую испытывал Никита. Он рассматривал происходящее как поворотную точку для Византии, мгновение, в которое Алексей IV так искажил естественный ход событий, что разрушил целостность империи. Никита писал: «Совер-

шенно пренебрегая законом, он дерзнул прикоснуться к неприкосновенному, отчего, как мне кажется, Римское государство было полностью разрушено и исчезло». Люди императора энергично взялись за работу:

«Это зрелище нужно было видеть. Священные иконы Христа разрубались топорами на куски, вышвыривались и затем предавались огню, а их украшения грубо отламывались. Священные сосуды с равнодушием были вынесены из храмов, переплавлены и отданы вражеским войскам в качестве простого золота или серебра».

Для Никиты это святотатство омрачалось явным безразличием обоих соправителей-императоров и большинства населения. Он делал такой вывод: *«Своим молчанием, чтобы не сказать бессердечием, мы приравняли себя к этим безумцам. Поскольку мы сами были виновны, то и претерпели, и выстрадали худшие из зол».*²²

Лето близилось к концу. Император Алексей нередко встречался со знатно крестоносцев. Он стал близок с некоторыми из них — в особенности с Бонифацием Монферратским. Но в то время как его отношения с уроженцами Запада были достаточно сердечными, утверждение власти над Византией становилось все более сложной задачей. Если в течение десятилетий крестоносцы относились к грекам с недоверием, то справедливо было и обратное: византийцы всегда скептически относились к мотивам, руководящим армиями, проходящими через Константинополь, и опасались возможной агрессии с их стороны. Можно также вспомнить, что волнения, направленные против латинян, в 1180-х годах получили широкую народную поддержку.

Положение крестоносцев, поставивших царевича Алексея на императорский престол, вызывало огромное беспокойство и враждебность. Как мы видели, у молодого человека не было ни опыта власти, ни чего-либо другого, способного привлечь преданных сторонников. Фактически

Алексей стал императором только из-за угрозы, которую представляли для Константинополя его союзники, и из-за трусости Алексея III. За несколько недель, прошедших с момента появления нового властителя, он вполне осознал неприязнь, которую испытывала к нему и его союзникам значительная часть народа.

Вдобавок ему было необходимо также установить власть над той частью Византийской империи, что находилась за пределами Константинополя. Во времена, когда не существовало телевидения, способного мгновенно распространить по всем провинциям образ вождя, средневековым правителям, особенно тем, кто оказался на троне в столь сложных обстоятельствах, приходилось садиться в седло и предьявлять себя людям. Император был вынужден проезжать по своим владениям, уверяясь в их преданности либо, если они сопротивлялись, подчиняя их силой. Такое путешествие могло принести деньги, в которых он нуждался, однако для него необходима была поддержка. Разумеется, за ней Алексей обратился к крестоносцам.

Он направился в лагерь крестоносцев и договорился о встрече с их руководителями. Предстоял не просто визит вежливости, поэтому все нобли собрались в шатре Балдуина Фландрского. Алексей поблагодарил союзников за помощь: «Вы оказали мне величайшую поддержку, какую получал христианин», — но был вынужден заявить о том, что и так становилось все более очевидным: *«Должен сказать вам, что не весь народ любит меня, хотя они не показывают вида. Более того, греки полны сожаления, что я вернул себе империю с вашей помощью»*.²³

Алексей знал, что соглашение крестоносцев с венецианцами истекает в конце сентября и, таким образом, они вскоре должны покинуть Константинополь. Он понимал, что к этому времени у него почти нет возможности выполнить все свои обещания. Необходимо было время, чтобы собрать деньги, корабли и военные соединения, которые он обещал предоставить. Но еще важнее, что он был вынужден задум-

маться о своем будущем. Сведения Виллардуэна о речи императора сохранили привкус отчаяния: *«Должен признаться, что греки ненавидят меня из-за вас. Если вы покинете меня, я потеряю империю и сам буду предан смерти»*.²⁴

У нового императора просто не было времени, чтобы укрепить свое положение. Он молил крестоносцев о помощи и снова обещал весьма выгодные финансовые предложения. Алексей просил их остаться до марта 1204 года, когда вновь станет возможным плавание по Средиземному морю. Если они останутся, то он обещал выплатить стоимость флота до сентября 1204 года — через год после истечения договора с венецианцами, а также обеспечить французов и итальянцев продовольствием вплоть до их отбытия весной. Он рассчитывал к тому времени установить подлинный порядок в своих владениях, не опасаясь возвращения своего предшественника. Когда Алексей будет держать в руках подлинную власть, податей и налогов будет достаточно для выплаты крестоносцам и организации флота для перевозки византийцев. Если предложение будет принято, у крестоносцев будет лето 1204 года, чтобы сражаться с мусульманами — при этом у них будут хорошие припасы, а армия усилится поддержкой греков.

Нобли задумались над словами императора. Многим была совершенно очевидна нынешняя слабость Алексея, а его предложение сулило выгоды для обеих сторон. Однако они прекрасно помнили, насколько трудно было убедить армию принять первое предложение царевича еще на Корфу. Сложность усугублялась тем, что не все обещанное было выполнено, а людям предлагалась еще одна задержка перед отправлением на Святую Землю. Вожди крестоносцев объяснили Алексею, что им необходимо обсудить предложение, и император вернулся в город.

На следующий день Балдуин, Бонифаций и Дандоло созвали знать и рыцарей. Разумеется, когда были представлены новые предложения, возникло волнение, и вновь возникли те же разногласия, что и на Корфу. Основная часть

руководства похода, соглашавшаяся с нападением на Зару и оказывавшая поддержку Алексею, была готова принять его план и остаться на зиму в Константинополе. Для тех, кто угрожал уходом в Бригидизи, он казался лишь очередным промедлением. Они считали, что вся экспедиция беспрельдно растянулась, и напомнили Балдуину и Бонифацию, что согласились направиться в Константинополь при условии, что смогут покинуть город при первом требовании.

Руководители экспедиции аргументировали свою точку зрения наступлением осени и периода, малопригодного для навигации. Если предположить, что сборы и подготовка флота займут около двух недель, а плавание — около месяца, то крестовый поход окажется в Сирии не раньше начала зимы. Дожди и холода не дадут возможности вести на Святой Земле военные действия. Армия окажется заперта в одном из приморских городов, что, возможно, приведет к напряженности в отношениях с местными жителями и однозначно потребует расходования огромного количества припасов. Ожидание же до марта в Константинополе даст бесплатный провиант и обеспечит утверждение власти Алексея — что, в свою очередь, даст ему возможность в полной мере снабдить экспедицию. Венецианцы также смогут остаться в городе. Отдохнувшие, хорошо экипированные войска будут лучше подготовлены к завоеванию заморских земель.

В конце концов последний аргумент оказался решающим. Если, как предпочитало верить большинство руководителей, Алексей будет иметь желание и возможность выполнить свои обещания, тогда отсрочка до весны имеет все преимущества. Венецианцы пообещали продолжить помощь армии вплоть до Рождества 1204 года. По сведениям Виллардуэна, Алексей «заплатил им достаточно, чтобы подождать».²⁵ Крестоносцы в свою очередь поклялись оставаться союзниками венецианцев в течение того же времени, и вопрос был решен.

Когда было принято столь важное решение, император и крестоносцы начали готовиться к путешествию по провинциям. В нем Алексея сопровождали представители высшей знати, что показывает важность предприятия. Бонифаций Монферратский, Гуго де Сен-Поль и Генрих Фландрский — вот имена части крестоносцев, решивших принять участие в экспедиции. Присутствие таких могущественных рыцарей и опытных воинов могло оказаться немаловажным. Существовала, разумеется, вероятность финансовой награды и возможность совершить рыцарские деяния. В «*Devastatio Constantinopolitana*» упоминается, что Алексий предложил «рыцарям и пехотинцам, которые согласятся сопровождать его, значительные награды и почести».²⁶ Никита Хониат считает, что император предложил Бонифацию Монферратскому шестнадцать центнеров* золота, от чего, разумеется, было невозможно отказаться.²⁷

Однако отправление всей армии крестоносцев из Константинополя было бы неблагоприятным, поскольку могло подвергнуть опасности Исаака. Его сын и французская знать наверняка осознавали необходимость обеспечения охраны стареющего императора. Потому граф Балдуин Фландрский и граф Людовик де Блуас остались в Константинополе вместе с венецианцами, чей мореходный опыт в данном случае не мог оказаться полезным.

Приготовления крестоносцев омрачились смертью Мэтью де Монморанси, одного из виднейших рыцарей кампании, ветерана Третьего крестового похода. Мэтью был активным сторонником поворота к Константинополю и командиром одного из семи отрядов во время его осады. Он заболел в августе 1203 года и в том же месяце скончался, что вызвало всеобщую скорбь. Виллардуэн принес дань благодарности «одному из лучших рыцарей Франции, глубоко чтимому и любимому».²⁸ Интересно, что Мэтью был

* Центнер — мера веса, равная 112 фунтам (первоначально 100 фунтов), то есть 50,8 кг.

похоронен в Константинополе в церкви рыцарей-госпитальеров. Это было весьма большой честью, знаком того, что этот человек скончался на службе Господу и в минуту смерти стремился достичь земного Иерусалима.

В середине августа Алексей и его союзники-крестоносцы выступили из Константинополя для выполнения своей миссии. Одной из целей экспедиции был захват Алексея III, все еще лелеявшего надежду вернуться к власти. Впрочем, учитывая его слабость на тот момент, было маловероятно, что он рискнет оказаться поблизости от столь могущественной армии. Постыдное бегство Алексея III и появление его преемника с иноземными солдатами означало, что большинство данников Константинополя станет оказывать почет новому правителю, что от них и требовалось.

Алексей IV и крестоносцы не стали делать свое путешествие излишне долгим. Похоже, они предпочли отказаться от посещения западных районов империи, таких, как Фессалоники и Пелопоннес — возможно, из-за опасения на слишком долгое время оказаться вдали от Константинополя.

Одной из значимых фигур, отказавшихся признать Алексея, оказался человек, который посетит крестоносцев, когда они возьмут на себя управление Константинополем — Иоаница, король Болгарии (1197–1207)*.

Болгары, соседствующие с ними влахи и язычники-куманы** уже более двадцати лет были занозой для Византии. Иоаница контролировал значительные территории. Болгария ранее находилась в составе греческих владений, но ее правители в 1180-х годах объявили о независимости.

* У автора — Johaniza. Имеется в виду болгарский царь Калоян, которого латиняне и греки называли Иоанном Мизийским (Мизия — территория между Дунаем и Балканами, современная Болгария). (Прим. ред.)

** Тюрки-кыпчаки, жившие в Северном Причерноморье с XI века. На Руси их называли половцами, в Византии — «скифами». (Прим. ред.)

Появление нового императора, независимо от наличия у него западных союзников, давало Иоанице повод сохранить автономию, так что он отказался признать власть молодого Алексея.²⁹

Император направился на северо-запад в город Адрианополь во Фракии, где на недолгое время пытался утвердиться его соперник Алексей III — который, разумеется, предусмотрительно покинул город до появления неприятеля. Никита сообщает, что соединенные силы крестоносцев и византийцев покорили фракийские города и получили из них все возможное количество денег.³⁰ Между крестоносцами и императором возникло разногласие, поскольку Генрих Фландрский заявил, что ему не было выплачено обещанное количество денег. Не получив их, граф вместе со своим отрядом вернулся в Константинополь. Это лишний раз показало, насколько неустойчивы были отношения между Алексеем и крестоносцами — по крайней мере, частью из них. Также очевидно, насколько нужны были новому императору деньги для выполнения своих щедрых обещаний уроженцам Запада, несмотря на успешный ход кампании. Бонифаций и остальные крестоносцы остались с Алексеем и завершили путешествие без особых проблем.

ГЛАВА II

«Злой ангел-поджигатель»

Великий пожар, август 1203

Крестоносцы, оставшиеся в Константинополе, расположились, чтобы провести здесь осень и зиму, и ждали возвращения своих соратников, готовясь к новым приключениям по весне. Этот период должен был оказаться сравнительно спокойным, но вскоре уроженцы Запада оказались свидетелями ужасающего события, во многом связанного с их присутствием.

Несмотря на антизападные акции 1180-х годов и нападения на небольшие отряды латинян в десятилетия, предшествующие описываемым событиям, в Константинополе по-прежнему жило значительное количество европейцев. Некоторые, как пизанцы, продемонстрировали верность императорской власти во время осады, но после бегства Алексея III предусмотрительно изменили курс и нашли общий язык с Исааком и его сыном. Безусловно, такой оппортунизм огорчил многих византийцев — и Никита отмечает, что враждебность греков по отношению к колониям жителей Пизы и Амальфи привела к тому, что константинопольская

чернь начала поджигать их жилища. Это, в свою очередь привело к тому, что большинство европейцев перебралось на другую сторону Золотого Рога, поближе к собратьям-католикам.¹

Явное и активное участие крестоносцев в смене власти в Константинополе, а также их присутствие в качестве союзников молодого императора подогревало ненависть ко всем иноземцам. 19 августа 1203 года между группой греков и жившими в городе европейцами началась стычка, в ходе которой кто-то «из злобы», как пишет Виллардуэн, разжег огонь. Другие источники указывают на столкновение между крестоносцами и греками, в ходе которого первые, не имея других возможностей для защиты, подожгли одно из зданий. Никита Хониат, оказавшийся в то время в городе, представляет другую, более подробную версию. Он дает понять, что крестоносцы породили чудовищную цепь событий, в истоке которых лежит их ненасытная алчность. Интересно, что первоначально объектом их враждебности оказались не византийцы, а обитатели мечети, располагавшейся снаружи городских стен неподалеку от них, на противоположном от лагеря крестоносцев берегу Золотого Рога. Это была не единственная мечеть в городе (они существовали в Константинополе веками), но остальные расположились внутри городских стен. Вероятно, ее создание относилось к времени восстановления дружественных отношений между Исааком и Саладином.

Судя по всему, в ответ на антизападные выступления в Константинополе группа фламандских крестоносцев вместе с несколькими пизанцами и венецианцами на местных рыбацких лодках переправилась к мечети. Они ворвались в здание и начали грабить пахотящееся в нем имущество. Застигнутые врасплох мусульмане пытались защищаться, используя против мечей крестоносцев то, что оказалось под руками. Они обратились за помощью к грекам, которые с готовностью отозвались, радуясь возможности посчитаться с ненавистными захватчиками. Совместные усилия мусульман и

местных жителей заставили крестоносцев отступить — но, как и венецианцы во время первой осады, для прикрытия отступления и нанесения ущерба обороняющимся, они обратились к поджогу.

Не ограничиваясь уничтожением святыни неверных, крестоносцы подожгли еще несколько сооружений. Никита рассценивает этот шаг как попытку отомстить за предшествующие антизападные волнения. Едва ли она была санкционирована руководством крестового похода, поскольку те не хотели нарушать хрупкое равновесие, установившееся в отношениях с греками, тем более столь разрушительным и резким способом. Присутствие пизанцев, недавно пострадавших от выступлений толпы, а также использование местных судов также свидетельствует о несанкционированном характере набега. Несмотря на явную антипатию к уроженцам Запада, Никита приводит подробные детали происшествия, что позволяет считать его описание достаточно точным.

Как бы то ни было, последствия оказались ужасающими. Если пожар 17 июля нанес большой ущерб, то новый оказался еще более страшным. Жарким летом огонь быстро охватил плотно стоящие деревянные постройки, расположенные вокруг Золотого Рога, примерно в трети мили от восточной оконечности города. Невозможно было ни остановить распространение огня, ни тем более потушить его. Никита счел зрелище «небывалым, перед которым блекнут любые слова». В городе и раньше случались пожары, но по сравнению с нынешним «прежние можно считать лишь искрами».² Максимальный ущерб был причинен в течение первых двух дней и ночей. Северный ветер гнал пламя через город к Форуму Константина. Временами он менял направление, и тогда пламя металось, словно голодное чудовище, пожирающее все на своем пути. Жертвой огня стали не только деревянные строения. Великая Агора (рыночная площадь) была уничтожена, ее изящные галереи обрушились наземь, а могущественные колонны были опалены пожаром.

Расположившиеся на другом берегу Золотого Рога крестоносцы могли наблюдать, как пламя пожирает величественные храмы, огромные особняки и широкие улицы с купеческими лавками. Огонь перекидывался от одного здания к другому, а дым взлетал к небесам. Воздух звенел от криков людей, пойманных в огненные ловушки. Треск горящего дерева, грохот разрушающихся кладок, удары от падения стен, скрежет обрушающихся крыш сплетался в воистину адскую музыку.

День за днем разгоралось пламя, фронт пожара насчитывал сотни ярдов и поглотил огромные пространства в наиболее плотно заселенных частях города. Огонь спустился к бухте и даже рвался к самой Святой Софии. Никита сообщает, что сгорела стоявшая поблизости арка Миллиона, служившая в Константинополе точкой, от которой измерялись все дороги. Такая же участь постигла и церковный комплекс, именовавшийся обычно Синодом, чьи стены из обожженного кирпича и прочный фундамент не смогли противостоять температуре: «огонь пожрал все внутри, словно свечи».³

Огонь проложил через город огромную полосу, протянувшуюся от Золотого Рога до Мраморного моря. Константинополь оказался рассечен «посредине огромной расщелиной или рекой огня». Люди, чьи родственники оказались на другом конце города, вынуждены были пользоваться морским путем.⁴ Великий дворец остался невредимым, Ипподром и Форум Константина получили небольшие повреждения. Ветер с запада отогнал пламя к порту Феодосия, где оно перекинулось через стены, а искры даже воспламенили проходившее неподалеку судно.

Наконец через три дня огонь насытился и начал стихать, сражение с ним завершила вода из цистерн и акведуков. Не менее 440 акров* земли представляли собой обугленные

* Около 1890 гектаров. (Прим. ред.)

дымящиеся руины. Никита, любивший свой город и гордившийся им, оплакивал представшую перед ним прискорбную картину: «Горе мне! Ничем не возместить гибель прекраснейших дворцов, в которых было столько вызывавших всеобщую зависть сокровищ!»⁵

Местные жители были твердо убеждены, что в пожаре виновны уроженцы Запада. С того времени, как сообщает Виллардуэн, оставаться в Константинополе стало опасно. По его оценке, оттуда в лагерь крестоносцев бежали около пятнадцати тысяч человек, унося с собой все, что было возможно. С одной стороны, возникала проблема, так как всех необходимо было кормить. Но с другой, они представляли собой потенциальных воинов и рабочих, «из всех создалась единая армия», — сказано в «*Devastatio Constantinopolitana*». ⁶ В итоге, не считая потери людей и имущества, пожар создал глубокий раскол между византийцами и крестоносцами, что усилило напряженность в уже непростой обстановке.

Несмотря на вероятную виновность крестоносцев в пожаре и огромные финансовые трудности, с которыми столкнулись тысячи горожан, Исаак продолжил сбор церковных сокровищ для обещанных крестоносцам выплат. Никита осуждает продолжающееся изъятие церковного имущества и неспособность императора отреагировать на случившееся. Он именует Исаака «злым ангелом-поджигателем» — такой намек на фамилию династии Ангелов явно говорит о гневе автора.⁷ Вдобавок вызванные пожаром убытки привели к оскудению денежного потока, направленного крестоносцам, что неизбежно вызвало новый конфликт.

Вскоре, по указанию императора или без такового, греки восстановили участок стены, разрушенный по требованию крестоносцев. Отсутствие доброй половины армии и озлобленность после пожара подвигли византийцев на столь радикальный ход, продемонстрировав усиление воинственности в народе. Огорченный таким развитием событий, Бал-

дуни направил гонцов к армии, сопровождавшей императора Алексея, чтобы сообщить о прекращении выплат и просить как можно скорее вернуться в Константинополь. 11 ноября 1203 года экспедиция вернулась в город — удовлетворенная приемом, который был оказан населением новому императору, но сильно встревоженная ухудшением отношений с формальными союзниками.

Для Алексея это был редкий момент триумфа. Он распространил свою власть по крайней мере на существенную часть своих формальных владений. Жители Константинополя встречали возвращающегося императора подобающим образом, старейшины города считали своим долгом оказать ему надлежащий почет. Знать облачилась в лучшие наряды и собралась, чтобы встретить императора и сопроводить его обратно в город. Крестоносцы также вышли, чтобы встретить своих товарищей, чувствуя облегчение при виде их благополучного возвращения.

С приближением к Константинополю взгляды Алексея и крестоносцев могли остановиться на чудовищном опустошении, причиненном пожаром. Уроженцы Запада остановились в своем лагере с северной стороны Золотого Рога, а император переправился через залив во Влахернский дворец, но страшный черный шрам, оставленный огнем, был виден всем. Новости о пожаре достигали Алексея и его союзников, пока они были во Фракии, и все равно масштаб опустошения поражал воображение. Император был огорчен утратой огромного количества прекрасных построек и видом своих подданных, ютящихся на развалинах домов. Осознание ответственности западных союзников за это злодеяние в столице уничтожило радость от достижений в масштабах империи. Крестоносцы наверняка также разделяли это понимание, думая о долгой и трудной зиме, которая предстояла экспедиции, прежде чем она сможет отправиться в Левант.

Вернувшись в Константинополь, император Алексей изменился. Одобрение провинции и радостный прием в городе

помогли укрепиться его уверенности в себе. Прежде он был лишь тенью своего отца, но теперь, став помазанником, проведшим успешную кампанию, он стремился к свободе и утверждению собственной независимости.

Одним из первых действий по возвращению стал приказ о казни через повешение всех участников свержения и ослепления его отца в 1195 году. Учитывая непредсказуемость ситуации в Константинополе, устранение потенциальных заговорщиков было разумным шагом. Но куда большее влияние на нестабильность Византийской империи оказало пагубное ухудшение отношений между Алексеем и его отцом. Увы, их семейная связь оказалась недостаточно прочной, чтобы преодолеть желание каждого к единоличной власти. Алексей с союзниками смог изгнать узурпатора из Константинополя, а теперь объехал близлежащие земли, где был признан в качестве императора. Это были деяния молодого и удачливого правителя. Исаак благоразумно оставался в Константинополе — однако его слепота, его предшествующее свержение и сын, выступающий в роли соправителя, означали, что теперь его императорская власть значительно отличалась от той, которой он лишился в 1195 году.

Никита Хониат отмечает, что все больше людей относилось к Алексею как к ведущей фигуре в паре императоров. Имя молодого человека стало произноситься первым в публичных объявлениях, а имя Исаака следовало «словно эхо»⁸. Слепота служила постоянным напоминанием о его неполноценности, и старший император чувствовал, что власть ускользает из его рук. Он стал резким и обидчивым, начал брюзжать о недостатке самоконтроля у Алексея и распространять слухи о сексуальных предпочтениях молодого человека, считая, что тот «водит компанию с испорченными людьми, которых шлепает по заднице, а они отвечают ему тем же».⁹

В течение первых недель после возвращения из Фракии Алексей по-прежнему много общался с крестоносцами. Они

были вместе вот уже более года, что создавало некоторое родство. Императору нравилось общаться с уроженцами Запада — ведь он и сам провел несколько месяцев при европейских дворах. Нередко он приходил в лагерь крестоносцев, где проводил дни в выпивке и игре в кости. Атмосфера была столь непринужденной, что Алексей веселился, позволяя своим товарищам снять с его головы золотую с алмазами корону и заменить ее мохнатой меховой шапкой. Никите Хониату такое поведение казалось зазорным, позорящим имя императора и пятнающего честь Византийской империи.¹⁰

Греческий хронист отмечает резкое изменение в политических действиях Исаака. Прежде его характеризовала мягкость и отсутствие воинственности. Теперь же, возможно, измучившись страданиями и утратой авторитета, он начал искать облегчения в компании предсказателей и астрологов. Никита считал их обычными шарлатанами, которые пользуются ситуацией и пытаются набить брюхо благодаря императорскому хлебосольству. Слепого императора всегда привлекала ворожба и предсказания, но теперь он всерьез обратился к таким занятиям. Вероятно, таким способом он пытался оградить себя от собственной неспособности что-либо изменить и от возвышения сына.

Под влиянием предсказателей Исаак начал мнить себя единственным правителем Византии. Более того, его честолюбие простиралось еще дальше — к объединению в своем лице Восточной империи (Византии) с Западной (титул Германских императоров). Если, к примеру, Мануил Комнин пытался утвердить свое превосходство над Фридрихом Барбароссой, он все же никогда не принимал всерьез мысль о слиянии двух империй для образования могучего единства. В устах стареющего слепца, запертого в городе, под стенами которого стояла непреклонная и близкая к отчаянию армия, такая мысль говорила о полной неспособности оценить реальную обстановку. Исаак верил, что в один прекрасный день сможет протереть глаза, и слепота исчезнет,

пройдет и досаждавшая подагра, а сам он «преобразится в богоподобного человека».¹¹ Некоторые монахи с бородами «обширными, как тучная нива», подогревали мечты Исаака, поскольку он не отказывал им в роскошных яствах и винах в императорском дворце. Легковерный император вполне доверял их пророчествам, радуясь все новым предсказаниям.

Одним из его эксцентрических распоряжений было повеление снять с пьедестала на Ипподроме знаменитого Каледонского вепря, существо из греческой мифологии.¹² Это грозное чудовище с опцетинившейся шерстью было перенесено к Великому дворцу, чтобы охранять императора от городской черни. Хотя таким образом вроде бы признавалась угроза, исходящая от толпы, едва ли подобный способ защиты трона может представляться удачным. Нынешнему читателю такие действия кажутся поступками немого человека, далекого от реальности и неумолимо стремящегося к катастрофе. Физическая слепота Исаака сравнивалась со слепотой политической, так что вскоре жители Константинополя стали относиться к нему с таким же презрением, как и к его сыну.

Более хитроумный политический деятель смог бы использовать к своей выгоде очевидную связь между Алексеем и крестоносцами. Учитывая стремление Исаака к власти и все большую неприязнь к сыну, можно было использовать оппозиционные по отношению к чужеземцам настроения. Хотя уроженцы Запада, несомненно, представляли серьезную военную угрозу, решился старший правитель на смертельную схватку с крестоносцами, от которой отказался Алексей III, или воспользуйся он зависимостью крестоносцев от византийских поставок продовольствия, Исаак мог бы получить желанное первенство. Но и отец, и сын были столь заняты личными идеями и политическими махинациями во дворце, что изолировали себя от подлинных чаяний граждан Константинополя.

Итак, императорский титул был запятнан трусостью Алексея III, а затем изменой и непопулярностью его преемников. Гордость византийского трона и самый его дух, со-

зданные в течение столетий и служившие неотъемлемой частью самоидентификации жителей Константинополя, оказались в прискорбном забвении. Мополит власти дал трещину. Это, в свою очередь, означало, что преданность посетителям императорского титула ослабла, а временами просто исчезала. Исаак и Алексей должны были очнуться и начать действовать, чтобы соединить собственные интересы со стремлениями граждан Константинополя. Альтернативой была только вполне предсказуемая — и, скорее всего, мучительная политическая гибель.

Явственное отсутствие руководства побуждало горожан к волнениям. Жители Константинополя, раздраженные бегством Алексея III, униженные могуществом крестоносцев, разъяренные разрушениями, причиненными пожаром, искали решение своих трудностей. Жертвой «нетрезвой части толпы» (как назвал их Никита Хониат) стала статуя богини Афины, стоявшая на пьедестале на Форуме Константина. Никита восхвалял красоту бронзового произведения искусства высотой в десять футов, описывая статую подробно с головы до пят. Он нежно вспоминает складки ее одеяния, тугой пояс на талии и укрывавшую грудь и плечи накидку из козлиной шкуры, украшенную головой Горгоны. Статуя была столь похожа на живую, что казалось, будто вены Афины колеблются под напором крови, а тело наполнено цветением жизни. Глаза были исполнены чувства, плем венчал гребень из конского волоса, а волосы были туго стянуты на затылке, оставляя впереди часть прядей. Левая рука Афины была скрыта складками одеяния, но причиной приговора толпы послужила ее правая рука. Как пишет Никита, голова и правая рука богини были обращены на юг, однако народ, не обращая внимания на указания компаса, решил, что она смотрит на запад и, таким образом, призывает в город армию крестоносцев. Из-за такого вероломства статую стащили с пьедестала и разбили на куски. Никита воспринял это действие как нанесение увечья самим себе, поскольку оскорбление покровительницы войны и

мудрости было неумным поступком. Разумеется, он был достаточно мудр и не приписывал изваянию статуса божественности, называя его лишь воплощением упомянутых достоинств.¹³

В то же время, когда происходили открытые волнения, императоры продолжали беспощадный сбор средств для удовлетворения потребностей своих союзников. Естественно, народ усиленно сопротивлялся любым попыткам изъятия у него денег. Столкнувшись с ситуацией, чреватой социальным взрывом, императорская администрация обратилась к более слабым мишеням — а именно к церкви и состоятельным лицам. Часть сокровищ, которые можно было забрать в Святой Софии, были изъяты и переплавлены. Десятки серебряных лампад, свисавших со сводов огромного храма, были собраны и преданы огню. Состоятельные горожане (среди которых, возможно, был и сам Никита) были обязаны внести пожертвования. Автор с пренебрежением называет происходящее швырянием мяса собакам и пишет о «нечестивом смешении языческого и священного».¹⁴

Сборщики денег пользовались услугами информаторов, указывавших на состоятельных лиц и неустанно искавших новые объекты. Крестоносцы тоже были вынуждены применять давление для сбора средств, занимая расположенные неподалеку от Константинополя процветающие поместья и церковные организации, чтобы получить необходимые средства.

К зиме 1203 года ситуация в Константинополе достигла критической точки. Никита Хониат создает яркую и убедительную картину разлагающейся великой цивилизации. Ощущение внутреннего упадка и разрушения в Константинополе было почти осязаемым. Царь-Город, с прекрасными зданиями и символами власти, был брошен на колени неумелыми правителями, непредусмотрительными горожанами и неуступчивыми врагами.

Среди византийцев ключевой фигурой был, конечно же, Алексей. С каждым днем молодой правитель оказывался во

все более тяжелом положении. Он опирался только на крестоносцев, которым обещал огромные суммы денег. Его политическая власть зависела от их военного могущества, а сам он завязал дружеские связи с отдельными воинами. Уже в августе, когда он попросил перенести лагерь в Галату, император осознавал, насколько непопулярны его союзники. Страшный пожар и продолжающиеся конфискации денег и ценностей только сыпали соль на раны. Жители Константинополя мечтали лишь о том, чтобы уроженцы Запада покинули их. Молодой правитель должен был убить двух зайцев — остаться у власти до их отбытия, а до тех пор использовать присутствие крестоносцев, чтобы попытаться создать себе такое положение, в котором смог бы сохранить власть и после их ухода в марте 1204 года.

Он был вынужден умиротворять свой народ и при этом отнимать у него золото. В то же время он не мог рисковать и отталкивать своих союзников, прекратив выплаты или одобряя выступления против них. Нам известна хвалебная речь современника, превозносившая императора, как то предписывал этикет — интересно, что в ней не было даже упоминания о Исааке (что предполагало переход к его сыну всей полноты власти). Вместе с тем в ней слышалась явная неприязнь по отношению к крестоносцам. *«Если они и доставили императора, прибывшего сюда по воле Господней, не следует им превозноситься. Восстановив права нашего господина, они исполнили долг слуги, так пусть и теперь будут покорны законам»*. В речи таится предостережение против жадности «старого» Рима, пытающегося вернуть свою молодость за счет Рима нового.¹⁵

Алексей Дука, известный как Мурзуфл, заметная фигура в константинопольских выступлениях против крестоносцев*, осуждал императора за выплату им огромных сумм и

* Алексей по прозвищу Мурзуфл («суровый, пасуленный») никак не мог быть известен как противник крестоносцев хотя бы потому, что император Алексей III именно ему поручил секретные переговоры с латинянами (см. далее). (Прим. ред.)

заклад многих земель. Он призывал Алексея «заставить их убратся».¹⁶

Разумеется, крестоносцы зависели от Алексея III в поставках продовольствия, нуждались в финансовой и военной поддержке весной. И все же, как продемонстрировал ожесточенный спор на Корфу, значительная часть армии была равнодушна к идее поддержки императора и не была склонна терпеть нарушения обещаний. Чем дольше Алексей не мог заплатить обещанные деньги, тем сильнее в армии назревало недовольство. Недоверие к грекам разрасталось словно язва.

Бонифаций Монферратский попытался использовать дружеские отношения с Алексеем, чтобы убедить его возобновить выплаты. Он посетил императора, напомнил, насколько он обязан крестоносцам, которые восстановили его на престоле, и призвал его сдержать слово. Учитывая давление, с которым Алексей сталкивался в Константинополе, у него не оставалось другого выбора, кроме дальнейшего проведения политики примирения. Он обратился к Бонифацию с просьбой потерпеть и заверил в том, что выполнит их договоренность.¹⁷ И все же вскоре поступление денег сократилось, а затем и вовсе прекратилось.

К этому времени года, а дело происходило в ноябре, император понимал, что флот крестоносцев не сможет выйти в море. Возможно, он решил, что вынужденной неподвижности и зависимости от продовольственных поставок будет достаточно, чтобы удержать уроженцев Запада от военных действий. Кроме того, он рассчитывал, что, прекратив выплаты, он сможет получить передышку в Константинополе.

Первого декабря неприязнь между уроженцами Запада и византийцами выплеснулась в открытое столкновение. Толпа начала набрасываться на всех встреченных чужеземцев, жестоко убивая их и сжигая тела. Греки попытались напасть на корабли крестоносцев, но были быстро отбиты, потеряв значительное количество своих суден.

Копившееся напряжение выплеснулось в открытое противостояние. Руководители крестового похода должны были продумать дальнейшие действия, окончательно прояснив намерения императора по отношению к бывшим союзникам. Было решено отправить официальную делегацию к Алексею, чтобы напомнить ему об обязательствах по отношению к крестоносцам и потребовать их выполнения. В случае отказа послы должны были заявить, что «сделают все возможное, чтобы вернуть обещанные деньги».¹⁸

Учитывая дипломатический опыт и ораторское мастерство Конона Бетюнского и Жоффруа де Виллардуэна, именно они оказались двумя из шести посланников. Остальными были француз Мило Прованский и трое знатных венецианцев. Препоясавшись мечами, они отправились верхом вдоль Золотого Рога по Влахернскому мосту ко дворцу.¹⁹ У ворот они спешили, как и надлежало послам, и направились в один из залов, во главе которого восседали два императора, облаченных в роскошные одеяния. Здесь же была Маргарита, жена Исаака, приходившаяся мачехой Алексею. Виллардуэн вновь упоминает о ней как о «достойной прекрасной даме».²⁰ Чтобы подчеркнуть важность встречи, зал был наполнен византийской знатью. Обе стороны понимали, что происходил не обычный визит вежливости, а решительная встреча, от итогов которой будет зависеть столкновение или же разрешение напряженной ситуации.

Конон изложил ставшее привычным дело. Крестоносцы сослужили двум императорам огромную службу, Алексей и Исаак в ответ пообещали выполнить свои обязательства, но не сделали этого. Крестоносцы представили скрепленные печатями документы с первоначальным договором. Затем следовал ультиматум: если византийцы исполнят обещания, крестоносцы удовольствуются этим. В противном случае *«они не смогут далее считать тебя [Алексея] своим повелителем и другом, но сделают все возможное, чтобы*

*получить причитающееся им. Они просили нас сказать, что не причинят вреда ни тебе, ни кому бы то ни было другому, не предупредив о намерении начать военные действия».*²¹

В заключительных словах Конона таилось скрытое раздражение на хозяев. Заверив в предупреждении о начале войны, он добавил: *«Они [крестоносцы] никогда не поступали вероломно, поскольку это не в традициях их стран».*²² Этот выпад против характера греков показывал давние предубеждения уроженцев Запада и обозначал рост недоверия к Алексею. Разумеется, слова были составлены так, чтобы нанести обиду.

Завершение речи Конона потонуло в ропоте. Его слова привели в ярость собравшуюся византийскую знать. Сразу же вспомнилось все возмущение против западных варваров. Виллардуэн пишет, что ни у кого прежде не хватало дерзости входить в императорский дворец и диктовать императору свои условия. Зал загудел вскриками. Собравшиеся тыкали пальцами в кучку посланников. Даже если Алексей собирался предложить крестоносцам более примирительный ответ, настроение в зале приравняло бы его к самоубийству. Несмотря на номинальную неприкосновенность крестоносцев в качестве послов, ярость была такова, что латиняне стали опасаться за свои жизни. Столь опытному человеку, как Виллардуэн, привыкшему, как мы видели, к такого рода опасностям, нынешнее суровое испытание показалось необычным и пугающим. Крестоносцы чувствовали себя полностью отрезанными от всего мира. Они поспешно развернулись и заторопились по дворцовым переходам к выходу, где ждали их лошади. *«Не было среди них человека, не возрадовавшегося, оказавшись снаружи».*²³ Радуюсь удачному избавлению, они помчались обратно к Золотому Рогу. Выражение лиц рассказало об оказанном приеме уже при въезде в лагерь. Была собрана знать, чтобы выслушать рассказ о посольстве. *«Так началась война»*, — коротко и сдержанно сообщает Виллардуэн.²⁴

Робер де Клари приводит еще одну интересную подробность, которая, впрочем, не оказала особого влияния на ход дальнейших событий. Услышав о реакции Алексея на посольство крестоносцев, дож Дандоло решил в последний раз лично воззвать к императору. Он направил вестника, прося о встрече в бухте. Венецианцы снарядили четыре тяжело вооруженных галеры для сопровождения своего вождя. Алексей подъехал к берегу, и двое руководителей переговоров между собой. У Дандоло установились достаточно теплые отношения с Алексеем, и он считал, что сможет что-то изменить. Возможно, дож надеялся на то, что вне давления византийского двора молодой император сможет отчетливее понять свою ответственность перед крестоносцами.

«Алексей, что хочешь сказать? — спросил дож. — Подумаешь, ведь мы спасли тебя от нищеты, мы сделали тебя господином, а позже короновали как императора. И ты расторгнешь соглашение с нами?»²⁵ Император был непреклонным: «Я не стану делать больше того, что уже сделал». Дандоло пришел в ярость — ведь их предавал человек, на которого они потратили столько времени и сил. Он уже не мог сдержаться: «Ах ты, мальчишка! Мы вытащили тебя из грязи — и снова втопчем в грязь! Я бросаю тебе вызов и предупреждаю, что с этого момента буду действовать против тебя изо всех сил!»²⁶

С начала декабря между двумя силами происходили отдельные стычки. Ни одна из сторон не начинала решительных действий. Крестоносцы, с одной стороны, не хотели провоцировать греков на открытую вражду, Алексей же, с другой стороны, не хотел начинать действий против могущественной западной армии. Обстановка в императорском дворце становилась все более напряженной. Исаак побуждал своего сына не обращать внимания на разговоры презренной черни, придворные отказывались идти в бой против крестоносцев. Никита отзывался о них пренебрежительно: «Они

стремились сражаться с ними так же, как стадо оленей готовилось бы к бою против льва».²⁷

Серьезная угроза для латинян возникла 1 января 1204 года. За те месяцы, что в Галате стоял лагерь крестоносцев, торговля и рыбная ловля возродились. Воды Золотого Рога бороздили греческие, венецианские и другие суда. Византийцы понимали, что самым ценным орудием крестоносцев был их флот. Без него они оказались бы в ловушке и вынуждены были бы либо сдаться, либо отправиться прочь по суше через враждебные болгарские земли, либо переправиться через Босфор, чтобы встретить зиму в неприветливых горах Малой Азии. Если уничтожить флот крестоносцев, ненавистные уроженцы Запада оказались бы во власти византийцев.

Греки взяли семнадцать судов и нагроузили их дровами, стружкой, смолой, паклей и деревянными бочками. Зажигательные суда веками использовались в морских битвах в Восточном Средиземноморье. Они были применены в знаменитой битве при Саламине в 480 году до н.э., и повествования об этом легендарном сражении повторялись по всему средневековому миру. Около полуночи, когда ветер дул с юго-запада, греки подняли паруса, подожгли свои суда и пустили их в сторону флота крестоносцев. Они хорошо подготовили свои корабли. Груз быстро воспламенился, пламя взметнулось к небесам, и огненные призраки без судового экипажа непреклонно скользили к венецианским кораблям.

Напряженность между двумя сторонами заставляла крестоносцев выставить часовых и дозорных, так что когда вражеские корабли тронулись через Золотой Рог, прозвучал сигнал тревоги, и все схватились за оружие. Венецианцы подбежали к своим кораблям и сделали все возможное, чтобы с помощью весел, парусов или канатов отвести их в безопасное место. Виллардуэн стал свидетелем нападения и ручался, что «никто никогда не оборонялся на море с такой отвагой, как венецианцы в ту ночь».²⁸ Часть парусных

судов оказалось невозможно передвинуть быстро, а потому возникла необходимость в другой схеме действий. Самыми маневренными были весельные галеры и баркасы. Команды собрались быстро, суда на веслах тронулись в сторону неприятеля. На горящие корабли полетели абордажные крюки, увлекая их в сторону Босфора, чтобы течение вынесло их в открытое море, где они могли сгорать, не причиняя никому вреда.

Однако греки не бросили свой замысел на произвол судьбы. Тысячи человек собрались на берегу Золотого Рога, демонстрируя враждебность по отношению к пришельцам с Запада. Многие из них сели на оставшиеся лодки и открыли огонь по венецианцам, пытавшимся оттащить пламенеющие суда.²⁹ Многие из крестоносцев были ранены, и вся ночь прошла в борьбе за спасение драгоценного флота.

В основном лагере не утихала тревога. Часть воинов опасалась, что нападение на море послужит лишь прелюдией к сухопутному наступлению. Крестоносцы начали вооружаться и седлать коней. Шум с Золотого Рога и темнота не дали возможности сформировать четкое боевое построение, а потому на равнину перед лагерем вылилась сравнительно аморфная масса крестоносцев, чтобы отразить угрозу нападения со стороны греков. Когда рассвело, оказалось, что был уничтожен только один пизанский корабль, что можно считать выдающимся достижением венецианских мореходов и доказательством их высокого мастерства. Они прекрасно сознавали важность своих действий. Виллардуэн писал: *«Той ночью над всеми нависла ужасная опасность. Если бы наш флот сгорел, мы потеряли бы все, лишившись возможности уйти как по суше, так и по морю»*.³⁰

Неясно, кто из греков предложил идею зажигательных кораблей. Несмотря на холодный прием последних посольств, участие Алексея в столь явно враждебном действии кажется маловероятным. Скорее нападение было разработано партией, склонной к уничтожению крестоносцев, показывая таким образом ослабление авторитета молодого

императора. Однако крестоносцам политические нюансы казались малозначительным. С их точки зрения, вся вина лежала на самом Алексее. Виллардуэн насмешливо замечал: «Вот так Алексей решил отплатить за службу, которую мы ему сослужили».³¹ Мнение об императоре испортилось, и неприязнь к грекам стала настолько сильной, что прежние теплые отношения казались ушедшими в прошлое.

ГЛАВА 12

«Наше чрезмерное несогласие не оставило места человеческим чувствам»

Убийство Алексея IV и сползание к войне. Начало 1204 года

В начале 1204 года Мурзуфл перешел к действиям против крестоносцев. «*Devastatio Constantinopolitana*» отмечает, что 7 января из города выехал греческий конный отряд, направившийся к западной армии. Навстречу ему вышел маркграф Монферратский, который разбил отряд наголову, убил или взял в плен нескольких представителей византийской знати, потеряв при этом двух рыцарей и одного оруженосца. Никита Хониат описывает то же происшествие, подчеркивая при этом, что Мурзуфл был единственным представителем византийской знати, дерзнувшим нарушить запрет Алексея на подобные действия. Неудивительно, что его отвага принесла народную популярность — хотя среди битвы лошадь Мурзуфла поскользнулась и пала на колени. Она могла придавить всадника, и, захвати или убей его крестоносцы,

византийцы были бы уничтожены полностью. К счастью для Мурзуфла, несколько молодых лучников оценили положение и быстро направились на помощь своему руководителю, дав ему возможность спастись.¹

Пока всадники бились неподалеку от Влахернского дворца, венецианцы вывели свои корабли и курсировали по Золотому Рогу, грозно проходя мимо стен, выходящих на Мраморное море. Они осматривали береговую линию и захватывали все, что могли. Сухопутные и морские силы крестоносцев снова действовали в тесном сотрудничестве, и греки ничего не могли противопоставить их объединенным усилиям.

Отбив византийцев, в качестве кары за нападение крестоносцы предприняли рейд по окрестностям лагеря, отстоявшим от него на два дня пути. Подобные опустошительные экспедиции были весьма редким явлением в Западной Европе. Их целью было нанесение максимального ущерба землям противника и захват всевозможных трофеев, будь то пленники, стада или ценности. Отряды не вступали в настоящие сражения — они служили для того, чтобы разрушить экономику и сломить настрой противника, показав злополучным жертвам, что их покровитель не может достойно защитить их. В «*Devastatio Constantinopolitana*» высказывается предположение, что эти действия послужили последней каплей для тех, кто питал неприязнь к бывшим союзникам Алексея. В городе возникло стремление избавиться от человека, по милости которого стены Константинополя были окружены варварами.²

Вряд ли именно опустошительная экспедиция спровоцировала убийство Алексея — но, вероятно, она привела к окончательному неприятию его правления. Никита Хониат пишет, что 25 января 1204 года толпа, «словно кипящий котел, готовый выплеснуть ненависть к императорам», собралась у Святой Софии и заставила синод, собрание епископов и духовенства, избрать нового правителя. С них довольно было смотрящего на Запад Алексея. Поскольку Иса-

ак все больше терял рассудок и не мог служить серьезным претендентом, народ хотел получить императора по своему выбору.

Никита Хониат присутствовал на собрании в качестве видного сановника и признанного оратора и описал проклинающую Алексея толпу, требовавшую назвать имя его преемника. Однако Никита и его товарищи проявили большую дальновидность. Они понимали, что такое действие снова воссоединит Алексея и крестоносцев, и опасались, что уроженцы Запада используют военную силу для защиты своего ставленника. Синод и духовенство долго уходило от решения в надежде, что настойчивость толпы спадет, но их ждало разочарование. Никита прослезился, провидя грядущие бедствия. Из рядов византийской знати выдвигалось одно имя за другим, но ни один не был признан достойным. Наконец после трехдневного обсуждения синод и народ остановились на кандидатуре некоего Николая Каннавоса — злополучного молодого человека, который против его воли и был провозглашен императором 27 января.³

Алексей пришел в смятение, узнав о появлении еще одного императора. Теперь, когда у оппозиции появился номинальный лидер, он опасался военного переворота и, как и предвидел Никита Хониат, снова обратился к крестоносцам в поисках помощи. Несмотря на неприязнь между греческим населением и крестоносцами, император и уроженцы Запада все еще могли найти точки соприкосновения в противостоянии огромной возбужденной толпе жителей Константинополя, уже ненавидящей и Алексея, и крестоносцев. Алексей просил крестоносцев изгнать Каннавоса. В обмен, как сообщается в написанном в мае 1204 года письме Балдуина Фландрского, он передавал крестоносцам весь Влахернский дворец как гарантию выполнения своих обещаний. Передача императорской резиденции была поразительным жестом, показывающим всю степень отчаяния Алексея. Для попытки умиротворения своих неприятелей он избрал в качестве посланца Мурзуфла, и тот доставил

предложение в лагерь крестоносцев. Хотя большинство рыцарей относились к Алексею пренебрежительно, они понимали, что, нуждаясь в них, он будет по-прежнему снабжать армию продовольствием. Кроме того, он мог возместить моральный и финансовый долг крестоносцам с гораздо большей вероятностью, чем любой другой византийский император. По этим причинам, а также из-за уверенности, что напористый антизападный режим может добиться успеха, было решено оказать просимую помощь.

27 января Болифаций Монферратский направился в город к Алексею, чтобы обсудить дальнейшие действия. По описанию Балдуна Фландрского, император высмеял маркграфа и отказался выполнить собственные обещания. Такой поворот событий кажется маловероятным, учитывая, что предложение исходило от Алексея, который должен был понимать, что выполнение обещаний было необходимым для получения помощи крестоносцев. Балдуин, возможно, намекает на характер Алексея. Никита Хониат дает более реалистическое описание этой важной встречи, в ходе которой было решено, что крестоносцы должны вступить в императорский дворец, чтобы изгнать Каннавоса и избравшую его чернь.⁴

Именно это решение предопределило падение Алексея. Требования крестоносцев были настолько противоположны чаяниям жителей Константинополя, что у императора не было вообще никакого выбора — что бы он ни сделал, одна из враждующих сторон попыталась бы его устранить. В конечном счете более серьезная угроза исходила со стороны византийского двора. Большая часть придворных не хотела восстановления отношений с крестоносцами, стремясь, напротив, к их изгнанию. Избрание Николая Каннавоса было одним из проявлений этих чаяний, но теперь в качестве лидера антизападного течения выступил Мурзуфл, выходец из высших слоев византийской знати, который был некогда освобожден по просьбе крестоносцев и только что выступал в качестве посланца Алексея.

И Никита Хониат, и Балдуин Фландрский подтверждают, что именно предложение Алексея разместить крестоносцев во Влахернском дворце побудило Мурзуфла обвинить императора и призвать к его свержению.⁵ Робер де Клари приписывает Мурзуфлу более активную роль, отмечая его обещание в случае избрания его императором избавиться от крестоносцев через неделю. Греческая верхушка согласилась, и заговорщики начали действовать. Мурзуфл решил, что присутствие крестоносцев в стенах Константинополя поставит его в столь выгодное положение, какого недоставало выбранному народом Николаю Каннавосу. Первым делом он обезопасил сокровищницу, пообещав приставленному к ней евнуху любые титулы. Затем он собрал Варяжскую дружину и рассказал им о том, что Алексей собирается вновь ввести крестоносцев в город. Он напомнил, насколько такие действия неприятны грекам, а дружина, несомненно, должна поддерживать народные стремления. Логика была неумолима: Алексея необходимо устранить.

В ночь с 27 на 28 января, пока молодой человек спал в своих покоях, Мурзуфл и дворцовая стража прокрались в его комнату, окружили кровать, вытащили Алексея и бросили его в темницу. Никита приводит подробное описание измены, дополняя предательство Мурзуфла его двуличностью. Хронист описывает Мурзуфла, вбегающего в императорскую опочивальню, чтобы сообщить Алексею об ужасном восстании. Представители семьи Ангелов, толпа и Варяжская дружина ломают ворота дворца, намереваясь растерзать императора за его тесную связь с крестоносцами. В полусонном состоянии Алексей попытался оценить степень опасности. Он обратился за спасением к Мурзуфлу, единственному, кто казался все еще верным ему. Придворный накинул на молодого человека одежду, и они вместе выскользнули из комнаты к одному из павильонов дворцового комплекса. Император не переставал изливать благодарности на своего спасителя. Возможно, именно в этот момент Мурзуфл открыл свои истинные намерения.

Целью его лжи было быстро и бесшумно вывести Алексея из опочивальни. Теперь, внутри дворцовых помещений, император был в его власти. Молодой человек пошатнулся, осознав предательство Мурзуфла, и стражи повлекли его в темницу, где ноги его заковали в оковы.

Претендент на престол возложил на себя императорские знаки отличия, надел алые баскины (высокие башмаки длинной до икры), символизировавшие его звание, и провозгласил себя правителем. Через несколько часов он был коронован в Святой Софии, став четвертым императором, находящимся на данный момент в Константинополе. Несомненно, из всех четырех он обладал самой сильной властью.* Значительная часть могущества человека, оказавшегося на вершине политической или гражданской жизни, происходит из-за уникальности такого положения. В христианском мире было множество царств, но лишь две империи — Германская и Византийская. Когда высочайший титул одновременно имеет не один человек, то титул этот обесценивается. Четверо, одновременно носившие его, были нелепостью, которая показывала почти полный распад императорского достоинства.

Разумеется, квартет императоров не мог существовать долго. Сторонники новой власти направились в покои императора Исаака и сообщили ему драматическую весть. Некоторые источники сообщают, что старик был так объят страхом за безопасность себя и сына, что заболел и вскоре скончался. В политическом смысле Исаак стал настолько немощной фигурой, что не мог больше считаться достойным правителем. Существуют даже предположения о том, что он уже скончался к описываемому времени. Но если

* Мурзуфла следовало бы именовать императором Алексеем V, поскольку его звали Алексей Дука — однако большинство современных ему авторов пользуются прозвищем, и мы весьма признательны им за то, что в нашем рассказе не появляется еще один Алексей. (Прим. авт.)

это и не так, то вполне естественно, что он быстро исчез со сцены. Возможно, что его скорой смерти помогли. Робер де Клари писал об удушении — хотя, возможно, он просто передает слухи, ходившие по лагерю крестоносцев.

Устранение Алексея и появление Мурзуфла поляризовало Константинополь. Двор и Варяжская дружина были на стороне последнего, в то время как народ продолжал шумно приветствовать своего ставленника, Николая Каннавоса. Никита Хониат характеризует его как человека благородного и умного, а также опытного воина. Тон замечаний Никиты показывает, что он ставил Каннавоса выше Мурзуфла. Но вскоре настроение толпы качнулось в пользу нового императора. *«Ввиду того, что в Константинополе преобладали худшие элементы, Дука [Мурзуфл] набирал сторонников... в то время как величие Каннавоса меркло, наподобие убывающей луны».*⁶

Несмотря на свои положительные качества, Николай быстро утратил благосклонность. В руках Мурзуфла находились все ключевые позиции иерархии, что давало ему политическую базу, с которой соперник был не в силах тягаться. В Новгородских летописях упоминается, что Мурзуфл безуспешно пытался переманить Николая на свою сторону, обещая ему высокое положение при дворе в случае отказа от титула. Возможно, Николай не доверял посулам претендента на престол или надеялся на то, что его популярности в народе будет достаточно, чтобы сохранить положение. Столкнувшись с отказом, Мурзуфл вскоре начал попытки сместить Николая. Он предлагал награды и чины тем, кто выполнит его наказ, и на первой неделе февраля отдал дружине приказ об аресте. Николай остался в Святой Софии — символическом сердце его власти. Войска Мурзуфла силой ворвались в здание, и народ, еще недавно насильно короновавший Николая, разбежался. Никто не остался защищать его, и второй император тоже оказался за решеткой. В *«Devastatio Constantinopolitana»* сообщается, что позже Николай был обезглавлен. Он заплатил высокую цену

за то, что оказался пешкой в руках капризной черни, и правил менее недели.

Мурзуфл сразу же проявил агрессивность по отношению к уроженцам Запада, провозгласив, что они должны покинуть страну в течение семи дней под страхом смерти. Отчасти это заявление имело целью удовлетворить собственных подданных, будучи едва ли в силах всерьез уstrasшить крестоносцев. В ответ те обвинили Мурзуфла в предательском убийстве своего господина (такие слухи уже возникли) и объявили, что не снимут осаду, пока Алексей не будет отпущен, а им не будет выплачено причитающееся по договору.⁷

Мурзуфл начал правление с реорганизации управления империей. Он изгнал многих чиновников, служивших при Ангелах, и наградил своих сторонников. Одним из изгнанников оказался сам Никита Хониат — что, вкупе с последовавшим падением Константинополя, вполне объясняет его неприязнь по отношению к последнему правителю Византии. Никита характеризует Мурзуфла как человека весьма умного, но высокомерного и неискреннего. «Все, что должно было делаться, проходило через него, и он держал все в своих руках», то есть на современном языке мы назвали бы его перестраховщиком.⁸ Особенно критически Никита был настроен по отношению к Филокалесу, тестю Мурзуфла, занявшему его пост *логофета* — то есть, по сути, главы византийского гражданского управления. Хронист язвительно замечал, что его заменили человеком, не занимавшим высокого положения, который вдобавок пренебрегал служебными обязанностями под предлогом подагры. Не удивительно, что такое поведение приводило в ужас преданно делу и трудолюбивого Никиту.

Новая власть принесла Никите и финансовые трудности. Императорская сокровищница была почти пуста, и Мурзуфл обратился к видной знати и чиновникам династии Ангелов в поисках наличных денег. Они простились с огромными суммами, конфискованными императором для обороны города.

Греки опасались, что крестоносцы предпримут новое нападение на Константинополь весной, а потому Мурзуфл приказал укрепить защитные сооружения. Были также собраны сорок камнеметных машин, установленных на участках, в которых наиболее вероятно было нападение противника.

Если Никита и относился к Мурзуфлу неприязненно, он все же был достаточно добросовестным историком, чтобы признать его личную смелость. Несколько раз с мечом в одной руке и с бронзовой булавой в другой император сам выходил против неприятеля. Не приходится сомневаться, что он возглавлял военные действия и многое сделал для повышения боевого духа византийской армии.⁹ Во время одной из таких вылазок он взял в плен трех венецианских рыцарей. Альберик де Труа-Фонтен, единственный, кто сообщает об этом эпизоде, повествует об особо печальной их участи. Пытаясь утратить крестоносцев, Мурзуфл распорядился повесить венецианцев на стенах на железных крюках.

Психологическая тактика была немаловажной частью средневекового военного искусства. Обычным приемом была стрельба по силам противника отрубленными головами его воинов. Во время Первого крестового похода в 1099 году плененных шпионов перекидывали через стены Иерусалима при помощи баллисты.¹⁰ Соратники венецианцев за пределами Константинополя пытались сделать все возможное для их освобождения, предлагая выкуп и моля о пощаде — но все было безрезультатно. Чтобы продемонстрировать ненависть и презрение к уроженцам Запада, император лично сжег их, что было проявлением невероятной дикости. Крики умирающих и запах горящей плоти наполнили воздух, и ужасное зрелище подогрело стремление крестоносцев к мести.¹¹

Однако вскоре насущным вопросом для крестоносцев стала борьба за выживание. Мурзуфл закрыл все рынки, на которые рассчитывали уроженцы Запада, а войти в город,

чтобы купить там продовольствие, они не могли. Робер де Клари, как рыцарь невысокого ранга, в отличие от Виллардуэна и других лидеров, вскоре ощутил трудности на себе. Он приводит данные по стоимости важнейших товаров: *систр* вина стоил 12 или даже 15 су, яйцо — два денье, а курица — двадцать су. Правда, Робер отмечал избыток галлет, достаточный для снабжения армии в течение некоторого времени.¹²

Цифры, которые приводит Робер, почти ничего для нас не означают, но Альберик де Труа-Фонтен дает нам указание на уровень инфляции. Он сообщает, что выпеченный три дня назад хлеб, обходившийся в Париже два динара, под Константинополем стоил уже двадцать шесть динаров. Некоторые вынуждены были пускать в пищу лошадей — основу военного могущества, без которой немыслим был рыцарь. Воистину, то было «время великой скудости».¹³

В результате крестоносцы были вынуждены обшаривать обширные территории в поисках продовольствия. Генрих Фландрский возглавил продовольственный отряд, в котором, по данным Робера де Клари, насчитывалось тридцать рыцарей, включая Жака де Авена и бургундцев Аддо и Гильома де Шамплитов, а также много конных воинов. Они отправились в путь в вечерних сумерках, чтобы не быть обнаруженными, и ехали всю ночь и следующее утро, пока не достигли города Филии на Черном море. Им удалось захватить тамошний замок и добыть достаточно продовольствия, чтобы его хватило для всей армии почти на две недели. Крестоносцы получили скот и одежду. Последняя кажется не слишком ценным трофеем — но она была необходима, чтобы дать возможность пережить суровые зимние месяцы.

Пару дней крестоносцы провели там, наслаждаясь плодами победы, а тем временем части защитников города удавалось бежать. Добравшись до Константинополя, они повсести Мурзуфлу о произошедшем. Оказавшись на троне благодаря неприязни к уроженцам Запада, новый император

был просто обязан как можно быстрее нанести удар по противнику, а потому он вышел, чтобы перехватить отряд.

Он взял с собой икону Богородицы. Альберик де Труа-Фонтеп — единственный, кто описывает ее: *«На этой иконе был прекрасно изображен сам Господь, дева Мария и апостолы. В нее же были вставлены святыни: зуб Иисуса, который выпал у него в детстве, частица копья, пронзившего его на кресте, часть ризы, а также частицы мощей тридцати мучеников»*.¹⁴ Присутствие этой глубоко почитаемой иконы придавало Мурзуфлу уверенности. Никита Хониат пишет, что византийцы считали святыню «вторым полководцем». ¹⁵

Христианские армии часто брали святыни в бои. Крестоносцы на Святой земле брали Крест Господень во все сражения с 1099 и вплоть до 1187 года, когда в битве при Хаттине он был утрачен. Мурзуфл же объявил своей покровительницей одну из величайших икон православной церкви. Одновременно он показывал, что сам покровительствует церкви и, сражаясь против захватчиков-католиков, имеет поддержку церковной иерархии. Патриарх Иоанн X Каматерус, возглавлявший православную церковь, сопровождал армию, чтобы подчеркнуть эту поддержку.

Мурзуфл собрал серьезный отряд из нескольких тысяч воинов (по данным Робера де Клари, он состоял из четырех тысяч человек) и выступил навстречу крестоносцам, которые двигались медленно, поскольку гнали с собой в лагерь захваченный скот. Мурзуфл быстро выследил их и двинулся следом. Решив нанести удар первым, он пропустил мимо основную часть отряда, которая вела пленников и животных, а когда крестоносцы, возглавляемые Генрихом Фландрским, готовы были скрыться в лесу, бросился на врага.

Сперва крестоносцы испугались. Противник имел большой количественный перевес, и они вверили свои судьбы Господу и Богородице. Вскоре они собрались с силами и обернулись к неприятелю. Перед отрядом были выставлены восемь арбалетчиков, чтобы принять первый удар греков. Их

огонь оказал некоторое действие, но движение не остановилось, и противники вскоре жестоко схватились врукопашную. Крестоносцы отбросили копья и вытащили мечи и кинжалы, использовавшиеся для ближнего боя.

Греческий авангард возглавлял испанский наемник Педро Наваррский. Альберик де Труа-Фонтен гордо замечает, что Педро был настолько уверен в успехе, что вступил в бой с непокрытой головой, на которой был только золотой венец. Когда воины сомкнулись, Педро оказался против Генриха Фландрского, опытного бойца и искусного фехтовальщика. Фламандец начал нападать и быстро обнаружил слабое место своего противника. Быстрым ударом, нанесенным по дуге, который наверняка неоднократно отрабатывался еще во фландрских замках, он опустил меч на голову Педро. Золотой венец треснул, и меч на два пальца погрузился в череп воина.

Мощь и выучка конницы крестоносцев вновь показали свое преимущество, и вскоре передние ряды греков дрогнули. К этому времени крестоносцы сражались вместе больше года: в Заре, Корфу, у Константинополя и во время кампании Алексея во Фракии. Они действовали с такой слаженностью, какая может возникнуть только из непосредственного боевого опыта. Напротив, византийским силам, представлявшим смесь греческой знати с наемниками, недоставало единства и умения, чтобы справиться с неприятелем.

Бой разгорался, и крестоносцы быстро подобрались к вражеским старшинам. Теодор Бранас был оглушен тяжелым ударом, смявшим его шлем. Пьер де Брасье, отличившийся в схватке при крепости Галата в июле 1203 года, снова был впереди, решив стяжать еще большую славу, захватив икону. Неизвестно, увидел ли он патриарха Иоанна издалека и поскакал к нему или же просто оказался рядом в пылу сражения. Как бы то ни было, Пьер трепетал от мысли захватить столь важную и прекрасную святыню. По описаниям, патриарх, кроме облачения надел шлем и дос-

пехи — хотя считается, что византийское духовенство не брало в руки оружия, а потому эти сведения могут быть ошибочными.¹⁶ Вероятно, приблизившись, Пьер решил не убивать человека столь высокого положения. Однако он нанес удар по шлему патриарха, так что тот упал с лошади и уронил святыню. Икона упала на землю, и Пьер соскочил с лошади, чтобы поднять ее. Пока оглушенный Иоанн стоял на коленях, крестоносец схватил икону. Когда греки увидели, что произошло, они взвыли от ярости и обратились против Пьера. Они ринулись к французу, но крестоносцы сомкнули ряды вокруг соратника и начали стремительную контратаку. Мурзуфл получил тяжелый удар и упал на шею лошади. Люди его пришли в замешательство, византийская армия дрогнула и бежала. Мурзуфл так стремился спастись, что отбросил оружие и щит и поднял лошадь в галоп. Он оставил и императорский штандарт — еще одно унижение для императора. Греки потеряли около двадцати человек, а из крестоносцев никто не был убит. Гордо неся новые трофеи, уроженцы Запада направились в лагерь.

Новости о схватке дошли до основной части армии, и часть воинов приготовилась выступить на помощь своим товарищам. Они поспешили на место сражения и наткнулись на соратников, идущих к ним с победой. Неудивительно, что отряд приветствовали с огромной радостью. Когда они подошли к лагерю, епископы и духовенство вышли навстречу, чтобы встретить священную икону. С глубочайшим почтением они окружили ее и вручили епископу Гарнье де Труа, уже бывавшему на Святой Земле в качестве паломника. Гарнье внес икону в находившуюся при лагере церковь, и все духовенство отслужило молебен в честь стяжания святыни. В знак благодарности за победу крестоносцы пожертвовали икону ордену цистерцианцев, чьи настоятели из Люцедо и Ло духовно окормляли экспедицию. Альберик де Труа-Фонтен, который сам был монахом-цистерцианцем из монастыря Сито в графстве Шампань, записал

это повествование, поскольку видел саму икону или слышал ее подробное описание от очевидцев.

Отряд, направленный за продовольствием, не только обеспечил армию достаточным его количеством, но и нанес чудовищный удар повому режиму. За несколько месяцев это был первый значительный военный успех, который принес столь необходимый всеобщий моральный подъем.

В то же время Мурзуфла постигло ужасающее разочарование. Обратившись к Богородице за покровительством и веря в ее помощь при разгроме крестоносцев, после потери иконы он был в смятении. Уроженцы Запада знали о ее значении для греков и, разумеется, делали собственные предположения относительно причин ее утраты Мурзуфлом. Робер де Клари писал: *«Они верили в то, что обладатель иконы не может потерпеть поражения в бою — а мы верим в то, что Мурзуфл был разбит оттого, что не имел права нести ее»*.¹⁷ Император страдал от такой же мысли. Икона Богородицы считалась покровительницей Константинополя, и итог сражения легко можно было принять за божественную волю.

Чтобы неприятные известия не распространялись, император обратился к отчаянной уловке. Отрицая действительность, он уверял в том, что одержал победу. На вопросы же об иконе и императорском штандарте он отвечал, что они были убраны для большей сохранности. В скором времени у этой версии появились сторонники, но сокрыть в стенах Константинополя рассказ об исходе схватки было невозможно. Вскоре в лагере крестоносцев пронесся слух о том, что император говорит о своей победе, отрицая потерю иконы и штандарта. Наверняка такая бравада вызвала у латинян изумление, которое вскоре сменило понимание необходимости расставить точки над «i».

У крестоносцев была редкая возможность продемонстрировать истинное положение дел. Они решили предать огласке правду, представив Мурзуфла в невыгодном свете. Венецианцы подготовили галерею и поместили на носу им-

ператорский штандарт и икону. Трубя в трубы, чтобы привлечь внимание, они медленно двигались вдоль городских стен на удивление собравшимся толпам. Горожане узнали икону и штандарт. Обман Мурзуфла открылся, разгневанные люди называли его лжецом. Император делал неуклюжие попытки объясниться, надеясь сплотить горожан обещаниями свирепой мести врагам.¹⁸

Почти сразу же Мурзуфл предпринял еще одну попытку использовать суда-брандеры, но и она не увенчалась успехом. Понимая, что военные неудачи наносят ущерб духу греков, а не могуществу крестоносцев, он решил использовать менее воинственную тактику. 7 февраля он направил в лагерь крестоносцев посланников, прося дожа прибыть на встречу. Мурзуфл считал Дандоло менее привязанным к Алексею, чем, к примеру, Бонифация Монферратского. Кроме того, дожа уважали за мудрость и предусмотрительность.

Дандоло взошел на борт галеры и направился через Золотой Рог к месту близ монастыря святых Космы и Дамиана, расположенного к северу от городских стен. Кроме того, залив также пересек конный отряд крестоносцев, чтобы присутствовать при переговорах. Мурзуфл выехал из Влахернского дворца и спустился к берегу, где и состоялась встреча. Никита Хониат и Балдуин Фландрский приводят ее описание. В общих чертах они похожи, хотя, естественно, представляют диаметрально противоположные точки зрения. Балдуин сообщает, что Дандоло понимал, насколько опасно доверять человеку, уже преступившему через присягу, отправив своего правителя в темницу, и пренебрегавшего переговорами с крестоносцами. Тем не менее, дож выступил с нерезким, хотя и примирительным предложением. Он просил Мурзуфла освободить Алексея, гарантировав ему прощение. Дандоло пообещал, что крестоносцы будут снисходительны к Алексею, понимая, что его неразумие вызвано поспешными и неправильными суждениями, свойственными молодости.

Однако за внешней вежливостью крылась угроза. Сейчас крестоносцы диктовали условия, и Дандоло говорил о снисходительности и сохранении мира. Недавний военный успех уроженцев Запада и невероятный беспорядок в Константинополе дали им преимущество, казавшееся немыслимым несколько недель назад. Подлинным требованием, скрывавшимся за вежливыми фразами дожа, был возврат к выполнению сделанных Алексеем обещаний, обеспечение военной поддержки экспедиции на Святую землю и подчинение православной церкви Риму. Балдуин Фландрский отмечает, что Мурзуфл не дал вразумительного ответа на предложения дожа, но, отвергнув их, «избрал собственную гибель и падение Греции».¹⁹

Для византийца Никиты Хониата выдвинутое дожем требование вовсе не казалось разумным. Возврат к прежним несправедливым условиям, отягощенным требованием немедленной выплаты пяти тысяч фунтов золота, представлялся совершенно неприемлемым. Никита коротко отмечает, что условия крестоносцев «унизительны и неприемлемы для тех, кто испробовал свободы и привык отдавать распоряжения, а не подчиняться им».²⁰ Словом, узурпатору было предложено уйти в отставку, народу — склониться перед мощью крестоносцев, городу — отдать еще больше золота, а духовенству — отказаться от своей власти. Маловероятно, что Мурзуфл смог бы пойти на такие уступки. Если бы он согласился с требованиями крестоносцев, власть вернулась бы к Алексею, а жители Константинополя, поддерживавшие его в борьбе с уроженцами Запада, отвернулись бы от него и, весьма вероятно, убили бы.

Сухопутному эскорту дожа стало известно нежелание узурпатора уступить, и рыцари внезапно напали на императора, рассчитывая захватить его в плен — что само по себе не являлось актом высокой дипломатии. Мурзуфлу удалось развернуть лошадь и вернуться в город, хотя часть его спутников оказалась менее удачливой и была захвачена крестоносцами.

Таким образом, ситуация зашла в тупик. Недоверие и взаимная неприязнь сделали войну еще более вероятной. Никита так оценивал взаимоотношения между греками и крестоносцами: «Их непомерная ненависть к нам и наше чрезмерное несогласие с ними не оставило места человеческим чувствам между нами».²¹

Крушение попытки найти мирное разрешение конфликта означало медленное, но неизбежное сползание к новому ужасному водовороту насилия. Крестоносцы продолжали настаивать на восстановлении Алексея у власти, и эта настойчивость указывала Мурзуфлу на самое уязвимое место. Даже в темнице Алексей по-прежнему представлял для своего соперника потенциальную угрозу. В таких обстоятельствах молодого человека неизбежно нужно было устранить. Трижды ему предлагали яд, и трижды он отказывался. Возможно, врожденное чувство самосохранения не позволяло ему принять отраву, однако не исключено, что он питал тщетные надежды на то, что кто-либо из его сторонников уговорит крестоносцев освободить его. Ничего подобного не случилось, и Алексей был убит. Считается, что восьмого февраля Мурзуфл сам спустился в подземелье, где был заключен Алексей, и удушил своего противника шнуром или же голыми руками²². В письме Балдуина Фландрского приводятся отвлеченные подробности: пока император бился в конвульсиях, Мурзуфл взял железный крюк и разорвал бока и грудную клетку умирающего. Возможно, столь колоритное описание событий — всего лишь слухи, ходившие в армии крестоносцев имевшие целью еще более очернить имя узурпатора («Иуды», как называет его Балдуин).²³

Так завершилась короткая, но яркая жизнь молодого императора. Алексей IV послужил катализатором перемен, произошедших в византийской политической системе, однако силами, которые он высвободил, было невозможно управлять, и он заплатил жизнью за свое честолюбие.

Народу необходимо было объяснить смерть Алексея. Мурзуфл распространил слух о том, что император стал

жертвой несчастного случая. Пытаясь удостоверить это впечатление, он организовал государственные похороны, соответствовавшие его статусу. Сам Мурзуфл устроил прекрасное представление, скорбя и сожалея о безвременной кончине правителя. Как только церемония завершилась, он смог заняться планированием дальнейших действий по отношению к крестоносцам.

Известие о смерти Алексея сразу же вызвало подозрение. Робер де Клари повествует о том, что в лагерь крестоносцев была пущена стрела с прикрепленным письмом, в котором сообщалось, что произошло убийство. Часть побллей не проявила особого интереса к судьбе Алексея, поскольку не хотела хранить ему верность, кое-кто выражал сожаление о такой кончине. Но ценой убийства основного соперника Мурзуфл вызвал еще большую ненависть среди крестоносцев, дав веское оправдание тем, что хотел устранить его от власти.

ГЛАВА 13

**«Врывайтесь! Ломайте преграды,
крушите трусов, наступайте отважно!»**

Завоевание Константинополя, апрель 1204 года

Убийство Алексея привело к окончательному разрыву между византийцами и крестоносцами. Несмотря на разногласия между молодым императором и уроженцами Запада, пока Алексей был жив, оставалась возможность отказа от военных действий — если бы возобладало его желание выполнить нравственные и договорные обязательства перед крестоносцами. Обе стороны балансировали на грани конфликта с ноября 1203 года. Такие моменты, как нападения зажигательных кораблей, представляли короткие периоды эскалации насилия. Однако за ними всегда следовали усилия по сохранению мира. Теперь же места для такого шага не осталось. Мурзуфл убил императора и отказался выполнить его обещания, данные крестоносцам. Обе стороны осознавали неизбежность войны и начали готовиться к сражениям.

Положение крестоносцев было отчаянным. Они связали себя с Алексеем, а его смерть сде-

лала их крайне уязвимыми — ведь они оказались в лагере, окружающем враждебный город, за тысячи миль от родины. Его неспособность выполнить финансовые обещания означала, что значительная часть долга венецианцам за предоставление флота не была погашена, а у самих крестоносцев не было достаточного количества денег, чтобы начать действенную кампанию на Святой Земле. Но самым насущным вопросом был недостаток продовольствия. Известный автор из Суассона писал: *«Наши воины понимали, что не могут ни выйти в море, где им грозила неминуемая гибель, ни остаться на суше, где стремительно заканчивались припасы, и все же они нашли решение»*.¹

Руководители оказались поставлены перед жестоким выбором. Ни один из возможных вариантов не гарантировал легкого пути. Даже если бы армии удалось собрать достаточное количество продовольствия, чтобы тронуться в обратный путь, они бы подверглись унижению за отказ от похода и помощи Святой Земле — ведь изначально отклонение к Константинополю объяснялось именно такими клятвами. Такое отступление было бы нестерпимо для рыцарей, у которых столь высоко ценилось понятие воинской чести. С другой стороны, враждебные отношения между Византией и Западом, усугубившиеся изменой Мурзуфла, и безнадежное положение на берегах Босфора означали, что крестоносцам будет не так сложно объяснить нападение на греков.

В течение Великого поста 1204 года жители Константинополя и западная армия готовилась к войне. Обе стороны учитывали опыт 1203 года и стремились воплотить все свои преимущества, используя все недостатки противника. Основной успех уроженцам Запада при первом штурме принесли венецианцы, покорившие обращенные к Золотому Рогу стены. Потому они решили снова сконцентрировать действия на этом участке города.

Венецианцы готовили баллисты и катапульты: проверяли станины, заготавливали веревки, собирали камни, ис-

пользуемые в качестве снарядов. Часть машин была установлена на кораблях, чтобы обеспечивать бомбардировку города, прикрывая бойцов на мостиках, вновь укрепленных на мачтах. Устройства на венецианских кораблях примерно соответствовали описаниям Гуго де Сен-Поля и Робера де Клари, данным в июле 1203 года, — но на сей раз венецианцы оборудовали специальные защитные сети, чтобы предохранить людей и суда от попадания снарядов.² Кроме того, корабли были покрыты шкурами, пропитанными уксусом, для уменьшения воздействия зажигательных устройств.

Французы подготовили зажигательные снаряды и оборудование для организации минного подкопа. В июле 1203 года им почти ничего не удалось сделать против высоких стен в северо-западной части города. Теперь они собирались действовать в контакте с венецианцами и сконцентрироваться на той части Влахернского дворца, которая выходила на узкую полосу земли, открывавшуюся на Золотой Рог. Французы весьма надеялись на одновременное подведение мины и бомбардировку стен. Были сооружены передвижные тараны³ — приземистые конструкции, защищенные кожухом из вымоченных в уксусе шкур. Под этим прикрытием было подвешено бревно с окованным металлом наконечником, которое могло раскачиваться взад-вперед, проламывая стену. Такое передвижное укрытие могли использовать и минеры, пытающиеся пробить стены с помощью лопат и кирок.

Греки прекрасно понимали, что наиболее вероятным направлением атаки будет избран Золотой Рог. Здесь располагалась наиболее слабая часть стен, построенная скорее для того, чтобы очертить бухту, чем в качестве укреплений. Теоретически цепь, преграждавшая Золотой Рог, должна была предотвратить проникновение неприятеля в залив, к этому участку обороны. Другими словами, строители стен Константинополя не предвидели возникновения такой ситуации. Теперь же для противостояния венецианским лестницам византийцы увенчали свои укрепления деревянными

башнями. Для создания этих сооружений использовались огромные брусья, укрепленные на стенах между существовавшими башнями. Наверняка вид стен с новыми конструкциями значительно изменился. Обычно башни, ворота и зубцы стен имели правильные очертания, которые нарушались лишь в связи с условиями рельефа или при изредка происходивших перестройках. Несколько источников указывают, что описанные сооружения имели высоту в шесть или семь этажей.⁴ Как и венецианские корабли, они были обтянуты смоченной в уксусе кожей для защиты от возгорания и уменьшения последствий обстрела.

Из-за подобных конструкций, встающих над каменной кладкой, укрепления Константинополя приняли тяжеловесный вид. Это было задумано специально, поскольку любой, оказавшийся у подножия стены, должен был считаться с постоянной угрозой сверху. Планировка новых башен давала возможность защитникам доставлять на них камни, кипящее масло или смолу, которые затем обрушивались на головы нападавших.

Наряду с укреплением стен Золотого Рога Мурзуфл не забывал и об обращенной к суше части Константинополя, приказав для большей безопасности заложить кирпичом все ворота.

Обе стороны видели, как противник готовится к военным действиям. На обоих берегах Золотого Рога день и ночь стучали молотки. Инженеры и плотники создавали боевые машины, которые должны были принести победу.

Еще в процессе подготовки к нападению на Константинополь крестоносцы задумались над проблемой дележа добычи в случае успешного взятия города. Предварительные соглашения такого рода были обычной практикой в ходе средневековых войн, поскольку помогали предотвратить жестокие конфликты в сумятице, возникавшей после осады. Многие победоносные кампании привели к распрям и ссорам относительно прав на добычу после падения города. Например, в 1153 году в Аскалоне рыцари-тамплиеры пы-

тались не дать другим крестоносцам войти в пролом в стене, стремясь таким образом предотвратить попадание добычи к другим.⁵ Они заплатились за свой эгоизм: отряд тамплиеров был отрезан, а затем весь перебит. Учитывая продолжительность кампании 1203–1204 годов и контраст между нищетой крестоносцев и ожидаемыми богатствами Константинополя, было важно связать людей договором, чтобы ограничить конфликты на нижнем уровне. Бесконтрольное мародерство могло сделать армию уязвимой перед возможной контратакой или же вызвать негодование со стороны населения по отношению к своим новым правителям.

Но обсуждались не только вопросы дележа трофеев. Предполагаемое взятие Константинополя ставило перед французами и венецианцами более сложные и по средневековым меркам беспрецедентные вопросы. Предполагался не просто штурм крепости или города — речь шла об установлении владычества над целой империей. Было необходимо избрать нового императора, выдвинув из своих рядов воина, который поднялся бы к небывалым высотам могущества. Армия являлась независимой силой, находящейся вне контроля, к примеру, короля Франции, поэтому завоевание одной страны от имени другой не обсуждалось. Согласно законам завоеваний, Константинополь должен был принадлежать только крестоносцам, и его нового правителя предполагалось выбрать из их числа. Руководители похода Дандоло, Балдуин Фландрский и Бонифаций Монферратский относились к числу самых влиятельных в Европе людей — но ни один из них не был коронованным монархом, не говоря уже о положении и истории византийских императоров.

В марте 1204 года Дандоло, Бонифаций, Балдуин, Людовик де Блуа и Гуго де Сен-Поль составили официальное соглашение «дабы обеспечить среди нас единство и согласие». Полный текст договора сохранился, кроме того, Виллардуэн и Робер де Клари приводят краткое содержание

документа, который историки обычно называют «Мартовским договором».⁶

Крестоносцы обязались совместно штурмовать город и, если Господь дарует им победу, собрать все трофеи во дворце, где и разделить их по справедливости. Робер де Клари относил к трофеям золото, серебро и новые одежды стоимостью не менее пяти су, считая, что менее ценные предметы недостойны рассмотрения. Продовольствие и оружие из этой части соглашения исключались.⁷ Наиболее крупная сумма, недоплаченная по соглашению с Алексеем, причиталась венецианцам. Часть ее относилась к договору в Заре, часть — еще к Венецианскому договору, то есть являлась выплатой за содержание флота с марта 1203 по март 1204 года. Для оплаты долга венецианцы забирали три четверти трофеев, оставляя крестоносцам одну четверть, до тех пор, пока не будет внесена необходимая сумма — двести тысяч серебряных марок. После ее накопления вся добыча будет делиться между венецианцами и крестоносцами поровну. Договоренность не затрагивала продовольствия, которое честно разделялось между всеми, чтобы обеспечить продолжение кампании.

Далее договаривающиеся стороны обратились к будущему самому Константинополю. В случае полного овладения городом было решено избрать шестерых французов и шестерых венецианцев. Они должны были, присягнув на Библии, выбрать человека, который, по их мнению, стал бы достойным правителем. Равенство между французскими и венецианскими избирателями отражало равнозначность трудов, выполняемых обеими частями армии под стенами города. Избранный императором воин должен был получить четверть покоренных земель, а также Влахернский и Буколеонский дворцы. Один из представителей второй части армии должен был стать патриархом и воссесть в Святой Софии. Таким образом, если бы императором стал француз, патриарх оказался бы венецианцем, при венецианском императоре был бы французский (либо германский или северо-итальянский) патриарх.

Оставалось распределить земли, титулы и имущество самой Византийской империи. Распределять поместья и должности был призван другой комитет — на сей раз из двенадцати венецианцев и двенадцати французов. Он же должен был определять, какими службами обязаны императору владельцы феодальных уделов.

У крестоносцев была возможность создать цельную самостоятельную политическую единицу. Нечто в том же роде предоставлялось Вильгельму Завоевателю в 1066 году, когда он занял Английское королевство. Хотя решения там принимал он сам, а не норманнская знать, Вильгельм, как и крестоносцы с венецианцами, имел дело с благополучным и устроенным государством. Напротив, спустя тридцать лет после завоеваний герцога Вильгельма, Первому крестовому походу потребовалось почти десять лет, чтобы установить контроль над комплексом разнородных политических образований, существовавших в то время в Леванте, чтобы в свою очередь создать на их основе четыре самостоятельных государства крестоносцев.

Французы и венецианцы прекрасно понимали, что падение Константинополя едва ли будет означать автоматическое подчинение всей Византийской империи. Жители Константинополя и его окрестностей почти наверняка были настроены враждебно по отношению к уроженцам Запада — а кроме того, существовал еще Алексей III, который вполне мог собрать вокруг себя греческую оппозицию. Поэтому крестоносцы согласились остаться на месте до марта 1205 года, чтобы утвердиться во вновь завоеванных землях. Это означало, что экспедиция на Святую Землю если и не прекращалась, то снова откладывалась. Все понимали, что, если Константинополь будет покорен, но оставлен войсками тем же летом, вероятность утверждения новой Латинской империи становится ничтожной. Желаящие остаться после марта 1205 года поступали в юрисдикцию императора, чтобы служить ему.

Разумеется, венецианцы благоразумно постарались закрепить в документах свое торговое влияние. Было установлено,

что новый император не станет вступать в деловые отношения ни с одним из государств, находящихся в состоянии войны с итальянцами. Таким образом, экономические противники отстранялись от весьма богатого торгового региона.

И, наконец, была предпринята попытка урегулировать поведение крестоносцев, когда они вступят в город. Робер де Клари отмечает, что воинство крестоносцев было обязано принести на святыне присягу в том, что они не станут насиловать женщин и сдирать с людей понравившееся им платье. Кроме того, им вменялось в обязанность не трогать монахов и священников, за исключением случаев самообороны, а также не врываться в церкви и монастыри.⁸ Освобождение от сдерживаемого сексуального напряжения было частым и ужасным элементом средневековых войн. Другой легкой добычей для противников оказывались церкви с богатыми облачениями и утварью. В качестве наказания за проступок провинившимся грозила смерть.

Учитывая неприкрытую вражду между византийцами и крестоносцами, попытка предотвратить самые вероятные последствия войны была благоразумной — но, как мы увидим, не слишком успешной. Чтобы напомнить о том, что осада продолжается под знаменем священной войны, духовенство крестового похода наложило угрозу отлучения от церкви на нарушителей условий соглашения.

К началу апреля крестоносцы были подготовлены к сражениям. За месяцы пребывания близ Константинополя их положение много раз изменялось. Сперва они были приглашены в качестве союзников человека, имевшего законные притязания на престол; затем стали воинами, возведшими его на трон; затем разочарованными и оставленными чужаками, которых избегал бывший союзник и непапидел его преемник; и, наконец, стали небольшой, но решительной осаждающей армией, у которой заканчивалось продовольствие и едва ли был другой выбор, кроме штурма самого могущественного города христианского мира.

Вечером 8 апреля флот был загружен и готов к отплытию на рассвете. На специально оборудованные суда были приняты лошади. С первыми лучами солнца предполагалось начать действия. В армии нарастало предвкушение боя. Для средневековых войн, а особенно для крестовых походов, сражениям непременно предшествовала духовная подготовка. Богослужение и исповедь были необходимыми условиями, обеспечивавшими погибшему крестоносцу награды на небесах. Воины разрешались от грехов и соединялись с Христом в таинстве причащения.

Наверняка крестоносцы спрашивали божественного заступничества — ведь как иначе могла двадцатитысячная армия взять Константинополь? Все, от самых знатных рыцарей до простых пехотинцев, знали, что следующие дни будут самыми решающими за всю кампанию. Во время первой осады Константинополя успех казался невероятным, однако он был достигнут. К апрелю 1204 года после убийства Алексея крестоносцы потеряли человека, узаконивавшего их присутствие под стенами города и способного предоставить существенную материальную помощь. Теперь они столкнулись с куда более враждебно настроенным населением, а собственное положение стало более шатким. Алексей обеспечивал уроженцев Запада продовольствием. Прожив с его помощью зиму, теперь они столкнулись с острой нуждой. Завоевание Константинополя принесло бы продовольствие и деньги, открывая перед крестоносцами единственную реальную для них возможность действовать дальше. Они чувствовали нравственное оправдание своих действий и располагали впечатляющим списком побед над греками. Однако стены Константинополя взметнулись еще выше, а во главе византийцев встал жестокий и решительный правитель.

Что принесет грядущий день? Скорую смерть от стрелы? Медленный и мучительный конец от переломов, полученных при падении с осадной лестницы или сброшенного булыжника? Ужасную гибель в пылающей смоле? Или же милость Господа, славу и богатство?

Самыми незащитными оказывались те, кто должен был начинать атаку с навесных мостиков. Никита пишет об огромных наградах, предложенных тем, кто отважится подняться наверх и сражаться на мачтах. Для них жажда славы и вера в удачу должна была перевешивать предстоящий огромный риск.⁹ По всему лагерю люди вспоминали свою жизнь, говорили о своих любимых и просили друзей передать весточку, если сами не вернутся из похода. Воины боролись со своими страхами, готовили оружие и молились о победе.

Ранним утром 9 апреля флот крестоносцев подошел к участку стены, протянувшемуся между монастырем Эвергет и Влахернским дворцом. С характерной гордостью Виллардуэн вспоминает о том, насколько прекрасным зрелищем были военные корабли, галеры и транспорты, растянувшиеся на целую милю.¹⁰ Каждое из военных подразделений находилось на группировавшихся вместе судах, над которыми морской бриз развеивал флаги. С воинами на борту, нагруженные катапультами, лестницами и стенобитными таранами, корабли крестоносцев придвинулись к стенам и начали приступ.

Стены Влахернского дворца не подходили к берегу, и крестоносцы сошли с кораблей и сосредоточили удар на узкой полосе земли между укреплениями и водой. Обе стороны вели активную перестрелку камнями и снарядами. Первые высадившиеся на берег сгрузили лестницы и прочие боевые устройства под жестоким огнем неприятеля. Когда крестоносцы начали переносить их к стенам, в щиты и доспехи воткнулись первые стрелы. Обычно стрелы не пробивали кольчуг, а если такое и случалось, то наносили лишь легкие раны. И все же они вонзались в доспехи, и вскоре солдаты напоминали огромных дикобразов, утыканных птичьими перьями.

После начала штурма стен солдаты перемешались, и обмен выстрелами был дополнен ударами топоров, мечей и копий. Часть лестниц удавалось оттолкнуть от стен, и тогда

они падали вниз со смертоносным грохотом. Воинов стлели с лестниц, и те обрушивались на землю, где погибали или получали тяжелые увечья. Многих убивали мечами, пока они двигались вверх. Крики раненых и умирающих, рев команд на греческом, датском, итальянском, немецком или французском языках, возникающий по временам звук императорских фанфар, грохот раскалывающихся на куски ядер, разламывающих городские стены, сливались в адскую какофонию.

Раз за разом крестоносцы пытались установить у основания стен стенобитные тараны. Наверняка сидящие в машинах люди должны были испытывать острую клаустрофобию. Когда они подводили орудия к стенам, защитники города выливали со стен огромные чаны кипящего масла или жира. Едва ли можно представить себе шум, запах и жар, сопровождавшие эти потоки. Иногда тараны загорались, и тогда их команды получали жестокие ожоги. Крича, они выбегали из своего укрытия, ища воды или открытой земли, где можно было бы сбить огонь. Но таким образом они сразу открывали себя для вражеских стрел и снарядов.

Кроме горящего масла, защитники сбрасывали на врага огромные булыжники, которые губили как орудия, так и сидящих в них людей. Уроженцы Запада старались защитить свою армию ответной бомбардировкой. Корабельные катапульты сосредотачивали удар на защитниках над тараном, на этом же участке стен действовали лучники и воины на лестницах.

В тот день греки оказывали мужественное сопротивление. Мурзуфл, предвидя нападение, дал людям четкие указания, и его личное присутствие воодушевляло войска. Он разбил свои багряные шатры на холме у монастыря Пантепоптес за подвергавшимся обстрелу участком стены. Так он мог видеть происходящее за своими оборонительными сооружениями и отвечать на действия противника, что было редкостной удачей при средневековом отсутствии доступных ныне средств наблюдения. В то же время и крестоносцы могли видеть

Мурзуфла («изменника», как называл его Робер де Клари), что только подстегивало их усердие.

Византийцы хорошо подготовились к наземной атаке. Они собрали множество огромных булыжников для использования против крестоносцев. После пожаров 1203 года среди города остались громадные кучи мусора — превосходного материала для подобных нужд. Греки втаскивали их в башни и сбрасывали гигантские обломки на осадные орудия крестоносцев, разнося их в щепки. Ущерб был настолько серьезен, что уроженцы Запада были вынуждены покидать свои машины и искать себе убежища.¹¹

Но самым серьезным препятствием для крестоносцев оказалась погода. Вскоре после начала атаки ветер начал дуть со стороны берега, и это не позволяло основной части кораблей подойти достаточно близко к стенам, чтобы начать действия, которые дали бы решительный импульс их товарищам, сражающимся на берегу. Удалось занять лишь пять башен Константинополя, и ни одну из них не было возможности защитить. К полудню всем было ясно, что атака не удалась. Прозвучал сигнал к отступлению. Со стен Константинополя раздался радостный крик: городу удалось выстоять в первом испытании новой войны. Защитники глумились над нападающими, и Робер де Клари упоминает, что многие спускали штаны и демонстрировали крестоносцам свои зады. Мурзуфл стремился отметить победу и приказал трубачам играть триумфальный марш. Он щедро раздавал похвалы и считал успех доказательством собственного мастерства и умения в качестве правителя. «Ну, господа, разве я плохой император? Да у вас никогда не бывало столь прекрасного императора! Я ли не действовал умело? Мы можем их больше не бояться, я всех их перевешаю и обесславлю».¹²

Крестоносцы были весьма обескуражены. Множество достойных воинов погибло, часть орудий была разрушена или утрачена. Исход битвы приписывался божьей воле, а причиной поражения были сочтены грехи воинов. Балдуин

Фландрский вынужден был признать, что его войска «с позором отступили от врага, часть которого в тот день показала свое превосходство во всех отношениях. В тот день казалось, что мы были изнурены до полного изнеможения».¹³

Исход кампании оказался под угрозой. Срочно собралось руководство крестового похода. Было необходимо предпринять немедленные и решительные действия, или поражение становилось неизбежным. Часть вождей стояла за изменение места удара, предлагая перенести основную осаду на другой участок, лучше всего — на стены, обращенные к Босфору, где крестоносцы могли бы координировать сухопутные и морские войска. Однако предложение было отвергнуто, как только венецианцы указали на быстрое течение, которое будет сносить корабли.

Французские нобли вместе с маркграфом Боуифацем и дожем внимательно рассмотрели положение. Они вспомнили успех на Золотом Роге в 1203 году и пришли к заключению, что основной причиной нынешних сложностей оказались коварные ветры. Было решено возобновить атаку на том же участке стены — но прежде сделать передышку для того, чтобы произвести ремонт кораблей, улучшить их и дожидаться лучших погодных условий.

В то время как благоразумно производились подобные действия, необходимо было также восстановить моральный настрой войска. Изначально эта задача ложилась на духовенство. Успех был возможен, только если армия верила в то, что ее действия по-прежнему одобрены Господом. Многие воины пресытились сражениями, а события дня были столь печальны, что немало рядовых солдат не хотели продолжать осаду и стремились оставить город. Они просили разрешить им отправиться на Святую Землю, где могли бы выполнить свои обеты и вернуть к себе божественную милость. Виллардуэн писал: *«Часть людей была бы только рада, если бы течение унесло их по проливу [прочь от Константинополя]... и не печалились о том, куда шли так долго, оставив эти земли позади»*.¹⁴

Духовенство обсудило положение между собой и оставалось на словах, которые собирались распространить по лишившейся боевого духа армии. Они должны были убедить людей в том, что события 9 апреля не были божественным осуждением несправедливого предприятия. Война, говорилось в них, *была* справедливой и, оставаясь у людей должная вера, *могла* достичь успеха.

Формулировка о боге, испытывающем решительность бойцов посредством временных неудач, была традиционным средством для оправдания несудачного хода любой кампании.¹⁵ Такая интерпретация не лишала надежды на высшее одобрение экспедиции, представляя случившееся как способ, которым господь может выявить решимость своей армии. Было объявлено, что утром в воскресенье 11 апреля будут прочитаны проповеди. Каждый представитель высшего духовенства собирал свою паству. Епископы Суассона и Труа в Северной Франции, епископ Альберштадта из Германской империи, настоятель Симон Лоосский из Нидерландов и магистр Иоанн Ноэнский из Фландрии обратились к войскам. В собраниях участвовали даже венецианцы, официально все еще отлученные от церкви.

Обращение духовенства было составлено так, чтобы убедить и воодушевить крестоносцев. Доводы о недавнем нападении на Константинополь вращались вокруг двух тем. Во-первых, греки — изменники и убийцы, раз позволили погибнуть законному правителю Алексею IV. В обществе, связанном обязательствами перед феодальным властителем, где убийство помазанника было редкостью, такое нарушение обычных норм поведения становилось предметом серьезного беспокойства. Подобное преступление вполне могло оправдывать мщение. Проповедники разжигали страсти. Они заявляли, что греки «хуже евреев», и обращались к божественной и папской власти с просьбой о действии.

Выбор евреев в качестве объекта для сравнения указывает на то, сколь сильно духовенство старалось убедить слушателей в преступности Мурзуфла. Евреи, распявшие Хри-

ста, были в Западной Европе объектом жестоких оскорблений, так что связывание с ними имени Мурзуфла должно было вызвать мощный взрыв эмоций. Греки были противниками Господа. А потому заслуживали уничтожения.

Вторым аргументом духовенства был раскол между православной греческой церковью и Римом. Нежелание греков склониться перед владычеством Рима и их презрение к папству и католицизму в целом были достойны кары. Звучало утверждение об уверенности греков в том, что «все согласные [с законом Рима] — псы». Употребление образа собаки чаще всего практиковалось при обращении к мусульманам. Духовенство делало все возможное, чтобы отделить византийцев от прочих христиан, а потому описывало неприятеля как «врагов Господа». По этой причине уроженцы Запада могут не бояться господней кары за нападение на греков.

Наконец, духовенство приказало изгнать из лагеря всех проституток. Такое действие было вполне традиционным для обеспечения внешней чистоты мотивов армии крестоносцев. Во времена Первого крестового похода аналогичные действия были предприняты перед успешной Антиохийской битвой в июне 1098 года, а также перед окончательным штурмом Иерусалима в июле 1099-го. Однако вплоть до этого момента Четвертый крестовый поход не прибегал к столь мучительному самопожертвованию. Теперь же женщины были посажены на суда и вывезены из лагеря.

Духовенство прекрасно справилось с возложенной на него задачей. Крестоносцы воспрянули духом и убедились в том, что их борьба имеет нравственное оправдание. Епископы велели всем исповедаться, причаститься, а затем готовиться к сражению. К священникам выстроились огромные очереди людей, желающих поведать о своих грехах и получить прощение и утешение.

Кроме необходимой психологической подготовки, за несколько дней было приведено в рабочее состояние осадное снаряжение, ремонтировались корабли. Крестоносцы видели, что даже при наличии навесных мостиков у одиночных

судов не достает боевой мощи для штурма башен. Для улучшения положения они связали суда попарно, чтобы удвоить мощь, которую можно было бы направить против конкретной точки. Такая конструкция позволяла протянуть лестницы с двух осадных башен, чтобы объять византийские укрепления наподобие рук. Такое смертельное объятие позволило бы нападающим удерживать подножие крепостной стены и вести по врагу более сосредоточенный огонь. В субботу и воскресенье французы и венецианцы занимались созданием новых кораблей со сдвоенными башнями.

Внутри же Константинополя греки радовались победе.

Они стали гораздо более уверенными, чем прежде: раз отразив крестоносцев, они не столь боялись врага. Наслаждаясь победой 9 апреля, Мурзуфл провел свои войска вдоль Золотого Рога и символически установил свой алый шатер против лагеря крестоносцев, прежде чем вернуться под укрытие стен. Воодушевленные поражением уроженцев Запада, жители Константинополя с большей отвагой готовились принять участие в новом триумфе царственного города.

Утром в понедельник 12 апреля начался новый штурм. Крестоносцы поднялись на свои суда и переправились через Золотой Рог к тому же северному углу города. Крупные транспортные корабли и галеры подошли к стенам максимально близко и стали на якорь. Оттуда могла вести огонь осадная артиллерия. Катапульты метали в сторону башен и деревянных надстроек град камней. Огромные горшки пузырились «греческим огнем» — оружием, которое впервые было применено в Византии в VII веке*. Турки использо-

* «Греческим огнем» именовалась вязкая горючая смесь на основе нефти, метавшаяся из особых медных пневматических устройств. Такое огнеметание было невозможно без специального загустителя, рецепт которого держался византийцами в строжайшей тайне и, судя по всему, к XIII веку был уже утрачен. Иногда для пущей солидности «греческим огнем» называли обычные зажигательные снаряды, начиненные нефтепродуктами и метаемые с помощью катапульт. Вновь огнеметные смеси появятся лишь в XX веке. (Прим. ред.)

вали его против крестоносцев, но уроженцы Запада вскоре стали применять его в своих войсках. Современный арабский источник приводил состав, в который входили сырая нефть, оливковое масло и очищенная известь. Возможно, сюда же включались смола, каннфоль, сера и дельфиний жир.¹⁶ Неизвестно, какую комбинацию веществ использовали крестоносцы, но смесь разливали в керамические сосуды, которыми выстреливали в сторону византийских укреплений. Траектории полета этих смертоносных снарядов отмечали хвосты дыма. Перелетев небольшое расстояние, разделявшее корабли и стены, они взрывались, ударившись о свою цель. Однако греки хорошо подготовились, и стены были укрыты полотнищами, хорошо пропитанными огнеупорными жидкостями, так что возгораний не происходило.

С византийской стороны по кораблям крестоносцев вело огонь более шестидесяти камнеметных машин. Уроженцы Запада тоже были подготовлены к такой ситуации, и сети из виноградной лозы сводили ущерб к минимуму. Робер де Клари пишет, что даже огромные камни, которые не по силам поднять одному человеку, не причиняли падавшим вреда.¹⁷

День шел к полудню, и битва разгоралась. Виллардуэн отмечает, что «крики с поля боя сливались в такой грохот, что казалось, будто весь мир рушится на кусочки». Но, несмотря на ожесточенное сражение, ни одна из сторон не могла достичь решающего перевеса. Противники хорошо подготовились к сражению, так что ни греческие катапульты, ни французские зажигательные снаряды не могли сломить неприятеля.

Мурзуфл вновь руководил своими войсками с холма Пантопонтес, воодушевляя людей и направляя их на те участки, где крестоносцы действовали особенно решительно. Балдуин Фландрский писал о «чудовищном сопротивлении со стороны греков», когда «ход сражения какое-то время был неясен».¹⁸ К полудню уроженцы Запада начали уставать, и казалось, что греки снова одержали победу. Никита Хоннат,

находившийся в городе, пишет об ощущавшемся перевесе византийцев. Атака приостановилась.¹⁹

Когда казалось, что фортуна окончательно отвернулась от крестоносцев, сама природа вмешалась и внесла решительное изменение, которого так не хватало для победы. В понедельник утром дул слабый ветер, чего явно не хватало для кораблей. Но в начале дня бриз превратился в сильный северный ветер. Хлопанье парусов оповестило об этой перемене. Так нападению был придан толчок, которого прежде не доставало.

Робер де Клари писал: *«Чудом Господним корабль епископа Суассонского ударился об одну из башен, ибо море, никогда не бывающее спокойным, вынесло его вперед»*. Другими словами, ветер подогнал один из тяжелых сдвоенных кораблей гораздо ближе к вражеским укреплениям, чем это случалось прежде. Знаменательно, что суда именовались «Рай» и «Паломница» (на нем находился епископ Труа), а к стенам они подошли в районе ворот Петрион. Балдуин Фландрский отметил «благоприятный знак, под которым они [корабли] несли паломников, сражающихся за Рай».²⁰ Однако Мурзуфл так хорошо организовал оборону, что временные надстройки на укреплениях делали их выше едва ли не любого осаждающего судна. В результате у греческих воинов было преимущество над большинством западных кораблей. В большинстве своем они оказались не в состоянии закинуть лестницы на верхушки укреплений, что не давало возможности создания плацдарма. Только четырех-пять крупных сдвоенных судов имели достаточную высоту, чтобы достичь вершин башен — однако до сих пор они не могли подойти настолько близко к стенам, чтобы воспользоваться своим преимуществом.

Теперь, когда складывалась благоприятная ситуация, крестоносцы должны были воспользоваться случаем. Демонстрируя блестящее мастерство мореходов, лестницы «Рая» и «Паломницы» были выведены с обеих сторон укрепления, так что впервые корабль крестоносцев обьял одну

из константинопольских башен. Наконец у уроженцев Запада появилась возможность ворваться в город.

Впереди на навесных мостках стояли трое воинов, готовых ступить на вражескую территорию. Наверняка они были готовы умереть — хотя, возможно, твердо веровали в промысел божий. И смерть, и слава принесла бы несказанные богатства: райское блаженство погибшему или вечную славу героя, первым вступившего в Константинополь. Не стоит забывать и об обещанной материальной награде. Гунтер из Паїри сообщает, что первому взошедшему на стены было обещано сто серебряных марок, а второму — пятьдесят.²¹

Но какие бы мотивы ни побуждали к действию, воины сталкивались с чудовищными трудностями. Облаченные в полный доспех, балансируя на лестницах, вознесшихся не менее чем на 95 футов* над палубой «Паломницы» и раскачивающихся взад-вперед, они должны были оказаться напротив открытого пространства или верхушки укрепления. Не было никакой возможности обеспечить в этот момент приближение корабля. Рыцари должны были оценить движение волн и расстояние для прыжка, который принес бы им славу или гибель у подножия. Словно и этого было мало, они должны были столкнуться с вооруженными защитниками города.

Первым на укреплениях оказался оставшийся неизвестным венецианец, который зацепился за край стены и перебрался через нее. Почти сразу защитники (скорее всего, Варяжская дружина) кинулись на него с топорами и мечами и изрубили на куски. Но его соратников это не испугало. Когда корабль качнулся в следующий раз, через пропасть перепрыгнул француз Андре Дюрбуаз, который приземлился на колени. Не успел он встать, как враги напали на него и нанесли множество ударов, но Андре был надежнее укрыт броней, чем венецианец. Изранив француза, защитники остановились — но, к их ужасу, крестоносец поднялся на

* 30 метров. (Прим. ред.)

поги и вытащил меч. Объятый страхом, гарнизон бежал вниз, на другой уровень башни. Вера Андре принесла плоды. Как писал Робер де Клари, «милостью Божией они не нанесли ему серьезных ран, словно сам Господь охранял его, не желая продолжения обороны и смерти доблестного воина».²²

Следующим на башне оказался Жан де Шуази, за которым следовали еще многие. Крестоносцы сразу подняли свой флаг в ознаменование прорыва. Они закрепили судно у башни и начали переходить на нее уже в значительных количествах, но их продвижение вскоре замедлилось. Ветер, оказавший неоценимую услугу, подогнав корабли к стене, теперь поднял такое волнение, что казалось, будто суда готовы обрушить башню. Крестоносцы решили отвязать швартовы, оставляя товарищей в башне без подкрепления и без пути к отступлению.

Вскоре бегство греков и варягов сняло остроту проблемы. Балдуин Фландрский позже вспоминал: *«Епископские знамена первыми взвились над стенами, и первую победу Господь даровал слугителям божественных таинств»*.²³ Разумеется, крестоносцы воодушевились и возрадовались, что Господь направил к укреплениям именно эти корабли. Но, хотя крестоносцы и увидели первые знамена на стенах, едва ли горстка воинов в башне могла сделать что-либо для прорыва в сам город.

Со своего наблюдательного пункта Мурзуфл делал все возможное, чтобы сплотить войско и направить его к оказавшейся под угрозой башне, но продвижение крестоносцев неумолимо продолжалось. Море поднесло корабли Пьера де Брасье к другой башне, и вскоре она также пала. Теперь у крестоносцев оказалось два плацдарма. Воины могли рассмотреть многочисленные вражеские войска под ними и по сторонам — на других башнях и на самих стенах.

Для того, чтобы перейти к следующему этапу действий, уроженцы Запада должны были увеличить количество людей на захваченных пятачках. Инициативу взял на себя Пьер, владетель Амьенский. Он понимал, насколько необ-

ходимо создать пролом в стене на уровне моря, а потому, заметив небольшие заложенные кирпичом боковые ворота, решил бить в них.

Пьер сошел с корабля со своим отрядом из десяти рыцарей и шестидесяти солдат и принялся за дело. Робер де Кларри с особенным интересом описывает данный эпизод, поскольку героем оказался его собственный брат Алеме, весьма воинственный клирик, уже показавший себя во время стычки у башни Галата в июле 1203 года.²⁴ Часть людей пригнулась, чтобы ломать стену, остальные прикрывали их щитами, закрывая от сыпавшегося ливня снарядов. Когда греки поняли намерения крестоносцев, они бросились на защиту ворот и произвели мощную контратаку на отряд. Целый поток стрел и камней обрушился на щиты крестоносцев. Византийцы поднесли чаны с кипящей смолой и греческий огонь и начали поливать ими нападающих, но «чудом Божиим» крестоносцы не получили серьезных увечий. Решительность воинов была удивительной — но лишь столь отважные поступки способны изменять ход сражений. Топоры, мечи, кирки и прутья шли в ход, чтобы расшатать кирпичи, и наконец возник пролом, через который можно было попасть в город.

Что ждало их на той стороне стены? Тут кажутся вполне оправданными преувеличения средневекового хрониста. Робер пишет: *«Они посмотрели в пролом и увидели множество людей, как высоких, так и низких, так что казалось, будто здесь собралось полмира, и они не осмеливались войти»*.²⁵ Кто бы ни пробрался в город первым, его ждал истине горячий прием.*

На мгновение крестоносцы замешкались. Затем Алеме вышел вперед и подготовился. Робер испугался: ведь его

* Следует иметь в виду, что на узких улочках средневекового городка физически не могло выстроиться много воинов — то есть в подобной схватке решающей оказывалась не численность, а воинские умения. (Прим. ред.)

брат подвергал себя невероятной опасности и почти наверняка шел на смерть. Будучи лицом духовного звания, Алеме наверняка полностью полагался на божественное покровительство, и поддерживал эту веру мечом, несмотря на канонический запрет на использование духовенством оружия. Робер молил брата отказаться от его замысла — но Алеме отодвинул его и согнулся, чтобы пролезть в дыру. Судя по описаниям Робера, движение это было похоже на протискивание через узкий дымоход. Когда Алеме прополз вперед, брат схватил его за ноги и в отчаянной попытке начал тянуть назад, но тому удалось вырваться. Он пополз дальше, отталкиваясь от сухого камня. Едва Алеме оказался на той стороне, как греки бросились на него, а сверху посыпался град камней, но ни один не попал в цель. Алеме вытащил меч и бросился на врагов, а те были настолько испуганы его храбростью, что развернулись и «бежали перед ним, как стадо коров». Отвага и вера одного человека создали необходимый перевес. Алеме крикнул товарищам: «Господа, ступайте смело! Они отступают в испуге и спасаются бегством». Когда Пьер Амьенский и Робер слышали его, они быстро присоединились к воину, а за ними следовали остальные рыцари и солдаты. И вот уже семьдесят крестоносцев оказались в городе. Не слишком могучее войско — хотя и достаточное, чтобы сломить дух оказавшихся поблизости греков.

Защитники начали отступление, но Мурзуфл оказался неподалёку и, видя опасность, пришпорил коня и поскакал к крестоносцам. Пьер Амьенский собрал своих людей: «Господа, нам надлежит достойно проявить себя! Мы будем сражаться — вот скачет император. Смотрите, не дайте ему пути, думайте только о том, чтобы достойно исполнить свой долг!»²⁶ Увидев решительность крестоносцев, Мурзуфл замешкался, остановился и повернул обратно к шатру. Ему не хватило наличных сил, чтобы начать схватку.

Тем временем известие о том, что крестоносцы проникли в город, стало распространяться, и обороняющиеся на-

чали терять волю к сопротивлению. Как только непосредственная опасность миновала, Пьер приказал части людей проломить изнутри ближайшие ворота, так что воины с помощью топоров и мечей начали выламывать огромные железные болты и скобы, закрывавшие вход. Двери распахнулись, и транспорты с боевыми конями подошли к берегу и высадили своих пассажиров.

Никита Хониат признавал отвагу Пьера Амьенского, описывая этого рыцаря характерным цветистым языком:

«Он был более других способен привести противника в бегство, ибо ростом почти достигал девяти фатомов [классическая аллюзия на „Одиссею“], а голова его была украшена шлемом в форме крепости. Окружавшая императора знать и остальные войска не могли взирать на шлем рыцаря столь ужасающих размеров и сочли привычное уже бегство самым действенным способом спасения».*²⁷

Несмотря на стиль Никиты, можно признать, что боевые качества Пьера испугали византийцев, и совершенный им прорыв действительно привел к поражению греков. Новые суда высаживали лошадей на берег, новые ворота открывались для них, и конные рыцари входили в город и быстро расходились по нему.

Всадники направлялись к лагерю Мурзуфла на холме в монастыре Пантепоптес. Люди императора были стянуты для встречи крестоносцев, но, увидев скачущих на них воинов, впали в панику и разбежались. Никита Хониат был в ярости от их трусости: *«Так, слившись в единую трусливую душонку, тысячи малодушных, за которыми было преимущество возвышенного расположения, были изгнаны одним человеком [Пьером Амьенским] из укреплений, которые были призваны защищать».*²⁸ У Мурзуфла не было другого выбора,

* Фатом (морская сажень) — 6 футов или 182 см. (Прим. ред.)

кроме бегства. Он бросил свой шатер и казну и бежал в центр города, в замок дворца Буколеон. Пьер тем временем занял бывший императорский штаб и позаботился об оставленных там ценностях. Вокруг спасались бегством греки. Вид устремившихся в город крестоносцев и бегство императора повергло византийцев в отчаянное отступление. Робер де Клари был краток: «Так город был взят».²⁹ Множество греков бежало к Золотым Вратам в дальней части города, где, разломав перекрывавшую выход кладку, устремилось «навстречу заслуженной гибели», как гневно писал Никита Хониат.³⁰

Крестоносцы вошли в Константинополь, и начался новый этап сражения. Тяготы мучительного многомесячного ожидания на берегах Золотого Рога, усиленные явным вероломством греков, вылились в чудовищную волну насилия. Виллардуэн писал: *«Затем последовала резня и грабеж. Греков убивали повсюду ... Количество убитых и раненых было столь велико, что ни один человек не взялся бы счесть их»*.³¹ Верховых и боевых лошадей и мулов захватывали в качестве добычи в возмещение тысяч животных, павших в течение кампании. Балдуин Фландрский пишет, что крестоносцы «были заняты убийством», уничтожив «немалое количество греков».³² В *«Devastatio Constantinopolitana»* описывается «чудовищное избиение греков».³³ Эти три свидетельства очевидцев явно показывают, насколько жестока была эта стадия битвы.

Гунтер из Пайри верил, что священное воинство возглавляет сам Христос, его текст воспекает достижения крестоносцев и изображает их проявлением божественной воли. Но в нем есть и неправдоподобный призыв к милосердию, который другие свидетели отнюдь не считают своевременным.

«Вы сражаетесь в Христовых сражениях. Вы выполняете Его мщение. Его воля предшествует вашим действиям. Врывайтесь! Ломайте преграды, крушите тру-

сов, наступайте отважно! Кричите громовыми голосами, потрясайте железом, но не проливайте лишней крови. Повергайте их в ужас — но помните, что они ваши братья, над которыми вы одерживаете верх, ибо их вина привела к такому результату на время.

Господь пожелал обогатить вас имуществом обидчиков, чтобы не обобрали их другие воины. Смотрите, дома их открыты и наполнены вражеским добром, и у древних сокровищ появится новый хозяин».³⁴

Немалая часть византийской знати укрылась в безопасности Влахернского дворца, а затем бежала дальше через его ворота. После тяжелого дня крестоносцы решили отказать от дальнейшего преследования. Руководство было озабочено тем, что воины могли рассеяться в огромном городе, и опасалось контратаки со стороны греков или же использования огня, который мог разделить армию на части. Учитывая немалые размеры Константинополя, не стоило рассчитывать занять весь город за один день, а потому необходимо было объединение усилий. Основная масса западной армии переправилась через Золотой Рог и встала лагерем снаружи у ворот и укреплений, обращенных к воде. Балдуин Фландрский занял прекрасный императорский шатер (учитывая последующие события, это можно счесть предзнаменованием), а его брат Генрих разместил войска перед Влахернским дворцом. Маркиз Бонифаций со своими людьми расположился к юго-востоку от лагеря Балдуина в одном из густонаселенных районов города.

Только один из вождей крестового похода не смог принять участия в осаде. Граф Людовик де Блуа с зимы страдал мучительной лихорадкой и был настолько слаб, что не мог сражаться. Однако, не желая пропустить сражение, он приказал внести себя на борт одного из кораблей, с которого мог хотя бы смотреть на подвиги своих друзей и соратников.³⁵

Измученные и воодушевленные, крестоносцы расположились на ночь, чтобы отдохнуть и восстановить силы. Наверняка они помнили о том, что в июле 1203 года венецианцы смогли создать плацдарм почти на том же участке, но были выбиты жестокой контратакой византийцев. На сей раз силы крестоносцев не были разделены на две части — контингент вне городских стен и группу внутри города. 12 апреля 1204 года они вцепились в Константинополь гораздо крепче, благо вся армия оказалась на одной территории.

Руководители крестоносцев пришли к заключению, что на следующий день ранним утром переместят основную часть войска на открытый участок, расположенный к юго-востоку, где смогут встретиться с греками. Они понимали, что медленное продвижение по улицам Константинополя, скорее всего, будет на руку жителям. Потому они решили, что если сражения не избежать, то лучше, если оно будет происходить на их условиях. Значительная сравнительно ровная территория давала уроженцам Запада наилучшую возможность использовать свою тяжелую конницу. Учитывая сильное нежелание византийцев встречаться с рыцарями в июле 1203 года, такая тактика давала надежду на скорейшее разрешение конфликта.

Прекрасно понимая, что Мурзуфл может предпочесть отказаться и от сражения, и от капитуляции, крестоносцы решили, если ветер будет им благоприятствовать, поджечь город и таким образом вынудить греков к сдаче. Правда, ветер мог изменить направление — и тогда огонь изгнал бы их самих.

Но ночью возник пожар неподалеку от расположения войск Бонифация Монферратского. Виллардуэн сообщает, что некие неизвестные были столь взволнованы избиением греков, что подожгли здания, расположенные между двумя частями армии. Гунтер из Пайри упоминает в качестве виновного некоего германского графа — возможно, Бертольда Каценелленбогена.³⁶ Последний пожар, третий по счету со времени появления крестоносцев, распространялся от мо-

настыря Эвергетес к воротам Друнгариос, расположенным у Босфора. Уроженцы Запада снова разрушали царственный город — и это была лишь прелюдия к ужасающему финальному акту разграбления. Пожар продолжался всю ночь и следующий день и начал затихать к вечеру. По сравнению с предшествующими двумя он нанес не слишком большой ущерб.³⁷

Для Мурзуфла день, начавшийся с твердой уверенностью, завершился безнадежным разочарованием. Полное поражение войска означало, что его личная отвага и отчаянные попытки подвигнуть людей к действиям с помощью угроз, наград или напоминаний о преданности своему делу были тщетны. Как девятью месяцами раньше Алексей III, он пришел к выводу, что недостаток силы духа у его земляков вкупе с мощью противника означают невозможность победы над ним. Учитывая явную неприязнь к нему крестоносцев, участие в убийстве Алексея IV и ужасающей казни на стенах города трех венецианцев, нетрудно догадаться, что Мурзуфл не хотел оказаться пленником. Опасаясь, что его выдадут крестоносцам, если городские власти предпочтут сдаться, он решил бежать.

Около полуночи он прокрался через Константинополь, держась подальше от западных войск, и направился в сторону дворца Буколеон. В его распоряжении было небольшое рыболовное судно, на которое он посадил императрицу Ефросинию, жену Алексея III, и ее дочерей (говорили, что в одну из них, Евдокию, он был влюблен). Затем, под покровом ночи, Мурзуфл перебрался через Босфор.

У простых же жителей города было на выбор три возможности: собрать все, что можно было унести, и бежать, как и император; попытаться оказать сопротивление, рискуя жизнью и еще большим разрушением любимого города — либо просто сдаться. В случае выбора последних двух возможностей возникал вопрос о сохранности личного имущества. Никита сообщает, что многие предпочли закопать принадлежавшие им ценности.³⁸

В ночь на 13 апреля, как только распространилась весть о бегстве Мурзуфла, оставшееся духовенство, правительство и знать собрались, чтобы обсудить свои дальнейшие действия. Их вера в могущество своего города была столь велика, а страх и ненависть к уроженцам Запада столь сильны, что они предпочли избрать нового императора и продолжить борьбу. Два человека вызвались, по выражению Никиты, «стать кормчими обреченного корабля». Оба кандидата были опытными воинами. Константин Ласкарис и Константин Дука обладали равными способностями и, учитывая невозможность полновесного обсуждения достоинств, решили бросить жребий.

Победителем оказался Ласкарис, хотя ввиду обстоятельств избрания он отказался носить императорские знаки отличия. Он призвал население отразить наступление крестоносцев, прямо заявив Варяжской дружине, что в случае поражения они не получают своей платы и щедрых даров, к которым привыкли. Руководство Константинополя было готово к битве, но у остальных такой решимости не было. Среди широких масс никто не ответил на призыв Ласкариса, а Варяжская дружина, воспользовавшись крайней нуждой в своих услугах, решила выторговать повышение платы. Увидев на рассвете 13 апреля крестоносцев и решив, что повышенное жалованье является недостаточным побуждением к бою, многие варяги предпочли быстро разбежаться.³⁹

Несмотря на всю решимость предшествующей ночи, как Алексей III и Мурзуфл, Ласкарис решил, что ничто не сможет спасти Константинополь, и стал третьим императором, который в течение десяти месяцев решил спастись бегством.

Как и предполагалось, в ожидании сражения армия крестоносцев сгруппировалась по подразделениям. Но ни оказалось никого, кто бы решился им противостоять. Сперва крестоносцы не знали о бегстве Мурзуфла, но вскоре стало очевидно, что в городе сопротивляться некому. Известие о бегстве императора быстро распространилось, и стало ясно,

что Константинополь предоставлен милости уроженцев Запада. Те, кто готовился сражаться, отчаялись из-за вероломства предводителей и решили, что самым разумным будет сдать город. Облаченные в служебные облачения, неся прекрасные кресты и драгоценные иконы, церковные иерархи отправились к крестоносцам в надежде на то, что, оказывая им такую честь, они спасут город от разграбления. Вместе с ними шла часть варягов — вероятно, рассчитывавших еще раз поменять хозяина или же в качестве иностранцев избежать гонений против православного населения.

Интересно, что греческое духовенство обращалось прежде всего к Бонифацию Монферратскому. Его родственные связи с королевским домом и формальное положение руководителя крестового похода давали повод надеяться, что он станет новым императором.⁴⁰

Если греки рассчитывали на то, что проявление почтения смягчит сердца крестоносцев, то они серьезно ошибались. Десятилетия недоверия к византийцам, усугубившегося все возраставшей обоюдной неприязнью последних месяцев, не могли пройти бесследно. Никита писал, что *«на настроение крестоносцев совершенно не повлияли их речи, на губах не мелькнуло ни малейшей улыбки, и неожиданное это зрелище не превратило жестокие и беспощадные взгляды и ярость в подобие радости»*.⁴¹ Как только формально капитуляция была принята, крестоносцы отстранили греческое духовенство и стали хватать все, что попадалось под руку. Началось разграбление Константинополя.

ГЛАВА 14

«Эти предтечи антихриста»

Разграбление Константинополя, апрель 1204 года

Когда основная часть войска крестоносцев бросилась грабить Константинополь, руководители похода быстро начали действовать, чтобы сохранить город. Их первой заботой был контроль над основными императорскими резиденциями — дворцами Буколеон (Великим) и Влахерна. Бонифаций Монферратский сразу же направился в Буколеон, который распахнул ворота на условиях сохранения жизни всем, находящимся в нем. Здесь укрылось много представителей византийской знати, включая членов разных императорских семей. Среди них была высокомерная Агнесса, сестра французского короля Филиппа, а также Маргарита, вдова Исаака Ангела и сестра короля Венгрии. Но для крестоносцев важнее была сокровищница дворца, собиравшаяся в течение многих веков императорской власти. Виллардуэн с трудом мог описать тамошние богатства: *«Там находилось такое хранилище сокровищ, что едва ли нашелся бы кто-то, кто сумел бы их сосчитать»*.¹

Бонифаций оставил в дворцовом замке свой гарнизон, который, кроме военных целей, должен был охранять сокровищницу.

На севере города Генри Фландрский на таких же условиях вступил во Влахернский дворец, где тоже обнаружил великолепную сокровищницу и оставил гарнизон для охраны обретенного богатства. Если овладеть этими двумя дворцами оказалось сравнительно просто, то в остальных местах развитие событий показывало неумную алчность и жестокость крестоносцев, добравшихся до сокровищ беззащитного населения. Некоторые описания, например, мемуары Виллардуэна и Робера де Клари, обходят молчанием постыдные и трагические эпизоды. Другие, как Гунтер из Пайри, приводят пугающие подробности. Но, естественно, самые яркие и драматические сведения о разграблении Константинополя можно почерпнуть у двух византийских писателей — Никиты Хониата и Николая Месарита.

Несмотря на заранее выработанные крестоносцами условия относительно поведения западных армий в городе, очарование такого количества добычи, равно как и определенная напряженность среди самих крестоносцев, оказывали неизбежное воздействие. Уверенные в том, что господь награждает их за борьбу с нечестивыми и вероломными греками, крестоносцы считали свои действия законными и оправданными. Стремление уроженцев Запада к добыче заставляло их грабить горожан и сам город. В своем праведном рвении они не задумывались о чувствах тех, кого грабили, равно как и о святости опустошаемых зданий. Балдун Фландрский замечал: «Отказывавшие нам в малом были вынуждены отдать нам все по решению Господа».²

Крестоносцы растекались по городу как смертоносный вирус, распространяющийся по крови дряхлого старца: они закупоривали движение, а затем прерывали и саму жизнь. Для Никиты оны были «предтечами антихриста, посредниками и предвестниками его нечестивых деяний».³ Очевидной целью крестоносцев становились церкви, откуда были

выпесены сотни прекрасных икон. *«Бесценные раки, содержавшие останки святых, пострадавших ради Христа, были вырваны из алтарей, на землю исторгнуты хлеб и вино, претворенные в тело и кровь Христову. Хотя его [Христа] бок не был вновь пронзен копьем, но потоки божественной крови снова пролились наземь»,* — так с болью писал Никита.⁴ В описаниях Николая Месарита читаем:

*«Распаленные боем меченосцы, жаждущие убийства, облаченные в броню и вооруженные копьями, лучники, кичливые всадники, что лают словно Цербер и дышат как Харон, грабили храмы, растапывая святыни, круша утварь, сбрасывая на пол священные иконы Христа и Его Пресвятой Матери и всех святых, от века ему благоудивших».*⁵

Святая София, самое величественное и славное здание Константинополя и духовный центр Византийской империи, была разграблена и опустошена. Превыше всего остального это разграбление явилось символом крушения некогда могущественной цивилизации и возникновения новой агрессивной силы, которая — по крайней мере, некое короткое время — не заботилась о величии имперского прошлого. Изумительный высокий алтарь, созданный из сплава драгоценных металлов, соединенных в единое многоцветие, был разбит, чтобы стать добычей нескольких претендентов. Духовная ценность предмета чаще всего забывалась перед лицом непреодолимой жажды немедленной наживы. В крестоносцах словно вспылала самая всепоглощающая страсть, которую только можно представить, и утолить ее могли лишь драгоценные металлы или самоцветы. Конечно, разрушено было не все. Достаточно познакомиться с сокровищницей Святого Марка в Венеции или посмотреть на знаменитую четверку коней перед тамошним музеем, чтобы понять, что некоторые ценные предметы были вывезены целиком.⁶

За несколько часов были собраны накапливавшиеся веками драгоценности. Забирали не только то, что могло быть унесено — разрушению подверглось само здание Святой Софии. Так, крестоносцы содрали серебряную занавесь с ворот, разрушив творение, созданное мастерами за долгие годы труда. Добыча была столь велика, что грабителям пришлось завести в здание животных. Навоз от ослов и мулов запятнал мраморные полы дома Господня, люди и животные скользили и падали, пытаясь волоочь свой груз. Великий храм был грубо осквернен.

Ценности расхватывали не только рыцари и пехотинцы. Гунтер из Пайри приводит удивительно откровенные сведения о поведении настоятеля Мартина во время разграбления города.⁷ После участия в посольстве к папе с целью получения прощения за осаду Зары он в апреле 1203 года направился на Святую Землю, а затем уже присоединился к крестоносцам под Константинополем. Увидев всеобщее обогащение, он решил получить часть драгоценных реликвий для своей церкви. С двумя спутниками он поспешил к монастырю Христа Вседержителя, величественному творению династии Комнинов, расположенному в центре Константинополя. В течение предшествовавших месяцев греки использовали его в качестве хранилища для сокровищ близлежащих монастырей, включая расположенные за городской стеной, надеясь, что там ценности окажутся вне опасности. Информация об этой сокровищнице появилась у крестоносцев с теми европейцами, что были изгнаны из города за несколько недель до его падения. Таким образом, монастырь с самого начала неминуемо должен был стать целью грабителей. Мартин направился туда — как уверяет нас Гунтер, не для того, чтобы завладеть золотом или серебром, но чтобы раздобыть святыни. Ради священной цели он был готов на святотатство. Не обращая внимания на расположенную в главном храме сокровищницу, Мартин отправился на поиски ризницы, где хранились наиболее ценные церковные предметы.

Там он наткнулся на старика с длинной седой бородой — священника. Гунтер объясняет, что настоятель принял его за мирянина, поскольку западные монахи не носили бороды. Такая вероятность существует, но кажется странным, что Мартин за все время путешествий по Восточному Средиземноморью ни разу не встречал православного монаха. Как бы то ни было, он рявкнул: «А ну, старый безбожник, показывай мне, где скрыты самые драгоценные святыни, или тебя ждет немедленная смерть!» Священник мог не понять точного смысла крика Мартина, но суть была ясна. Трясаясь от страха, он попытался успокоить настоятеля несколькими латинскими словами, которые ему удалось припомнить. Мартин объяснил, что ему нужно. Гунтер уверяет, будто священник понял, что настоятель тоже был клириком, и предпочел отдать святыни человеку, имеющему отношение к церкви, сколь бы жесток и страшен тот ни был, нежели рыцарям, чьи руки были запятнаны кровью.

Старик подвел Мартина к железному сундуку, открыл его, и настоятель с удивлением всмотрелся в сокровища, лежащие в нем. Зрелище это было «для него прекраснее и желаннее всех сокровищ Греции». Его охватило нестерпимое желание схватить эти сказочные сокровища: *«Настоятель жадно и поспешно сунул в сундук обе руки и вместе со своим спутником начал набивать полы рясы священной добычей»*. Возможно, Мартин выбирал то, что казалось ему наиболее ценными предметами, или выяснил у старика-священника происхождение тех или иных вещей. Затем, забрав самое ценное, «святой грабитель» удалился.

Образ западного священника, возвышающегося над престарелым православным монахом и угрожающего ему смертью, сложно воспринимать иначе как издевательство. Даже Мартин вынужден был объясняться за подобные действия — что подтверждает правдивость описания Гунтера. Приводимое оправдание повторяет утверждение о божественном одобрении захвата Константинополя, которое дополняется утверждением, что сам Мартин не пролил кро-

ви и в дальнейшем с великой заботой сохранил полученные святыни.

Наполнив рясу драгоценными реликвиями, Мартин направился обратно к кораблю, чтобы оставить там свои трофеи. Он представлял собой забавное зрелище, чего не отрицает и Гунтер. Встречавшиеся на пути люди по его раздувшемуся виду легко могли заключить, что внутри аббатского облачения находится не только сам служитель Бога. Они весело расспрашивали его, что за трофеи он тащит и зачем так утруждает себя. Подмигивая, Мартин отвечал: «Мы хорошо потрудились», на что получал в ответ «Благодарение господу».

Настоятель старался как можно скорее скрыться от толп грабителей, чтобы сохранить свой груз. С ним был один из капелланов и старик-священник, решивший, наверное, что его собственную безопасность может гарантировать пребывание рядом со столь важной фигурой. Мартин вернулся на корабль, где и оставался, ожидая более спокойной поры. Пока хаос первой волны грабежа не улегся, он благоговейно изучал святыни и, возможно, смог идентифицировать еще некоторую их часть. Через день-два старый священник нашел для Мартина и его окружения пристойное размещение в городе, и настоятель перебрался туда, снова перенеся свои сокровища. Может быть, Мартин опасался, что реликвии могут украсть, или же, если они будут обнаружены, их сдадут в общую военную добычу. Как бы то ни было, он продолжал трепетать над своим собранием в течение всего лета 1204 года.

Не только Мартин собирал святыни. Прочесывая Константинополь, крестоносцы захватили огромное количество самых разнообразных ценностей. Два свидетельства, Аноним из Суассона и «Деяния епископа Альберштадтского», содержат списки святынь, привезенных отдельными священниками в свои церкви. Для церковных заведений, и не мечтавших о подобных сокровищах, предоставлялась уникальная возможность обрести предметы неопенимой стоимости. После

крестового похода отдельные регионы Северной Франции были наполнены священными предметами.

Епископ Нивело Суассонский, чей корабль первым коснулся стен Константинополя, вскоре отправил в свой кафедральный собор несметные сокровища, включая главы первомученика Стефана, шип с тернового венца и палец апостола Фомы, который тот вкладывал в раны Христа. Кроме того, Нивело одарил монахинь обители Богоматери Суассонской поясом Пресвятой девы, а аббатству святого Иоанна в Винье направил руку Иоанна Крестителя. Когда сам Нивело в 1205 году вернулся в Северную Францию, он вез с собой главы Иоанна Крестителя и апостола Фомы и два больших распятия, сделанных из Креста Господня. Эти изумительные трофеи показывают главенство Нивело среди духовенства крестового похода.⁸

Епископ Конрад Альберштадтский тоже привез прекрасное собрание святынь, включая частицы Креста господня и десятки мощей апостолов (главу Иакова, брата Христова) и многих других святых. С ним прибыло такое количество предметов, что Конрад был вынужден построить новый алтарь, чтобы разместить их все. Для украшения своей церкви он пожертвовал золото, серебро, пурпурные ткани и два прекрасных гобелена.⁹

Если добавить к этим описаниям рассказы Робера де Клари и рассмотреть, к примеру, сокровищницу церкви святого Марка в Венеции, можно представить себе размеры грабежа. Робер писал о фиале с кровью Христовой из церкви Богородицы Фаросской во дворце Буколеон, а также о терновом венце и ризе Девы Марии.

Разумеется, в Северную Европу отправилось гораздо больше предметов, чем представлено в описаниях. Иногда они оставляли след и в географии — как, например, деревушка Лонпре-лес-Корп-Сенс близ Амьена. Название ее происходит от мощей, принесенных в местную церковь участником Четвертого крестового похода Алемом де Фонтепом.¹⁰ Однако в большинстве случаев трофеи терялись из

вида и оседали в сокровищницах, церквях или дворцах на Западе, или же просто переплавлялись еще в Константинополе и исчезали навсегда. Грекам удалось спасти лишь некоторые предметы. Робер де Клари отмечает, что в церкви Богородицы Фаросской во дворце Буколеон находились погребальные пелены, в которые был обернут Христос и на которых явно сохранился его облик. Крестоносцы могли видеть эту бесценную святыню во время посещения города во второй половине 1203 года — но ее было легко унести и, скорее всего, она была куда-то вывезена в апреле, поскольку, как сетовал Робер, никто не знал о ее судьбе.¹¹

С точки зрения Никиты, самой ужасной стороной разграбления Константинополя было отношение уроженцев Запада к горожанам. В ответ на любую попытку вступления в контакт с захватчиками выхватывался кинжал, и следовал удар ледяной стали. Людей, пытавшихся покинуть город, останавливали, а их багаж безжалостно разоряли. Крестоносцы были настолько охвачены стремлением к наживе, что казались недоступны голосу рассудка.

Агрессивность уроженцев Запада находила выход и в сексуальном насилии. Как веками случалось с разнообразными армиями, поругание женщин противоположной стороны служило одновременно физической разрядкой и демонстрацией победы. Не обращая внимания на вопли жертв и страдание отцов, мужей и братьев, крестоносцы насиловали женщин, молодых и старых, замужних и девиц. *«Поощадили ли эти безумцы благочестивых матерей или молодых девиц, или тех, кто, избрав своим уделом девственность, посвятил себя Богу?»* — вопрошал Никита.¹² Николай Месарит описывал, как крестоносцы *«отрывают детей от матерей и матерей от детей, распутничают с целомудренными девами в святых храмах, не ведая страха ни перед Господом, ни перед людским отщипением»*.¹³

Часть горожан была взята в плен, чтобы затем быть предложенной за выкуп. Люди пытались скрыться от крестоносцев. Кто-то искал убежища в церквях, но «не было места,

где можно было бы скрыться, и не было приюта для тех, кто в слезах искал его». ¹⁴ В течение последующих нескольких дней оккупанты непреклонно и тщательно исследовали город, присваивая себе все ценное, как бы хорошо оно ни было спрятано.

Врываясь в дома, крестоносцы выкидывали их жителей или брали их в плен, занимая помещения. Виллардуэн мельком замечает: «Каждый селился, где хотел, недостатка в прекрасных постройках не было». ¹⁵ Интересно, что для Робера де Клари вопрос размещения оказался куда более проблемным. Будучи представителем высшего руководства крестового похода, Виллардуэн, вероятно, расположился в одном из богатых дворцов, которых было много в Константинополе. С точки зрения Робера, занимавшего в иерархии куда более скромное положение, руководство позаботилось лишь о собственных нуждах, предоставив бедным думать о себе. Робер заявляет, что лучшие дома были разделены между знатью, без ведома или согласия простых участников похода, что он счел дурным предзнаменованием и приметой грядущего предательства обычных воинов. ¹⁶

Крестоносцы захватывали не только деньги, святыни, драгоценности и дома. Они расхаживали по улицам в великопennых нарядах. Головы лошадей украшали прекрасные вуали, шляпки в форме барабанов и белые кудрявые парики, модные у городских красоток. Повсюду празднование сопровождалось большим количеством алкоголя. Некая блудница, вернувшись из предшествующего сражению изгнания, расселась на патриаршем троне в Святой Софии, а затем, вскочив, начала пить и плясать вокруг священного алтаря, резвясь и забавляя публику.

Были разграблены константинопольские винные погреба. Желание выпить у уроженцев Запада было настолько сильным, что они не утруждали себя смешиванием вина с водой, как это обычно делалось. Песнопения и попойки продолжались день и ночь. Некоторые пожирали местные яства, остальные искали продукты, чтобы приготовить что-то

более привычное. В огромных котлах варились куски бычьих туш, солонина кипятилась с бобами, все это сдабривалось чесночным соусом. Когда подходило время обеда, никто не обращал внимания на то, что в качестве столов, стульев или табуреток могли использоваться освященные предметы.¹⁷

Никита Хониат сам стал жертвой крестоносцев. Из его рассказа можно почерпнуть яркое впечатление о чувствах человека, павшего жертвой грабежа. Часто говорится, что историю пишут победители. Это утверждение было особенно справедливо в средние века — так что, несмотря на вполне объяснимую предубежденность автора, труд Никиты является редким случаем взгляда побежденного. «В тот воистину проклятый день» (13 апреля) в его доме собралось множество друзей. Его основной особняк был уничтожен при пожаре в конце 1203 года, а другое жилье располагалось неподалеку от Святой Софии.

Когда крестоносцы начали приближаться, Никита с друзьями увидели, как они грабят людей, отнимая деньги и вещи, или убивают. Грекам пришлось пойти на хитрость. Среди друзей писателя был виноторговец из Венеции по имени Доминик, а также его жена. У него нашелся шлем, доспехи и оружие, которые он и надел, сделав вид, что занял дом для себя. Когда появились крестоносцы, чтобы завладеть домом, Доминик прогнал их, изрыгая проклятия на родном языке и заявляя, что и здание, и все, кто в нем пахотятся, принадлежат ему. В течение нескольких часов все новые воины пытались завладеть постройками, и Доминик уже с трудом оказывал им сопротивление. Когда наступило короткое затишье, он попросил Никиту с домочадцами покинуть дом, чтобы сохранить мужчин в живых, а женщин не обесчещенными.

Доминик проводил греков в дом другого венецианца, решившегося остаться в городе, несмотря на недавнюю напругу. Они передохнули там недолго, предпочтя сопровождать Доминика, играя роль его пленников. Впрочем, слуги вскоре разошлись, чтобы самим позаботиться о себе.

Они покинули своего господина и его друзей, так что им пришлось взять на плечи детей, слишком маленьких, чтобы ходить, а хронисту пришлось нести на руках младенца. Жена Никиты была беременна, что добавляло всем тревоги. В течение пяти дней этот гордый и образованный человек водил свою свиту вокруг Константинополя, прежде чем понял, что ситуация будет только ухудшаться. Крестоносцы продолжали грабить городские ценности и унижать людей. Никита решил бежать.

17 апреля он начал продвигаться в сторону Золотых Ворот — места многократных триумфальных возвращений императоров Византии в минувшие годы. Теперь оно стало местом исхода для беженцев, изгнанных из своих домов вторжением варваров. Двигаясь в сторону ворот, Никита со своими домочадцами не раз встречал уроженцев Запада, нагруженных добычей. Иногда крестоносцы останавливали их, чтобы проверить, не скрываются ли под грязными туниками дорогие одежды или нет ли у беглецов золота и серебра. Многие интересовались только деньгами, но некоторые рассматривали женщин, и Никита велел им измазать лицо грязью и передвигаться там, где больше всего народа, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Небольшая группа греков молила Господа о возможности благополучно выйти через Золотые Ворота.

Около церкви мученика Макея один из крестоносцев вцепился в девушку, шедшую посреди группы, и начал тащить ее к себе, явно замышляя насилие. Отец девушки, пожилой судья, тщетно взывал к милосердию. Воин оттолкнул его, и тот рухнул в грязь на обочине дороги, призывая кого-нибудь помочь его дочери. Он обратился и к Никите, который с невероятной отвагой погнался за похитителем, упрямивая его оставить девушку. Судя по сделанному Никитой описанию разграбления Константинополя, его должен был ждать только удар кинжала. Но, наверное, столь жестокое отношение к женщинам не могло быть одинаковым у всех уроженцев Запада, и Никите удалось убедить

нескольких проходивших мимо крестоносцев помочь ему предотвратить насилие. Он был так взволнован, что даже начал тянуть одного из них за руку.

Они последовали за бандитом к его жилищу, где тот запер девушку, прежде чем обратиться к преследователям. Никита обвинил его в отказе подчиниться приказу командира, имея в виду клятву о неприкосновенности женщин, данную перед началом осады, а затем представил его в виде «нохотливого осла, ревающего при виде целомудренной девы». Он обратился к стоящим рядом крестоносцам, призывая исполнить собственные законы, и вновь потребовал защитить девушку. Он воззвал к чувствам тех, у кого были собственные жены или дочери, и взмолился о помощи к Христу. Его слова задели слушателей за живое, и они начали настаивать на освобождении девушки. Сперва злодей не обращал внимания на их требования, но вскоре понял, что они совершенно серьезно угрожают повесить его, если он не отпустит ее. Наконец, он освободил девушку и, к общему облегчению и удовольствию, Никита со своей компанией поспешили прочь, выбравшись из Золотых Ворот.

Никита описывает гнев и горечь, которые они испытали, покидая город. Он ругал стены, которые все еще стоят, но не могут защитить жителей; переживал, увидит ли когда-нибудь это место не в запустении и слезах, но возвышенным и прекрасным.¹⁸ Писатель со своими спутниками добрались до Селимбрии, города во Фракии, где и поселились. Никита отмечает, что местные подвергали жителей павшего города насмешкам, радуясь, что великое и славное сравнялось с их уровнем.

Николай Месарит тоже стал очевидцем алчности и злобы крестоносцев и их неприязни по отношению к грекам. Он пишет так:

«Они обшаривали груди женщин, надеясь найти там спрятанные украшения или золото, распускали волосы и срывали головные уборы, швыряя обездоленных и обкра-

денных на землю. Повсюду слышны были стоны, плач и причитания. Везде творилось бесчинство. Если на ком-то находили драгоценность, эти поборники зла готовы были надругаться над самой природой. Они убивали новорожденных и целомудренных, обнажали пожилых женщин, насиловали старух. Они пытали монахов, били их кулаками, истязали кнутами. Кровь лилась на священные алтари и могилы, на которых вместо агнца, принесшего себя в жертву за весь мир, людей закалывали, словно овец, или обезглавливали, и злодеи истребляли невинных».¹⁹

В день Входа Господня в Иерусалим, а затем и на Пасху настала короткая передышка в разбое. Крестоносцы возносили благодарности за победу, которую даровал им господь. К этому времени было собрано множество трофеев, и настала пора разделить их в соответствии с заключенным ранее соглашением. В качестве складов для добычи были избраны три церкви, которые охранялись десятью французами и десятью венецианцами. День за днем люди и повозки подносили все новые невероятные сокровища. Горы золотых и серебряных предметов, драгоценных камней и роскошных одеяний собрались в них. Количество трофеев было настолько огромным, что все было почти невозможно перевезти. Робер де Клари описывает размеры добычи в эпических терминах: *«Со времен сотворения мира не видывали таких сокровищ, столь изумительных и драгоценных. Не было такого ни во времена Александра, ни при Карле Великом, ни раньше, ни позднее. И думаю я, что в сорока самых богатых городах мира не наберется таких богатств, как в Константинополе»*.²⁰

Виллардуэн тоже считает объем трофеев значительным: *«Жоффруа Виллардуэн заявляет, что, по его разумению, таких трофеев не получали ни в одном городе со времени сотворения мира»*.²¹ Балдуин Фландрский пишет о *«неисчислимом количестве лошадей, золота, серебра, шелковых тканей, драгоценных камней и всего того, что люди считают*

*богатством. Несметное изобилие... каким едва ли обладает весь латинский мир».*²²

Однако очевидно, что не все добросовестно сдавали трофеи в общее пользование. Все сделанные заранее присяги указывали на то, что руководство крестового похода ожидало от воинов попыток утаить часть добычи для собственного пользования. Их опасения полностью оправдались. Столкнувшись с невероятными богатствами Константинополя, многие оказались не в силах расстаться с тем, что попало в их руки. Алчность, часто изображаемая священнослужителями в качестве одного из самых тяжких пороков рыцаря-крестоносца, крепко укоренилась в сердцах и умах уроженцев Запада. Искушаемые оказавшимися перед ними непомерными богатствами и пренебрегая угрозами казни или отлучения от церкви, крестоносцы укрывали огромные суммы денег. По некоторым оценкам укрытое составило около 500 000 марок²³, что превышает сумму, оказавшуюся в официальной сокровищнице.

Какова бы ни была стоимость добычи, ее было достаточно, чтобы выплатить первый транш по мартовскому договору. Другими словами, венецианцы получили причитавшееся им 150 000 марок, а французы 50 000. Остальные 100 000 марок были разделены поровну, равно как и десять тысяч лошадей различных пород.

Деньги распределялись среди крестоносцев по строгой формуле: рыцарь получал в два раза больше конного оруженосца, который, в свою очередь, получал в два раза больше, чем простой пехотинец. В «*Devastatio Constantinopolitana*» приводятся подробные цифры, а именно: каждый рыцарь получил по двадцать марок, духовенство и конные оруженосцы — по десять, пехотинцы — по пять. Результат соответствует соотношению, которое приводит Виллардуэн: соединенная армия из войск Франции, Германии и Северной Италии численностью около десяти тысяч человек и примерно такое же количество венецианцев. Это составляет общую армию крестоносцев численностью примерно

в двадцать тысяч. Примерно такая же цифра фигурирует и у Жоффруа.²⁴

Виллардуэн был несколько разочарован размерами трофеев — хотя, как мы видели, значительная часть добычи так и не поступила в официальную сокровищницу. Но если он был сравнительно спокоен, то Робер де Клари находился в ярости. Все рядовые крестоносцы собственными глазами видели захватывающие дыхание сокровища Константинополя, и их ожидания личной доли были столь же высоки. Когда добыча была разделена, возникло закономерное недоверие. Нечестная игра была явной, и Робер обвиняет хранителей казны и руководство в присвоении богатств. Он ставит им в вину кражу золотых украшений и расшитых золотом шелковых одеяний. Для младших рыцарей и пехотинцев не осталось ничего, кроме простого серебра, всего лишь кувшинов, с которыми женщины ходят в баню, — жаловался он. Робер был уверен, что такая награда недостаточна для тех, кто жертвовал собой, участвуя в кампании, и намекал, что вождей еще ждут последствия такой несправедливости.²⁵

В жалобах Робера есть немалая доля личной обиды — ведь его брат Алеме получил только десять марок как священнослужитель, хотя и оказался, возможно, самым отважным воином при штурме Константинополя. Алеме носил стальную кольчугу, у него была лошадь, как у рыцаря, и его военное искусство было очевидным. Он обратился к Гуго де Сен-Полю, чтобы получить причитающееся рыцарю, и граф вынес решение в его пользу. Гуго сам видел, что Алеме сделал больше, чем остальные триста рыцарей его отряда.²⁶

Предпринимались попытки расследовать действия тех, кто утаивал ценные предметы для собственной выгоды. Виллардуэн замечает, что немало людей было повешено, включая одного из рыцарей Гуго де Сен-Поля, которого повесили со щитом на шее, чтобы возвестить всем о позоре, который он навлек на себя и свой род.²⁷

Пока продолжалось разграбление Константинополя, лагерь крестоносцев кипел от разговоров, слухов и сплетен относительно выбора нового императора. Вся армия была созвана на общее собрание, где последовали долгие и яростные споры. Наконец, обсуждение свелось к двум самым очевидным кандидатурам: Бонифацию Монферратскому и Балдуину Фландрскому. Но выбор между ними оставался чрезвычайно сложным. Кроме того, побли опасались, что проигравший уйдет из лагеря, забрав с собой своих воинов, что оставило бы победителя в опасном положении. Проводилась параллель с Первым крестовым походом, когда после избрания Годфрида Бульонского правителем Иерусалима его соперник Раймонд де Сен-Жиль был оскорблен настолько, что подбил многих воинов покинуть Годфрида. В результате почти не осталось рыцарей, способных сплотить едва возникшее государство. Считалось, что Иерусалим устоял тогда только благодаря божьему заступничеству. Чтобы не повторить тех событий, в 1204 году руководство похода постановило наградить проигравшего кандидата землями такой цены, чтобы ему захотелось остаться здесь. Эту мысль поддержали все, включая обоих кандидатов.

Только венецианский дож по-прежнему беспокоился о возможной опасности в случае резкой реакции проигравшего. Он посоветовал освободить императорские дворцы, занятые Бонифацием и Балдуином, и поставить к зданиям обычную охрану, утверждая, что избранный император сможет занять поправившееся ему помещение. Иначе говоря, дож считал, что у проигравшего кандидата может не возникнуть желания вернуть свою резиденцию — и тогда у него в руках окажется серьезная база для попытки силой воспрепятствовать конкуренту. Оба кандидата согласились на это предложение, и процесс выборов продолжался мирно.

Основной проблемой, с которой столкнулись французы, германские и итальянские крестоносцы, был выбор шестерых достойных выборщиков-электоров, как того требовал мартовский договор. Поскольку оба кандидата были из

одной группировки, то один выборщик мог склонить процесс в нужную сторону. Робер де Клари сообщает, что каждый из кандидатов старался ввести в шестерку собственных представителей. В течение нескольких дней шло интенсивное обсуждение. Наконец было решено избрать шесть священников, с расчетом на то, что они не окажутся вовлечены в политические интриги. Сам Балдуин писал: «Все приверженности были оставлены».²⁸ Выбранными духовными лицами стали епископы Суассона, Альберштадта и Труа, а также епископ Вифлеемский (новый папский легат), епископ Акры и настоятель из Люцедио, что в Северной Италии.

То, что в группе электоров собрались только достойные, не подлежит сомнению. Менее очевиден вопрос о склонностях ее членов. Петер из Люцедио сопровождал Бонифация в Суассон, где тот принял крест, Конрад Альберштадтский был сторонником сюзерена Бонифация, Филиппа Швабского. Иоанн Ноэнский, избранный епископом Акры, был канцлером Балдуина Фландрского.

Венецианцы применили другой способ подбора электоров. Хорошо знакомый с функционированием правительственных комитетов и советов, дож организовал особый процесс. Дандоло выбрал четырех доверенных людей и привел их к присяге на святынях, что они изберут шестерых самых достойных кандидатов. Как только определялся электор, он выходил из толпы и отправлялся в церковь, где должен был дожидаться встречи венецианцев с остальными крестоносцами, обязуясь ни с кем не разговаривать.

Решающее собрание происходило в церкви дворца, занятого самим дожем. Был отслужен молебен, чтобы снискать божественного благословения грядущему обсуждению. Двери церкви были закрыты, и началось рассмотрение кандидатов. Не сохранилось свидетельств очевидцев этого события, поэтому детали совещания остались тайной. Во дворе собрались взволнованные сторонники двух кандидатов. Собрание выносило решение чрезвычайной важности. Воз-

ведение человека в ранг императора, получающего положение, богатство и земли, требовало огромной ответственности. Кроме того, католический император весьма расширял земли, находящиеся под властью папы римского.

Совет заседал до глубокой ночи 9 мая, пока не был сделан выбор — согласно свидетельству Виллардуэна, единогласный. Епископ Нивело Суассонский был избран для оглашения решения. Все собрались в главном зале. Когда епископ выступил вперед, напряжение стало осязаемым. Кто из двоих получит императорскую корону? Дымок свечей и кадильниц медленно поднимался вверх, а сотни глаз застыли на Нивело. Люди толпились вокруг, желая видеть и слышать. Он выдержал паузу и заговорил:

*«Господа, общим согласием всех вас мы были собраны, чтобы сделать выбор. Мы избрали того, кого знаем как человека достойного, способного управлять и действовать согласно закону, человека благородного, представителя высокого рода. Все вы поклялись, что примете человека, избранного нами, и если кто-либо осмелится оспорить его выбор, вы поддержите его. Мы называем его имя. Это Балдуин, граф Фландрский».*²⁹

Одобрительный рев пронесся по залу, и новость выплеснулась в город. Французы ликовали, сторонники маркграфа были подавлены. Нам не известны подлинные чувства Бонифация, но Виллардуэн сообщает, что он достойно принял победу соперника и воздал ему должные почести. Бонифаций глубоко впитал рыцарский дух Монферратского двора и остался верен предвыборному соглашению. Не возникло никаких распрей, которых все так опасались. Казалось, что всеобщее участие в выборах обернулось удачей, и Балдуин может сполна насладиться своей победой.

Церковники, знать и французские крестоносцы сопровождали вновь избранного императора во дворец Буколеон, к его престолу и новому дому. Следующим вопросом было назна-

чение дня коронации. Им было определено воскресенье, 16 мая, спустя неделю после выборов.

Никита Хоннат приводит собственное мнение относительно предпочтения Балдуина Бонифацию. Греки считали скрытой силой, повлиявшей на выбор фламандца, дожа Дандоло. Никита ненавидел дожа, считая его самовлюбленным интриганом, который сам бы участвовал в соревновании за корону, если бы слепота не лишала его права на избрание. Никита не стал прибавлять еще две причины, по которым Дандоло не выдвигал свою кандидатуру. Во-первых, венецианец был в преклонных годах, во-вторых, все понимали, что, избрав его, крестоносцы сделали бы себя мишенью для обвинений в финансовой подоплеке всей кампании. Несмотря на его выдающиеся политические способности, выбор Дандоло в качестве императора стал бы политическим и дипломатическим самоубийством.

Если отставить в сторону предубеждения Никиты, то его анализ предпочтения венецианцами Балдуина в общем правдоподобен. Он считает, что дож предпочитал выбрать не слишком честолюбивого императора, чьи земли были бы удалены от Венеции, так что после расставания армий родному городу Дандоло ничто бы не угрожало. Земли Бонифация находились в Северной Италии, чересчур близко к Венеции. Кроме того, он сотрудничал с генуэзцами — одной из могущественнейших торговых сил средневекового Средиземноморья. Возможные симпатии императора к основному сопернику Венеции, которые ставили под угрозу коммерческие привилегии, полученные трудом и самопожертвованием нынешней кампании, делали его крайне нежелательным кандидатом для дожа. «Вот так то, в чем не могли разобраться зрячие, слепец разглядел оком своего разума».³⁰ По этой причине шесть венецианских избирателей были готовы голосовать против Бонифация.

При наличии приемлемой альтернативы, которой оказался Балдуин, необходимо было согласие лишь одного из священников, чтобы лишить маркграфа императорского трона.

Естественные союзники фламандского кандидата, епископы Суассона и Труа и фламандский епископ Акко, создали ему решительный перевес. После этого остальные три клирика (несмотря на то, что Петер из Люцедо был уроженцем Северной Италии) тоже пришли к выводу, что Балдуин являлся лучшей кандидатурой — либо предпочли присоединиться к победителям и заявить о единодушном решении.

Неделя перед коронацией в Константинополе была насыщена невероятной активностью. Уроженцы Запада готовились к приведению завоєвания в соответствии с формальными требованиями. Городские торговцы тканями и портные немало заработали, поскольку крестоносцы тратили обретенные богатства на самые лучшие одеяния. Желание покрасоваться в роскошных облачениях продемонстрировало всю демонстративность, суетность и тщеславие рыцарей Запада. Из знаменитых шелков, созданных на западе Византийской империи, было сшито множество прекрасных нарядов и облачений, украшенных украденными из города драгоценными камнями.

В субботу 15 мая произошло еще одно официальное событие. Бонифаций взял в жены Маргариту, вдову Исаака, продолжив таким образом династическую связь Монферратов и Ангелов, начатую его братьями Конрадом и Ренне. Возможно, этот брак должен был сделать его более приемлемым императором для греков — однако решение о коронации Балдуина было уже принято. Из более печальных событий можно отметить, что один из виднейших nobles среди крестоносцев, Одо де Шамплит, заболел и скончался. Он был погребен со всеми почестями в Святой Софии.³¹

16 мая 1204 года эскорт ведущего духовенства и знати Франции, Северной Италии и Венеции с должными почестями препроводил Балдуина из дворца Буколон в Святую Софию. Облаченный в прекрасный наряд, он был возведен к алтарю церкви Людовиком де Блуа, Гуго де Сен-Полем, маркграфом Бонифацием и несколькими священнослужителями. Перед лицом всеобщего собрания, разодетого в роскошные

новые наряды, Балдуин был разоблачен до пояса, миропомазан, облачен вновь, а затем официально провозглашен императором. Завоевание крестоносцами Константинополя было завершено. Итак, экспедиция, отправившаяся для освобождения святых мест, достигла своей кульминации — которой никто не мог предвидеть. Фламандский граф получил во владение одно из самых могущественных политических образований, существовавших в мире.

Балдуин взойшел на императорский трон и стал слушать мессу, держа в одной руке скипетр, а в другой — золотую державу, увенчанную крестом. Робер де Клари явно обозначил высокий уровень власти, когда писал: «Бывшие на нем алмазы стоили больше сокровищницы иного богатого королевства».³² После мессы новый император прошествовал из великого храма, сел на белого коня и в сопровождении эскорта направился обратно во дворец, чтобы воссесть на трон Константина. На нем Балдуин пребывал в средоточии императорского величия, став символом восприятия уроженцами Запада связности между ними и греческими правителями. Затем рыцари, духовенство и вся греческая знать оказали императору знаки почтения.

Когда формальности были завершены, настало время коронационного обеда. В зале были расставлены столы, и первый день существования константинопольской Латинской империи завершился.

После случившихся грабежей авторы с обеих сторон занялись рассуждениями о том, как и почему они происходили. Балдуин сам написал ряд писем выдающимся европейским персонам, объясняя ситуацию в Греции. Сохранились его послания, адресованные архиепископу Кельнскому, настоятелям ордена цистерцианцев, «всем верным христианам» и, наиболее интересное — самому папе Иннокентию. Как и более ранние письма от руководителей крестового похода, например, от Гуго де Сен-Поля летом 1203 года, послание Балдуина должно было подвести итог экспедиции и оправдывать ее ход. Балдуин понимал, что действия крестоносцев

могут быть подвергнуты укору по множеству поводов. Крестоносцы не подчинились распоряжениям папы римского, запретившего нападение на Византию, они руководствовались стремлением к наживе, они оставили своих товарищей на Святой Земле и подвергли сомнению принесенные обеты. В результате посланию надлежало быть тщательно продуманным и весьма изысканным. Используя современную терминологию, мы назвали бы его политическим пиаром, представляющим в позитивном свете события, повлекшие такие масштабные разногласия или волнения. Ближний круг нового императора, особенно образованное духовенство, усердно потрудились, чтобы снабдить повествование впечатляющими ссылками на Библию и риторическими оборотами. Главной темой послания Балдуина было утверждение о божественном одобрении случившегося:

*«Божественное милосердие устроило вокруг нас удивительную череду событий... Даже среди неверующих не может возникнуть сомнения в том, что длань Господня вела все эти дела, так что не произошло ничего из того, на что мы надеялись или рассчитывали, зато Господь оказал нам иную помощь, совершив то, где человеческие планы были бесполезны».*³³

Самый успех экспедиции приписывался божественному соизволению. Это был лучший довод, который смогли представить крестоносцы. Император приводит рассказ о событиях начиная с августа 1203 года, обращая особенное внимание на лживость посулов Алексея IV — в частности, на его отказ выполнить обещания по договору в Заре, что стало основной причиной отклонения крестового похода в Константинополь. На него должна быть возложена ответственность за нападение брандеров (возможно, это обвинение не имело под собой оснований) и за причинение невероятных тягот собственному народу. Мурзуфл был проклят как клятвопреступник, отказавшийся отдать Влахернский дворец в обмен за помощь крестоносцев Алексею. Кроме того, Мурзуфл

был представлен как предатель и убийца, жестоко расправившийся с молодым императором. Последнюю попытку сохранить мир, когда дож встречался с греческим правителем, Балдуин описывал осторожно. В письме подчеркивался только отказ Мурзуфла подчинить православную церковь Риму, что должно было представлять для Иннокентия особый интерес.

Балдуин последовательно приписывал божественному провидению все успехи крестоносцев — такие, как пленение иконы Богородицы и спасение кораблей во время нападения зажигательных судов. Естественно, это одобрение связывалось с правым делом крестоносцев. При описании последнего штурма Константинополя фламандец говорил об атакующих «во имя Святой Римской церкви и ради освобождения Святой земли».³⁴ Описывая штурм укреплений, он снова предпочел объяснять победу крестоносцев волей провидения: «По воле Господа огромные множества сдают-ся немногим воинам».

Не отрицая убийства множества греков, Балдуин предпочел опустить неприятные подробности творившегося насилия, грабежа и разбоя. Размер трофеев («неисчислимое множество») был отмечен при описании триумфа столь малой армии. Балдуин писал: «Можно смело сказать, что в истории не найти больших чудес, нежели свершившаяся с нами военная удача». Именно таким языком и такими гиперболами пользовались авторы после взятия Иерусалима во время Первого крестового похода в 1099 году. Как и замечательное достижение упомянутой кампании, экспедиция 1204 года просто *должна* была быть отмечена божественным одобрением. Ссылаясь на 98-й и 118-й псалмы, Балдуин писал: *«Теперь мы не приписываем себе эту победу, поскольку десница Божия явила себя, и рука Его стала на нас. Сие содеяно было Господом, и для нас это чудо из чудес»*.³⁵ Другими словами, отклонение в Константинополь вполне оправдано и не может быть осуждено.

В последующих разделах послания императора Балдуина уничтожение вероломных греков рассматривалось как пред-

приятие, достойное крестового похода. Он справедливо отмечал, что на его коронации присутствовали некоторые священнослужители и воины со Святой Земли, и «их радость была несравненно ярче и возвышеннее, чем у прочих», они благодарили Господа, «словно сам Священный город был возвращен для поклонения христианам». Причиной их радости стало пресечение крестовым походом враждебности греков по отношению к священному воинству. Балдуин осуждает союз византийцев с мусульманами, снабжение язычников оружием, кораблями и продовольствием, пренебрежение единством веры с уроженцами Запада. Он обращает внимание на отсутствие у греков должного уважения к папе, на литургические и практические различия в религиозной практике православной и католической церкви, отмечая, что византийцы приравнивают всех уроженцев Запада к псам. Из сказанного Балдуин выводит, что греки огорчили господа своими грехами, и он наказал их посредством крестового похода.

Изобразив завоевание Константинополя крестовым походом против язычников, Балдуин не забыл и об экспедиции в Левант. Он выражал надежду на то, что после усмирения византийских земель отправится на Святую Землю. Тем временем он обращался к Иннокентию с просьбой о помощи. Проявив восприятие своих новых обязанностей как в первую очередь духовных забот, Балдуин просил папу созвать крестовый поход для помощи новорожденной Латинской империи, обещая пришедшим награды землями и чинами в соответствии с их статусом. Кроме того, он просил, чтобы в Константинополь приехали и поселились священнослужители, получив благословение от духовных властей.

Балдуин обращался и с предложением созвать в Константинополе общий Церковный собор. На нем папа римский смог бы официально провозгласить подчинение православной церкви Риму, а также прилюдно благословить покорение Константинополя. Император ссылался на предшествующих римских пап, посещавших город в предшествовавшие столетия, побуждая Иннокентия последовать их примеру.

Завершал послание Балдуин похвалой честному и благо-разумному поведению духовенства во время крестового похода, а также звучной благодарностью дожу Дандоло и всем венецианцам, которые оказались «преданными и усердными во всех обстоятельствах».³⁶ То, что часть духовенства крестоносцев предпочла замолчать папские директивы в Заре и глубокое недоверие Иннокентия по поводу мотивов действий венецианцев, вынуждало императора высказаться в защиту итальянцев. Письмо было отправлено летом и, вероятно, достигло адресата в сентябре или октябре 1204 года.

Если Балдуин оказался в выигрышном положении, объясняя взятие Константинополя с точки зрения победителя, то Никита Хониат вынужден был проделывать обратные действия. Потеря Константинополя оказалась для него тяжелым личным ударом. Разграбление города вызвало горечь от унижения людей и самой византийской столицы, а также гнев против тех, кто совершал ужасающие поступки, «преступления, соделанные против наследия Христа».

Никите были невыносимы алчность, бесчеловечность и заносчивость крестоносцев. Он создал блестящее обвинение их движущих мотивов. В частности, он обвинял руководителей похода и высмеивал их нравственный уровень: *«Верные своим обетам, любящие истину и ненавидящие зло, более благочестивые, справедливые и преданные Христу более, нежели мы, греки»*. Он считал, что крестоносцы полностью отреклись от клятвы проходить через христианские земли, не проливая крови, и сражаться против мусульман. Он обвинял в сексуальной нечистоте тех, кто «посвятил себя богу и обязался следовать за ним по путям его».³⁷

Его заключение было тяжелым: *«Справедливо будет сказать, что они проявили себя как обманщики. Пытаясь отомстить за Гроб Господень, они открыто выступили против Христа и тяжко согрешили, низвергнув крест теми крестами, что носили на спинах, не боясь наступить на них ради крупницы золота или серебра»*.³⁸ Никита проводил истори-

ческую параллель: когда Первый крестовый поход в 1099 году занял Иерусалим, крестоносцы не проявили никакого сострадания к его мусульманским жителям. Когда спустя 88 лет мусульмане вернули себе Священный город, они поступали гораздо гуманнее. Они не пылали похотью к христианкам и «не превратили проход к животворящей гробнице (Гробу Господню) в переход, ведущий прямо в Аид». Мусульмане поступили с побежденными жителями Иерусалима великодушно, дав им возможность недорого выкупить защитников города и позволив сохранить свои пожитки.

Выбор из всех возможных вариантов для сравнения мусульман являлся верхом иронии. Но, увы, аналогия была вполне справедливой. Люди Саладина пощадили большинство жителей Иерусалима — в то время как воины Четвертого крестового похода истребляли собратьев-христиан. Смысл сравнения очевиден. Для Никиты поведение уроженцев Запада представляло их в худшем свете, нежели язычников. Таким образом, крестоносцы снова представляли как жаждущие кровопролития варвары. Труд Никиты заканчивается простым наблюдением: *«Насколько по-другому... относились латиняне к нам, любящим Христа сподвижникам в вере, не виновным ни в каком зле против них»*.³⁹

Это удивительное исследование действий крестоносцев родилось из гнева Никиты на события 1203–1204 годов — хотя, как мы видели, автор считал, что сами византийцы внесли немалый вклад в свое падение прискорбными действиями своих руководителей и грехами народа.⁴⁰ Николай Мезарит, обращаясь к византийцам, обвиняет крестоносцев в общем-то в том же:

«Таково было почтение к святыням тех, кто нес на своих плечах Христов крест. Так научили действовать их епископы. Зачем же называть их так? Епископы среди воинов или солдаты среди епископов? Зачем рассказывать здесь о многом? Все вы знаете, чем завершились эти печальные деяния, ведь вы не были среди тех, кто творил жестокости, а среди тех, кто сносил их».⁴¹

Никите и Николаю пришлось столкнуться с необходимостью элементарного выживания, в то время как императору Балдуину приходилось рассматривать более длительную перспективу. Кроме попыток воздействовать на общественное мнение Запада, он должен был править государством. Новым канцлером был назначен Иоанн, епископ Акры и бывший канцлер Фландрии; начался сбор средств, необходимых для существования империи.

Для формирования казны правительству пришлось обратиться к другим источникам, так как практически все движимое имущество уже было расхищено. Началось более тщательное перетряхивание Константинополя, нанесшее еще более значительный ущерб наследию многовекового византийского правления. От грабежа уцелело немного, и отношение крестоносцев к одному из таких объектов снова вышло за рамки общепринятого.

В церкви Святых Апостолов располагался мавзолей, где покоился прах великих византийских императоров, включая Юстиниана. Не удовлетворившись разграблением церковной утвари и украшений, уроженцы Запада взломали величественные гробницы императоров. В прекрасных саркофагах, сделанных из пурпурного порфира, знаменующего императорское величие, хранились не только останки, но и золото, драгоценные камни и жемчуг. Тело Юстиниана оказалось в превосходном состоянии. За 639 лет, прошедших со времени его кончины, труп почти не разложился. В средние века это считалось признаком великой святости и признания благочестивой жизни. Но хотя крестоносцы и были удивлены, это не остановило их от кражи предметов, лежавших вокруг останков императора. Никита высказался резко: *«Другими словами, западная нация не щадила ни живых, ни мертвых. Начиная с Господа и его служителей, и ко всему прочему они демонстрировали безразличие и неуважение»*.¹²

С общественных зданий и памятников в целях сбора средств сдирались драгоценные металлы. Они переплавлялись в монеты, что позволяло уроженцам Запада выплачивать долги

и финансировать собственные проекты. Многие константинопольские статуи были низвергнуты и отправлены в переплавку. Бронзовую фигуру богини Геры стянули с пьедестала и бросили в огонь. Она была столь огромна, что потребовалось четыре упряжки быков, чтобы оттащить ее с места. Другие скульптуры, например, Парис, Александр и Афродита, разделили судьбу Геры. Необычный флюгер *Анемодулион* в форме прекрасной конной статуи с Бычьего форума тоже был сброшен на землю, чтобы отправиться в ненасытное горнило.

Из величайшего города христианского мира Константинополь превращался в жалкую, уродливую тень собственного величия. Его прекрасные стены были исковерканы остатками деревянных оборонительных сооружений; городские здания пострадали в трех страшных пожарах; а теперь были сброшены памятники, формировавшие сам культурный облик Византии. Пьедесталы стояли без статуй, ниши были пусты, лишь торчащие металлические штыри отмечали места, где некогда возвышались произведения искусства.

Ипподром лишился всех украшений — огромного бронзового орла, колесничих, массивного гиппопотама с крокодилом или василиском в пасти, изумительной фигуры Елены Троянской, *«казавшейся свежей, словно утренняя роса, с покрытым томной влагой нарядом, покрывалом, венцом и тесьмой в волосах»*.⁴³ Кроме того, что крестоносцы продолжали разрушать Царь-город, они грубо обращались и друг с другом. Разбогатев, завоеватели занялись бесконечными играми на свое состояние или же дрались, иногда включая в ставки и своих жен. Отражая снисходительное превосходство образованного императорского служащего, Никита пришел к выводу, что едва ли стоит ожидать другого от *«кучки невежественных варваров, незнакомых даже с алфавитом, не умеющих читать и не знающих... эпической поэзии»*.⁴⁴

С точки зрения императора Балдуина, необходимость сбора денег стояла выше чувств или эстетики. Его обязанность как помазанного правителя состояла в немедленных действиях, и теперь он обратился к более широким проблемам правления.

ГЛАВА 15

«Высокому человеку — высокую справедливость»

Завершение Четвертого крестового похода и первые годы существования Латинской империи, 1204–1205 годы

История Константинопольской Латинской империи (1204–1261) извилиста и печальна. Кульминацией крестового похода стала коронация Балдуина — но на утверждение его власти ушли годы войн, сменявшиеся короткими мирными периодами и принесшие большинству действующих лиц жестокую кончину. Влияние событий апреля 1204 года сказалось далеко за пределами Константинополя. Столь масштабное изменение в картине христианского мира имело значительные последствия для множества народов, причем не только в пределах Византии или в непосредственной близости от нее. Папство, государство крестоносцев в Леванте, семьи и соотечественники крестоносцев в Западной Европе, итальянские торговые города и мусульманский мир — всем пришлось изменяться и заново оценивать свое политическое и религиозное положение. Полное рассмот-

рение всех этих проблем могло бы, наверное, составить отдельную книгу. Нашей же темой являются лишь первые годы существования поворожденной Латинской империи.

В первые месяцы правления Балдуин столкнулся с двумя неожиданными и серьезными проблемами: с сопротивлением своему владычеству и с тяжелой личной утратой. После коронации новый император начал раздавать византийские земли своим соратникам, хотя значительная часть империи все еще оставалась во власти неприятеля. Балдуин должен был противостоять сразу нескольким противникам: Мурзуфлу, Алексею III, Феодору Ласкарису — предводителю группы византийских изгнанников, брату Константина Ласкариса, избранного императором накануне покорения города крестоносцами. Но наиболее серьезным противником был могущественный болгарский король Иоанн Ца. Учитывая грозный строй соперников, наиболее вероятным исходом казалась долгая кровавая война за расширение и укрепление латинского правления в Греции. Но прежде императору пришлось столкнуться с домашними трудностями.

Согласно мартовскому договору 1204 года проигравший кандидат на императорский трон получал полуостров Пелопоннес и земли в Малой Азии.¹ После коронации Балдуина маркиз Боуифаций захотел пересмотреть условия: он предложил обменять изначальные предложенные ему земли на королевство Фессалоника, поскольку последнее располагалось неподалеку от королевства Венгрия, королевского дома его новой супруги. Боуифаций был заинтересован в Фессалонике и из-за покойного брата Ренье, которому в 1180 году Мануил Комнин передал права правления этим городом в качестве свадебного подарка.²

Виллардуэн упоминает «серьезное обсуждение всех „за” и „против”», прежде чем Балдуин согласился. Часть людей императора была против такого решения — в основном из-за того, что они сами имели виды на эти земли, которые считали куда более выгодным куском, нежели Малую Азию,

которая постоянно находилась под угрозой со стороны Феодора Ласкариса и турок-сельджуков. Однако Бонифаций оставался формальным вождем крестового похода и в случае возражений со стороны Балдуина мог просто отправиться домой, таким образом лишив латинян одного из самых могущественных предводителей. Страх перед такой потерей играл основную роль в предвыборных дискуссиях, и вот теперь всплыл снова. Император пожаловал Бонифацию королевство Фессалоники, на что удовлетворенный маркграф отплатил должным почтением.³

Первой задачей латинян было устранение угрозы со стороны Мурзуфла и овладение Западной Фракией. Балдуин вывел из Константинополя значительную армию. Власть на Босфоре осталась в руках престарелого дожа и немощного Людовика де Блуа, с которыми паходились Конон Бетюнский и Виллардуэн. Первой целью латинян стал Адрианополь — крупный город примерно в ста милях к северо-западу от Константинополя, который вскоре сдался войскам Генриха Фландрского. Было известно, что Мурзуфл находится неподалеку от него, но ему удалось держаться в стороне от латинян и достичь поселения Мосинополис примерно в 160 милях к западу от Константинополя.

Правил этим городом Алексей III, бежавший от крестоносцев в июле 1203. Могли ли два свергнутых императора объединить силы, чтобы противостоять общему врагу? Первоначально между ними возникли теплые отношения. Алексей предложил отдать свою дочь замуж за Мурзуфла (в которого она была влюблена) и согласился на официальный союз.

В один из дней Мурзуфл с несколькими товарищами направился в Мосинополис, чтобы пообедать и сходить в баню. Как только прибыл почетный гость, Алексей отвел его в отдельную комнату, где уже ждали его люди. Они скрутили Мурзуфла и выкололи ему глаза. Проявления дружбы были лишь маскарадом, и Алексей III не имел ни капли доверия к человеку, убившему соперника. Теперь

он с такой же бессердечностью устранил угрозу по отношению к самому себе.

Алексей III продемонстрировал намерение в одиночку возглавить сопротивление латинянам. Виллардуэн счел проявленную жестокость еще одним доказательством неотъемлемой лживости греков: *«Судите сами, услышав о таком вероломстве, могут ли владеть землями люди, которые с такой жестокостью обращаются друг с другом, или же они заслуживают их утраты»*.⁴ Услышав о совершившемся, Балдуин со всей поспешностью направился к Мосинополису, но Алексей III вновь бежал, а все население подчинилось латинскому правлению.

В это время, после нескольких лет тесного и плодотворного союзничества, между Балдуином и Бонифацием возник серьезный раскол. Несмотря на обещание императора отдать маркграфу Фессалоники, когда Бонифаций обратился за разрешением взять управление этими землями и по просьбе населения отразить нашествие болгар, Балдуин ответил отказом. Император решил направиться туда и самому управлять землями. Бонифаций, конечно, пришел в ярость: *«В ваших действиях я не увидел заботы о себе. Со всей ясностью должен сказать, что не пойду с вами, но отойду и от вас и от вашей армии»*.⁵

Виллардуэн был обескуражен и писал, что причиной разрыва послужили дурные советы. Чувствуется, что его симпатии остались на стороне Бонифация, и он объясняет случившееся тем, что император послушался плохого совета — возможно, данного людьми, желавшими заполучить Фессалоники для себя. Возможно, советчики считали, что император обязан продемонстрировать свой статус по отношению к маркграфу. Балдуин мог сделать это, лично отправившись в указанные земли, а затем публично передав их Бонифацию, не заставляя маркграфа самого завоевывать их.

Разъяренный столь нечестным обращением, Бонифаций ринулся в Демотику, располагавшуюся к юго-западу от Адрианополя. За ним последовало немало дворян, включая

немецкий контингент, а также воинов Жака де Авена и Вильгельма де Шамплита. Когда Балдуин вступил во владение Фессалониками, Бонифаций продемонстрировал свое недовольство. Он отбил замок Демотика у людей императора и начал осаду Адрианополя.

В Константинополь помчались вестники, чтобы доложить о событиях графу Людовику и дожу Дандоло. Старшие крестоносцы проклинали тех, кто спровоцировал этот разрыв, опасаясь, что он приведет к потере всех добытых таким трудом завоеваний. Решив прибегнуть к дипломатии, они призвали на помощь Виллардуэна. Тот отправился к маркграфу в качестве «доверенного друга» и упрекнул за столь поспешные действия. В ответ Бонифаций заявил, что его поведение полностью оправдано, а сам он был чудовищно обманут. В конечном счете Виллардуэн убедил его передать дело на суд дожа, графа Людовика, Конона Бетюнского и самого Виллардуэна. Эти люди с самого начала были сердцем крестового похода, и согласие Бонифация можно считать знаком всеобщего уважения.

Когда Балдуин узнал, что маркграф осадил Адрианополь, его первой реакцией был гнев. Он решил отправиться в город и выступить против Бонифация. Ситуация выходила из-под контроля. *«Увы! Сколько бед принес нам этот раскол! Не вмешайся Сам Господь, возможно, мы оплакивали бы теперь христианство»*, — скорбел Виллардуэн.⁶

За время отсутствия императора в Фессалониках латинский лагерь поразила серьезная болезнь. Среди погибших были канцлер императора Иоанн Ноэнский, один из героев осады Константинополя Пьер Амьенский и около сорока других рыцарей. Это был серьезный удар для уроженцев Запада, продемонстрировавший, насколько легко могут исчезнуть их ряды. Возможно, эти прискорбные события привели Балдуина в чувства. Когда из Константинополя прибыли посланники крестоносцев для переговоров, часть знати сочла их появление дерзостью. Однако Балдуин понял, что в конечном итоге не может позволить себе испортить

отношения с четверкой виднейших крестоносцев, равно как и с маркграфом Бонифацием, и потому согласился подчиниться решению четверки.

В Константинополе четверо мудрецов быстро убедили императора в том, что он совершил ошибку и должен восстановить добрые отношения. В город был вызван Бонифаций, которого приветствовало множество его друзей и союзников. Было проведено собрание, на котором постановили передать маркграфу Фессалоники с окрестными землями, как только он снимет осаду с Демотики. Это было выполнено, и Бонифаций отправился на запад, чтобы вступить во владение. Большая часть населения быстро признала его власть.

Именно в это время, в сентябре 1204 года, после очередного разрешения внутренних противоречий, Виллардуэн единственный раз мог с полным правом написать о мире, воцарившемся в Латинской Греции. Он отмечает, что *«на землях от Константинополя до Салоник [Фессалоник] царит спокойствие. Дороги между городами настолько безопасны, что люди могут ездить, когда им заблагорассудится, несмотря на расстояние в двенадцать дней пути»*.⁷

Уроженцы Запада начали расширять сферу своего влияния на греческие острова и через Босфор на Малую Азию. Венецианцы заняли плодородные и удобные острова Корфу и Крит, служившие также важнейшими пунктами морских коммуникаций с Восточным Средиземноморьем. Людовик де Блуа планировал присоединение Никейского княжества — но здоровье графа не улучшалось, и он направил для проведения военных действий против греков Пьера де Брасье.

Примерно в это же время латинянам удалось достичь подлинной удачи. Ослепленному Мурзуфлу удалось бежать от Алексея III. Он пытался скрыться в Малой Азии, но был выслежен, пленен и перевезен в Константинополь. Латиняне были воодушевлены, поскольку наконец-то в их руках оказался человек, который убил их претендента на престол,

направил против них зажженные корабли и вообще причинил множество бедствий своими резкими антизападными действиями.

Мурзуфл понимал, что ему придется дорого заплатить за свои поступки. Ему оставалось надеяться только на то, что уроженцы Запада окажутся несколько менее жестокими, чем его собственные предшественники. В сентябре 1185 года императора Андроника постигла ужасная судьба. После переворота он был схвачен сторонниками Исаака Ангела, брошен в темницу и подвергнут жестоким пыткам. Ему выкололи один глаз, выбили зубы, вырвали бороду, отрубили правую руку. Затем его провезли по улицам Константинополя на шелудивом верблюде, подвергая надругательствам злобствующей толпы. В него швыряли навозом и камнями, а одна проститутка вылила в лицо горшок мочи. На форуме его повесили вниз головой, отрезав гениталии. Толпа колола его мечами в лицо и между ягодиц, пока милосердная смерть не положила конец мучениям Андроника. Такова была одна из самых ужасающих публичных казней средневековья.⁸ Мог ли Мурзуфл рассчитывать на большее милосердие от латинских «варваров»?

Было организовано некое подобие показательного судебного процесса, на котором Мурзуфл пытался оправдаться в убийстве Алексея IV. Он утверждал, что молодой император предал собственный народ, и большинство населения поддерживало действия Мурзуфла. Разумеется, эти доводы отчасти были правдивы — но отчаянные мольбы грека были оставлены втуне, и он был приговорен к смерти. Вопрос состоял в том, как погибнет пленник.

Балдуин посоветовался со знатью. Некоторые советовали протащить Мурзуфла по улицам, другие — просто повесить. С решением выступил венецианский дож. Он заявил, что Мурзуфл слишком важная персона, чтобы его вешать. *«Высокому человеку — высокую справедливость! — предложил он. — В городе есть пара колонн... Поднимем его на верхушку одной из них и сбросим вниз».*⁹ Игра слов и

непривлекательность кончины удовлетворила всех. Такая форма наказания могла быть знакома Балдуину и Генриха Фландрскому, поскольку подобные казни происходили в XII веке в городе Брюгге.¹⁰

В ноябре 1204 года Мурзуфла подняли на колонну Феодосия на форуме Быка. Пока его вели по узким ступеням внутри колонны, ее стены заглушали рев толпы. Конечно, он много раз видел колонну и знал, где находится, но слепота усугубляла чувство безнадежности.

Выйдя с узкой винтовой лестницы на открытое пространство наверху колонны, поверженный император наверняка ощутил простор вокруг себя. Не сохранилось упоминаний о молитвах или речи. Резкий толчок — и он был низвергнут в пустоту. Сперва тело падало ногами вниз, затем приобрело ускорение и перевернулось вниз головой, после чего начало вращаться и, наконец, рухнуло на землю, превратившись в разломанный и исковерканный куль плоти и костей. Отмечая, что среди украшений колонны было и изображение падающего императора, Виллардуэн удивлялся точному совпадению со смертью Мурзуфла.¹¹

Через несколько недель латинянам удалось устранить другого претендента на власть. Алексей III был пленен Бонифацием неподалеку от Фессалоник. Пурпурные чулки императора и его облачение было отправлено в Константинополь, чтобы удостоверить событие, а сам он был заключен в темницу. Алексей не вызывал такой неприязни, как Мурзуфл, а потому был отправлен на родину маркграфа в Северную Италию.¹²

К концу 1204 года короткий мирный период, отмеченный Виллардуэном, был близок к завершению. Повсюду начало возникать серьезное сопротивление правлению латинян. Выходец из знатного византийского рода Феодор Ласкарис возглавил восстание в Малой Азии, а в Северной Фракии король Иоанниза разорял земли уже неподалеку от Филиппополиса. Уроженцы Запада столкнулись с перспективой ведения войны на два фронта. Эта задача осложнялась

плохим здоровьем их руководителей. Дожу было трудно покинуть Константинополь, Людовик де Блуа по-прежнему был болен, Гуго де Сен-Поля скрутило подагрой, так что он не мог ходить. К счастью, из Сирии прибыл большой отряд крестоносцев, возглавляемый Стефаном де Перше и Рейно де Монмиралем, кузенами Людовика де Блуа.

Стефан оставил основную армию еще осенью 1202 года, когда болезнь не дала ему сесть на корабль в Венеции. Тогда он предпочел направиться на Святую Землю, а не в Константинополь.¹³ Рейно принимал участие в дипломатической миссии, направленной в Левант после падения Зары, и, вопреки своему обещанию, не смог вернуться для участия в нападении на Византию.¹⁴ В конце 1204 года оба пожелали помочь своим товарищам по оружию — возможно, рассчитывая на долю в трофеях.

Однако прибытие Рейно и Стефана не стало поводом только для праздника. Они привезли трагическую новость: Мария, супруга императора Балдуина, скончалась в Святой Земле от чумы. Ее связь с крестовым походом была сложной и драматической. Изначально предполагалось, что экспедицию должен возглавить ее брат, Тибо Шампанский, однако он не вовремя скончался. Мария приняла крест вместе с Балдуином, но не смогла сопровождать его, поскольку носила второго ребенка (у них уже была маленькая дочь Жанна, родившаяся в 1199 или в начале 1200 года). Родив вторую девочку, Мария направилась в Марсель, оставив детей на попечение одного из младших братьев Балдуина. К сожалению, дети никогда больше не увидели родителей.

Весной 1204 года Мария направилась на корабле в Акру, не зная о том, что супруг организует второй штурм Константинополя. Почти сразу после высадки пришло известие о победе, а также приглашение прибыть в Константинополь в качестве императрицы. Мария была счастлива — но прежде чем смогла отправиться в путь, она стала жертвой эпидемии чумы, опустошавшей государство крестоносцев.

Она скончалась в августе 1204 года; посланники мужа привезли в Константинополь только тело, но не саму возлюбленную супругу императора. Верность и преданность Балдуина, которые так высоко оценивал Никита Хониат, не были вознаграждены, и он был подавлен скорбными известиями.¹⁵

В конце 1204 и начале 1205 года возникали все новые конфликты в Малой Азии, на Пелопоннесе (где отважно сражался молодой племянник Виллардуэна) и землях вокруг Фессалоник. Греки осознали, что латиняне отягощены массой проблем, и предложили союз королю Иоаннице. Они пообещали сделать его императором и подчиниться ему в случае изгнания всех французов и венецианцев из империи. Учитывая прежнюю серьезную вражду между Болгарией и Византией, такой союз казался странным, но наглядно демонстрировал стремление Феодора Ласкариса уничтожить латинян.

В январе 1205 года от подагры скончался граф Гуго де Сеп-Поль. Он был похоронен в церкви святого Георгия Манганского в гробнице Склерены, любовницы императора XI века. Впрочем, в скором времени его останки были перенесены в Северную Францию и почилились с миром на родине в аббатстве Серкам.¹⁶

Примерно в то же время вспыхнуло наиболее серьезное восстание в ключевом городе — Адрианополе. Император созвал всех основных советников. Дож, Людовик де Блуа и Балдуин согласились собрать как можно больше людей и сконцентрировать усилия на преодолении усугублявшегося кризиса.

Когда из Малой Азии прибыли первые отряды, Балдуин решил направиться к Адрианополю со всей возможной скоростью. Впервые за много месяцев Людовик де Блуа был готов занять свое место в строю, и они готовились выступить вместе. Генрих Фландрский должен был подойти с множеством бойцов, но Балдуин решил действовать со ста сорока рыцарями. 29 марта он достиг Адрианополя, где увидел

свисающие с укреплённых стен и башен знамена, извещающие о верности королю Иоанице. Несмотря на небольшую численность, латиняне предприняли две атаки на ворота. Балдуин и Людовик руководили действиями, и к ним присоединился ещё одна знаковая фигура из руководства крестоносцев. К жителям Северной Европы прибавились венецианские рыцари, чтобы подчеркнуть важность происходящего, а их возглавлял сам дож Дандоло. Дож презрел свой возраст и видимую немощь (он просил папу римского освободить его от обета, чтобы позволить вернуться домой) и настоял на руководстве столь значимой сухопутной экспедицией.

Иоаница знал о слабости латинян и поспешил на юг к Адрианополю со всеми войсками, которые успел собрать. Кроме собственных рыцарей, он возглавлял значительное соединение (по данным Виллардуэна, до 14 тысяч человек) конных куманов — свирепых кочевых язычников, выносливость и жестокость которых делала их серьёзными противниками.

Латиняне искали источники продовольствия и Пасху 1205 года провели в фуражировках, строительстве осадных орудий и создании подкопов, чтобы получить возможность войти в город. В это время Иоаница приближался, и наконец 13 апреля передовые разъезды куманов натолкнулись на лагерь рыцарей Запада. Была объявлена тревога, рыцари бросились на неприятеля. Куманы были отогнаны, но на сей раз традиционная дисциплина латинян дала сбой. Они бросились в погоню и быстро рассредоточились. Куманы развернулись и обрушили на противника тучу стрел, ранив множество лошадей, хотя убито было лишь небольшое их количество. Войско латинян развернулось и отступило, хотя и с трудом.

Руководители крестоносцев пришли в ярость. Было созвано собрание, на котором говорилось о более жестком контроле за дисциплиной, затем отданы приказы, запрещающие без команды делать за пределами лагеря что-либо, кроме

построения в боевой порядок. Без ясного распоряжения никто не должен был трогаться с места. Вся армия знала о предстоящем на следующий день крупном сражении, так что на следующее утро была отслужена месса, и воины исповедовались в своих грехах.

В начале дня куманы снова бросились вперед. Первым из лагеря вышел Людовик де Блуа. Увы, он совершенно забыл о вчерашней договоренности и кинулся в погоню за врагом, вынуждая Балдуина следовать за ним. Возможно, Людовик пытался компенсировать вызванное болезнью свое отсутствие во время покорения Константинополя. В таком случае, стремление к подвигу перешло границы дисциплины, за что пришлось дорого расплатиться. Азарт погони воодушевил людей Людовика, они мчались за язычниками, неизбежно теряя боевой порядок и уставая. Именно на это и рассчитывал неприятель. Накануне куманы уже продемонстрировали, что их выносливые лошади и опытные всадники прекрасно умеют разворачиваться во время отступления. Множество раз армии крестоносцев бывали разбиты турецкими или сирийскими войсками, выполнявшими тот же маневр. Порывистость графа де Блуа означала, что еще одно воинское подразделение должно было присоединиться к этому печальному списку. Мощь атаки латинян неизбежно уменьшалась шириной фронта, и куманы, развернувшись, с криками ринулись на рыцарей Запада, осыпая их стрелами.

Часть менее опытных воинов (возможно, набранных в Константинополе), испуганных таким оборотом, ударились в панику, и линия начала стремительно распадаться. Балдуин был вынужден следовать за первым отрядом. Он достиг сражавшихся и оказался неподалеку от Людовика. Граф был ранен и вскоре был выбит из седла. Среди неистовства битвы латинские рыцари ринулись к поверженному воину. Они отогнали куманов от графа Людовика и в вихре боя освободили небольшое пространство, достаточное, чтобы поднять его на ноги и осмотреть раны. Его просили вернуться в лагерь, поскольку они оказались серьезными, но

граф отказался: «Господь не попустит мне бежать с поля битвы и покинуть императора».

Несмотря на храбрость латинян, количественный перевес неприятеля постепенно сказывался, и рыцари начали падать один за другим. Но Балдуин продолжал подстегивать своих воинов. Он поклялся сражаться до последнего и оборонялся с невероятной отвагой, но на сей раз рыцарской верности и умения было недостаточно. Куманы постепенно окружали свою жертву. Учитывая количество сражений, в которых довелось побывать латинянам, удача наконец-то отвернулась от них. «В конце концов, поскольку Господь попустил такое бедствие, французы были разбиты», — скорбел Виллардуэн.¹⁷ Людовик был убит, а император Балдуин попал в плен. Куманы убили многих ветеранов, и за одно сражение значительная часть элиты крестоносцев оказалась уничтожена.

Уцелевшие в бою вернулись в лагерь, где дежурил Виллардуэн. Уже был полдень, и он собрал отряд, чтобы попытаться задержать преследование куманами его ослабевших соратников. Их усилия увенчались успехом, и к вечеру язычники отступили. Виллардуэн оказался старшим среди уцелевших французских поблей. Он направил известие о поражении венецианцам, которые не участвовали в дневном сражении. Дож и Жоффруа наверняка чувствовали себя разбитыми. Император был пленен, множество близких друзей и отважных рыцарей погибло. Единственной оставшейся возможностью было отступление. Осмотрительный Дандоло предложил лучший способ опередить Иоаницу. Он посоветовал Виллардуэну вплоть до самой ночи держать часть войска в боевом порядке за пределами лагеря. Наконец куманы вернулись в свой лагерь на другой стороне от Адрианополя. Дож сам обошел палатки, ободряя латинян и повелевая им надеть доспехи и ждать распоряжений. Когда полностью стемнело, крестоносцы бесшумно снялись с лагеря и отступили. То, что куманы отошли с поля, помогло остаться незамеченными.

Целью латинян был Родосто, располагавшийся на побе-режье в трех днях пути, но раненые не позволяли двигаться быстро. Часть ломбардцев отделилась и за два дня добра-лась до Константинополя, где передал печальную весть пап-скому легату Пьетро Капуано и Конону Бетюнскому, оста-вавшемуся ответственным за город.

Пока разбитые войска продвигались к Родосто, им по-встречались соратники, направлявшиеся из Малой Азии, чтобы соединиться с основными силами. Многие из них, как и Пьер де Брасье, были вассалами графа Людовика, они ока-зались сражены известием о гибели своего господина. Од-нако времени для скорби не оставалось. Иоанница подошел к Адрианополю и, обнаружив, что латиняне бежали, пу-стился в погоню. Виллардуэн поставил присоединившиеся войска в арьергард, продолжая движение к Родосто на мак-симальной скорости. Им удалось без новых потерь достичь города, где они соединились с Генрихом Фландрским и по-вым подкреплением.

Соединись все силы прежде нападения на Адрианополь, исход кампании — при условии строгой дисциплины — мог оказаться другим. Теперь же латиняне оказались в очень опасном положении. Генрих Фландрский до возвращения брата из плена был назначен регентом империи. Тем вре-менем армия Иоанницы опустошала земли, и почти вся кон-тинентальная часть Латинской империи перешла под власть болгарского короля.

Вернувшись в Константинополь, оставшиеся лидеры крестоносцев решили обратиться за помощью к папе Ин-нокентию, а также к Фландрии, Франции и другим запад-ным государствам. Поступая так, они следовали давней тра-диции христианских поселенцев на Святой Земле. В тече-ние всего XII века поселенцы в Леванте обращались к своим собратьям-католикам в поисках военной и финансовой по-мощи. Иногда их чаяния вознаграждались новым кресто-вым походом. Чаще же на воззвания откликались только небольшие группы рыцарей — поскольку, за исключением

нескольких важных происшествий, например, падения Иерусалима в 1187 году, остальные были слишком заняты своими собственными делами, чтобы оказывать помощь другим.¹⁸ В 1205 году латиняне избрали епископа Суассонского и двух старших французских рыцарей, чтобы повести о своих проблемах, а остальные остались в Константинополе, трепеща за свою судьбу.

Примерно в это же время дож Дандоло направил папе Иннокентию письмо с просьбой освободить его от обета паломника, то есть от необходимости путешествия в Иерусалим. Возможно, известие о чуме в Акре вкупе с возрастом и перспективой еще одной длительной поездки в Левант вызвали у него опасения относительно продолжения экспедиции. Может быть, он хотел вернуться домой, чтобы умереть там — а, кроме того, утвердить своего сына в качестве дожа. Дандоло уверял папу римского в том, что его отъезд не повлияет на присутствие венецианского флота, который будет продолжать служить крестовому походу согласно договоренности.

Повод для признания все усиливающейся слабости Дандоло был хорошим, но Иннокентий вежливо, хотя и решительно отверг его. Он питал неприязнь к дожу еще со времени осады Зары и теперь мягко, но с явным удовлетворением обратил похвалы остальных лидеров крестового похода против самого Дандоло. Иннокентий отметил важность советов дожа для императора Балдуина и его сподвижников и счел неразумным отпустить Дандоло, чтобы его отсутствие не вызвало отправление армии на Святую Землю и ее гибель. Более того, продолжал он, «некто мог бы обвинить» его как крестоносца, что он решил отомстить за причиненные венецианцам беды нападением на Зару, но не отплатил врагам веры за раны Христовы. Так Иннокентий давал понять, что действует исходя из интересов самого Дандоло, защищая его от возможных обвинений в двуличии, и настаивал на его пребывании в рядах крестоносцев.¹⁹

Фактически ответ Иппокентия оказался уже не важен. В июне 1205 года латинскому присутствию в Византии был нанесен еще один тяжелый, хотя едва ли неожиданный удар. В возрасте свыше 90 лет Дандоло скончался. Он был погребен с должными почестями в церкви Святой Софии, где по сей день возвышается небольшой памятник в его честь. Возможно, дож был самым выдающимся из крестоносцев. Ни его возраст, ни слепота не мешали его живому уму и великодушному стратегическому мышлению, оказавшему огромное влияние на экспедицию. Если его настойчивость в отношении похода на Зару и снискала недовольство, то его положение среди руководителей крестового похода было неизменно высоким. Во многих случаях именно его планы и идеи воплощались в жизнь крестоносцами. Смерть дожа означала, что в живых и на свободе из старших ноблей, выступивших с самого начала экспедиции, остались только маркиграф Бонифаций (находившийся в Фессалониках), Конон Бетюнский, сам Виллардуэн и Генрих Фландрский.

Если часть рыцарей и знати Четвертого крестового похода осела в Греции, чтобы дать начало правящим династиям, то многие крестоносцы вернулись по домам. Часть из них путешествовала через Святую Землю, чтобы выполнить свои обеты. Другие направились морем прямо на Запад. Они отсутствовали дома более трех лет. Дети выросли, родители и близкие могли умереть, владения — поменять хозяев. Сами крестоносцы прошли через неимоверные тяготы, видели ужасы и чудеса, превосходящие воображение, а теперь вернулись домой с чувством облегчения и радости, что смогли пережить это суровое испытание. Они принесли повествования о великих подвигах, о потерях и обретениях друзей, о величии Константинополя и вероломстве греков. Многие вернулись с сокровищами и реликвиями, что позволило выплатить деньги, которые были одолжены для отправки в поход в 1202 году.

Робер де Клари, вероятно, отправился во Францию в конце весны 1205 года. Смерть его господ Пьера Амьенского

(лето 1204 года) и Гуго де Сен-Поля (март 1205 года) заставила его отбыть незадолго до разгрома при Адрианополе. Робер привез с собой различные святыни, в том числе частичку Креста Господня, которую он среди прочего передал в местное аббатство Корви. Кроме этих фактов и его повествования, мы ничего не знаем о его судьбе — за исключением того, что он был жив в 1216 году, который последним упоминается в его трудах.²⁰

Сохранилось описание поездок некоторых высокопоставленных персон, например, епископа Конрада Альберштадтского.²¹ В августе 1204 года Конрад направился на корабле на Святую Землю, и путешествие из Константинополя в Тир заняло у него почти семь недель. Вскоре после его прибытия архиепископ Тирский планировал направиться в Грецию и, учитывая епископский сан Конрада, попросил его окормлять паству во время своего отсутствия. Конрад с радостью согласился, расположился в резиденции в архиепископском дворце, где рукополагал священнослужителей, и добросовестно наблюдал за восстановлением городских стен после землетрясения. Он посещал святыни, в том числе церковь Богоматери в Тортосе (это красивое здание существует и по сей день в южной Сирии), где получил исцеление от приступа лихорадки. Следующей весной Конрад простился со Святой Землей и через два месяца пути 28 мая 1205 года достиг Венеции. Весть о его прибытии была послана заранее, настоятель Альберштадтского собора и другие клирики отправились в Венецию, чтобы встретить своего руководителя. Венецианцы также отнеслись к Конраду с глубоким уважением. В день Пятидесятницы вице-дож Ренье Дандоло и венецианское духовенство ввели его в собор святого Марка, где была отслужена месса.

Прежде чем отправиться на север в Германию, Конрад посетил папу римского. Он доставил ему послание от Эмери, короля Иерусалима в 1197–1205 годах, и от духовенства Святой Земли, рекомендовавшего его как человека, достойного папской благосклонности. Иннокентий воспринял это

пожелание должным образом, и, укрепленный папским благословением, Конрад отправился в последнюю часть своего пути. Когда он приближался к Альберштадту, для его встречи из города вышли герцог Бернард Саксонский, знать и духовенство. Конрад явно умел устраивать публичные мероприятия, и перед ним везли похоронные дроги, на которых лежали вывезенные из Константинополя святыни. Чтобы увидеть это зрелище, собралось почти все местное население, выкрикивавшее хвалу человеку, привезшему на родину столь богатые дары.

16 августа 1205 года Конрада сопровождали к вратам собора святого Стефана, где клирики радостно распевали антифон «*Iustum deduxit Dominus*» («Господь возвел благочестивых»). Затем Конрад произнес проповедь обо всех доставленных им святынях, которые отныне должны были покоиться в соборе. Он также провозгласил ежегодное празднование в епархии дня прибытия святынь, которое в некотором роде означало и сохранение памяти о его собственных достижениях. Такие описания дают нам представление о том, что ожидало вернувшихся крестоносцев. Не все могли похвастаться таким же приемом, как альберштадтский — но ликование в связи с обретением святынь и рассказы о подвигах в той или иной мере происходили повсеместно по Западной Европе.

Если судьба некоторых крестоносцев известна сравнительно хорошо, то этого нельзя сказать о первом латинском владыке Константинополя. Как мы уже знаем, император Балдуин был пленен королем Иоанницей в битве при Адрианополе в апреле 1205 года. Никита Хониат сообщает, что пленник был доставлен в Тырново, столицу Иоанницы, расположенную на Балканах, и там был брошен в темницу с железными оковами на шею.²² Папа Иннокентий III писал Иоаннице, пытаясь убедить его освободить императора, но тщетно. К лету 1206 года общепринятой стала версия о смерти Балдуина, и 20 августа Генрих Фландрский был венчан императорским титулом в Святой Софии.

Точные детали смерти его брата были неизвестны, а потому вызвали шквал предположений. Никита сообщал, что летом 1205 года один из греческих союзников короля Иоаницы, Александр Аспитес, перешел к латинянам, и болгарский король предался безудержной ярости. Он распорядился привести Балдуина и приказал отрубить ему ноги по колена и руки по локти. В таком ужасном состоянии изувеченный император был выброшен в овраг, где прожил еще три дня до кончины.²³ Смягченное подтверждение судьбы Балдуина пришло от самого Иоаницы, ответившего на требование Иннокентия III освободить императора заявлением о невозможности выполнения просьбы, поскольку узник скончался. Вероятно, не стоит удивляться, что подробности были опущены.

Два других свидетельства приводят еще более драматические версии судьбы фламандца. Греческий писатель Георгий Акрополитес сообщает, что Иоаница отрубил императору голову, вычистил череп и использовал его в качестве чаши. Как мы уже видели, Жервас де Базош уже упоминал о сомнительном прецеденте посмертного превращения головы крестоносца в сосуд для питья. Эту же судьбу разделил выходец из знатного антиохийского рода Робер Фиц-Фальк Прокаженный после того, как скончался от рук Тутигена Дамасского в 1119 году.²⁴ Может статься, что Иоаница подражал одному из своих предков, подобным образом унижавших даже мертвых врагов. Как бы то ни было, Акрополитес подтверждает, что Балдуин умер в плену.²⁵

Альберик де Труа-Фонтеи приводит другую историю, которая вызывает сомнения даже у него самого, хотя он все же решился оставить ее в своей хронике. Он пишет о фламандском священнике, который, проезжая через Тырново, слышал, будто жена Иоаницы пыталась соблазнить Балдуина, заставив пообещать, что он заберет ее, если ей удастся добиться для него свободы. Учитывая безупречное поведение Балдуина до сих пор, даже овдовев, он едва ли мог

польститься на супругу своего пленителя. Когда он отверг ее, разгневанная королева рассказала Иоанице, что Балдуин обещал жениться на ней, если она поможет ему бежать. Король пришел в ярость, напился вина и в пьяном гнев повелел казнить Балдуина, а его тело выбросить псам. Правдивость этой версии сомнительна — но и по ней император умирает в плену.

Исчезновение Балдуина не только вызвало проблемы в Константинополе, но и создало существенные сложности в его родной Фландрии. Не все верили в его смерть — или предпочитали не верить. Двусмысленный статус узника означал такую же двусмысленность и для его семьи. Некоторые пленники умирали в плену, некоторые проводили в заточении десятки лет, а потом возвращались домой, тогда как иные просто исчезали. То, что граф Балдуин оставил двух маленьких дочерей, а также его статус властителя одной из самых богатых и важных областей Северной Европы, создавало условия для конфликтов. Политические игроки попытались использовать ситуацию в своих интересах. Подробное описание этих событий в нашей работе кажется несколько неуместным, но историки обращают внимание на интересный эпизод, связанный с беспорядками во Фландрии и с загадочной судьбой крестоносца-императора.²⁶

После смерти Балдуина его дочь Жанна предприняла шаги к более тесному сближению графства с Французской короной. Такая политика вызвала недовольство в самой Фландрии. В 1224 году в деревне Мортень неподалеку от Турнэ некий отшельник был узнан одним из сотоварищей Балдуина по крестовому походу, но стал все отрицать. В течение года его посещали рыцари и духовенство, чтобы повидаться и поговорить с ним, и в конце концов отшельник заявил, что является самим графом. В Страстную неделю 1125 года он продемонстрировал шрамы, будто бы существовавшие у настоящего Балдуина. Впрочем, он был почти на фут ниже графа, плохо знал местную географию и куда хуже

владел французским языком, чем это помнилось его товарищам. Один из авторов приписывал такие перемены преклонным годам и времени, проведенному в греческом заточении. Но даже при столь гибком подходе к памяти и физическому сходству город Валансьен принял его в качестве «императора». Отшельник принял ванну и побрился. Радость при его «возвращении» была настолько велика, что монахи аббатства святого Иоанна сохраняли его волосы и даже выпили воду, в которой он омывался.

Теперь этот человек начал рассказывать о бегстве от Иоаницы, о перенесенных пытках (в том числе и потере части пальцев на ногах), о страданиях во время отдельных периодов пленения в руках мусульман и наконец о путешествии на Запад. Жанна Фландрская направила своего любовника, чтобы тот переговорил с отшельником, но тому удалось убедить посланца, что он в самом деле является долгожданным отцом графини. Все новые города выступали в поддержку вернувшегося героя, создавая тем самым повод для утверждения независимости Фландрии от Франции и выступления против правления Жанны. Она пыталась возбудить недоверие к самозванцу: бывший канцлер Балдуина не смог узнать его, а сам отшельник не припомнил старого придворного.

Несмотря на заявления сторонников Жанны о смерти Балдуина на поле боя (еще одна ошибка, поскольку, как мы видели, все источники указывают, что он попал в плен), самозванец получил широкую народную поддержку, и Жанна была вынуждена бежать в Париж. Отшельника воспринимали настолько серьезно, что король Генрих III Английский написал ему письмо с предложением возобновить существовавший союз между Фландрией и Англией.

Жанна обратилась за помощью к своему союзнику, королю Людовику VIII Французскому (правил в 1223–1226 годах). Король направил свою тетку Сивиллу, младшую сестру Балдуина, для встречи с претендентом. Она не опознала его — но не призналась отшельнику в этом, а убедила встре-

титься с королем Людовиком. Еще до этой встречи самозванец прошествовал через Фландрию в императорском облачении, сопровождаемый сторонниками с крестами и хоругвями. Он был полностью уверен в себе, даровал привилегии, посвятил в рыцари десять человек и заверял документы печатью, в которой именовался графом Фландрии и Эйно и императором Константинопольским. Города Лилль, Куртре, Гент и Брюгге приветствовали его, когда он направился в Перонн для встречи с королем.

Людовик принял «императора» с должной учтивостью и начал расспрашивать. Возможно, отшельник был настолько уверен в себе, что не ожидал расспросов, и был плохо подготовлен. Он не мог вспомнить, где и как приносил феодальную присягу за Фландрию отцу Людовика, королю Филиппу, не помнил своего посвящения в рыцари и женитьбы на Марии Шампанской. Его сторонники утверждали, что он отказывался отвечать на подобные вопросы из гордости. Вскоре он попросил об отдыхе и еде. После его ухода несколько церковнослужителей бросились рассказывать, что признали в нем комедианта, некогда пытавшегося выдать себя за графа Людовика де Блуа, также погибшего во время Четвертого крестового похода. Епископ Бюве сообщил, что содержал этого человека в заточении. По словам епископа, он был профессиональным мошенником и потерял пальцы на ногах не от пыток, а отморозив их.

Выйдя из зала, где велись расспросы, самозванец понял, что попал в оборот, и предпочел бежать в Валенсьен. Многие из знатных сторонников отвернулись от него, хотя бедняки продолжали говорить о своей преданности и готовились силой оказывать сопротивление Жанне. Тогда отшельник бежал в Германию, а оттуда на юг в Бургундию, где был пленен и отправлен к Людовику. Французский король нашел происходившее в Перонне весьма забавным и передал пленного Жанне, предлагая пощадить его. Жанна была настроена более серьезно, а потому после допроса в Лилле узника приговорили к смерти. Его заставили признаться в

том, что на самом деле он был комедиантом, и пригвоздили к позорному столбу между двумя собаками. Затем его предали пыткам и повесили, а тело посадили на кол в окружении вооруженной стражи. Толпа так и не согласилась признать, что он не был Балдуином, и обвинила Жанну в убийстве отца.

В нынешние времена анализ ДНК не позволяет долго продержаться подобным мистификациям. Но в XIII веке отсутствие очевидцев смерти Балдуина вкупе с желанием знать и простолюдинов противостоять проводимой Жанной профранцузской политике привело к длительному успеху самозванца. Реальный же Балдуин Константинопольский скончался за тысячи миль от дома в руках жестокого и немолимого короля Болгарского.

История с воплощением Балдуина Фландрского является одним из наследий Четвертого крестового похода. Но, пожалуй, самой интересной и драматичной была реакция Иннокентия III на взятие Константинополя. В течение всей кампании он с нарастающей тревогой следил за тем, как его величественное начинание (а в качестве главы католической церкви он нес за него полную ответственность) меняло направление сперва в сторону Зары, затем к Корфу и, наконец, к Константинополю. Он видел, как цинично замалчивалась папская булла об отлучении от церкви — высшая мера папского наказания. И все же он продолжал твердо надеяться, что ядро крестового похода сможет стряхнуть с себя парализующее бремя долга венецианцам и сможет направиться на помощь Святой Земле. Иннокентий пытался сохранить равновесие между своей ролью в качестве лидера католической церкви и необходимостью принимать в расчет практические нужды экспедиции. Бывали случаи, особенно в отлучениях с венецианцами, когда он чувствовал, что должные границы пересечены — и все же понимал неизбежность некоторой гибкости, способной предотвратить развал всего предприятия. Наряду с этими противоречиями возникали проблемы, связанные с расстоянием и трудностями

доставки посланий. Временами папа римский мог только пассивно выслушать новости и, если крестоносцы действовали по собственному усмотрению, как-то реагировать на события, но не направлять их.

С самого начала Иннокентий продемонстрировал свое неприязненное отношение к любым нападениям на христианские земли. Однако его оговорка, позволявшая подобные действия в случае необходимости, неизбежно оставляет у нынешнего читателя ощущение некоторой двусмысленности. Он пытался сформулировать определенные гарантии, требующие позволения папского легата на совершение таких действий, но зачастую поступки священнослужителей, участвовавших в экспедиции, вызывали у папы крайнее огорчение. Учитывая это, равно как и стремление венецианцев игнорировать угрозу отлучения от церкви при Заре, можно предположить, что создание потенциальной лазейки в запрете на нападения на христианские земли оказалось весьма опрометчивым поступком.

Стремление Иннокентия вернуть Святую Землю являлось настолько всеобъемлющим, что его приоритеты были очевидны. Но все же интересно, какие чувства охватили его при известии о завоевании Константинополя. Он подвергал греков критике за отказ поддержать крестовый поход в 1198 году. Ему было известно о нарушении обещаний, данных уроженцам Запада, а также об убийстве императора, которого он некогда отказался поддержать. Именно Иннокентий, в отличие от многих других средневековых пап, придавал чрезвычайно большое значение папской власти, простиравшееся над всеми церковным и мирским сферам жизни. Несомненно, возвышение Рима над еретической греко-православной церковью не могло не быть его целью.²⁷ На чьей же стороне мог оказаться Господь, обеспечивший победу крестоносцев?

В письме императору Балдуину от 7 ноября 1204 года Иннокентий выражал радость по поводу захвата Константинополя, называя его «величественным чудом». В этом

письме, как и в том, что было направлено 13 ноября духовенству крестоносной армии, он представлял эти события как передачу господом Византийской империи *«от гордых — смиренным, от непокорных — послушным, от раскольников — католикам...»* По его словам, это *«было сотворено Богом и нам представляется чудом»*.²⁸ Иннокентий был удовлетворен и как знак особого благоволения дал Латинской империи папское покровительство. Он провозгласил сохранение завоеванных земель достойным отпущения грехов (то есть приравнял к крестовому походу на Святую Землю). Другими словами, он использовал фундаментальную часть концепции крестового похода, защиту христианских земель, для обеспечения сиюминутных надобностей императора Балдуина. И все же, должно быть, слишком наивно представляя необходимую для укрепления новых завоеваний работу, папа Иннокентий по-прежнему думал, что крестовый поход сможет продолжить движение на Левант.

Ряд писем начала 1205 года демонстрирует продолжение эйфории Иннокентия. Похоже, он был полностью охвачен мыслями о могучем продвижении католической церкви. Ему казалось, что божественное одобрение возвещает наступление Золотого века, когда произойдет освобождение Святой Земли, возвращение к престолу святого Петра всех отколовшихся христиан, обращение множества язычников и спасение Израиля — то есть грядет Второе Пришествие и конец света. Перспективы были внушительными, но именно они представлялась папе естественным развитием.²⁹ Он продолжал открыто говорить о радости в связи с событиями в Константинополе: *«Я охвачен радостью, равно как и мои приближенные, мысля о чудесах, свидетелями которых мы становимся в эти дни»*.³⁰

Иннокентий был настолько счастлив, что на некоторое время упустил из вида еще одно покушение на папскую власть со стороны венецианцев. Мартовским соглашением 1204 года оговаривалось, что сторона, проигравшая в выборах императора, получает право на выбор константинопольского

патриарха. Таким образом кандидата должны были назвать церковнослужители дожа, остановившие свой выбор на Томасе Моросини. Ничуть не удивительно, что византиец Никита Хониат считал этого человека отвратительным и так обрисовал портрет венецианца: *«Он был средних лет и толще выращенного в яме борова. Лицо чисто выбрито, как обычно принято у этих людей, а грудь гладкая, как у младенца. На руке он носит кольцо, а иногда и кожаные покровы, приспособленные для его пальцев»*.³¹

Иннокентий куда больше интересовался духовным обликом Томаса и признавал его добрый характер. Однако мартовский договор являлся серьезным ущемлением папских прерогатив. Ведь это соглашение было заключено между мирскими партиями (венецианцами и остальными крестоносцами), однако основной его пункт касался выборов одного из пяти патриархов христианского мира — вопрос, который едва ли был в компетенции договаривающихся сторон. Из этих соображений Иннокентий без колебаний объявил результаты выборов недействительными.

И все же настроение у папы в то время было настолько хорошим, что он выслушал представителей Балдуина, Бонифация и других руководителей крестового похода, которые отмечали огромную роль венецианцев в кампании и считали, что такой выбор был заслуженной наградой. В ответ Иннокентий решил, что Томас действительно является удачным кандидатом в патриархи, несмотря на неприемлемую процедуру его выдвижения. Избрав путь наименьшего сопротивления и «желая показать венецианцам свою благосклонность в надежде, что это укрепит их в стремлении служить делу Христову», он сообщил константинопольскому духовенству, что утвердил Томаса в качестве первого латинского патриарха Константинополя.³²

Однако к середине 1205 года события на Святой Земле и в Константинополе серьезно поколебали радужное настроение Иннокентия. Ситуация в Леванте переросла в новый кризис, когда король Амори Иерусалимский скончался,

переев рыбы. Вскоре последовала и кончина его малолетнего сына. Источником серьезных волнений для папства стала война между христианскими Антиохией и Арменией*, а также страх, что египетские и дамасские мусульмане готовы разорвать союз, заключенный с Амори. Франки были достаточно уязвимы, и такие бедствия представляли угрозу для их неустойчивого положения на сирийском побережье.

Для разрешения проблем папский легат Пьетро Капуано вопреки предписаниям Иннокентия оставил Святую Землю и направился в Константинополь. Удивительно, что

* Эта война скорее носила династический характер. Царь Киликийской Армении Левон II выдал свою старшую дочь замуж за князя Антиохии Боэмунда III — который, в свою очередь, женил своего сына Раймунда на племяннице царя, дочери его брата Рубена. В 1194 году Левон заключил с Боэмундом договор, по которому князь Антиохии признал за армянским царем право на старшинство — и соглашался, что княжество после его смерти перейдет не к его сыну, а к внуку (тоже Раймунду), сыну упомянутой племянницы Левона II. Когда в 1201 году Боэмунд III утратил антиохийский престол, то Левон усыновил его сына, своего внука Раймунда (называемого армянами Рубеном), чтобы окончательно узаконить свои претензии на Антиохию. В 1205 году Рубен-Раймунд сверг нового князя Боэмунда IV и пришел к власти в Антиохии как Раймунд II, но через три года был сам свергнут Боэмундом IV и бежал из страны. В 1216 году Левон II силой оружия вновь восстановил своего внука на антиохийском престоле — но в 1219 году Раймунд II опять был свергнут Боэмундом IV.

В следующем году Левон II умер, успев назначить наследницей свою пятилетнюю дочь Изабеллу. Еще год спустя регентский совет выдал Изабеллу замуж за 18-летнего Филиппа, сына князя Боэмунда IV. Филипп был провозглашен царем Киликии, согласившись на ряд поставленных ему условий — управлять по армянским обычаям, не привлекать на службу латинян и не смешать армянских князей и прочих сановников с их должностей. В 1223 году Филипп был обвинен в нарушении этих условий и арестован князьями во главе со спарпапетом Константином Пайлом, а два года спустя казнен. Изабелла укрылась в крепости госпитальеров в Селевкии, однако Константин осадил крепость и принудил госпитальеров выдать ему царичу. В итоге регентом Киликии был объявлен Константин Пайл, а все сановники-латиняне изгнаны из страны. (*Прим. ред.*)

при этом он освободил всех участников похода от обетов крестоносцев. Другими словами, на них больше не лежала обязанность направиться в Восточное Средиземноморье, которое Иннокентий по-прежнему рассматривал как конечную точку экспедиции и где была необходима срочная поддержка.

Фактически Капуано завершил Четвертый крестовый поход. Причины его поступка окончательно не понятны. Однако, судя по тому, что именно он разрешил нападение на Зару, чтобы сохранить единство экспедиции, основой всех его поступков был практицизм. Возможно, он понимал, что лучшим способом поддержать молодую Латинскую империю станет концентрация сил крестоносцев возле Константинополя, и это послужит интересам церкви скорее, нежели уход воинов на Святую Землю. Какими бы ни были намерения Капуано, Иннокентий был в ярости. 12 июля 1205 года он направил легату едкий упрек: *«Мы оставляем вам решать, насколько дозволительным для вас было преобразить — нет, скорее, исказить, — столь священный и благочестивый обет»*.³³ Таким образом, папский ставленник поставил точку в Четвертом крестовом походе. Великий замысел Иннокентия был погребен на берегах Босфора, а вскоре рухнули и надежды на возвращение Христовой вотчины.

В связи с таким драматическим развитием событий изменилось и отношение римского папы к покорению Константинополя. Рассказы о злодеяниях крестоносцев во время разграбления города становились все более горькими и тревожными. Как мы уже видели, в письмах, направленных в Рим руководителями экспедиции, упоминание о жестокостях уроженцев Запада было опущено. Но проходили месяцы, и слухи, принесенные торговцами и путешественниками, дополнялись известиями от возвращавшихся крестоносцев — таких, как епископ Конрад Альберштадтский или епископ Мартин из Пайри, — открывая ужасающую правду о происходившем. От этих знаний Иннокентию становилось плохо: то, что представлялось блестящей победой,

превращалось в отвратительное проявление алчности и насилия. В его письмах звучит печаль: «То, что казалось нам прибыльным, довело до нищеты, то, что возвеличивало, превратило в ничтожество». Иннокентий вопрошал, что могло заставить греческую церковь выразить преданность папству, как гордо заявляли крестоносцы, если в латинянах они *«не видели ничего, кроме скорби и дьявольской работы, так что по праву питают к ним большее отвращение, нежели к псам»*. Он подробно описывает безжалостные убийства крестоносцами христиан всех возрастов, мужчин и женщин: *«запятнавшие христианской кровью мечи, которые должны были быть направлены на язычников»*.³⁴ Папа беспощадно приводит и другие злодеяния: насилие над почтенными матронами, девственницами, монахинями, разграбление церквей, осквернение святынь и крестов. Вероятно, поначалу Иннокентий верил, что были разграблены только императорские сокровищницы, и ужаснулся, узнав о грабежах в церквях по всему городу.

Узнав о поражении латинян при Адрианополе, он не скорбит о гибели многих могучих рыцарей, а приписывает случившееся божественному воздаянию за проступки крестоносцев. Весьма суровое суждение о потере многих действительно благочестивых воинов. Но папа понимал, что события апреля 1204 года не дадут возможности вновь призвать к крестовому походу, поскольку участники кампании будут возвращаться по домам, освобожденные от обетов и нагруженные трофеями.

Подробности разграбления заставили Иннокентия выразить сомнение в подлинных побуждениях как минимум части крестоносцев. Он уже с глубоким подозрением относился к мотивации венецианцев, но теперь в письме к Бонифацию Монферратскому выражает предположение, что маркграф *«отрекся от чистоты своих обетов, когда поднял оружие не против сарацин, но против христиан... предпочитая земное благополучие небесным сокровищам»*.³⁵ Иннокентий отмечал, что «всем известно» бесчестное поведение

крестоносцев по отношению к жителям и храмам Константинополя.

И все же, несмотря на гнев, папа испытывал и некоторое смущение. Современник событий, священнослужитель и писатель Геральд Уэльский утверждал: «Суждение Господа не бывает несправедливым, даже если нам сложно понять его». ³⁶ Папа старался примирить одобренный вмешательством Всевышнего исход экспедиции с известиями о поведении крестоносцев во время покорения города. Но Иннокентий был слишком практичным, чтобы от всего сердца осудить крестоносцев. Он, к примеру, так и не поднял вопроса об отлучении армии от церкви — не говоря уже об ее отзыве из Византии. В итоге папа римский согласился с решением господ против «злых» (греков) и перешел к обычной теме «неисповедимости путей Господних». Его заключение таково: «Кто может знать решение Божие?» Он призывает Бонифация удерживать, оборонять и даже расширять оказавшиеся в его власти земли, что показывает приятие Иннокентием Латинской империи в качестве долговременного явления на политической и религиозной карте. Папа Римский побуждает маркграфа принести должное покаяние за греховное поведение и подготовиться к освобождению Святой Земли, поскольку «через эту страну [Византию] можно с легкостью вернуть ту [Святую Землю]». ³⁷

Чувства Иннокентия по отношению к разграблению Константинополя теперь более точно соответствовали происходившим событиям, но он не мог отвернуться от того, что католическая церковь посредством взятия столицы патриархии Константинополя получила огромную, но едва ли неожиданную, пользу от Четвертого крестового похода. Теперь оставалась необходимость укреплять и защищать эти земли — новая обременительная обязанность главы Латинской церкви и одно из самых долговременных последствий кампании.

ГЛАВА 16

«Для достижения окончательной победы ни в чем нет такой острой нехватки, как в обилии латинян»

Судьба Латинской империи.

1206–1261 годы

15 августа 1261 года, 57 лет спустя после разграбления Четвертым крестовым походом Царь-города, Михаил Палеолог, правитель Никеи, прошествовал в Святую Софию, где был коронован как император Византии. Греки вернули себе Константинополь. Другие трофеи побед латинян 1204 года, такие, как княжество Ахейское и остров Крит, оставались в руках уроженцев Запада, но сердце завоевания было вырвано.¹

Из опыта первого поколения франкских поселенцев на Святой Земле было понятно, что для укрепления новых земель необходима надежная поддержка Запада.² Уже в 1211 году константинопольский император Генрих (правивший в 1206–1216 годах) писал: *«Для достижения окончательной победы и овладения империей ни в чем нет такой острой нехватки, как в обилии латинян, ведь... мало смысла в получении земель, если нет тех, кто может сохранять*

их».³ В конечном итоге поддержание второго католического образования в Восточном Средиземноморье оказалось непосильным для материальных и людских ресурсов Европы.

В течение XIII века рамки крестовых походов значительно расширились. В 1208 году папа Иннокентий III объявил Альбигойский крестовый поход против ереси катаров на юге Франции. Как и прежде, продолжалась активная военно-религиозная деятельность церкви в Балтийском регионе, периодически начинались кампании против мусульман на Пиренейском полуострове. Идея крестовых походов оказалась весьма универсальной, и в середине XIII века, когда отношения между папством и германским императором Фридрихом II стали враждебными, была объявлена священная война против наиболее могущественной мирской фигуры Запада.

С конца 1230-х годов у границ Восточной Европы начала появляться новая устрашающая сила, вскоре ставшая угрозой и для Леванта. Грозные монгольские орды создавали крупнейшую за всю мировую историю сухопутную державу, простиравшуюся от Венгрии до Китайского моря. В 1241 году папство призвало к крестовому походу против этой смертельной угрозы. Но, учитывая и без того высокий уровень «крестоносной» активности (хотя далеко не каждый раз она вызывала одобрение или энтузиазм высшей знати), вероятность привлечения широкой поддержки в новые и сравнительно отдаленные земли была ничтожно мала.

Возможно, основным препятствием для процветания Латинской империи была ситуация на Святой Земле. К середине XIII века, после нескольких десятилетий относительного спокойствия, положение франкских поселенцев резко ухудшилось. В августе 1244 года в битве при Ла Форби погибло 1034 из 1099 рыцарей военных орденов. Это ускорило Седьмой крестовый поход (1248–1254) — солидную экспедицию, состоявшую из более двух с половиной тысяч рыцарей и хорошо финансировавшуюся как церковью, так и французской короной. Ее возглавлял король Людовик IX

Святой. Ресурсы и побуждения, необходимые для предприятия такого масштаба, не могли быть быстро собраны вновь, особенно в случае провала кампании — как это случилось с крестовым походом Людовика.

Главной проблемой Латинской империи было отсутствие у нее той уникальности, какую имела Святая Земля. Она не могла похвастаться библейским прошлым, не была выхвачена из рук неверных, а отнята у христиан, пусть и раскольников. Земли Балдуина уступали очарованию Гроба господня, особенно на фоне местных священных войн в Испании, Балтии, новых кампаний в Южной Франции и тех экспедиций, что созывались против монголов или Фридриха II Германского. Завоевания Четвертого крестового похода были обречены на постоянный недостаток внимания — исключая внимание тех, кто был напрямую заинтересован в этих землях, как, например, династия Монферратов или венецианцы. То, что латинские императоры не относились к королевским домам Запада, вкупе с упадком Фландрии еще более сокращало возможные источники поддержки.⁴

Уже в 1204 году Латинская империя и Святая Земля состязались друг с другом за внимание христианского мира. Письмо архиепископа Назаретского содержало просьбу о помощи «в возвращении вотчины Распятого» — но в то же самое время папский легат Пьетро Капуано освободил крестоносцев в Константинополе от обета отправиться в Левант, чтобы они смогли остаться для защиты новой империи.⁵ Воззвание, направленное папе после сражения при Адрианополе, было такой же просьбой о помощи, как и мольбы архиепископа Назаретского.

Изначально латинские завоеватели и папство уверили себя, что их победа может помочь священной войне против ислама — однако такой оптимизм был совершенно беспочвенным. Даже папа Иннокентий III осознавал противоречие между укреплением Латинской империи и освобождением Леванта. В 1211 году он писал императору Генриху,

жалуясь на то, что *«вы с вашими крестоносцами попытались захватить и удержать империю... в основном для того, чтобы таким образом облегчить поддержку Святой Земли. Но вы не только ничем не помогли ей — напротив, вы привели в замешательство всех»*, кто пытался сопротивляться язычникам.⁶

Возможность получения на завоеванных территориях земель и богатства привлекала людей отовсюду. В 1202–1203 годах государство крестоносцев пережило эпидемию чумы, колоссальное землетрясение и противостояло неприятелю, имеющему значительный численный перевес. В результате после завоевания Византии многие жители Леванта, не желая упускать новые возможности, с легкостью переместились в Константинополь. Как мы уже видели, такие люди, как Стефан де Перш, Рейно де Монмираль и племянник Жоффруа Виллардуэна, равно как и недавние поселенцы королевства Иерусалимского (например, Стефан де Тенремон, оставшийся со времен Третьего крестового похода (фламандец) с легкостью забыли об обороне франкского Востока. Такое отступничество вызывало жалобы папы Иннокентия на то, что отток паломников из Святой Земли ослабляет ее. Разумеется, папство все же было вынуждено обратиться с призывом о помощи христианам новой империи. Но любое начало крестового похода или направленные в Константинополь средства означали уменьшение поддержки Святой Земли. Таким образом, завоевания Четвертого крестового похода, которые должны были облегчить освобождение земель Христа, фактически ослабили их защитников.

Впрочем, первый крестовый поход, направленный для защиты Латинской империи, был готов к отправлению не ранее 1224 года. Экспедиция из Северной Италии (Монфереze) ставила целью помощь Фессалоникам, но руководство промедлило из-за болезней и недостатка средств, так что ко времени, когда крестоносцы достигли своей цели, город уже сдался эпископским грекам.

Вопреки неблагоприятному воздействию на экспедиции к Святой Земле папство прилагало усилия, чтобы убедить часть потенциальных крестоносцев в том, что им следует сражаться за Латинскую империю, а не отправляться на Левант. В 1259 году брату короля Генриха III Английского Ричарду Корнуэльскому со спутниками было предложено заменить обет похода в Иерусалим на денежную выплату в помощь Константинополю или на поездку туда. Они отказались, заявив, что не станут проливать христианскую кровь. Римские папы ввели в Греции церковное налогообложение для обороны империи, но надежды на столь необходимый для разгрома византийцев крестовый поход все время рушились. К 1262 году папа Урбан IV в стремлении воодушевить новую экспедицию, которая вернула бы Константинополь, предлагал ее участникам бесплатный проезд (сравните с оплатой венецианцам, которая потребовалась в 1204 году) — и, как ни удивительно, индульгенцию на срок от 40 до 100 дней всего лишь за прослушивание проповеди о крестовом походе.⁷

Латинские императоры из всех сил старались получить людей и средства. Балдуин II (1228–1261) совершил две длительных поездки по дворам Западной Европы (1236–1239 и 1244–1248), надеясь обеспечить там поддержку. Но ему удалось вызвать только проявление вежливого интереса, получить незначительные подарки и не ограниченные указанием времени обещания. Сам Балдуин был невыразительной фигурой; современники описывали его «молодым и незрелым», тогда как нужен был человек мудрый и энергичный.⁸

В 1237 году он был вынужден отдать терновый венец, который был на Христе во время распятия, венецианскому купцу как залог за 13 134 золотых. После того, как император не смог выплатить долг, святыня была выкуплена посредниками, действовавшими в интересах французского короля Людовика IX Святого, который был столь рад этому сокровищу, что специально для него выстроил в Париже

изумительную церковь Сен-Шапель.⁹ Год спустя Людовик вступил с Балдуином в более мирскую сделку, когда тот предложил ему графство Намюр в Северной Франции (доставшееся императору по наследству от фламандских предков) за 50 000 ливров. К 1257 году империя была настолько бедна, что венецианские кредиторы потребовали сына Балдуина Филиппа в качестве гарантии займа. Для получения наличных денег был продан даже свинец с дворцовой крыши.¹⁰

Несмотря на печальную в целом историю, плодородность и относительная безопасность княжества Ахейского на полуострове Пелопоннес, а также острова Крит, оказавшегося под властью венецианцев, создавали два региона экономического могущества. Экспорт массовых товаров, таких, как пшеница, оливковое масло, вино и шерсть, равно как и предметов роскоши (например, шелка), служил источником благосостояния итальянцев и рода Виллардуэнов, правивших Ахесей. Этот род содержал блестящий двор, при котором процветали рыцарские традиции Запада. Однажды Жоффриу II (годы правления 1229–1246) проехал по своим землям в сопровождении восьмидесяти рыцарей с золотыми шпорами. Считалось, что в Ахее говорят на таком же хорошем французском языке, как и в Париже. Стены дворца украшали фрески с изображениями рыцарских подвигов, а традиционной забавой были турниры и охота. Но пленение князя Гильома (1246–1278) в битве при Пелагонии (1259) означало крах Ахейского дома, хотя титул князя передавался по женской линии.¹¹ Крит пребывал под властью венецианцев до 1669 года, оказавшись самым устойчивым следствием Четвертого крестового похода.

В остальных землях латиняне не столь преуспели. Бонифаций Монферратский недолго наслаждался после доставшимся ему королевством Фессалоники. В сентябре 1207 года он погиб в сражении. После долгого давления со стороны правителей Эпира в 1224 году грекам удалось завоевать Фессалоники. Однако наиболее серьезную угрозу для латинян представляла Никейская империя, располагавшаяся

в Малой Азии. Иоанн III Ватац, правивший в 1222–1254 годах и впоследствии канонизированный православной церковью, изгнал уроженцев Запада из Малой Азии, занял плацдарм в Галлинополи на европейской стороне Босфора, а затем захватил Фессалоники, сжимая петлю вокруг Константинополя. После смерти Иоанна окончательный удар по латинянам нанес его полководец Михаил Палеолог, ставший регентом при сыне Иоанна, а позднее захватившем императорский титул. Мальчик разделил неминуемую участь проигравших царевичей — он был заключен в темницу и ослеплен.

В июле 1261 года греки стянули силы для нападения на Константинополь. Один из их сторонников открыл ворота, и авангард византийцев почти без борьбы занял город. Большая часть латинского гарнизона была занята в кампаниях в разных местах, а горожане в основном были рады возвращению прежних правителей. Такой оборот событий оказался столь неожиданным, что Михаил Палеолог не успел даже пересечь Босфор. Его сестра Евлогия услышала о случившемся ранним утром, пока брат спал в своем шатре. Она заползла внутрь и пощекотала его ногу перышком. Когда Михаил проснулся, она сообщила, что он стал правителем Константинополя. Подыгрывая его радостному настроению, Михаил рассмеялся, но не поверил известию. Лишь когда вошел посланник с императорской короной и скипетром, он убедился в реальности происходящего. Господь действительно вернул Константинополь грекам.¹² Так было уничтожено основное достижение Четвертого крестового похода.

Фактически оказалось, что Латинская империя была лишним грузом, мешавшим освобождению Святой Земли. Она пала за тридцать лет до того, как свирепая династия мамелюков изгнала европейцев из Акры (1291), отметив окончание христианского владычества в Леванте вплоть до того момента, как в 1917 году в Иерусалим вступил британский генерал Эдмунд Алленби. По иронии истории, в последующие века, когда возродившаяся Византийская импе-

рия сражалась с могуществом турок-османов, папство пыталось сподвигнуть Западную Европу к новому крестовому походу для помощи обороняющимся грекам.¹³ Эта попытка не удалась, и, когда османские войска в 1453 году взяли Константинополь, он был навсегда потерян для Запада.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Науку ведения войны, которую не практикуют заранее, не так просто возродить, когда в ней возникает потребность»

Четвертый крестовый поход окончился полным крахом своей изначальной цели — завоевания Иерусалима. Разорение Константинополя создало экспедиции, обратившей его против христиан, прочную дурную славу. Причины, по которым кампания двинулась по этому трагическому пути, многочисленны и тесно переплетены друг с другом. Но невозможно отрицать, что ценой некоторого недовольства современников Рим, венецианцы и многие участники похода достигли значительного прироста своего влияния и богатства — пусть зачастую и кратковременного. Нападение на Константинополь помогло также свести некоторые старые счета. Папство видело, как византийцы открыто препятствовали прежним действиям крестоносцев и даже возобновили дружественные отношения с Саладином. Венецианцы помнили об изгнании своих сограждан из Константинополя в 1171 году. У Бонифация Монферратского, руководителя крестового похода, были личные

причины недолго любить византийцев: один из его братьев, Ренье, был убит греками, а другой, Конрад, вынужден бежать из Византии, спасая свою жизнь.

Некоторые другие аспекты создавали еще большее напряжение между Византией и Западом в период до 1204 года. Раскол между православной и католической церквями относится еще к 1054 году. Постоянные конфликты между армиями крестоносцев и греками начались со времен Первого крестового похода. Жестокие погромы живущих в Константинополе уроженцев Запада в 1182 году оказались самым заметным событием в цепи взаимного недоверия и неприятия.

Сторонники каждой партии неоднократно изображали своих противников упрощенно, враждебно и карикатурно. Уроженцы Запада считали греков лживыми изнеженными еретиками. Одо из Дейла писал, что у них *«вовсе нет мужественной силы ни в словах, ни в духе... Они считают, что ничто из делающегося ради священной империи не может быть сочтено клятвопреступлением»*.¹ Византийцам же, как намекнул Никита Хониат, уроженцы Запада были не менее неприятны.

«Между нами и ними [латинянами] разверзлась обширная пропасть. Мы находимся на разных полюсах. У нас нет ни одной общей мысли. Они упрямы, выставляют напоказ свою отвагу и смеются над нашей скромностью и обходительностью. Мы же приравниваем их высокомерие, хвастовство и гордость к соплям, которые заставляют держать нос высоко, и попираем их могуществом Христа, давшего нам власть наступать на змея и скорпиона».²

Эти чувства лежат на поверхности взаимоотношений между уроженцами Востока и Запада, но в 1204 году они не были особенно актуальны. Существовали и другие моменты. К примеру, в 1192 году греки разорвали дружеские отношения с мусульманами. Кроме того, хотя Иннокентий вынудил Алексея III помочь Четвертому крестовому походу

и угрожал императору в случае его отказа, папские письма 1202 года были гораздо более мягкими. Венецианцы возобновили торговлю с греками (несмотря на то, что компенсация за 1171 еще не была выплачена), и в Константинополе снова поселилось сообщество выходцев из Западной Европы.

Однако, несмотря на такое потепление, внутренние сложности сохранились. Наличие этих разногласий давало повод для одобрения, оправдания или хотя бы объяснения нападению на Константинополь — но их было недостаточно, чтобы подтолкнуть к столь решительному шагу, как организация планомерной осады великого города. Следовательно, не может быть и речи о продуманной заранее идее захвата Византийской империи какими бы то ни было силами, участвовавшими в крестовом походе.³

Причина, по которой Четвертый крестовый поход в конце весны 1203 года повернул в сторону Константинополя, крылась, по иронии судьбы, в приглашении со стороны греков — в просьбе царевича Алексея помочь ему и отцу занять должествующее им положение в Византийской империи. Не будь этого обращения, едва ли экспедиция направилась бы в сторону Константинополя. Чтобы объяснить, почему европейский флот направился к Босфору, а не к Египту или Святой Земле, следует прежде понять, почему было принято предложение царевича.

И здесь нам открывается ахиллесова пята всего предприятия — недостаток людей и денег. Эти отнюдь не новые обстоятельства стали основными причинами крушения Второго крестового похода в 1148 году. Ричард Львиное Сердце извлек из него уроки при подготовке к Третьему крестовому походу, однако в 1201–1202 годах те же проблемы неожиданно всплыли снова. Впрочем, у Четвертого крестового похода была дополнительная компонента — соглашение между французами и венецианцами. Необходимость выполнения пунктов договора сыграла существенную роль в формировании и направлении экспедиции.

Несмотря на то, что к весне 1201 года французские посланцы в Венеции знали, что правители Англии, Франции и Германии едва ли примут участие в кампании, все же они назвали чрезвычайно высокое количество участников экспедиции — 33 500 человек. Но к лету 1202 года в Венеции собралось лишь около 12 000 человек. Рассуждая о причинах такого недостатка воинов, надо не забывать о непредсказуемости проповедей Фулька Нейского и о еще более значимом событии — кончине Тибо Шампанского. Потеря популярного и активного лидера одной из крупнейших европейских династий крестоносцев в критический момент самым плачевным образом отразилась на настроениях потенциальных участников похода.⁴ Руководство столь влиятельного человека и его возможности могли бы убедить немалую часть знати присоединиться к движению и помогли бы создать критическую массу воинов, необходимую для ведения боевых действий. Кроме того, его преждевременная смерть и отсутствие в Шампани взрослого наследника побудили многих забыть об отъезде из-за опасений возникновения борьбы за наследство.⁵

Однако поскольку французы были связаны обязательствами перед венецианцами, возможности отступления не было ни у одной из сторон. Масштаб участия венецианцев в предприятии был огромным. Дож Дандоло не мог отступить, хотя использование им задолженности крестоносцев для прикрытия дальновидных политических и экономических планов венецианцев в Заре с точки зрения морали тоже было весьма сомнительным.

Готовность крестоносцев рискнуть папским расположением, напав на город, находящийся под покровительством короля Эмика Венгерского, принявшего знак креста (сколь бы спорным ни было использование им этого статуса), демонстрирует зависимость французов от венецианцев. В этом же эпизоде проявляется и стремление крестоносцев не допустить задержки экспедиции. Нельзя не заметить их готовности продолжать священную войну.

Причины, которые могли подтолкнуть человека к принятию креста, были сложны и многочисленны. Ко времени Четвертого крестового похода в них переплстались тескущая политика и все те же побуждения, которые вели участников Первого крестового похода в 1095 году. Для некоторых знатных династий вск крестовых походов налагал нечто похожее на обязательство участвовать в священной войне.⁶ Свое влияние оказывала и рыцарская культура, возобладавшая в течение XII века при дворах Северной Европы, равно как и в Монферрате. Она взращивала в своих приверженцах непреклонное чувство чести вкупе с долгом повиновения своему сюзеру. Эти принципы простирались за пределы светских взаимоотношений и, сливаясь с яркой религиозностью того времени, заставляли чувствовать обязанность доброго христианского рыцаря в проявлении преданности верховной власти — Господу, ради которой и предпринимались попытки освободить Святую Землю от неверных.

Духовные награды крестоносцев тесно сплетались с рыцарским призванием. Сражаясь и убивая, воины стремились смыть с себя последствия греха и так избежать адских мучений — а отпущение всех грехов как раз давало крестоносцам возможность достичь этой цели.

Краугольным камнем рыцарской этики являлись героические поступки. Обширная современная литература показывает едва ли не одержимость стремлением проявить рыцарскую доблесть. Круг рыцарских турниров Северной Европы давал широкие возможности, но крестовый поход являлся предприятием, в котором рыцарским подвигам придавался некий духовный аспект. Появлялся шанс соединить героизм с преданностью и честью, можно было достичь славы и положения среди героев крестовых походов прошлых эпох, таких, как Годфрид Бульонский или Боэмунд Антиохийский.

Жажда наживы, а иногда и стремление приобрести во владение земли, несомненно, были еще одним побуждением крестоносцев. До некоторого предела такие желания не

противоречили церковной концепции собственности крестоносцев. Но пребывание в приемлемых рамках означало присвоение только необходимого для выживания и выплату спутникам разумных, но не значительных вознаграждений. Однако даже в таком случае расцветали алчность и зависть, и крестовый поход мог оказаться неугодным Господу.

В любом случае ведение священной войны было весьма дорогостоящим. Прежде чем думать о возвращении с богатством, приходилось потратить немалое количество денег. Предыдущие крестовые походы едва ли вдохновили нажитыми состояниями, скорее наоборот — немало воинов вернулось без гроша в кармане. Тем не менее, если бы Четвертый крестовый поход смог завоевать Египет, а затем вернуть Иерусалим, материальные блага могли стать реальностью.

Сочетание всех упомянутых факторов, вероятно, приводило выбором большинства рыцарей-крестоносцев. У менее знатных бойцов, пехотинцев и оруженосцев, необходимость служения сюзерену и желание отвлечься от удручающей монотонности будней заменяло высокие рыцарские чувства. Но, как бы то ни было, требовалась активная деятельность, чтобы преодолеть все сложности принятия креста — сочетание страха перед смертью, пленением и морским путешествием, огромными расходами и разлукой со своими семьями, любимыми и домочадцами. После того, как обет был принесен, стремление к славе, спасению и обогащению вкупе со страхом перед отлучением от церкви создавали серьезное давление, заставлявшее осуществлять эти обеты.

В августе 1202 года необходимость выполнить принесенные обеты, усугублявшаяся непростым положением на Святой Земле, заставила основную часть крестоносцев согласиться с отклонением в сторону Зары. Осада представлялась только короткой отсрочкой перед вторжением в Египет — хотя, как мы видели, стяжать богатую добычу не удалось, и финансовые проблемы так и не были разрешены. В этот момент в лагерь крестоносцев прибыл царевич Алексей.

Несмотря на отказ, который Алексей получил в прежних попытках обеспечить помощь со стороны западных правителей, теперь его посланники сулили людей и деньги, столь необходимые крестоносцам для помощи франкам на Святой Земле. К обещаниям добавлялось и обещание подчинения православной церкви Риму. Изображение посланниками положения царевича Алексея и его отца Исаака, несправедливо лишенных власти, отвечало стремлению крестоносцев возвращать несправедливо отобранные земли. Чтобы получить награду, крестоносцы должны были отклонить путь флота в сторону Константинополя, чтобы там утвердить царевича Алексея на императорском троне. Хотя в это время часть крестоносцев отделилась от экспедиции, большинство руководителей надеялись, что после выполнения царевичем своих обязательств шансы крестоносцев на успех значительно возрастут. Другими словами, отклонение в Зару и Константинополь рассматривалось как этапы кампании по пути в Египет.

Прибыв в июне 1203 года в Константинополь, крестоносцы выражали искреннее удивление враждебным приемом, оказанным царевичу Алексею. Ожидалось, что волна народного одобрения вернет его на престол без использования военной силы. Однако император Алексей III постарался использовать давнюю подозрительность византийцев к крестоносцам, чтобы создать почву для серьезной оппозиции.

К июлю 1203 года активные военные действия уроженцев Запада вынудили Алексея III бежать. Византийская знать решила освободить Исаака и короновать царевича в качестве соимператора. Хотя коронация Алексея IV казалась крестоносцам шагом к достижению их целей, растущая враждебность византийцев, подогреваемая попытками нового императора выполнить свои тяжелые финансовые обязательства, постепенно уничтожила надежды молодого человека на возможность сдержать свое обещание. В итоге Алексей оказался связан все более настойчивыми требованиями союз-

ников выплатить обещанное, а антизападные настроения в Константинополе росли, что еще сильнее сокращало пространство для маневра.

Несмотря на ухудшение отношений, в то время, пока Алексей оставался у власти, у крестоносцев существовала возможность покинуть Византию в сохраненном порядке. Но переход власти к Мурзуфлу и убийство императора безвозвратно все изменили. Именно в этот момент, а никак не раньше, покорение Константинополя крестоносцами становится целью экспедиции. Воины стояли лагерем за пределами непримиримо враждебного города, у них практически не было ни денег, ни продовольствия. Они были озлоблены ожиданием исполнения обещаний в течение долгих месяцев; они были выпущены противостоять вражеским вылазкам (в частности, с горящими кораблями); они были повергнуты в ужас убийством Алексея. Недовольство воспламенило давнишнюю религиозную и политическую неприязнь. Накопившийся гнев и страх уроженцев Запада выплеснулся с яростью лесного пожара. Помощь Святой Земле оставалась долгосрочной целью крестового похода — но теперь на первое место выходило сиюминутное выживание, а оно означало штурм Царь-города.

Учитывая грозную оборону Константинополя и небольшое количество крестоносцев, их победа, по их собственным словам, была совершенно неправдоподобной. За века своего существования город отразил несколько масштабных нападений, так почему же крестоносцы должны были рассчитывать на успех? Основной причиной, по которой греки лишились Константинополя, была извечная нестабильность, таившаяся в самом сердце византийской политики, начиная со смерти императора Мануила Комнина в 1180 году. За два десятилетия после кончины Мануила произошел целый ряд восстаний и бунтов, поскольку знатные константинопольские семейства стремились подчинить себе другие и создать основы могущества именно своей династии.⁷ В то же время резко сократилась военная мощь Византии. Армия резко

уменьшилась в численности, упало ее мастерство, по решающим оказалось сокращения флота почти до его исчезновения. Трудно придумать более яркий пример, чем контраст между гордым флотом более чем из 230 кораблей, направившихся для завоевания Египта в 1169 году, и печальным строем гниющих кораблей и рыбацких суденышек, выстроившихся в Золотом Роге в июне 1203 года.

Если центр империи был настолько погружен в свои проблемы, то стоит ли удивляться, что некоторые провинции увидели возможность отколоться? В 1184 году Исаак Комнин сделал Кипр своей личной провинцией. В 1185 году началось восстание болгар, в 1188-м отделился город Филадельфия в Малой Азии.

Внешние силы также стремились удовлетворить собственные нужды. Давние противники греков с Сицилии вторглись на Балканы (опять же в ответ на приглашение со стороны претендента на императорскую корону), в августе 1185 года они жестоко разграбили второй по значению город империи, Фессалоники. В 1190 году, во время Третьего крестового похода, Фридрих Барбаросса проложил себе путь через греческие владения.⁸ Все эти эпизоды были симптомами хронического заболевания в центре империи.

Когда Алексей III начал утверждаться во власти, именно его нежелание окончательно ликвидировать потенциальную угрозу со стороны племянника-царевича оставило возможность дальнейшего династического конфликта. Активная смена фигур на константинопольском престоле не способствовала установлению компетентного руководства. Никита Хониат, паш основной источник информации, жестоко критиковал власть имущих, ответственных за падение Константинополя. Общий тон его высказываний поддерживают и другие свидетели. Алексей III, Исаак Ангел и Алексей IV едва ли имели черты характера, позволяющие им стать сильными лидерами. Их способность оценить общее стратегическое положение временами оказывалась чудовищно низка. Зачастую они были куда более озабочены

личными амбициями и прихотями, нежели управлением огромной империей — вспомним, к примеру, одержимость Исаака строительными проектами. В случае с Алексеем IV ему просто не достало опыта и зрелости, чтобы создать необходимую политическую и административную платформу. Военные способности сменявших друг друга императоров были весьма неубедительны. Подлинный талант проявил только Мурзуфл — но к тому времени, когда он пришел к власти, положение уже было критическим.

Прибытие Четвертого крестового похода лишь добавило проблем к уже непростой ситуации. Оно создало невыносимое давление на неустойчивую византийскую иерархию, и имперская система закачалась, как никогда прежде. За одиннадцать месяцев, с июня 1203 по апрель 1204 года, императорский титул носило не менее шести человек — Алексей III, Исаак и Алексей IV, Николай Каннавос, Мурзуфл и Константин Ласкарис. Это не может не служить ярким указанием на крайнюю неустойчивость системы власти.

Несмотря ни на что вплоть до начала дня 12 апреля, когда поменявшийся ветер подвел корабли крестоносцев к стенам Константинополя, город успешно сопротивлялся крестоносцам. Вплоть до этого момента, который использовали отважные Пьер де Брасье и Алеме де Клари, о падении столицы Византии нельзя было говорить с уверенностью. Стены Константинополя представляли собой надежное препятствие, Варяжская дружина была небольшим, но опасным войском, у греков было огромное численное преимущество. Окажись крестоносцы отброшены во второй раз за четыре дня, их стремление сражаться, и так ослабевшее, могло полностью исчезнуть. В сочетании с недостатком провианта военные неудачи могли вынудить их искать примирения с греками или просто покинуть поле боя, признав свое поражение.

То, что после одиннадцати месяцев при Константинополе армия крестоносцев все еще была способна использовать случайный ветерок, является неоспоримым свидетельством

ее решимости и волевого мастерства. Десантная операция в Галате в июне 1203 года, столкновение с армией Алексея III у ступы Феодосия двенадцать дней спустя, две морские атаки в Золотом Роге (июнь 1203 и апрель 1204), отвага воинов, сражавшихся на подвесных мостках, навешенных высоко над венецианскими кораблями — таковы показатели отваги и военного мастерства высочайшего порядка.

Основа многих подвигов была заложена еще на турнирных полях Западной Европы. В прежних описаниях Четвертого крестового похода этот фактор обычно недооценивался. Роджер из Ховдена, клирик, сопровождавший в крестовом походе Ричарда Львиное Сердце, писал: *«Науку ведения войны, которую не практикуют заранее, не так просто возродить, когда в ней возникает потребность. Так никогда не тренировавшийся атлет не сможет поднять боевой дух состязания»*.⁹ Суровая тренировка людей и лошадей оказалась прекрасной практикой для выживания в опасных враждебных условиях. Необходимость выступать единой командой, равно как и развитие личного мастерства, была укоренена в каждом рыцаре. Они не представляли, в современном смысле слова, профессиональной армии, отрабатывающей марши на плацу, однако рыцарский дух сплавлялся с мастерством, дисциплиной и рассудком, чтобы развивать их далее. Во время кампании различные части крестоносцев покидали армию, и экспедиция сократилась до плотного центрального ядра. Чем дольше продолжался крестовый поход, тем лучше люди понимали сущность работы в коллективе, пока, наконец, их согласованность и взаимное доверие не добавили в арсенал еще одно драгоценное оружие.

Осада Зары стала тренировочной площадкой, затем она дополнилась опытом первой осады Константинополя, экспедиции во Фракию осенью 1203 года и многочисленными стычками с греками во время зимы и весны 1204 года. После того, как крестоносцы выстроились в боевой порядок, высадившись в Галате, они поддерживали свой строй на протяжении всего

боя. Каждый человек, от графа до рыцаря и простого пехотинца, знал свое место. Чувство общей ответственности, взаимного доверия и согласованности сквозит в каждом описании очевидца событий.

Однако армия крестоносцев не была безупречной военной машиной — вспомним временную потерю строя у стены Феодосия в июне 1203 года или необдуманные действия Людовика де Блуа при Адрианополе в 1205 году, которые были вызваны рыцарским стремлением к славе. Тем не менее европейская армия представляла воистину грозную боевую силу.

Искусство конных рыцарей дополнялось великолепным мореходным мастерством венецианцев. Века опыта мореплавания сделали итальянцев элитой средневековых мореходов. У венецианских корабелов было больше года, чтобы подготовиться к кампании, и их корабли и снаряжение были в прекрасном состоянии. Огромный флот прошел из Адриатики до Константинополя без заметных потерь, а затем, в пылу сражений, венецианцы продемонстрировали свою преданность и отвагу. Десант в Галате и создание необычайных осадных сооружений на мачтах кораблей в июне 1203 и апреле 1204 годов продемонстрировали умение импровизировать, а подход и стоянка кораблей близ берега во время этих боев подтверждают великолепное мастерство мореходов. Качество венецианского флота и его вклад в успех крестоносцев составляют яркий контраст с упадком византийского флота.

Наконец, по сравнению с греками крестоносцы обладали куда более эффективным командованием. В их руководстве были как молодые люди — Балдуин Фландрский и Людовик де Блуа, — так и опытные воины. В июле 1203 года Гуго де Сен-Поль писал на Запад другу, выражавшему опасение относительно некоторых рыцарей: *«Ты был глубоко опечален, что я предпринял паломничество с людьми молодыми и незрелыми, не умевшими выслушивать советы в трудных делах»*.¹⁰ Однако время шло, и опасения рассеялись,

поскольку все воины закалились в сражениях. Обычно между Балдуином Фландрским, Бонифацием Монферратским, Людовиком де Блуа, Гуго де Сен-Полем, Конаном Бетюнским и Жоффруа Виллардуэном, а также дожем Дандоло существовало согласие. Их стремление продолжать кампанию подталкивало крестоносцев и не давало экспедиции распасться на отдельные части. Широкое сотрудничество представляло резкий контраст с разрушительными ссорами и напряженностью, которые были характерны для предшествующих экспедиций — особенно с отношениями, сложившимися между Ричардом Львиное Сердце и Филиппом Французским во время Третьего крестового похода.

В течение крестового похода чрезвычайно влиятельной персоной оказался Энрико Дандоло, служивший непревзойденным источником советов и ободрения для остальных руководителей. Его требование оказаться на острие атаки у стен Золотого Рога в июле 1203 года было подлинным вдохновением, прекрасным воззванием к чувству чести крестоносцев, равно как и к их честолюбию. Балдуин Фландрский также проявил себя человеком незаурядным и достойным, по общему мнению, стать первым латинским императором Константинополя.

Если боевые качества крестоносцев были на высоте, то ничто не может оправдать алчность, проявленную во время разграбления Константинополя — хотя такое поведение, возможно, тоже имеет объяснение. Десятилетия взаимной неприязни между греками и латинянами, усиленной напряжением последних месяцев у Константинополя, нашли разрешение в волне насилия и стремления к наживе. Вдобавок ужасающие события, последовавшие за осадой и сражениями, ни в коей мере не отличались новизной — достаточно вспомнить о том, что происходило после взятия Иерусалима в 1099 году. Западные «варвары» не были единственными мародерами в средневековом мире. Подобный ярлык не должен затенять того, что Византийская империя также подвергалась обвинениям в двуличности и не всегда оказывалась

на высоте с нравственной точки зрения. Одним из таких примеров может служить жестокость греков по отношению к европейцам в Константинополе в 1182 году. Насилие не было уделом только войн в Восточном Средиземноморье, как показывают осада Багдада монголами в 1258 году* и вторжение норманнов в Северную Англию в 1068–1069 годах.

Византийцам, бывшим современниками описываемых событий, равно как и нынешним историкам, особенно сложно понять крестоносцев из-за их статуса воинов священной войны. Понимание ценностей средневекового общества может помочь правильному освещению событий — но даже папа Иннокентий вынужден был признать, что по отношению к Четвертому крестовому походу он не всегда может понять пути Господни. Крестоносцы, ликуя после преодоления самых невероятных трудностей, не сомневались, что на них лежало божье благословение. Но после завершения кампании, когда перед ними встали новые и долгосрочные проблемы, связанные с укреплением новой империи, радость от завоевания Константинополя превратилась в далекое воспоминание, а новый католический аванпост стал отвлекать силы от освобождения Святой Земли.

Наследие разграбления Константинополя особенно остро ощущается в греко-православной церкви, сохранившей глубокую горечь воспоминания о предательстве христианского братства.¹¹ Как мы видели, полная история завоевания чрезвычайно сложна. Но и в смысле нравственности, и в отношении побуждений она остается одним из самых противоречивых, ярких и интересных эпизодов средневековой истории.

* Заметим, что великий хан Мункэ издал официальное распоряжение, запрещающее грабить христиан. После захвата монголами Багдада и казни последнего халифа его дворец был сделан резиденцией несторианского патриархата. (*Прим. ред.*)

Непосредственно после завоевания трубадур Рембо де Вакейрас, бывший свидетелем событий, признавал проступки крестоносцев и поставил перед ними задачу возместить причиненное зло, хотя бы в собственном понимании.

«И он [Балдуин], и мы сами виновны за сгоревшие церкви и дворцы, в чем я вижу грех как клириков, так и мирян. Если он не придет на помощь Гробу Господню и завоевание не двинется вперед, то наша вина перед Господом станет еще тяжелее, поскольку само оправдание наше превратится в грех. Но если он будет рассудителен и отважен, то поведет свои войска в Вавилон и Каир».¹²

Но к этому времени крестоносцы не могли и помыслить о таком деянии.

Хронология

1095–1099 — Первый крестовый поход.

1099, 15 июля — захват Иерусалима армиями Первого крестового похода.

1124 — Венецианский крестовый поход помогает франкским поселенцам в захвате Тира.

1145–1149 — Второй крестовый поход.

1171 — изгнание венецианцев из Константинополя.

1182 — гонения на латинян в Константинополе.

1185 — Исаак Ангел становится византийским императором.

1187 — Саладин захватывает Иерусалим.

1189–1192 — Третий крестовый поход.

1195 — свержение Исаака Ангела, переход власти к Алексею III.

1198, 8 января — Лотарио де Сегни становится Иннокентием III.

1198, август — Иннокентий начинает набор участников для Четвертого крестового похода.

1199, 28 ноября — турнир в Экри. Тибо Шампанский и Людовик де Блуа принимают крест.

1200, 23 февраля — Балдуин Фландрский принимает крест.

1200, 3 мая — аббат Мартин из Пайри проповедует о крестовом походе в кафедральном соборе Базеля.

1201, апрель — в Венеции подписывается договор между Энрико Дандоло и французскими крестоносцами.

1201, 24 мая — смерть графа Тибо Шампанского.

1201, август — руководителем крестового похода становится Бонифаций Монферратский

1202, лето — крестоносцы собираются в Венеции.

1202, октябрь — крестовый поход отбывает из Венеции.

1202, ноябрь — осада Зары.

1202, декабрь — посольство царевича Алексея в Заре.

1203, 24 мая — крестовый поход отплывает с Корфу.

1203, 23 июня — прибытие крестоносцев в Константинополь.

1203, 5 июля — высадка в Галате.

1203, 17 июля — нападение на Константинополь, отступление Алексея III.

1203, 18 июля — бегство Алексея III, восстановление на престоле Исаака Ангела.

1203, 1 августа — коронация Алексея IV.

1203, август-октябрь — Алексей IV с крестоносцами объезжает Византийскую империю.

1204, декабрь — нарастание напряженности между Алексеем IV и крестоносцами.

1204, январь — нападение горящих кораблей.

1204, 27–28 января — пленение Алексея IV Мурзуфлом.

1204, март — соглашение между французскими и венецианскими крестоносцами о разделе Византийской империи.

1204, 9 апреля — начало наступления на Константинополь.

1204, 12 апреля — взятие Константинополя.

1204, 13–15 мая — коронация императора Балдуина и начало Латинской империи.

1205, 14 апреля — битва при Адрианополе, гибель Людовика де Блуа и пленение императора Балдуина.

1205, июнь — смерть Эприко Дандоло.

1206, 20 августа — коронация императора Генриха.

1216 — смерть папы Иннокентия III.

1224 — крестовый поход для обороны Латинской империи.

1261 — взятие Константинополя Михаилом Палеологом и конец Латинской империи.

1291 — падение Акры, конец франкского присутствия в Леванте.

Примечания

Использованные сокращения

DBH — «Deeds of the Bishops of Halberstadt», *Contemporary Sources for the Fourth Crusade*, tr. A. J. Andrea, Leiden, 2000, 239–64. («Деяния епископа Альберштадтского» — в сб. *Источники, современные Четвертому крестовому походу*. Пер. А. Дж. Андреа, Лейден, 2000, С. 239–264).

DC — «Devastatio Constantinopolitana», *Contemporary Sources for the Fourth Crusade*, tr. A. J. Andrea, Leiden, 2000, 205–21. («Разрушение Константинополя» — там же, с. 205–221).

GP — Gunther of Pairis, *The Capture of Constantinople: The «Hystoria Constantinopolitana»*, ed. & tr. A. J. Andrea, Philadelphia, 1997. (Гюнтер из Пайри, *Падение Константинополя: «Константинопольская история»*. Пер. и ред. А. Дж. Андреа, Филадельфия, 1997).

GV — Geoffrey of Villehardouin, «The Conquest of Constantinople», *Chronicks of the Crusades*, tr. M. R. B. Shaw, London, 1963, 29–160. (Жоффруа де Виллардуэн, «Завоевание Константинополя» — в сб. *Хроники крестового похода*, пер. Б. Шоу, Лондон, 1963, 29–160). Русское издание: Жоффруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя. М.: Наука, 1993.

Innocent III — «Letters», *Contemporary Sources for the Fourth Crusade*, tr. A. J. Andrea, Leiden, 2000, 7–176. (Иннокен-

тий III, «Письма» — в сб. «Источники, современные Четвертому крестовому походу». Пер. А. Дж. Андреа, Лейден, 2000, 7–176

NC — Niketas Choniates, *O City of Byzantium: Annals of Niketas Choniates*, tr. Н. J. Magoulias, Detroit, 1984. (Никита Хониат, *О граде Византии: анналы Никиты Хониата*). Перев. Г. Дж. Макулиас, Детройт, 1984). Русское издание: Никита Хониат. История со времен царствования Иоанна Комнина. В 2-х тт. СПб.: 1860–1862, а также <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/Xoniat/index.html>.

RC — Robert of Clari, *The Conquest of Constantinople*, tr. E. H. McNeal, New York, 1936. (Робер де Клари, *Завоевание Константинополя*. Пер. Э. Г. Мак-Нил, Нью-Йорк, 1936). Русское издание: Робер де Клари. Завоевание Константинополя. М.: Наука, 1986.

Sources — Contemporary Sources for the Fourth Crusade, tr. A. J. Andrea, Leiden, 2000. (Источники, современные Четвертому крестовому походу. Пер. А. Дж. Андреа, Лейден, 2000.)

Пролог. Коронация императора Балдуина

1 NC, 314–15.

2 Наиболее детальное повествование об этой экспедиции: Queller and Madden, *Fourth Crusade*. Оно составлено с точки зрения специалистов по истории Венеции. Еще одно хорошее описание кампании — Godfrey, 2004. *The Unholy Crusade*.

3 Страстные антизападные описания крестового похода, сделанные историками, исследующими Византию, включают: Runciman, *History of the Crusades*, III; Norwich, *Byzantium: The Decline and Fall*, 156–213. Более уравновешенную и научную точку зрения см.: Harris, *Byzantium and the Crusades*; Angold, *The Fourth Crusade*.

4 Constable, «The Historiography of the Crusades».

5 Siberry, «Images of the Crusades in the Nineteenth and Twentieth Centuries», *The Oxford Illustrated History of the Crusades*, 314.

6 Runciman, *History of the Crusades*, III, 469, 480.

7 Cited in Bartlett, *Medieval Panorama*, 12–13.

8 Runciman, *History of the Crusades*, III, 474.

9 Riley-Smith, «Islam and the Crusades in History and Imagination», 164–7.

10 Phillips, «Why a Crusade will lead to a *jihad*».

11 Innocent III, *Sources*, 107.

12 Innocent III, *Sources*, 173–4.

13 Особо смотри комментарии в: Harris, «Distortion, Divine Providence and Genre in Niketas Choniates' Account of the Collapse of Byzantium».

14 Jackson, «Christians, Barbarians and Masters: The European Discovery of the World Beyond Islam».

15 Bull, «Origins».

16 Guibert of Nogent, cited in and translated by Bull, *Knightly Piety and the Lay Response to the First Crusade*, 3.

17 William of Tyre, I, 372–3.

18 Лучшее описание — Hillenbrand, *The Crusades: Islamic Perspectives*.

19 See Phillips and Hoch, *Second Crusade: Scope and Consequences*, 1–14.

20 Harris, *Byzantium and the Crusades*, 116–20.

21 Eustathios of Thessaloniki, *The Capture of Thessaloniki*, 35.

22 William of Tyre, II, 465.

23 Hamilton, *The Leper King and His Heirs: King Baldwin IV and the Crusader States*.

Глава 1 . Истоки и проповедь Четвертого крестового похода, 1187–1199 годы

1 Gregory VIII, *Audita tremendi*, 64–5.

2 Beha ad-Din, *The Rare and Excelknt History of Saladin*, 146, 150.

3 *Chronicle of the Third Crusade*, 382.

4 Этот период мастерски проанализирован в: Gillingham, *Richard I*, 155–301.

5 Хорошую современную биографию Иннокентия можно найти в: Sayers, *Innocent III*. Кроме того, заслуживают внимания работы в сборниках: *Innocent III: Vicar of Christ or Lord of the World?*, ed. Powell; *Pope Innocent III and his World*, ed. Moore.

6 Sayers, *Innocent III*, 10–27; Peters, «Lothario dei Conti di Segni becomes Pope Innocent III», in: *Innocent III and his World*, 3–24.

7 Sayers, *Innocent III*, 2.

8 Innocent III, *Sources*, 7–9.

9 Innocent III, *Sources*, 9, п.4.

10 Ross, *Relations between the Latin East and the West, 1187–1291*, 58–60.

11 Innocent III, *Sources*, 10–11.

12 Innocent III, *Sources*, 12.

13 Innocent III, *Sources*, 14.

14 По поводу этого папского воззвания см. также: Cole, *Preaching the Crusades*, 80–5.

15 Gillingham, *Richard I*, 316.

16 Существует прекрасный перевод первых 10 000 строк «Истории». См.: *History of William Marshal*, ed. Holden, tr. Gregory. Ожидается появление остальной части текста.

17 Перевод приведен по: Crosland, *William the Marshal*, 78–81 Относительно жизни Уильяма см: Crouch, *William Marshal*. О периоде правления Ричарда: Gillingham, *Richard I*, 318–20.

18 Gillingham, *Richard I*, 323–5.

19 Наиболее доступное современное описание жизни Филиппа см.: Bradbury, *Philip Augustus*; о проблемах в его семейной жизни см. стр. 173–94.

-
- 20 Joinville, *Life of Saint Louis*, 196.
- 21 France, «Patronage and the First Crusade».
- 22 Riley-Smith, «Casualties and Knights on the First Crusade», 17–19; Phillips, *Second Crusade*.
- 23 Fulcher of Chartres, *History of the Expedition to Jerusalem*, 85.
- 24 Albert of Aachen, *Historia*, 329.
- 25 Raymond of Aguilers, in: Peters, *First Crusade*, 212–13.
- 26 Odo of Deuil, *journey of Louis VII*, 123.
- 27 Guibert of Nogent, *The Deeds of the Franks*, 165. Вопрос о пленниках во время крестовых походов разбирается в: Friedman, *Encounters between Enemies*.
- 28 *Gesta Erancorum*, 3–4.
- 29 *Cesta Erancorum*, 89.
- 30 *Cesta Francorum*, 62.
- 31 *Chronicle of the Third Crusade*, 232–3.
- 32 Orderic Vitalis, *Ecclesiastical History*, V 17.
- 33 О Раймоне и Элеоноре см.: William of Tyre, *History*, II, 179–81. Относительно женщин как хранительниц имущества см.: Riley-Smith, *First Crusaders*, 135–43.
- 34 *Chronicle of the Third Crusade*, 48.
- 35 Gerald of Wales, *journey through Wales*, 76.
- 36 *Conquest of Lisbon*, 73.
- 37 Peters, *First Crusade*, 287–9.
- 38 *Cartulaire de l'abbaye de Saint-Pere de Chartres*, II, 646.
- 39 Fulcher of Chartres, *History of the Expedition to Jerusalem*, 139.
- 40 *Conquest of Lisbon*, 131.
- 41 Riley-Smith, *First Crusaders*, 120.

42 Robinson, *The Papacy, 1073–1198: Continuity and Innovation*, 336–9.

43 De Hemptinne, «Les epouses des croises et pelerins flamands aux XIe et XIIe siecles».

44 Hugh of Saint-Pol, *Sources*, 186–7.

45 William of Malmesbury, *History of the Kings of England*, 655.

46 Orderic Vitalis, *Ecclesiastical History*, V 5.

47 Lambert of Ardres, *History*, 164–5.

48 Suger, *Deeds of Louis the Fat*, 41.

49 Относительно епископа Ортлейба см.: Frolov, *Relique de la vraie croix*, 349; о Жоффруа см.: Riley-Smith, *First Crusaders*, 235.

50 Odo of Deuil, *The journey of Louis VII*, 115, 123.

51 Albert of Aachen, *Historia*, 626.

52 Herman of Tournai, *The Restoration of the Monastery of Saint Martin of Tournai*, 47.

53 Suger, *Deeds of Louis the Fat*, 40.

54 См. также: Kenaan-Kedar and Kedar, «Significance of a Twelfth-Century Sculptural Group».

Глава 2. Проповедь аббата Мартина о крестовом походе, собор в Базеле, май 1200 года

1 Относительно карьеры Фулька см.: O'Brien, «Fulk of Neuilly», а также: McNeal, «Fulk of Neuilly and the Tournament of Ecry».

2 Ralph of Coggeshall, *Sources*, 278–9.

3 GV, 29.

4 Ralph of Coggeshall, *Sources*, 280.

5 Cole, *Preaching the Crusades*, 89–90.

6 Майер считает наиболее вероятной датой проповеди 3 мая. См.: Maier «Kirche, Kreuz und Ritual», 101–4.

7 Относительно таких проповедей в целом и примеры текстов самих проповедей см.: Maier, *Crusade Propaganda and Ideology: Model Sermons for the Preaching of the Cross*; Cole, *Preaching the Crusades*.

8 Прекрасный перевод с академическим введением и анализом текстов Гюнтера дан в: Gunther of Pairis, *The Capture of Constantinople*, ed. Andrea. Относительно проповеди в Базеле см. также: Cole, *Preaching the Crusades*, 92–7; Maier, «Kirche, Kreuz und Ritual».

9 Spicher, *Ceschichte des Basler Munsters*.

10 Про обсуждение этого вопроса со ссылкой на предшествующие экспедиции см.: Phillips, «Holy War», 133–4.

11 Cole, *Preaching the Crusades*, 45.

12 GP, 68.

13 GP, 69.

14 Maier, «Kirche, Kreuz und Ritual».

15 GP, 70. Относительно Креста Господня см. также: Riley-Smith, *First Crusade and the Idea of Crusading*, 23–5, 31–2, 150–1; Murray, «Mighty Against the Enemies of Christ».

16 Переводы фрагментов проповеди Урбана см. в: Riley-Smith, *Crusade: Idea and Reality*, 40–3.

17 О необходимости уединения для грешника см.: Bull, «Origins»; Bull, *Knightly Piety*, 155–249.

18 GP, 71.

Глава 3. Рыцарский турнир в Экри, ноябрь 1199 года

1 О турнирах в целом см.: Keen, *Chivalry*, 20–3; Barber and Barber, *Tournaments*, 13–27; Strickland, *War and Chivalry*, 149–53.

2 Roger of Howden, *Chronica*, II, 166–7. Translated in: *The Annals of Roger of Hoveden*, I, 490.

3 *History of William Marshal*, I, 309.

4 *History of William Marshal*, I, 173.

5 Lambert of Ardres, *History*, 126.

6 *History of William Marshal*, I, 177, 181.

7 Geoffrey of Monmouth, *History of the Kings of Britain*, 229.

8 Keen, *Chivalry*, 21.

9 О сложных взаимоотношениях между романтической литературой и исторической реальностью см.: Keen, *Chivalry*, 102–24; Bouchard, *Strong of Body*, 105–9.

10 Chretien de Troyes, *Free et Enide*, 63–4.

11 *History of William Marshal*, I, 175–9.

12 Lloyd, *English Society and the Crusade*, 199–200.

13 *Decrees of the Ecumenical Councils*, I, 199–200. Это решение Латеранского собора 1139 года повторяло предшествующие постановления собора в Клермоне в 1130 году и собора в Реймсе в 1131 году.

14 Keen, *Chivalry*, 22. Относительно Фландрии, Шампани и крестовых походов в целом см. ссылки в: Phillips, *Defenders*.

15 Humbert of Romans, *De predicatione Sancte crucis*.

16 Gillingham, *Richard I*, 19; Hillenbrand, *The Crusades: Islamic Perspectives*, 336.

17 Gillingham, *Richard I*, 19.

18 Keen, *Chivalry*, 56.

19 GV, 29.

20 Longnon, *Les cotnpagnons de Villehardouin*, 11–13.

21 Longnon, *Les cotnpagnons de Villehardouin*, 79–84.

22 GV, 29.

23 GV, 57.

24 Morris, «Geoffrey de Villehardouin and the Conquest of Constantinople», 34. Краткий обзор дискуссии относительно творений Виллардуэна см.: Andrea, «Essay on Primary Sources», 299–302; а также в: Noble, «The Importance of Old French Chronicles». Весьма неприязненную оценку этих текстов дает Арчимбальт: Archambault, «Villehardouin: History in Black and White». Относительно обращения Виллардуэна с контингентом из Шампани см.: Dufoumet, «Villehardouin et les Champenois dans la Quatrieme croisade».

25 Longnon, *Les compagnons de Villehardouin*, 18, 20, 113.

26 GV 30; Wolff, «Baldwin of Flanders and Hainault».

27 NC, 328.

28 GV, 30–1; RC, 32–3. Оценку мемуаров Робера де Клары в качестве источника см.: RC, 3–27, а также комментарии Андреа (Andrea) в «Эссе о первичных источниках»: «Essay on Primary Sources» in Queller and Madden, *Fourth Crusade*, 302–3; а также Нобль (Noble), «The Importance of Old French Chronicles».

29 GV 31.

30 *Conquest of Lisbon*, 12–26.

31 Pryor, *Geography, Technology and War*, 3–4, 36, 51–3.

32 Marshall, «The Crusading Motivation of the Italian City Republics in the Latin East, 1096–1104», 60–79.

33 О Генуе см.: *La cattedrak di Geneva nel medioevo secoli VI–XIV*, ed. Di Fabio, 188–91. О Венеции: Cerbani Cerbani, «Translatio mirifici martyris Isidori a Chio insula in civitatem Venetum», 323–4; Marshall, «The Crusading Motivation of the Italian City Republics in the Latin East».

34 Caffaro, in: Williams, «The Making of a Crusade», 38–9.

35 Ibn Jubayr, *The Travels*, 300–1.

36 Innocent III, *Sources*, 22.

37 Innocent III, *Sources*, 16.

38 GV, 31.

Глава 4. Венецианский договор, апрель 1201 года

1 Lane, *Venice*, 1–21; Zorzi, *Venice, A City, A Republic, An Empire*, 10–20, 102–8; Howard, *Architectural History of Venice*, 2–41.

2 Tafel and Thomas, *Urkunden*, I, 51–4; Jacoby, «The Chrysobull of Alexius I to the Venetians».

3 Madden, *Enrico Dandolo and the Rise of Venice*. Maddens book was published as this present work was being completed. I have, therefore, been unable to include any of its detailed ideas.

4 Madden, «Venice and Constantinople in 1171 and 1172», 169–70.

5 Madden, «Venice and Constantinople in 1171 and 1172», 179–84.

6 Об Иннокентии III см.: *Sources*, 60–9, 95–8; 145–51. О позднейших источниках, враждебных Венеции, см.: Queller and Madden, *Fourth Crusade*, 318–21; Runciman, *History of the Crusades*, III.

7 GP, 97.

8 Innocent III, *Sources*, 112.

9 RC, 40.

10 Stahl, «The Coinage of Venice in the Age of Enrico Dandolo».

11 GV, 32–3.

12 Riley-Smith, *First Crusaders*, 19, 29.

13 GV, 33.

14 Tafel and Thomas, *Urkunden*, I, 362–73. См. также: Queller and Madden, *Fourth Crusade*, n, 217, n. 23.

15 GV, 33–4.

16 О деталях конструкции собора святого Марка, см.: Howard, *Architectural History of Venice*, 17–28. For the most complete survey of the church's mosaics, см.: Demus, *Mosaic Decoration of San Marco, Venice*.

17 Demus, *Mosaic Decoration of San Marco*, 20–3.

18 GV, 34–5.

19 GV 35.

20 Queller and Madden, *Fourth Crusade*, 12; Mack, *The Merchant of Genoa*, 28–43.

21 Lane, *Venice*, 37.

22 О Первом крестовом походе, см.: France, *Victory in the East*, 142; for the Third Crusade, см.: Johnson, «The Crusades of Frederick Barbarossa and Henry VF», 89–94.

23 GV 35.

24 Phillips, *Crusades*, 95–6.

25 William of Tyre, *History*, II, 313.

26 William of Tyre, *History*, II, 408.

27 Phillips, *Crusades*, 95–101, 146–50.

28 GV 35.

29 GP, 77.

30 Hillenbrand, *The Crusades: Islamic Perspectives*, 557.

31 Queller and Madden, «Some further arguments in defence of the Venetians», 438. См. также: Lane, *Venice*, 70–3.

32 Madden, «Venice, the Papacy and the Crusades before 1204».

33 Innocent III, *Sources*, 23–4.

34 William of Tyre, *History*, II, 335.

35 Ibn Jubayr, *The Travels*, 32.

36 Lane, *Venice*, 88; Howard, *Architectural History of Venice*, 17–19.

37 GV 35.

38 Martin da Canal, *Les Estoires de Venise*, 46–7.

39 McNeill, *Venice*, 5–6; Zorzi, *Venice: A City, A Republic, An Empire*, 38–9.

40 Информация о размерах кораблей взята из: Pryor, «The Naval Architecture of Crusader Transport Ships». См. также: Martin, *The Art and Archaeology of Venetian Ships and Boats*.

41 Pryor, «Transportation of Horses by Sea during the Era of the Crusades».

42 Pryor, «The Venetian Fleet for the Fourth Crusade», 119–22.

43 GV 35–6.

Глава 5. Последние приготовления и отбытие.

Май 1201 — июнь 1202 года

1 Подробное и интересное обсуждение проблемы евреев в Европе в то время см.: Abulafia, *Christians and Jews*. For usury in particular, see 58–62.

2 Peter the Venerable, *Letters*, I, 327.

3 Bernard of Clairvaux, *Letters*, 466.

4 GV 37.

5 Jubainville, *Histoire des ducs et des comtes de Champagne*, 4, 96. Подробное описание могилы см. в этой же работе, 90–99.

6 Jackson, «Crusades of 1239–41 and their aftermath», 32–60.

7 GV 37.

8 Evergates, «Aristocratic Women in the County of Champagne», 79–85.

9 William of Tyre, *History*, II, 416.

10 William of Tyre, *History*, II, 450–1.

11 NC, 97.

12 Brand, *Byzantium Confronts the West*, 19.

13 NC, 210.

14 *Continuation of William of Tyre*, 53.

15 *Continuation of William of Tyre*, 54.

16 *Chronicle of the Third Crusade*, 40.

17 Jacoby, «Conrad of Montferrat and the Kingdom of Jerusalem, 1187–92».

18 *Continuation of William of Tyre*, 114–15. Описание в «Хронике Третьего крестового похода» дает другую версию убийства, отличающуюся в незначительных деталях — например, там упоминается о том, что перед смертельной встречей по дороге домой Конрад обедал с епископом Бюве. См.: *Chronicle of the Third Crusade*, 305–7.

19 Raimbaut de Vaqueiras, *Poems*, 312.

20 Queller and Madden, *Fourth Crusade*, 25–6.

21 RC, 35.

22 Brundage, «Cruce signan: The Rite for taking the Cross in England».

23 Raimbaut de Vaqueiras, *Poems*, 218–20.

24 Morns, *Papal Monarchy*, 245.

25 Ralph of Coggeshall, *Sources*, 281.

26 Ralph of Coggeshall, *Sources*, 281.

27 Cole, *Preaching the Crusades*, 90.

28 Longnon, *Les compagnons de Vilkhardouin*, 209–10, 212–13.

29 Относительно возраста Алексея см.: Brand, *Byzantium Confronts the West*, 96–7.

30 RC, 84.

31 NC, 305.

32 Доводы, выдвинутые Ваинкельманом и Райтом, приведены у Квеллера: Queller, *Latin Conquest of Constantinople*, 26–9, 32–8.

33 Такой акцент сделан Квеллером и Мэдденом: Queller and Madden, *Fourth Crusade*, 45–6.

34 NC, 242–3.

35 Johnson, «Crusades of Frederick Barbarossa and Henry VI», 92–109.

36 Angold, *Byzantine Empire*, 303–11, 318–19.

37 NC, 248.

38 NC, 242–3.

39 «Novgorod Account of the Fourth Crusade», 306.

40 Powell, «Innocent III and Alexius III: a Crusade Plan that Failed», 96–100.

41 Tafel and Thomas, *Urkunden*, I, 241–6; Angold, *Byzantine Empire*, 319. См. также: Brand, *Byzantium Confronts the West*, 225–9.

42 Innocent III, *Sources*, 32–4.

43 Innocent III, «*Solitae*», из: Andrea, *Medieval Record*, 321.

44 Перевод из: Slack, *Crusade Charters, 1138–1270*, 145.

45 Перевод из: *Cartulare de Notre-Dame de Josaphat*, I, 358. О Жоффруа де Бомоне см. также: Longnon, *Les compagnons de Villehardouin*, 107.

46 Riley-Smith and Riley-Smith, *Crusades: Idea and Reality*, 147.

47 *Continuation of William of Tyre*, 68.

48 Fulcher of Chartres, *History of the Expedition to Jerusalem*, 74.

49 RC, 39.

50 Conon of Bethune, *Les Chansons de Conon de Bethune*, 6–7.

51 GV 40.

52 Joinville, *Chronicles of the Crusades*, 195.

53 GV 40. В «*Devastatio Constantinopolitana*» отмечается, что крестоносцы начали прибывать в Венецию с 1 июня: *Sources*, 214.

54 Spufford, *Power and Profit*, 140–69.

Глава 6. Крестовый поход в Венеции и осада Зары, лето и осень 1202 года

1 GV, 40.

2 GV, 40.

3 Виллардуэн отмечает, что папа Иннокентий III поддержал соглашение между венецианцами и крестоносцами — однако не упоминает никаких папских распоряжений крестоносцам относительно встречи в Венеции. Если бы папа действительно отдал такое распоряжение, странно, что ни Иннокентий, ни сам Виллардуэн (всегда готовый переложить ответственность за недостаток людей в Венеции на кого-то другого) предпочли не упомянуть о столь важном моменте. Этот аргумент противоречит взглядам Мэддена: Madden, «*Venice, the Papacy and the Crusades before 1204*».

4 Spufford, *Power and Profit*, 152–5; 169–70.

5 GV, 41.

6 *Gesta Innocenti*, col. 138.

7 GV, 42.

8 RC, 42.

9 Hugh of Saint-Pol, *Letter*, 191; NC, 295–6.

10 Полное жизнеописание Конрада см.: Andrea, «Conrad of Krosigk, Bishop of Halberstadt, Crusader and Monk of Sittichenbach».

11 GV 42.

12 RC, 40.

13 DC, *Sources*, 205–12.

14 DC, *Sources*, 214.

15 RC, 40.

16 DC, *Sources*, 214.

17 GV, 42.

18 GV 42-3.

19 GV, 43; RC, 41.

20 GV 43.

21 RC, 41.

22 GV, 43.

23 DBH, *Sources*, 251.

24 GV 44.

25 GV 44.

26 Phillips, *Second Crusade*.

27 RC, 42.

28 RC, 42.

29 Эти договоры воспроизведены в: Tafel and Thomas, *Urkunden*, I, 386, 396.

30 DBH, *Sources*, 250–1.

31 Innocent III, *Sources*, 43; *Cesta Innocenti*, перевод см. в: *Sources*, 44.

32 GV, 48.

33 RC, 44.

34 GV, 48.

35 Peter of Vaux-Cernay, *History of the Albigensian Crusade*, 58.

36 France, *Western Warfare in the Age of the Crusades*, 117–20; Bradbury, *Medieval Siege*, 254–70.

37 DC, *Sources*, 215.

38 *Conquest of Lisbon*, 143, 145. Локоть — средневековая единица измерения длины.

39 DBH, *Sources*, 251.

40 GP, 80; Innocent III, *Sources*, 43.

41 Innocent III, *Sources*, 129.

42 GP, 78–9.

43 GP, 78.

44 GP, 79.

45 DC, *Sources*, 215.

46 GV, 49.

47 RC, 44.

48 Innocent III, *Sources*, 41.

49 Innocent III, *Sources*, 42–3.

50 Innocent III, *Sources*, 43.

Глава 7. Предложение царевича Алексея, декабрь 1202 — май 1203 года

1 GV, 50.

2 GP, 90.

3 GV, 50.

4 GV 51.

5 GV, 51.

6 GV, 51.

-
- 7 Innocent III, *Sources*, 35.
 - 8 RC, 45.
 - 9 RC, 59, 66.
 - 10 GP, 91.
 - 11 Относительно этого весьма сложного вопроса см.: Nicol, *Byzantium and Venice*, 50–123; Martin, «Venetians in the Byzantine Empire before 1204»; Madden, «Venice and Constantinople in 1171 and 1172: Enrico Dandolo's attitudes towards Byzantium»; Angold, *Byzantine Empire*, 226–33.
 - 12 Tafel and Thomas, *Urkunden*, I, 179–203, 206–11.
 - 13 GP, 91.
 - 14 GV, 51; RC, 66.
 - 15 RC, 66.
 - 16 GV, 51.
 - 17 GV, 52.
 - 18 Longnon, *Les compagnons de Villehardouin*, 114–15.
 - 19 GV, 52.
 - 20 GV, 52–3; Longnon, *Les compagnons de Villehardouin*, 149–50.
 - 21 Innocent III, *Sources*, 48.
 - 22 Innocent III, *Sources*, 52–4.
 - 23 Innocent III, *Sources*, 54–7.
 - 24 Innocent III, *Sources*, 57–9.
 - 25 DBH, *Sources*, 253.
 - 26 Hugh of Saint-Pol's Letter, *Sources*, 188.
 - 27 Hugh of Saint-Pol's Letter, *Sources*, 189.
 - 28 GV, 55.
 - 29 GV, 55.
 - 30 GV, 56.
 - 31 DBH, *Sources*, 254.

Глава 8. Прибытие крестоносцев в Константинополь, июнь 1203 года

1 GV, 57.

2 GV 57.

3 GV, 57.

4 GV, 58.

5 Pryor, «Winds, Waves and Rocks: the Routes and the Perils Along Them», 85.

6 GV, 58.

7 Jacoby, «La population de Constantinople a l'epoque Byzantine: Un probleme de demographie urbaine», 107.

8 GV, 58–9.

9 RC, 67.

10 Alexander, «The Strength of Empire and Capital as Seen Through Byzantine Eyes», 345.

11 Baynes, «The Supernatural Defenders of Constantinople».

12 Van Millingen, *Byzantine Constantinople*, 4.

13 Sarris, «The Eastern Empire from Constantine to Heraclius (306–641)», 21.

14 Полное описание всех трактовок см.: Angold, «Road to 1204: the Byzantine background to the Fourth Crusade».

15 Van Millingen, *Byzantine Constantinople*, 40–58.

16 Van Millingen, *Byzantine Constantinople*, 59–73.

17 RC, 108–9.

18 Mango, «Constantinople», 66.

19 NC, 358.

20 Magdalino, «Manuel Komnenos and the Great Palace», 101–14; Van Millingen, *Byzantine Constantinople*, 284.

-
- 21 William of Tyre, *History*, II, 381–2.
- 22 RC, 103.
- 23 Николай Мезарит, перевод из: Mango, *Art of the Byzantine Empire, 312–1453*, 229.
- 24 Maguire, «Medieval Floors of the Great Palace».
- 25 Benjamin of Tudela, *Itinerary*, 70–1; NC, 160; Magdalino, *Manuel I Komnenos*, 111.
- 26 RC, 107.
- 27 О соборе Святой Софии написано множество работ. Особо см.: Mainstone, *Hagia Sophia: Architecture, Structure and Liturgy of Justinian's Great Church*.
- 28 Mango, *Art of the Byzantine Empire*, 74–5.
- 29 RC, 106.
- 30 Albenc of Trois-Fontaines, «Chronicle», *Sources*, 298.
- 31 Odo of Deuil, *Journey of Louis VII*, 65–7
- 32 RC, 108.
- 33 Ousterhout, «Architecture, Art and Komnenian Ideology at the Pantokrator Monastery», *Byzantine Constantinople*, 133–50; Megaw, «Notes on Recent Work of the Byzantine Institute in Istanbul», 333–64.
- 34 Относительно деталей устройства госпиталя см.: *Byzantine Monastic Foundation Documents*, II, 725–74.
- 35 Phillips, *Crusades, 1093–1197*, 58.
- 36 Mango, «Three Imperial Byzantine Sarcophagi», 397–404.
- 37 Runciman, «Blachernae Palace and Its Decoration», 277–83.
- 38 Odo of Deuil, *Journey of Louis VII*, 65.
- 39 William of Tyre, *History*, II, 450.
- 40 Benjamin of Tudela, *Itinerary*, 72.

41 Odo of Deuil, *Journey of Louis VII*, 65.

42 Cited by Magdalino, *Manuel I Komnenos*, 121.

43 NC, 132.

44 Ralph of Coggeshall, *Sources*, 285.

45 NC, 296.

46 NC, 296-7.

47 Innocent III, *Sources*, 35-8.

48 William of Tyre, *History*, II, 361.

49 Прайор отмечает, что венецианцы прекрасно знали о слабости византийского флота — поэтому если бы Константинополь изначально планировался в качестве цели крестового похода, то использование 50 боевых галер было совершенно излишним. Напротив, было известно, что египетский флот представляет серьезную опасность, следовательно, для противостояния ему создавался флот боевых галер. Это еще одно доказательство того, что крестовый поход изначально должен был взять направление на Египет*. Pryor, «The Venetian Fleet for the Fourth Crusade», 108-11, 119-22. См. также Sesan, «La flotte Byzantine a l'epoque des Comnenes et des Anges».

50 Birkenmeier, *The Development of the Komnenian Army, 1081-1180*, 231-5.

51 Benjamin of Tudela, *Travels*, 71.

52 Об экспедиции короля Сигурда см.: Snorri Sturlusson, *Heimskringla: History of the Kings of Norway*, 689-99; относительно Варяжской дружины — Birkenmeier, *Development of the Komnenian Army*, 62-6, 90-7.

53 Innocent III, *Sources*, 82.

* Более чем странное утверждение. Египет изначально был объявлен целью крестового похода — и если бы венецианцы не готовились к противостоянию египетскому флоту, это должно было бы вызвать всеобщее недоумение. (Прим. ред.)

54 Cheyet, «Les effectifs de l'armee byzantine aux x–xii s.», 333.

55 GV, 59.

56 GV 59.

57 Stephenson, «Anna Comnena's *Alexiad* as a source for the Second Crusade», 41–54.

58 GV, 60.

Глава 9. Первая осада Константинополя, июль 1203 года

1 Hugh of Saint-Pol, *Sources*, 190.

2 GV, 63.

3 GV, 63.

4 RC, 67.

5 Innocent III, *Sources*, 81.

6 Hugh of Saint-Pol, *Sources*, 190.

7 GV, 64.

8 RC, 67.

9 GV 64.

10 Innocent III, *Sources*, 82.

11 Это стало совершенно очевидным во время Первого крестового похода. См.: France, *Victory in the East*, 369–73.

12 GV, 65.

13 RC, 68.

14 RC, 68.

15 Hugh of Saint-Pol, *Sources*, 191.

16 Hugh of Saint-Pol, *Sources*, 191.

17 RC, 68.

18 RC, 68.

-
- 19 Hugh of Saint-Pol, *Sources*, 191.
 - 20 Van Millingen, *Byzantine Constantinople*, 228–9.
 - 21 Hugh of Saint-Pol, *Sources*, 191.
 - 22 GV 67.
 - 23 RC, 70.
 - 24 Alberic of Trois-Fontaines, *Sources*, 298.
 - 25 Van Millingen, *Byzantine Constantinople*, 174–7.
 - 26 Hugh of Saint-Pol, *Sources*, 194.
 - 27 RC, 70.
 - 28 GV, 68.
 - 29 RC, 70; Hugh of Saint-Pol, *Sources*, 194.
 - 30 GV, 69.
 - 31 NC, 298.
 - 32 NC, 298.
 - 33 NC, 298.
 - 34 Hugh of Saint-Pol, *Sources*, 196.
 - 35 GV, 71.
 - 36 Alberic of Trois-Fontaines, *Sources*, 299.
 - 37 NC, 298.
 - 38 NC, 298–9.
 - 39 RC, 71.
 - 40 GV, 72.
 - 41 NC, 299.
 - 42 Hugh of Saint-Pol. *Sources*, 197; RC, 71.
 - 43 GV 72.
 - 44 RC, 72.
 - 45 RC, 74.
 - 46 RC, 75.
 - 47 RC, 75.

- 48 RC, 75.
- 49 Hugh of Saint-Pol, *Sources*, 197.
- 50 NC, 299.
- 51 Innocent III, *Sources*, 83.
- 52 Hugh of Saint-Pol, *Sources*, 197.
- 53 Anna Comnena, *Akxiad*, 342.
- 54 NC, 299.
- 55 NC, 299–301.
- 56 NC, 299.
- 57 NC, 301.
- 58 NC, 299–301.
- 59 GV, 73.
- 60 GV 73.

Глава 10. Триумф и конфликты в Константинополе, июль-август 1203 года

- 1 John Kinnamos, *Deeds of John and Manuel Cotnnenus*, 69.
- 2 GV, 75.
- 3 GV, 75.
- 4 Hugh of Saint-Pol, *Sources*, 198; NC, 302.
- 5 См. Jackson, «Early Missions to the Mongols: Carpini and His Contemporaries».
- 6 RC, 78-9.
- 7 Агнесса была сестрой французского короля Филиппа и вдовой византийских императоров Алексея II (1180–1183) и Андроника (1183–1185). Теодор Брапас был ее третьим мужем.
- 8 RC, 79.
- 9 RC, 79–80.
- 10 GV, 76.

11 RC, 80–1.

12 Innocent III, *Sources*, 63.

13 Innocent III, *Sources*, 68.

14 Innocent III, *Sources*, 72.

15 Hugh of Saint-Pol, *Sources*, 198–9.

16 Hugh of Saint-Pol, *Sources*, 201.

17 Связь между изображениями турниров и крестовыми походами была не нова и просматривается в песне анонимного старофранцузской трубадура времен Второго крестового похода. См.: Phillips, *Crusades*, 182–3.

18 Innocent III, *Sources*, 95–8.

19 Innocent III, *Sources*, 80–5.

20 Innocent III, *Sources*, 80–5.

21 RC, 81. См. также RC, 41. Виллардуэн использует несколько менее возвышенную фигуру речи: GV, 43.

22 NC, 302.

23 GV, 76–7.

24 GV, 77.

25 GV, 78.

26 DC, *Sources*, 218.

27 NC, 304.

28 GV, 78.

29 Angold, *Byzantine Empire*, 304–7.

30 NC, 304.

Глава II. Великий пожар, август 1203

1 NC, 302.

2 NC, 303.

3 NC, 303.

4 NC, 303.

5 NC, 304.

-
- 6 DC, *Sources*, 218.
 - 7 NC, 304.
 - 8 NC, 305.
 - 9 NC, 305.
 - 10 NC, 305.
 - 11 NC, 305.
 - 12 Относительно Каледонского вепря см. роман Лоуренса Норфолка: Lawrence Norfolk, *In the Shape of a Boar*.
 - 13 NC, 305.
 - 14 NC, 306.
 - 15 Речь приводится в: Brand, «Byzantine Plan for the Fourth Crusade», 464–72.
 - 16 RC, 83. Более подробно о Мурзуфле см.: Hendrickx and Matzukis, «Alexios V Doukas Mourtzouphlus: His Life, Reign and Death».
 - 17 GV, 81.
 - 18 GV, 82.
 - 19 Van Millingen, *Byzantine Constantinople*, 174–5.
 - 20 GV, 82.
 - 21 GV, 82.
 - 22 GV, 82.
 - 23 GV, 83.
 - 24 GV, 83.
 - 25 RC, 83–4.
 - 26 RC, 84.
 - 27 NC, 307.
 - 28 GY 83.
 - 29 GV, 83.
 - 30 GV, 84.
 - 31 GV, 84.

Глава 12. Убийство Алексея IV и сползание к войне. Начало 1204 года

1 DC, *Sources* 219; NC, 307.

2 DC, *Sources*, 219–20.

3 NC, 307–8.

4 NC, 308.

5 Innocent III, *Sources*, 102.

6 NC, 308–9.

7 RC, 86.

8 NC, 311.

9 NC, 311.

10 France, *Western Warfare in the Age of the Crusades*, 119.

11 Albenc of Trois-Fontaines, *Sources*, 302.

12 RC, 84.

13 Albenc of Trois-Fontaines, *Sources*, 302.

14 Alberic of Trois-Fontaines, *Sources*, 302.

15 NC, 312.

16 Альберик, конечно же, не был очевидцем упомянутых событий, и его отчет о сражении вполне может быть приукрашен. Он также именует патриарха Иоанна «Сампсоном», что является еще одной ошибкой. Относительно неучастия греческого духовенства в сражениях см. у Анны Комниной: Anna Comnena, *Alexiad*, 256–7.

17 RC, 89.

18 RC, 90–1.

19 Innocent III, *Sources*, 105.

20 NC, 312.

21 NC, 312.

22 GV, 84; RC, 85.

23 Innocent III, *Sources*, 105.

Глава 13. Завоевание Константинополя, апрель 1204 года

- 1 Anonymous of Soissons, *Sources*, 234.
- 2 RC, 92.
- 3 RC, 92.
- 4 RC, 92; Innocent III, *Sources*, 103.
- 5 William of Tyre, II, 227.
- 6 О мартовском договоре см.: Innocent III, *Sources*, 140–4; Tafel and Thomas, *Urkunden*, I, 445. Also GV, 88.
- 7 RC, 92.
- 8 RC, 92.
- 9 NC, 312.
- 10 GV, 89.
- 11 RC, 93.
- 12 RC, 93.
- 13 Innocent III, *Sources*, 105.
- 14 GV, 89.
- 15 *Conquest of Lisbon*, 153.
- 16 Bradbury, *Medieval Siege*, 278.
- 17 RC, 95.
- 18 Innocent III, *Sources*, 106.
- 19 NC, 313.
- 20 Innocent III, *Sources*, 106.
- 21 GP, 104.
- 22 RC, 96.
- 23 Innocent III, *Sources*, 106.
- 24 Longnon, *Les compagnons de Villehardouin*, 204.
- 25 RC, 97.
- 26 RC, 98.

- 27 NC, 313.
- 28 NC, 313.
- 29 RC, 91.
- 30 NC, 313.
- 31 GV, 91.
- 32 Innocent III, *Sources*, 106.
- 33 DC, *Sources*, 221.
- 34 GP, 106.
- 35 GV, 91.
- 36 GP, 105.
- 37 Madden, «Fires of Constantinople», 84–5.
- 38 NC, 313.
- 39 NC, 314.
- 40 DC, *Sources*, 221.
- 41 NC, 314.

Глава 14. Разграбление Константинополя, апрель 1204 года

- 1 GV 92.
- 2 Innocent III, *Sources*, 107.
- 3 NC, 315.
- 4 NC, 315.
- 5 Николаї Мезарит, перевод в: Brand, *Byzantium Confronts the West*, 269.
- 6 Buckton, *Treasury of San Marco, Venice*.
- 7 GP, 109–12.
- 8 Anonymous of Soissons, *Sources*, 235–7.
- 9 DBH, *Sources*, 261–3.
- 10 Longnon, *Les Compagnons de Vilhbariouin*, 179–80;
Michelin Green Guide — Northern France and Paris Region, 351.

11 RC, 112.

12 NC, 315.

13 Николай Мезарит в: Brand, *Byzantium Confronts the West*, 269.

14 NC, 316.

15 GV, 92.

16 RC, 100–1.

17 NC, 327.

18 NC, 325.

19 Николай Мезарит в: Brand, *Byzantium Confronts the West*, 269.

20 RC, 101.

21 GV, 92.

22 Innocent III, *Sources*, 107.

23 Относительно этих моментов см. подробный анализ у Квеллера и Мэддена: Queller and Madden, *Fourth Crusade*, 294–5.

24 DC, *Sources*, 221; GV, 93–5.

25 RC, 102.

26 RC, 117–18.

27 GV 94.

28 Innocent III, *Sources*, 107.

29 Это соединение отчетов Виллардуэна и Робера де Клари: RC, 115; GV, 96.

30 NC, 328.

31 GV, 96–7.

32 RC, 117.

33 Innocent III, *Sources*, 100.

34 Innocent III, *Sources*, 105.

35 Innocent III, *Sources*, 107.

36 Innocent III, *Sources*, 112.

37 NC, 316.

38 NC, 316.

39 NC, 317.

40 Harris, «Distortion, Divine Providence and Genre in Niketas Choniates's Account of the Collapse of Byzantium, 1180–1204».

41 Nicholas Mesarites, in: Brand, *Byzantium Confronts the West*, 269.

42 NC, 357.

43 NC, 360.

44 NC, 360.

Глава 15. Завершение Четвертого крестового похода и первый период существования Латинской империи, 1204–1205 годы

1 GV, 92.

2 Brand, *Byzantium Confronts the West*, 19; Tafel and Thomas, *Urkunden*, I, 513.

3 GV, 97.

4 GV, 99.

5 GV, 101.

6 GV, 104.

7 GV 107.

8 NC, 192-3.

9 RC, 124.

10 Galbert of Bruges, *Murder of Count Charles the Good*, tr. Ross, 251–2.

11 GV 109; NC, 334; RC, 124.

12 В 1209 или 1210 году Алексей III был выкуплен Михаиллом, греческим правителем Эпира, который направил его

в сельджукский суд в Конью. Феодор Ласкарис, византийский правитель Никеи, пленил его в 1211 г. и заточил в монастыре до смерти, последовавшей год или немногим более спустя. Lock, *The Franks in the Aegean*, 70, п.4.

13 Longnon, *Les compagnons ie Villehardouin*, 105.

14 Longnon, *Les compagnons ie Villehardouin*, 114.

15 GV 110–11; NC, 328.

16 GV 115; NC, 336; Longnon, *Les compagnons de Villehardouin*, 195–7.

17 GV 122.

18 Phillips, *Defenders of the Holy Land*, *passim*.

19 Innocent III, *Sources*, 147.

20 RC, 628.

21 DBH, *Sources*, 256–64.

22 NC, 337.

23 NC, 353.

24 Walter the Chancellor, *The Antiochene Wars*, 161.

25 В 811 году болгарский царь Крум казнил византийского императора Никифора I и использовал его череп в качестве чаши для вина.

26 Wolff, «Baldwin of Flanders and Hainault», 289–301.

27 Sayers, *Innocent III*, 91–3, 185–6.

28 Innocent III, *Sources*, 114, 116–17.

29 Daniel, «Joachim of Fiore: Patterns of History in the Apocalypse»; Andrea, «Innocent III, the Fourth Crusade and the Coming Apocalypse». См. также: McGinn, *Visions of the End: Apocalyptic Traditions in the Middle Ages*, 126–41.

30 Innocent III, *Sources*, 135.

31 NC, 357.

32 Innocent III, *Sources*, 139.

33 Innocent III, *Sources*, 166.

- 34 Innocent III, *Sources*, 166.
- 35 Innocent III, *Sources*, 173.
- 36 Gerald of Wales, *Journey through Walts*, 170.
- 37 Innocent III, *Sources*, 176.

Глава 16. Судьба Латинской империи.

1206–1261 годы

1 Лучшее описание истории Латинской империи см: Lock, *The Franks in the Aegean, 1204–1500*; Jacoby, «The Latin Empire of Constantinople and the Frankish States of Greece»; *New Cambridge Medieval History*, c.1198 — c. 1300, V, ed. Abulafia, 525–42; Harris, *Byzantium and the Crusades*, 163–82; Setton, *The Papacy and the Levant*, I, 1–105. Наиболее важные первичные источники: GV, 98–160; Henry of Valenciennes, *Histoire de L'empereur Henri de Constantinople*, ed. Longnon.

2 Phillips, *Crusades, 1095–1197*, 40–51.

3 From Barber, «Western Attitudes to Frankish Greece», 122.

4 Nicholas, *Medieval Flanders*, 150–61.

5 Письма архиепископа опубликованы в: Rohricht, «Amalrich I, Konig von Jerusalem (1162–74)», 489–91.

6 Innocent III, from: Barber, «Western Attitudes to Frankish Greece», 113.

7 Barber, «Western Attitudes to Frankish Greece», 116.

8 Barber, «Western Attitudes to Frankish Greece», 123–4.

9 Weiss, *Art and Crusade in the Age of Saint Louis*, 11–74.

10 Harris, *Byzantium and the Crusades*, 170.

11 Jacoby, «Knightly Values and Class Consciousness in the Crusader States of the Eastern Mediterranean», 158–86.

12 Harris, *Byzantium and the Crusades*, 173–4.

13 Housley, *The Later Crusades*, 80–117.

Послесловие

1 Odo of Deuil, *Journey of Louis VTL*, 57. При внимательном рассмотрении даже Одо может предложить более мягкий взгляд на характер греков. См.: Phillips, «Odo of Deuil's *De profectione Ludovici VII in Orientem* as a Source for the Second Crusade».

2 NC, 167, хотя здесь приведен более вольный перевод из Хасси: Hussey, *Cambridge Medieval History*, IV, Pt ii, 81.

3 Queller, *Latin Conquest of Constantinople*, 19–54.

4 GV, 36–9.

5 Evergates, «Aristocratic Women in the County of Champagne», 80–5.

6 Относительно некоторых более ранних этапов см.: Riley-Smith, «Family Traditions and Participation in the Second Crusade».

7 Angold, «The Road to 1204: The Byzantine Background to the Fourth Crusade».

8 Harris, *Byzantium and the Crusades*, 129, 147–8.

9 Roger of Howden, *Chronica*, II, 166. Перевод из: *Annals of Roger de Hoveden*, I, 490.

10 Innocent III, *Sources*, 187.

11 Siberry, *New Crusaders*, 161–74.

12 Raimbaut of Vaqueiras, *Poems*, 228.

Библиография

Из соображений доступности основной упор в этом списке делается на материалы, переведенные на английский язык. По текстам на оригинальных языках сверяйтесь со ссылками по каждой отдельной работе, приведенными выше.

Первичные источники

Alberic of Trois-Fontaines, «Chronicle», *Contemporary Sources for the Fourth Crusade*, tr. A. J. Andrea, Leiden, 2000, 291–309

Albert of Aachen, «Historia», *Recueil des historiens des croisades: Historiens occidentaux*, 5 vols. Paris, 1844–95, IV, 265–713

Anonymous of Soissons, «Concerning the Land of Jerusalem and the Means by Which Relics were Carried to This Church from the City of Constantinople», *Contemporary Sources for the Fourth Crusade*, tr. A. J. Andrea, Leiden, 2000, 223–38

Archbishop of Nazareth, letter of 1204, in Amalrich I, Konig von Jerusalem (1162–74), *Mittheilungen des Instituts fur Oesterreichische Geschichtsforschung* 12 (1891), 432–93

Beha ad-Din, *The Rare and Excellent History of Saladin*, tr. D. S. Richards, Aldershot, 2001

Benjamin of Tudela, *The Itinerary of Benjamin of Tudela*, tr. M. N. Adler, London, 1907

Bernard of Clairvaux, *Letters*, tr. B. S. James, (2-е издание, новое предисловие В. М. Kienzle), Stroud, 1998

Byzantine Monastic Foundation Documents, ed. & tr. J. Thomas & A. C. Hero, 5 vols, Washington, 2000

Caffaro, «Ystoria captionis Almerie et Turtuose», tr. J.B. Williams, in «The Making of a Crusade: The Genoese Anti-Muslim Attacks in Spain, 1146–8», *Journal of Medieval History* 23 (1997), 29–53

Cartulaire de l'abbaye de Saint-Pen de Chartres, ed. B. E. C. Guerard, 2 vols, Paris, 1840

Cartulaire de Notre-Dame de Josaphat, ed. C. Metais, 2 vols, Chartres, 1912

Cerbanî Cerbanî, «Translatio mirifici martyris Isidori a Chio insula in civitatem Venetum», *Recueil des historiens des croisades: Historiens occidentaux*, 5 vols, Paris, 1844–95, V, 321–34

Chretien de Troyes, «Erec et Enide», in *Arthurian Romances*, tr. W. W. Kibler & C. W. Carroll, London, 1991

Chronicle of the Third Crusade: A Translation of the Itinerarium Peregrinorum et Gesta Regis Ricardi, tr. H. Nicholson. Aldershot, 1997

Conon of Bethune, *Les Chansons de Conon de Bethune*, ed. A. Wallenskold, Les Classiques Francais du Moyen Age 24, Paris, 1921

Conquest of Lisbon — De expugnatione Lyxhonensi, tr. C. W. David, new introduction J. P. Phillips, New York, 2001

Contemporary Sources for the Fourth Crusade, tr. A. J. Andrea, Leiden, 2000

Continuation of William of Tyre: The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade, tr. P. W. Edbury, Aldershot, 1996

Crusade Charters, 1138–1230, ed. C. K. Slack, tr. H. B. Feiss, Arizona, 2001

Decrees of the Ecumenical Councils, ed. N. Tanner, 2 vols, Washington, 1990

«Deeds of the Bishops of Halberstadt», *Contemporary Sources for the Fourth Crusade*, tr. A. J. Andrea, Leiden, 2000, 239–64

«Devastatio Constantinopolitana», *Contemporary Sources for the Fourth Crusade*, tr. A. J. Andrea, Leiden, 2000, 205–21

Eustathios of Thessaloniki, *The Capture of Thessaloniki*, tr. J. R. Melville Jones, *Byzantina Australiensia* 8, Canberra, 1988

Fulcher of Chartres, *A History of the Expedition to Jerusalem, 1095–1127*, ed. H. S. Fink, tr. F. R. Ryan, Knoxville, 1969

Galbert of Bruges, *The Murder of Charles the Good*, tr. J. B. Ross, New York, 1959

Geoffrey of Monmouth, *The History of the Kings of Britain*, tr. L. Thorpe, London, 1966

Geoffrey of Villehardouin, *La Conquete de Constantinople*, ed. & tr. E. Faral, *Les Classiques de l'histoire de France au Moyen Age* 18–19, 2 vols., Paris, 1938–9

Geoffrey of Villehardouin, «The Conquest of Constantinople», *Chronicles of the Crusades*, tr. M. R. B. Shaw, London, 1963, 29–160

Gerald of Wales, *The Journey through Wales*, tr. L. Thorpe, 1978

Gesta Francorum et aliorum Hierosolimitanorum: The Deeds of the Franks and the Other Pilgrims to Jerusalem, ed. R. Mynors, tr. R. M. T. Hill, Oxford, 1962

«Gesta Innocenti Papae», *Patrologia Latina*, ed. J. P. Migne, 221 vols., Paris, 1844–64, CCXIV, cols. 17–227

Gregory VIII, *Audita tremendi*, перевод в: L. Riley-Smith & J. S. C. Riley-Smith, *The Crusades: Idea and Reality, 1095–1274*, London, 1981, 63–7

Guibert of Nogent, *The Deeds of God through the Franks: Gesta Dei per Francos*, tr. R. Levine, Woodbridge, 1997

Gunther of Pairis, *The Capture of Constantinople: The «Hystoria Constantinopolitana»*, ed. & tr. A. J. Andrea, Philadelphia, 1997

Henry of Valenciennes, *Histoire de L'empereur Henri de Constantinople*, ed. & tr. J. Longnon, *Documents Relatifs a l'histoire des croisades*, Vol. II, Paris, 1948

Herman of Tournai, *The Restoration of the Monastery of Saint Martin of Tournai*, tr. L. H. Nelson, Washington, DC, 1996

History of William Marshal, ed. B. Holden, tr. J. Gregory, London, 1960

Hugh of Saint-Pol, «Letter», *Contemporary Sources for the Fourth Crusade*, tr. A. J. Andrea, Leiden, 2000, 177–201

Humbert of Romans, *De predicatione Sancte crucis*, Ms Vat. Lat. 3847, последнее издание: Nuremberg, 1495

Ibn Jubayr, *The Travels*, tr. R. J. C. Broadhurst, London, 1952

Innocent III, «Solitae», from A. J. Andrea, *The Medieval Record: Sources of Medieval History*, Boston, 1997, 317–22

Innocent III, «Letters», *Contemporary Sources for the Fourth Crusade*, tr. A. J. Andrea, Leiden, 2000, 7–176

John of Joinville, «Life of Saint Louis», *Chronicles of the Crusades*, tr. M. R. B. Shaw, London, 1963, 163–353

John Kinnamos, *Deeds of John and Manuel Comnenus*, tr. C. M. Brand. New York, 1976

Lambert of Ardres, *The History of the Counts of Cuines and Lords of Ardres*, tr. L. Shopkow, Philadelphia, 2001

Mango, C. (ed.), *The Art of the Byzantine Empire, 312–1453: Sources and Documents*, Toronto, 1986

Martin da Canal, *Les Estoires de Venise: Cronaca veneziana in lingua francese dalle origini al 1275*, ed. A. Limentani, Civiltà Veneziana Fonti e testi 12, serie terza 3, Florence, 1972

Nicephorus Chrysoberges, «A Byzantine Plan for the Fourth Crusade», tr. C. M. Brand, *Speculum* 43 (1968), 462–75

Nicholas Mesarites, extracts translated in C. M. Brand, *Byzantium Confronts the West, 1180–1204*, Cambridge, MA, 1968, 269

Niketas Choniates, *O City of Byzantium: Annals of Niketas Choniates*, tr. H. J. Magoulias, Detroit, 1984

«Novgorod Account of the Fourth Crusade», tr. J. Gordon, *Byzantion* 43 (1973), 297–311

Odo of Deuil, *The Journey of Louis VII to the East: De professione Ludovici VII in orientem*, ed. & tr. V G. Berry, New York, 1948

Orderic Vitalis, *The Ecclesiastical History*, ed. & tr. M. Chibnall, 6 vols, Oxford, 1969–80

Peter of Vaux-Cernay, *The History of the Albigensian Crusade*, tr. W A. Sibly & M. D. Sibly, Woodbridge, 1998

Peter the Venerable, *Letters*, ed. G. Constable, 2 vols, Cambridge, MA, 1967

Raimbaut of Vaqueiras, *The Poems of the Troubadour Raimhaut de Vaqueiras*, ed. & tr. J. Liniskill, The Hague, 1964

Ralph of Coggeshall, «Chronicle», *Contemporary Sources for the Fourth Crusade*, tr. A. J. Andrea, Leiden, 2000, 277–90

Raymond of Aguilers, in *The First Crusade: The Chronicle of Fulcher of Chartres and other Source Materials*, 2nd edn, ed. E. Peters, Philadelphia, 1998

Robert of Clari, *The Conquest of Constantinople*, tr. E. H. McNeal, New York, 1936

Roger of Howden, *Chronica*, ed. W. Stubbs, 4 vols, Rolls Series 51, London, 1868–71, translated as *The Annals of Roger de Hoveden*, tr. H. T. Riley, 2 vols, London, 1853

Snorri Sturlusson, *Heimskringla: History of the Kings of Norway*, tr. L. M. Hollander, Austin, 1964

Suger, *The Deeds of Louis the Fat*, tr. R. C. Cusimano & J. Moorhead, Washington, DC, 1992

Tafel, G. L. & Thomas, G. M. (eds), *Urkunden zur alteren Haniels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig*, 3 vols, Vienna, 1856–7, reprinted Amsterdam, 1967

Walter the Chancellor, *The Antiochene Wars*, tr. T. S. Asbridge & S. B. Edgington, Aldershot, 1999

William of Malmesbury, *Gesta Regum Anglorm: The History of the English Kings*, ed. & tr. R. A. B. Mynors, R. M. Thomson & M. Winterbottom, 2 vols, Oxford, 1998–9

William Marshal, *History of William Marshall*, ed. A. J. Holden, tr. S. Gregory, notes by D. Crouch, Vol. i, lines 1–10031, Anglo-Norman Text Society Occasional Publications Series 4, London, 2002

William of Tyre, *A History of Deeds Done Beyond the Sea*, tr. E. A. Babcock & A. C. Krey, 2 vols, New York, 1943

William of Tyre, *Chronicon*, ed. R. B. C. Huygens, Corpus Christianorum Continuatio Mediaevalis 63/63A, 2 vols, Turnhout, 1986

Вторичные источники

Alexander, P. J., «The Strength of Empire and Capital as Seen Through Byzantine Eyes», *Speculum* 37 (1962), 339–57

Andrea, A. J., «Conrad of Krosigk, Bishop of Halberstadt, Crusader and Monk of Sittichenbach: His Ecclesiastical Career, 1184–1225», *Analecta Cisterciensia* 43 (1978), 11–91

Andrea, A. J., «Essay on Primary Sources», *The Fourth Crusade: The Conquest of Constantinople*, D. E. Queller & T. F. Madden, 2nd edn, Philadelphia, 1997, 299–344

Angold, M., *The Byzantine Empire 1023–1204: A Political History*, 2nd edn, London, 1997

Angold, M., «The Road to 1204: the Byzantine Background to the Fourth Crusade», *Journal of Medieval History* 25 (1999), 257–68

Angold, M., *The Fourth Crusade: Event and Context*, Harlow, 2003

Archambault, P., «Villehardouin: History in Black and White», *Seven French Chroniclers. Witnesses to History*, Syracuse, 1974, 25–39

Barber, M., «Western Attitudes to Frankish Greece in the Thirteenth Century», *Latins and Greeks in the Eastern Mediterranean After 1104*, ed. B. Arbel, B. Hamilton & D. Jacoby, London, 1989, 111–28

Barber, R. & Barber, J. R. V, *Tournaments: Jousting, Chivalry and Pageants in the Middle Ages*, Woodbridge, 1989

Bartlett, R., *Medieval Panorama*, London, 2001

Baynes, N. H., «The Supernatural Defenders of Constantinople», *Analecta Bollandiana* 67 (1949), 165–77

Birkenmeier, J. W, *The Development of the Komnenian Army, 1081–1180*, Leiden, 2002

Bouchard, C. B., *Strong of Body, Brave and Noble. Chivalry and Society in Medieval France*, Ithaca, 1998

Bradbury, J., *The Medieval Siege*, Woodbridge, 1992

Bradbury, J. *Philip Augustus, King of France, 1180–1223*, London, 1998

Brand, C. M., *Byzantium Confronts the West, 1180–1204*, Cambridge, MA, 1968

Brundage, J. A., «*Cruce signari*: The Rite for taking the Cross in England», *Traditio* 22 (1966), 289–310

Buckton, D., *The Treasury of San Marco, Venice*, New York, 1984

Bull, M. G., *Knightly Piety and the Lay Response to the First Crusade. The Limousin and Gascony, c.970 – c.1130*, Oxford, 1993

Bull, M. G., «Origins», *The Oxford Illustrated History of the Crusades*, ed. J. S. C. Riley-Smith, Oxford, 1995, 13–33

Cheyet, J.-C, «Les effectifs de l'armee byzantine aux x–xii s.», *Cahiers de Civilisation Medievale X–XII Siecles* 38 (1995), 319–35

Cole, P. J., *The Preaching of the Crusades to the Holy Land, 1095–1270*, Cambridge, MA, 1991

Constable, G., «The Historiography of the Crusades», *The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World*, ed. A. E. Laiou & R. P. Mottahedeh, Washington, DC, 2001, 1–22

Crosland, J., *William the Marshal: the Last Great Feudal Baron*, London, 1962

Crouch, D., *William Marshal: Knighthood, War and Chivalry, 1147–1219*, 2nd edn, London, 2002

Daniel, E. R., «Joachim of Fiore: Patterns of History in the Apocalypse», *The Apocalypse in the Middle Ages*, ed. R. K. Emmerson & B. McGinn, Ithaca, 1992, 72–88

De Hemptinne, T., «Les epouses des croises et pelerins flamands aux XIe et XIIe siecles: L'exemple des comtesses de Flandre Clemence et Sibylle», *Autour de la premiere croisade*, ed. M. Balard, Byzantina Sorboniensia 14, Paris, 1996, 83–95

Demus, O., *The Mosaic Decoration of San Marco, Venice*, ed. L. Kessler, Chicago, Di Fabio, C., *La cattedrale di Geneva nel medioevo secoli VI–XIV*, Genoa, 1998

Dufornet, J., «Villehardouin et les Champenois dans la Quatrieme croisade», in *Les Champenois et la croisade*, ed. Y. Bellenger & D. Queruel, Paris, 1989, 55–69

Evergates, T., «Aristocratic Women in the County of Champagne», *Aristocratic Women in Medieval France*, ed. T. Evergates, Philadelphia, 1999, 74–110

France, J., *Victory in the East: A Military History of the First Crusade*, Cambridge, 1994

France, J., «Patronage and the Appeal of the First Crusade», *The First Crusade: Origins and Impact*, ed. J. P. Phillips, Manchester, 1997, 5–20

France, J., *Western Warfare in the Age of the Crusades, 1000–1300*, London, 1999

Friedman, Y., *Encounters between Enemies: Captivity and Ransom in the Latin Kingdom of Jerusalem*, Leiden, 2002

Frolov, A., *La Relique de la Vraie Croix: recherches sur le developpement d'un culte*, 2 vols, Paris, 1961–5

Gillingham, J. B., *Richard I*, New Haven, 1999

Godfrey, J., 1204: *The Unholy Crusade*, Oxford, 1980

Hamilton, B., *The Leper King and his Heirs: Baldwin IV and the Crusader Kingdom of Jerusalem*, Cambridge, 2000

Harris, J., «Distortion, Divine Providence and Genre in Niketas Choniates's Account of the Collapse of Byzantium, 1180–1204», *Journal of Medieval History* 26 (2000), 19–31

Harris, J., *Byzantium and the Crusades*, London, 2003

Hendrickx, B. & Matzukis, C., «Alexios V Doukas Mourtzouphlus: His Life, Reign and Death (?–1204)», *Hellenika* 31 (1979), 108–32

Hillenbrand, C., *The Crusades: Islamic Perspectives*, Edinburgh, 1999

Housley, N., *The Later Crusades: From Lyons to Alcazar, 1274–1850*, Oxford, 1992

Howard, D., *The Architectural History of Venice*, revised edn, New Haven, 2002

Hussey, J. M., *Cambridge Medieval History* IV, Pt 11, Cambridge, 1967

Jackson, P., «The Crusades of 1239–41 and their Aftermath», *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 50 (1987), 32–62

Jackson, P., «Early Missions to the Mongols: Carpini and His Contemporaries», *Hakluyt Society Annual Report* (1995), 14–32

Jackson, P., «Christians, Barbarians and Monsters: The European Discovery of the World Beyond Islam», *The Medieval World*, ed. P. Linehan & J. L. Nelson, London, 2001, 93–110

Jacoby, D., «La population de Constantinople a l'époque Byzantine: Une problème de démographie urbaine», *Byzantion* 31 (1961), 81–109

Jacoby, D., «Knightly Values and Class Consciousness in the Crusader States of the Eastern Mediterranean», *Mediterranean Historical Review* 1 (1986), 158–86

Jacoby, D., «Conrad of Montferrat and the Kingdom of Jerusalem, 1187–92», *Atti del Congresso internazionale „Dai feudi monferrine e dal Piemonte ai nuovi mondi oltre gli Oceani”*,

Alessandria, 1–6 aprile 1990, Biblioteca della Societa di storia arte e archeologia per le province di Alessandria e Asti, no. 27, Alessandria, 1993, 187–238

Jacoby, D., «The Chrysobull of Alexius I Comnenus to the Venetians: the Date and the Debate», *Journal of Medieval History* 28 (2002), 199–204

Jacoby, D., «The Latin Empire of Constantinople and the Frankish States of Greece», *New Cambridge Medieval History, C.1198–C.1300 V*, ed. D. Abulafia, Cambridge, 2002, 525–42

Johnson, E. N., «The Crusades of Frederick Barbarossa and Henry VI», *A History of the Crusades*, ed. K. M. Setton, 6 vols, Wisconsin, 1969–89, II, 87–122

Jubainville, H. de, *Histoire des dues et des comtes de Champagne*, 7 vols, Paris, Troyes, 1859–69

Keen, M., *Chivalry*, New Haven, 1984

Kenaan-Kedar, N. & Kedar, B. Z., «The Significance of a Twelfth-Century Sculptural Group: Le Retour du Croise», *Dei gesta per Francos: Crusade Studies in Honour of Jean Richard*, ed. M. Balard, B. Z. Kedar & J. S. C. Riley-Smith, Aldershot, 2001, 29–44

Lane, F. C., *Venice: A Maritime Republic*. Baltimore, 1973

Lloyd, S. D., *English Society and the Crusade, 1216–1307*, Oxford, 1988

Lock, P., *The Franks in the Aegean, 1204–1500*, Harlow, 1995

Longnon, J., *Les compagnons de Villehardouin: Recherches sur les croisades de la quatrieme croisade*, Geneva, 1978

Mack, M., *The Merchant of Genoa*, unpublished Ph.D. thesis, Cambridge University, 2003

Madden, T. F., «The Fires of the Fourth Crusade in Constantinople, 1203–4: A Damage Assessment», *Byzantinische Zeitschrift* 84/85 (1992), 72–93

Madden, T. F., «Venice and Constantinople in 1171 and 1172: Enrico Dandolo's attitudes towards Byzantium», *Mediterranean Historical Review* 8 (1993), 166–85

Madden, T. F., *Enrico Dandolo and the Rise of Venice*, Baltimore, 2003

Madden, T. F., «Venice, the Papacy and the Crusades before 1204», *The Crusades: New Perspectives*, ed. S. Ridyard, Sewanee, 2004

Magdalino, P., «Manuel Komnenos and the Great Palace», *Byzantine and Modern Greek Studies* 4 (1978), 101–14

Magdalino, P., *The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180*, Cambridge, 1993

Maguire, H., «The Medieval Floors of the Great Palace», *Byzantine Constantinople: Monuments, Topography and Everyday Life*, ed. N. Necipoglu, Leiden, 2001, 153–74

Maier, C. T., «Kirche, Kreuz und Ritual: Eine Kreuzzugspredigt in Basel im Jahr 1200», *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters* 55 (1999), 95–115

Maier, C. T., *Crusade and Propaganda: Model Sermons for the Preaching of the Cross*, Cambridge, 2000

Mainstone, R. J., *Hagia Sophia: Architecture, Structure and Liturgy of Justinian's Great Church*, London, 1988

Mango, C., «Three Imperial Byzantine Sarcophagi Discovered in 1750», *Dumbarton Oaks Papers* 16 (1962), 397–404

Mango, C., «Constantinople», *The Oxford History of Byzantium*, ed. C. Mango, Oxford, 2002

Marshall, C. J., «The Crusading Motivation of the Italian City Republics in the Latin East, 1096–1104», *The Experience of Crusading: Western Approaches*, ed. M. G. Bull & N. Housley, Cambridge, 2003, 60–79

Martin, L. R., *The Art and Archaeology of Venetian Ships and Boats*, Rochester, 2001

Martin, M. E., «The Venetians in the Byzantine Empire before 1204», *Byzantinische Forschungen* 13 (1988), 201–14

McNeal, E. H., «Fulk of Neuilly and the Tournament of Ecry», *Speculum* 28 (1953), 371–5

McNeill, W., *Venice: The Hinge of Europe, 1081–1797*, Chicago, 1974

McGaw, A. H. S., «Notes on Recent Work of the Byzantine Institute in Istanbul», *Dumbarton Oaks Papers* 17 (1963), 333–64

Michelin Green Guide — Northern France and Paris Region, Watford, 2001

Moore, J. (ed.), *Pope Innocent III and His World*, Aldershot, 1999

Morris, C., «Geoffroy de Villehardouin and the Conquest of Constantinople», *History* 53 (1968), 24–34

Morris, C., *The Papal Monarchy: The Western Church from 1050 to 1250*, Oxford, 1989

Murray, A. V., «Mighty Against the Enemies of Christ: The Relic of the True Cross in the Armies of the Kingdom of Jerusalem», *The Crusades and their Sources: Essays Presented to Bernard Hamilton*, ed. J. France & W. G. Zajac. Aldershot, 1998, 217–38

Nicholas, D., *Medieval Flanders*, London, 1992

Nicholas, K. S., «Countesses as Rulers in Flanders», *Aristocratic Women in Medieval France*, ed. T. Evergates. Philadelphia, 1999, 111–37

Nicol, D. M., *Byzantium and Venice: A Study in Diplomatic and Cultural Relations*, Cambridge, 1988

Noble, P., «The Importance of Old French Chronicles as Historical Sources of the Fourth Crusade and the Early Latin Empire of Constantinople», *Journal of Medieval History* 27 (2001), 399–416

Norfolk, L., *In the Shape of a Boar*, London, 2000

Norwich, J. J., *Byzantium: The Decline and Fall*, London, 1995

O'Brien, J., «Fulk of Neuilly», *Proceedings of the Leeds Philosophical Society* 13 (1969), 109–48

Ousterhout, R., «Architecture, Art and Komnenian Ideology at the Pantokrator Monastery», *Byzantine Constantinople: Monuments, Topography and Everyday Life*, ed. N. Necipoglu, Leiden, 2001, 133–50

Peters, E., «Lothario dei Conti di Segni becomes Pope Innocent III», in *Pope Innocent III and His World*, ed. J. C. Moore, Aldershot, 1999, 3–24

Phillips, J. P., *Defenders of the Holy Land: Relations between the Latin East and the West*, 1119–67, Oxford, 1996

Phillips, J. P., «Ideas of Crusade and Holy War in *De expugnatione Lyxbonensi* (The Conquest of Lisbon)», *The Holy Land, Holy Lands, and their Christian History*, ed. R. N. Swanson, Studies in Church History 36 (2000), 123–41

Phillips, J. P., «Why a Crusade will lead to a jihad», *The Independent*, 18 September 2001

Phillips, J. P., *The Crusades, 1095–1197*, London, 2002

Phillips, J. P., «Odo of Deuil's *De profectione Ludovici VII in Orientem* as a Source for the Second Crusade», *The Experience of Crusading: Western Approaches*, ed. M. G. Bull & N. Housley, Cambridge, 2003, 80–95

Phillips, J. P., *The Second Crusade: Extending the Frontiers of Christianity*, Yale, (forthcoming)

Phillips, J. P. & Hoch, M., *The Second Crusade: Scope and Consequences*, Manchester, 2001, 1–14

Powell, J. M. (ed.), *Innocent III: Vicar of Christ or Lord of the World?*, 2nd edn, Washington, 1994

Powell, J. M., «Innocent III and Alexius III: A Crusade Plan that Failed», *The Experience of Crusading: Western Approaches*, ed. M. G. Bull & N. Housley, Cambridge, 2003, 96–102

Pryor, J. H., Transportation of Horses by Sea during the Era of the Crusades: Eighth Century to 1285 A.D., *Mariners' Mirror* 68 (1982), 9–27, 103–25

Pryor, J. H., «The Naval Architecture of Crusader Transport Ships: A Reconstruction of Some Archetypes for Round-Hulled Sailing Ships», *Mariners' Mirror* 70 (1984), 171–219, 275–92, 363–86

Pryor, J. H., *Geography, Technology and War: Studies in the Maritime History of the Mediterranean, 649–1571*, Cambridge, 1988

Pryor, J. H., «Winds, Waves and Rocks: the Routes and the Perils Along Them», *Maritime Aspects of Migration*, ed. K. Fiedland, Cologne, 1989, 71–85

Pryor, J. H., «The Venetian Fleet for the Fourth Crusade and the Diversion of the Crusade to Constantinople», *The Experience of Crusading: Western Approaches*, ed. M. Bull & N. Housley, Cambridge, 2003, 103–23

Queller, D. E. (ed.), *The Latin Conquest of Constantinople*, New York, 1971

Queller, D. E., Compton, T. K. & Campbell, D. A., «The Fourth Crusade: The Neglected Majority», *Speculum* 49 (1974), 441–65

Queller, D. E., & Madden, T. F., «Some Further Arguments in Defence of the Venetians on the Fourth Crusade», *Byzantion* 62 (1992), 433–73

Queller, D. E. & Madden, T. F., *The Fourth Crusade: The Conquest of Constantinople*, 2nd edn, Philadelphia, 1997

Riant, P., «Innocent III, Philippe de Souabe et Boniface de Montferrat», приведено в: D. E. Queller, *Latin Conquest of Constantinople*, New York, 1971, 32–8

Riley-Smith, J. S. C., *The First Crusade and the Idea of Crusading*, London, 1986

Riley-Smith, J. S. C., «Family Traditions and Participation in the Second Crusade», *The Second Crusade and the Cistercians*, ed. M. Gervers, London, 1992, 101–8.

Riley-Smith, J. S. C., *The First Crusaders, 1095–1131*, Cambridge, 1997

Riley-Smith, J. S. C., «Casualties and Knights on the First Crusade», *Crusades* 1 (2002), 13–28

Riley-Smith, J. S. C., «Islam and the Crusades in History and Imagination, 8 November 1898 – 11 September 2001», *Crusades* 2 (2003), 151–67

Riley-Smith, L. & Riley-Smith, J. S. C., *The Crusades: Idea and Reality, 1095–1274*, London, 1981

Robinson, I. S., *The Papacy, 1073–1198: Continuity and Innovation*, Cambridge, 1990

Ross, L. R., *Relations between the Latin East and the West, 1187–1291*, unpublished Ph.D. thesis, University of London, 2003

Runciman, S., *A History of the Crusades*, 3 vols, Cambridge, 1951–4

Runciman, S., «Blachernae Palace and Its Decoration», *Studies in Memory of David Talbot Rice*, Edinburgh, 1975, 277–83

Sapir Abulafia, A., *Christians and Jews in the Twelfth-Century Renaissance*, London, 1995

Sarris, P., «The Eastern Empire from Constantine to Heraclius (306–641)», *The Oxford History of Byzantium*, ed. C. Mango, Oxford, 2002, 19–59

Sayers, J. E., *Innocent III: A Leader of Europe, 1198–1216*, London, 1994

Sesan, M., «La flotte Byzantine a l'époque des Comnènes et des Anges (1081–1204)», *Byzantinoslavica* 21 (1960), 48–53

Setton, K. M. (ed.), *The Papacy and the Levant, 1204–1571*, 4 vols, Philadelphia, 1976–84

Siberry, E., «Images of the Crusades in the Nineteenth and Twentieth Centuries», *The Oxford Illustrated History of the Crusades*, ed. J. S. C. Riley-Smith, Oxford, 1995, 365–85

Siberry, E., *The New Crusaders: Images of the Crusade in the 19th and Early 20th Centuries*, Aldershot, 2000

Spicher, E., *Geschichte des Basler Münster*, Basel, 1999

Spufford, P., *Power and Profit: The Merchant in Medieval Europe*, London, 2002

Stahl, A. H., «The Coinage of Venice in the Age of Enrico Dandolo», *Medieval and Renaissance Venice*, ed. E. E. Kitell & T. F. Madden, Urbana, 1999, 124–40

Stephenson, P., «Anna Comnena's *Alexiad* as a Source for the Second Crusade», *Journal of Medieval History* 29 (2003), 41–54

Strickland, M., *War and Chivalry: The Conduct and Perception of War in England and Normandy, 1066–1217*, Cambridge, 1996

Van Millingen, A., *Byzantine Constantinople: The Walls of the City and Adjoining Historical Sites*, London, 1899

Winkelmann, E., «Phillip von Schwaben und Otto IV von Braunschweig», приведено в: D. E. Queller, *Latin Conquest of Constantinople*, New York, 1971, 26–9

Wolff, R. L., «Baldwin of Flanders and Hainault, First Latin Emperor of Constantinople: His Life, Death and Resurrection, 1172–1225», *Speculum* 27 (1952), 281–322

Zorzi, A., *Venice 697–1797: A City, A Republic, An Empire*, Woodstock, NY, 1999

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
<i>Пролог</i>	
Коронация императора Балдуина	11
<i>Глава 1</i>	
«О Господи, язычники пришли во владение Твое»	32
<i>Глава 2</i>	
«Итак, о братие, примем триумфальный знак креста!»	66
<i>Глава 3</i>	
«Турнир был тщательно подготовленным сражением, и ничего лучшего никто не видел»	84
<i>Глава 4</i>	
«Наши господа умоляют тебя проявить, ради Бога, милосердие к лежащим за морем землям»	108
<i>Глава 5</i>	
«Увы, любовь моя, сколь скорбная разлука предстоит мне!»	138
<i>Глава 6</i>	
«Казалось, все море трепещет и пламенеет кораблями»	170
<i>Глава 7</i>	
«Ваш долг — вернуть владения тем, кто был лишен их пезаконно»	203
<i>Глава 8</i>	
«Тот град, что превосходит все остальные»	223
<i>Глава 9</i>	
«И в одном городе столь малое количество людей не осаждало такое множество»	251
<i>Глава 10</i>	
«Мне хотелось бы, чтобы ты знал: не все меня любят»	282

<i>Глава 11</i>	
«Злой ангел-поджигатель»	310
<i>Глава 12</i>	
«Наше чрезмерное несогласие не оставило места человеческим чувствам»	329
<i>Глава 13</i>	
«Врывайтесь! Ломайте преграды, крушите трусов, наступайте отважно!»	347
<i>Глава 14</i>	
«Эти предтечи антихриста»	376
<i>Глава 15</i>	
«Высокому человеку — высокую справедливость»	404
<i>Глава 16</i>	
«Для достижения окончательной победы ни в чем нет такой острой нехватки, как в обилии латинян»	434
<i>Послесловие</i>	
«Науку ведения войны, которую не практикуют заранее, не так просто возродить, когда в ней возникает потребность» ..	442
Хронология	457
Примечания	460

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Филипс Джонатан
Четвертый крестовый поход

Редактор В. Леонидов
Компьютерная верстка: Н. Белякова
Корректор Н. Мазова

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.09 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО «Издательство «Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Издательско-
полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

Джонатан Филипс — специалист по европейскому Средневековью, автор множества статей и сценариев научно-популярных фильмов и радиопередач, но прежде всего — создатель книг «Защитники Святой земли», «Крестоносцы» и «Четвертый крестовый поход», высоко оцененных и учеными, и критиками, и читателями.

Четвертый крестовый поход, снискавший
печальную славу...

Крестоносцы захватили и разграбили
Константинополь — и это стало началом
конца Византийской империи.

Но что заставило «воинов Христовых»
пойти на такое?

Непримирение восточного православного
христианства, которое они считали ересью?

Банальная жажда наживы?

А может, европейские рыцари оказались
обычными жертвами шантажа давнего врага
Византии — Венецианской республики?

Джонатан Филипс, опираясь в своей работе
на множество документов, позволивших
исследовать не только историю,
но и предысторию Четвертого крестового
похода, дает в своей книге весьма неожиданный
ответ на эти вопросы.

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-057043-0

9 785170 570430